

Уровень жизни

населения регионов

России

Living Standards
of the Population

in the Regions of Russia

ТЕМА ВЫПУСКА:

**ДОСТОЙНЫЙ ТРУД И ВОСПРОИЗВОДСТВО
КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ:
РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ**

**ISSN 1999-9836 (print)
ISSN 2713-3397 (online)**

2026 Том 22 №1

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономики
Российской академии наук**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (ИЭ РАН) является правопреемником Института экономики Российской академии наук, созданного в соответствии с постановлением Президиума Академии (протокол Президиума Академии от 23 июня 1930 г. №23 п.6), с 1936 г. – в ведении АН СССР (протокол Президиума АН СССР от 15 февраля 1936 г. №4 §1).

Постановлением Президиума Российской академии наук от 13 декабря 2011 г. № 262 изменен тип и наименование Института с Учреждения Российской академии наук Института экономики РАН на Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук.

ИЭ РАН передан в ведение Министерства науки и высшего образования в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 15.07.2018 г. № 682 для осуществления научной деятельности и действует на основании Устава, утвержденного Приказом Министерства науки и высшего образования от 06.07.2018 № 224, зарегистрированного Межрайонной инспекции ФНС России № 46 по г. Москве 09.08.2018 г.

Директором ИЭ РАН является член-корреспондент РАН, д.э.н. Головнин Михаил Юрьевич.

В соответствии с Уставом основными направлениями деятельности Института являются:

- научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук;
- послевузовское профессиональное образование.

Основные научные направления:

проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований по следующим направлениям:

- проблемы общей экономической теории и методологии, включая классическую политэкономия и теорию воспроизводства капитала, институциональную теорию, экономическую социодинамику, теорию опекаемых благ, экономической истории и истории школ экономической мысли;

- исследование основных тенденций функционирования экономики России, анализ экономической политики, политики регионального развития, факторов экономической безопасности, формирования стратегии и моделей устойчивого экономического роста;

- анализ социальной политики и междисциплинарные исследования российской экономики, включая разработку экономической теории культурной, научной и образовательной деятельности;

- институциональный анализ государственного регулирования и формирования эффективной институциональной среды;

- комплексный анализ социально-экономического развития и системных преобразований в странах российского «пояса соседства», внешних факторов развития российской экономики и интеграции России в глобальные и региональные экономические и политические процессы.

Является учредителем и соучредителем следующих научных журналов:

«Вестник Института экономики Российской академии наук» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.);

«Вопросы теоретической экономики» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ЭЛ № ФС 77-78796 от 30 июля 2020 г.);

«Мир перемен» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № 77-15089 от 14 апреля 2003 г.);

«Вопросы экономики» (зарегистрирован Государственным комитетом РФ по печати № 018423 от 15 января 1999 г.);

«Россия и современный мир» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77 - 36650 от 23 июня 2009 г.);

«Вопросы политической экономии» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77 - 61516 от 24 апреля 2015 г.).

С 2023 года является учредителем журнала «Уровень жизни регионов России» (Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС 77-78712 от 20 июля 2020 г.)

Адрес редакции:

Российская Федерация, 117218

г. Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел: +7 499 125 8445;

Email: vcugjournal@mail.ru

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

2026 Том 22 № 1

Издаётся с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (Print)
ISSN: 2713-3397 (Online)

РЕГИОНОВ РОССИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Щапина Татьяна Викторовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Маликов Иван Федорович – стажёр-исследователь сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Мачелян Гарри Григорьевич – кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

СЕКРЕТАРЬ

Шерстобитова Юлия Александровна – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований

качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бурак Пётр Иосифович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, президент РАН, директор Института региональных экономических исследований, Россия
Волгин Николай Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генерального директора ВНИИ труда Минтруда России, главный редактор журнала «Социально-трудовые исследования», Россия
Головнин Михаил Юрьевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, Россия

Григорьева Наталия Сергеевна – доктор политических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Гринберг Руслан Семёнович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия

Ивченков Сергей Григорьевич – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии молодежи Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, Россия

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления человеческими ресурсами Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Россия

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник группы исследований социокультурной динамики, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического

факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко – Dr Political Science, Professor, генеральный секретарь Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН; профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Архангельский Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, заместитель директора по науке и инновациям Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Золотов Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранительного поведения Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Россия

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Россия

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего Центром социально-демографических исследований Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы ФГБУ НиФИ Минфина России;

профессор кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Недоспасова Ольга Павловна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой организационного поведения и управления персоналом Томского государственного университета, Россия

Попкова Людмила Ивановна – доктор географических наук, доцент, профессор Курского государственного университета, Россия

Разумова Татьяна Олеговна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики труда и персонала экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Симонова Марина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента филиала Самарского государственного технического университета в г. Новокуйбышевске; профессор кафедры архитектурно-строительной графики и изобразительного искусства Самарского государственного технического университета, Россия

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Сотникова Светлана Ивановна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Новосибирского государственного университета экономики и управления, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Абдурахманов Каландар Ходжаевич – доктор экономических наук, профессор, академик Академии наук Республики Узбекистан, ректор Ташкентского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Республика Узбекистан

Савова Ралица – PhD Candidate, Университет Печ; официальный представитель в Центральной и Восточной Европе европейского культурного маршрута «Пути лонгобардов по Европе»; член редакционного комитета журнала «Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia» Болонского университета, Венгрия, Италия

Хепп Рольф Дитер – Dr. Philosoph., Dr. habil., профессор Института социологии Свободного Берлинского университета, Германия

Херрманн Петер – Dr. Sociol., Dr. habil., научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, приглашенный профессор центра исследований цифрового интеллекта традиционной спортивной культуры Цюйфуского педагогического университета; действительный член Европейской академии наук и искусств; действительный член Месопотамской академии наук и искусств Бейт Нахрин (BEN-MAAS), КНР, ЕС

Хусаинов Булат Доскалиевич – доктор экономических наук, академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доцент, советник по науке Института экономических исследований, Республика Казахстан

Чоба Юдит – Prof. Dr. habil., профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

«ДОСТОЙНЫЙ ТРУД И ВОСПРОИЗВОДСТВО КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	7
СТАТЬЯ НОМЕРА	12
<i>Гулюгина А.А., Чащина Т.В.</i> Потребительские стратегии домашних хозяйств с детьми в России: эмпирический анализ.....	12
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	26
<i>Половинко В.С., Диннер И.В.</i> Трансформация образовательных стратегий выпускников школ: предпочтения к СПО или ВУЗам (сравнительный анализ 2018/2024 гг.).....	26
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	39
<i>Шабунова А.А., Короленко А.В.</i> Потери общественного здоровья вследствие преждевременной смертности населения: оценка структуры и экономических последствий.....	39
<i>Кислицына О.А.</i> Роль государства в здравоохранении: сравнительное исследование общественных установок россиян и жителей других стран.....	60
<i>Нурматов Д.Н.</i> Оценка состояния и тенденций достойного труда в Республике Узбекистан.....	74
<i>Одинцова Е.В.</i> Об устойчивости уровня жизни российских домохозяйств.....	87
<i>Половян А.В., Синицына К.И.</i> Региональная политика в области оплаты труда в бюджетной сфере: опыт Донецкой Народной Республики.....	105
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	117
<i>Хазипова С.Р.</i> Внутрирегиональные особенности смертности в разных типах городских и сельских поселений Республики Башкортостан.....	117
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА	142
<i>Неклюдова Н.П.</i> Демографическое развитие региона: разработка понятийно-категориального аппарата.....	142
<i>Воробьева О.Д., Субботин А.А.</i> Методологические подходы к анализу и оценке традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ.....	155
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	169
<i>Лебедева Т.В., Акрамова А.Р., Шебанова А.К.</i> Методы сравнительной и цифровой демографии в характеристике современной демографической ситуации России и ее регионах. Обзор материалов заседания Круглого стола, посвященного 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова и 10-летию кафедры демографии.....	169
КНИЖНАЯ ПОЛКА	177
<i>Бобков В.Н.</i> Актуальное исследование о российских семьях с детьми.....	177

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию. Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 11.03.2026.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 937.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru/>
Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readera: <https://readera.org/vcugjournal>
ЭБС «Знаниум»: <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2026 Vol. 22 No. 1

Issued since 1992
On a quarterly basis
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (print)
ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(IE RAS)

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.
Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Alefina Aleksadrovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

MEMBERS OF THE EDITORIAL STAFF

Machkhelyan, Garry Grigor'evitch – PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Malikov, Ivan Fedorovitch – Trainee Researcher Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Odintsova, Yelena Valer'yevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

SECRETARY

Sherstobitova, Yuliya Aleksandrovna – Junior Research Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of

Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovitch – RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, President of RANS, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch – RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Public and Social Institutions and Social Work at the Russian State Social University, Russia

Grigor'eva, Nataliya Sergeevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of Sociology Management Department at the School of Public Administration at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivchenkov, Sergey Grigor'evitch – Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Chair of Youth Sociology of the Saratov State University, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Muzychuk, Valentina Yur'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Polovinko, Vladimir Semenovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Dostoevsky Omsk State University, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Theory History and Sociology at the Sociology Faculty of the Russian State University for the Humanities, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the

Russian Federation; Editor-in-Chief of the Journal «Social and Labour Research», Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco – Dr. of Political Sciences, Professor, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, Deputy Director for Research at the Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Antonova, Natal'ya Leonidovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Technologies of Public Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch – PhD in Economics, Head of the Department of Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy at the Centre Studying Problems of Population at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevitch – PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Bagirova, Anna Petrovna – Doctor of Economics, PhD in Sociology, Professor, Professor at the Department of Sociology and Technology of Public Administration, Deputy Director for Science and Innovation at the School of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management at the Ural Federal University, Russia

Barkov, Sergey Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Chubarova, Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Ledeneva, Viktoriya Yur'evna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Research Worker at the Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Deputy Head of the Center for Social and Demographic Research at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances; Research Financial Institute of the Ministry of Finance, Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Economic Research Institute of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Russia

Nedospasova, Olga Pavlovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Organizational Behavior and Human Resources Management of the Tomsk State University, Russia

Popkova, Lyudmila Ivanovna – Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Professor of the Kursk State University, Russia

Razumova, Tat'yana Olegovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Labour and Personnel Economics at the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Simonova, Marina Viktorovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management at the Branch of Samara State Technical University in Novokuibyshevsk; Professor of the Department of Architectural and Construction Graphics and Fine Arts at the Samara State Technical University, Russia

Sotnikova, Svetlana Ivanovna – Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Labor Economics and Personnel Management at the Novosibirsk State University of Economy and Management, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Abdurakhmanov, Kalandar Khodjaevich – Doctor of Economics; Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Rector of the Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Republic of Uzbekistan

Csoba, Judith – Prof. Dr. habil., Professor of Sociology of the Department of Sociology and Social Policy of the University of Debrecen, Hungary

Hepp, Rolf Dieter – Dr. Philosoph., Dr. habil., Professor at the Institute of Sociology of the Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter – Dr. Sociol., Dr. habil., Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, Visiting Professor at the Center for Digital Intelligence Research of Excellent Traditional Sports Culture at the Qufu Normal University; Member of the European Academy of Science and Arts, Member of the Beyt Nahrin Mesopotamian Academy of Sciences and Arts (BEN-MAAS), PRC, EU

Khusainov, Bulat Doskaliyevitch – Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Adviser on Sciences at the Economic Research Institute, Republic of Kazakhstan

Savova, Ralitsa – PhD Candidate, Pécs University; Official Representative for Central and Eastern Europe of the European Cultural Route “Longobard Ways across Europe”; Member of the Editorial Committee of the Journal “Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia” University of Bologna, Hungary, Italy

CONTENTS THE ISSUE THEME:
«DIGNITY OF WORK AND QUALITY AND LIFESTYLE REPRODUCTION:
RISKS AND OPPORTUNITIES»

CHIEF EDITOR'S COLUMN	7
ARTICLE OF THE ISSUE	12
<i>Gulyugina A.A., Chashchina T.V.</i> Consumption Strategies of Households with Children in Russia: an Empirical Analysis.....	12
SOCIOLOGICAL RESEARCH	26
<i>Polovinko V.S., Dinner I.V.</i> Transformation of Educational Strategies of School Graduates: Preferences for Secondary Vocational or Higher Education (Comparative Analysis of 2018/2024).....	26
ECONOMIC RESEARCH	39
<i>Shabunova A.A., Korolenko A.V.</i> Losses of Public Health Due to Premature Mortality of the Population: Assessment of the Structure and Economic Consequences....	39
<i>Kislitsyna O.A.</i> The Role of the State in Healthcare: A Comparative Study of Social Attitudes of Russians and Residents of Other Countries.....	60
<i>Nurmatov D.N.</i> Assessment of the Status and Trends of Decent Work in the Republic of Uzbekistan.....	74
<i>Odintsova E.V.</i> On the Sustainability of the Standard of Living of Russian Households.....	87
<i>Polovyan A.V., Sinitsyna K.I.</i> Regional Wage Policy in the Public Sector: the Experience of the Donetsk People's Republic.....	105
DEMOGRAPHIC RESEARCH	117
<i>Khazipova S. R.</i> Intraregional Mortality Patterns in Different Types of Urban and Rural Settlements of the Republic of Bashkortostan.....	117
DISCUSSION FORUM	142
<i>Neklyudova N.P.</i> Regional Demographic Development: Elaborating a Conceptual and Categorical Framework.....	142
<i>Vorobieva O.D., Subbotin A.A.</i> Methodological Approaches to the Analysis and Assessment of Traditional and Emerging Forms of Migratory Mobility among Russian-Speaking Communities.....	155
SCIENTIFIC LIFE	169
<i>Lebedeva T.V., Akramova A.R., Shebanova A.K.</i> Methods of Comparative and Digital Demography in Characterizing the Current Demographic Situation in Russia and its Regions. Review of Materials from the Round Table Dedicated to the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University and the 10th Anniversary of the Department of Demography.....	169
BOOKSHELF	177
<i>Bobkov V.N.</i> An Actual Study on Russian Families with Children.....	177

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.
The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.
Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.
Subscription index 71187.

Signed for publication 11.03.2026. Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 937.

Editorial Office Address:
32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.
Telephone: +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Internet: <https://vcug-journal.ru/>
The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company
164 Engel sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.
Telephone: +7 904 317 7693
E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Reader: <https://readera.org/vcugjournal>
EBS "Znaniy": <https://znaniy.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Chief Editor's Column

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Тема первого номера журнала 2026 года: «ДОСТОЙНЫЙ ТРУД И ВОСПРОИЗВОДСТВО КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ».

В представленном читателю выпуске содержатся теоретические, методологические и практические работы, посвящённые социологическим, экономическим и демографическим аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни.

В первом выпуске за 2026 год статья номера – «**Потребительские стратегии домашних хозяйств с детьми в России: эмпирический анализ**» *А.А. Гулюгиной*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника лаборатории исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН, *Т.В. Чащиной*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника лаборатории исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН. В статье представлен анализ практики формирования потребительских стратегий домохозяйств с детьми с учётом их покупательной способности по расходам на потребление и структурных характеристик, а также потребительского поведения в условиях недостатка средств. Потребительская стратегия рассмотрена в контексте удовлетворения жизненно важных потребностей и приемлемого, с учётом покупательной способности, выбора приоритетов в расходах на потребление. В статье определены сложившиеся в 2018–2024 гг. модели потребительских стратегий у домохозяйств с разным числом детей. В основу моделей положены признаки: позиция в социальной структуре по уровню жизни, определяемая исходя из покупательной способности расходов на потребление; доминанта в структуре расходов на потребление; роль других компонентов расходов в поддержании стабильности в потреблении и режима экономии. На основе данных российской статистики, мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения в Институте экономики РАН, целевого опроса домохозяйств с детьми определены ключевые характеристики потребительских стратегий, сформировавшиеся в рассматриваемом периоде под влиянием внутренних и внешних факторов. В статье показаны формы проявлений потребительского поведения домохозяйств с детьми в 2024 г. в условиях недостатка средств, в том числе во взаимосвязи с источниками доходов. Выявлена зависимость текущих расходов на потребление домохозяйств с детьми разного типа от потребительских кредитов. Авторами отмечена целесообразность применения в государственной социальной политике системы потребительских бюджетов (в том числе семейных) как социально значимых инструментов, необходимых для исследования уровня, качества и структуры потребления домохозяйств.

В рубрике «**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуется статья «**Трансформация образовательных стратегий выпускников школ: предпочтения к СПО или ВУЗам (сравнительный анализ 2018/2024 гг.)**», авторами которой являются *В.С. Половинко*, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления человеческими ресурсами факультета экономики, психологии, менеджмента Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, *И.В. Диннер*, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами факультета экономики, психологии, менеджмента Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Исследование направлено на эмпирическую фиксацию сдвигов в образовательных предпочтениях школьников, а также на выявление роли социально-демографических и академических факторов в формировании образовательных траекторий. Работа опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий положения экономики образования, социологии молодёжи и теории человеческого капитала. С использованием данных двух массовых социологических опросов учащихся

9–11 классов общеобразовательных организаций Омской области, проведённых в 2018 и 2024 гг., в статье показана структурная трансформация образовательных стратегий со сдвигом ориентации между высшим и средним профессиональным образованием. Установлена инверсия территориального эффекта, выявлена динамика селективной роли академической успеваемости и значимости гендерных различий. Определено, что среднее профессиональное образование перестаёт быть вторичной стратегией и формируется как институционально и экономически рациональный выбор. В статье сделан вывод о нарастании образовательного неравенства и закреплении селективной модели доступа к высшему образованию уже на этапе окончания основной школы

В рубрике «**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые потере общественного здоровья вследствие преждевременной смертности населения, общественным установкам россиян и жителей других стран относительно роли государства в здравоохранении, состоянию и тенденциям достойного труда в Республике Узбекистан, методологическим и инструментальным аспектам изучения устойчивости уровня жизни российских домохозяйств, региональной политике в области оплаты труда в бюджетной сфере на опыте Донецкой Народной Республики.

В статье «**Потери общественного здоровья вследствие преждевременной смертности населения: оценка структуры и экономических последствий**» *А.А. Шабуновой*, д-ра экон. наук, доцента, директора Вологодского научного центра РАН, *А.В. Короленко*, старшего научного сотрудника Вологодского научного центра РАН, предметом исследования является структура потерь общественного здоровья и их экономического ущерба по ведущим причинам преждевременной смерти, полу и возрасту умерших. В статье дана оценка потере общественного здоровья от преждевременной смертности населения в период до, во время и после пандемии COVID-19 и их экономическим последствиям. Исследование проведено на общероссийском уровне и отдельного региона (Вологодской области). На базе данных ВОЗ за 2000–2021 гг. и российской статистики за 2019–2022 гг. рассмотрены главные причины демографических и экономических потерь в России. В статье определены возрастные группы, которые преимущественно связаны с потерями. Показаны различия в ущербе от преждевременной смертности у мужчин и у женщин, выявлены преобладающие у них причины. Дан сравнительный анализ сложившей ситуации в Вологодской области и в целом по Российской Федерации.

В статье «**Роль государства в здравоохранении: сравнительное исследование общественных установок россиян и жителей других стран**» *О.А. Кислицыной*, д-ра экон. наук, главного научного сотрудника Института экономики РАН, предметом исследования является отношение населения к роли государства в здравоохранении. Цель исследования – проанализировать: 1) как граждане разных стран рассматривают роль правительства в предоставлении и финансировании медицинской помощи? 2) какие факторы связаны с определённым отношением к роли государства в здравоохранении? Автором использована новая типология стран, основанная на характеристиках систем здравоохранения. На основе данных опросов Международной программы социальных исследований (ISSP) проанализирован уровень поддержки роли государства в здравоохранении в странах. В статье рассмотрены группы стран с разным уровнем поддержки роли государства в здравоохранении. Дан сравнительный анализ, в том числе, по вопросам финансирования здравоохранения. В статье определены значимые социально-демографические и политико-идеологические факторы, влияющие на прогнозирование отношения населения к роли государства в здравоохранении. Показано влияние мотивов личной заинтересованности. Установлено, что моральная ориентация на общественное благо – приверженность эгалитарным взглядам – оказывается более значимым фактором поддержки роли государства в здравоохранении, чем личные интересы.

Статья «**Оценка состояния и тенденций достойного труда в Республике Узбекистан**» *Д.Н. Нурматова*, канд. экон. наук, профессора Андижанского государственного университета имени З.М. Бабура, посвящена современному состоянию и тенденции развития системы достойного труда в Республике Узбекистан в условиях цифровой трансформации экономики. В статье представлена авторская оценка состояния достойного труда в Узбекистане с позиций интеграции национальной и международной методологии. Работа выполнена с привлечением официальных данных Национального комитета Республики Узбекистан по статистике за 2019–2024 гг. (Узстат), базы данных Международной организации труда (МОТ) по статистике рынка труда (ILOSTAT), нормативно-правовых актов Республики Узбекистан, аналитических отчётов Всемирного банка. В статье проведено сопоставление динамики ключевых индикаторов достойного труда – уровня занятости, безработицы, участия женщин, охвата социальной защитой и условий труда. Показаны изменения в институционализации трудовых прав в Республике Узбекистан, выразившиеся в формальной занятости, нормативно-правовом регулировании, участии работников в системе социальной защиты. Также дана оценка состоянию структурных диспропорций,

проявляющихся в неформальной занятости, охвате самозанятых системой социального страхования, доступе различных социальных групп к цифровым трудовым сервисам. В статье определены приоритетные направления развития системы достойного труда в период до 2030 года в Республике Узбекистан.

В статье «**Об устойчивости уровня жизни российских домохозяйств**» *Е.В. Одинцовой*, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, цель исследования заключается в развитии и уточнении методологических и инструментальных решений для изучения уровня жизни в контексте выявления его (не)устойчивости. Автором предложена обобщающая характеристика уровня жизни с позиции оценивания его (не)устойчивости на основе «нормативной рамки» – критериальных социальных стандартов, фиксирующих требования к покупательной способности по душевым денежным доходам; качеству жилищных условий; наличию и объёму сбережений. В статье проведена классификация домохозяйств на основе соответствия критериальным социальным стандартам идентификации устойчивого уровня жизни. Продемонстрировано сложившееся среди домохозяйств в целом и домохозяйств с детьми распределение в зависимости от (не)устойчивости их уровня жизни. Показано, что комплексное, многокритериальное измерение (по сравнению с однокритериальным) позволяет уточнить оценки распространённости неустойчивого уровня жизни среди домохозяйств. Предложенный подход рассмотрен автором также в ракурсе других направлений исследований: социально-экономического неравенства, прекаризации, социальной мобильности.

Статья «**Региональная политика в области оплаты труда в бюджетной сфере: опыт Донецкой Народной Республики**» *А.В. Половян*, д-ра экон. наук, доцента, директора Института экономических исследований Донецкой Народной Республики, *К.И. Сеницыной*, канд. экон. наук, заведующей отделом междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров Института экономических исследований Донецкой Народной Республики, посвящена комплексному анализу действующих нормативных правовых актов, регулирующих систему оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений в Донецкой Народной Республике, выявлению их слабых мест и противоречий. В статье показано, что действующая система оплаты труда работников бюджетной сферы находится в состоянии институциональной трансформации. Определены ключевые ограничения современной модели оплаты труда. Установлено, что текущая система, несмотря на высокую детализацию выплат, воспроизводит диспропорции между отраслями и территориями, не обеспечивает достойного уровня заработной платы и делает стимулирующие надбавки зависимыми от бюджетной конъюнктуры. Выявлено, что дисбаланс между регионами в уровне заработной платы работников бюджетной сферы сохраняется, а в отдельных случаях даже усиливается. В статье также показано, что отсутствие устойчивых гарантий по индексации и прозрачных критериев оценки эффективности труда усиливает кадровую нестабильность и снижает качество публичных услуг. Авторами сделан вывод о том, что действующая система оплаты труда в Донецкой Народной Республике и в Российской Федерации в целом нуждается в глубокой структурной адаптации к современным экономическим условиям. Предложены направления ее совершенствования.

В рубрике «**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуется статья «**Внутрирегиональные особенности смертности в разных типах городских и сельских поселений Республики Башкортостан**» *С.Р. Хазитовой*, аспиранта, старшего преподавателя кафедры социологии и работы с молодёжью, ведущего специалиста и младшего научного сотрудника научной лаборатории социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий. Статья направлена на исследование уровня, динамики и причин смертности среди населения больших, средних и малых городов, а также сельских поселений Башкортостана. Исследование проведено на базе данных статистики за 2011–2023 гг. Анализ смертности в Республике Башкортостан основан на расчётах автора, использующего стандартизированные показатели смертности и ожидаемой продолжительности жизни. В статье представлен анализ уровня и динамики ожидаемой продолжительности жизни у мужчин и у женщин в городах различной численности и в сельской местности. Определён вклад изменений показателей смертности в отдельных возрастах и от определённых причин в динамику ожидаемой продолжительности жизни, в территориальное неравенство. В статье также рассмотрена структура смертности по основным причинам у мужчин и у женщин в территориальном разрезе, проанализирована её динамика и определены факторы влияния.

В рубрике «**ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**» публикуются статьи, посвящённые понятийно-категориальному аппарату исследования демографического развития региона и методологическим подходам к анализу и оценке традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ.

В статье «**Демографическое развитие региона: разработка понятийно-категориального аппарата**» *Н.П. Неклюдовой*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника Института экономики Уральского отделения РАН, представлена разработка понятийно-категориального аппарата исследования демографического развития региона, основанного на методе мутаций. Метод мутаций (перестановок) применён к иерархической системе категорий, включающей триады: «население» (количество, качество, поведение), «направленность изменений» (регресс, изогресс, прогресс) и «состояние системы» (хаос, упорядочивание, стабилизация). В статье осуществлён логический синтез полного набора из 27 периферийных понятий, описывающих все возможные конфигурации демографического состояния региона. Основным результатом исследования является целостный понятийный каркас, обеспечивающий полноту описания демографической системы региона через уникальные триадические состояния. Аппарат обеспечивает интеграцию классических демографических концепций в единое логическое пространство. На основе синтезированных понятий в статье предложены варианты их группировки по оценочному вектору, уровню управления и объекту изменений, а также комплексная трехмерная таксономия для типологизации регионов. Разработанный аппарат рассматривается как методологическая основа для обоснования дифференцированной демографической политики.

При рецензировании статьи были поставлены вопросы о целесообразности генерации ряда новых понятий при, не во всех случаях, убедительном доказательстве их необходимости.

В статье «**Методологические подходы к анализу и оценке традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ**» *О.Д. Воробьёвой*, д-ра экон. наук, профессора, профессора кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *А.А. Субботина*, канд. социол. наук, доцента кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, предложены методологические подходы, позволяющие сопоставимо анализировать традиционные диаспоральные формы мобильности и новые гибкие мобильные стратегии российских граждан в рамках единой аналитической рамки. В статье дан анализ традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в странах постсоветского пространства и Юго-Восточной Азии. Показано, что постсоветское пространство формирует наиболее устойчивое ядро миграционной мобильности русскоговорящих сообществ, основанное на исторически сложившихся социальных, культурных и языковых связях, а также включённое в новые процессы цифровое кочевничество. Определено, что в регионах Юго-Восточной Азии интенсивно нарастают масштабы русскоговорящего сообщества, преобладают более гибкие и, как правило, обратимые формы мобильности, связанные с профессиональной активностью в цифровом секторе. Результаты исследования свидетельствуют о многослойном характере современной миграционной мобильности русскоговорящих сообществ, сочетающем устойчивые диаспоральные формы и новые мобильные стратегии, различающиеся по социально-демографическим характеристикам, временным горизонтам и степени сохранения связей со страной происхождения.

При рецензировании статьи были поставлены вопросы о правильности изучения в рамках единой аналитической рамки цифровых кочевников и потенциальных мигрантов из бывшего СССР.

В рубрике «**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**» публикуется статья «**Методы сравнительной и цифровой демографии в характеристике современной демографической ситуации России и её регионах. Обзор материалов заседания Круглого стола, посвящённого 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова и 10-летию кафедры демографии**», авторами которой являются *Т.В. Лебедева*, канд. геогр. наук, доцент, научный сотрудник кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *А.Р. Акрамова*, старший преподаватель кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *А.К. Шебанова*, лаборант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В статье отражены итоги проведения кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ВШССН) Круглого стола на тему «Методы сравнительной и цифровой демографии в характеристике современной демографической ситуации России и её регионах» в рамках Всероссийского фестиваля «НАУКА 0+» 2025. Заседание состоялось 11 октября 2025 г. с международным участием и было посвящено 270-летию юбилею Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и 10-летию кафедры демографии ВШССН. В статье представлен состав участников Круглого стола. Дан обзор докладов о достигнутых кафедрой демографии результатах деятельности, об особенностях использования в демографии классических и современных методов исследования, о прикладных исследованиях по

цифровой демографии. Особое внимание было уделено проблеме возрождения в нашей стране качественного демографического образования. По итогам Круглого стола было отмечено, что прозвучавшие идеи дальнейшего демографического развития России, возможности использования передовых методов в демографических исследованиях могут быть использованы в развитии демографического образования в нашей стране и при разработке государственной демографической политики.

В рубрике «**КНИЖНАЯ ПОЛКА**» опубликована статья «**Актуальное исследование о российских семьях с детьми**», посвящённая анализу и ключевым аспектам научной монографии «Социально-трудовое положение российских домохозяйств с детьми (2022–2024 гг.): риски и возможности», выполненной авторским коллективом под редакцией Е.В. Одинцовой в 2025 г. и выпущенной издательством «Шелест», **В.Н. Бобкова**, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, главного научного сотрудника, заведующего сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН. Отмечен инновационный характер монографии, представляющей основной результат исследования, выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в 2023–2025 гг. в рамках проекта №23-18-00537 в Институте экономики РАН. В книге представлен оригинальный ракурс исследования российских домохозяйств с детьми. В парадигме «устойчивость»–«неустойчивость» рассмотрено трудовое положение домохозяйств, их экономическое положение и уровень жизни, которые затем обобщены в их социально-трудовое положение. Авторам монографии удалось соединить несколько ракурсов изучения проблематики (не)устойчивости: (не)устойчивость (прекаризованность) занятости членов домохозяйств и их трудового положения в целом, а также экономической, финансовой и жилищной (не)устойчивости. Их «интеграция» позволила авторам: 1) предложить следующую классификацию домохозяйств с детьми – с (I) устойчивым, (II) уязвимым и (III) неустойчивым социально-трудовым положением; 2) дать их количественную оценку; предложить подходы к повышению социально-трудовой устойчивости домохозяйств с детьми. Результаты исследования направлены на решение ключевой национальной цели развития Российской Федерации – сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи.

**Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор В.Н. Бобков**

СТАТЬЯ НОМЕРА

Оригинальная статья

УДК 330.16

JEL D12

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25

EDN ОРНМХС

Потребительские стратегии домашних хозяйств с детьми в России: эмпирический анализ

Алефтина Александровна Гулюгина¹, Татьяна Викторовна Чашчина²

^{1,2} Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

¹ (algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

² (chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Аннотация

В статье целью является анализ практики формирования потребительских стратегий домохозяйств с детьми разного типа с учётом их покупательной способности по расходам на потребление и структурных характеристик, а также потребительского поведения в условиях недостатка средств. Информационную основу составили данные российской статистики, мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения (Институт экономики РАН), результатов опроса российских домохозяйств с детьми в рамках научного проекта РНФ. Потребительская стратегия рассматривается в контексте удовлетворения жизненно важных потребностей с учётом покупательной способности расходов на потребление и приемлемого в этих условиях выбора приоритетов в расходах на потребление. В статье определены сложившиеся в 2018–2024 г. модели потребительских стратегий у домохозяйств с детьми разного типа. В основе моделей лежат признаки: позиция в социальной структуре, определяемая исходя из покупательной способности расходов на потребление; доминанта в структуре расходов на потребление; роль других компонентов расходов в поддержании стабильности в потреблении и для режима экономии. Результаты исследования показали, что покупательная способность расходов на потребление снижается с ростом числа детей. В социальной структуре домохозяйства с детьми идентифицируются как низкообеспеченные по расходам на потребление, и это их положение является устойчивым. Показано, что в зависимости от числа детей структура расходов на потребление отличается в статике и динамике. Общей является тенденция к доминированию доли расходов на питание, в то время как направления для поддержания стабильности в потреблении и для режима экономии проявляются неоднозначно. Выявлено, что в 2024 г. при недостатке средств потребительское поведение семей с детьми было связано с экономией расходов на потребление по всем основным статьям (питание, непродовольственные товары, услуги); при оценивании качества питания, одежды и обуви, быта совсем не стабильным характеризовала своё положение каждая пятая семья; для половины семей потребительские кредиты стали нормой для покрытия текущих расходов.

Ключевые слова: анализ, домохозяйства с детьми, доминанты, покупательная способность, потребительская стратегия, потребительское поведение, располагаемые ресурсы, расходы на потребление, структура

Благодарность: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00537, <https://rscf.ru/project/23-18-00537/>, в Институте экономики Российской академии наук.

Для цитирования: Гулюгина А.А., Чашчина Т.В. Потребительские стратегии домашних хозяйств с детьми в России: эмпирический анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 12–25. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25 EDN ОРНМХС

RAR (Research Article Report)

JEL D12

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25

Consumption Strategies of Households with Children in Russia: an Empirical Analysis

Aleftina A. Gulyugina¹, Tatyana V. Chashchina²

^{1,2} Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ (algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

² (chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Abstract

This article aims to analyze the consumption strategy development practices of households with different types of children, taking into account their purchasing power for consumption expenditures and structural characteristics, as well as consumer behavior under financial constraints. The information base consists of Russian statistics, monitoring studies of income and living standards (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences), and the results of a survey of Russian households with children as part of a research project by the Russian Science Foundation. Consumer strategy is examined in the context of satisfying vital needs, taking into account the purchasing power of consumption expenditures and the acceptable choice of consumption priorities under these conditions. The article identifies the consumer strategy patterns that emerged in households with different types of children between 2018 and 2024. The models are based on the following characteristics: social position, determined based on the purchasing power of consumption expenditures; the dominant element in the

© Гулюгина А.А., Чашчина Т.В., 2026

structure of consumption expenditures; and the role of other expenditure components in maintaining consumption stability and austerity. The study's results showed that the purchasing power of consumption expenditures decreases with an increasing number of children. In the social structure, households with children are identified as low-income households based on consumption expenditures, and this position is persistent. It has been shown that the structure of consumption expenditures differs both statically and dynamically depending on the number of children. A common trend is for food expenditures to dominate, while the directions for maintaining consumption stability and for austerity are ambiguous. It was found that in 2024, when faced with a lack of funds, the consumer behavior of families with children was associated with savings on consumption expenditures across all major categories (food, non-food goods, services); when assessing the quality of food, clothing and footwear, and everyday life, one in five families characterized their situation as anything but stable; for half of the families, consumer loans became the norm for covering current expenses.

Keywords: analysis, households with children, dominants, purchasing power, consumer strategy, consumer behavior, disposable resources, consumption expenditure, structure

Acknowledgment: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00537, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00537/>, at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

For citation: Gulyugina A.A., Chashchina T.V. Consumption Strategies of Households with Children in Russia: an Empirical Analysis. *Uroven' zhizni nasele-niya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):12-25. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_1_12_25 (In Russ.)

Введение

Потребительские стратегии домохозяйств с детьми, отражающие возможности и ограничения в удовлетворении потребностей, являются важной характеристикой их уровня и качества жизни. Анализ положения дел в этой области, тенденций и рисков – необходимая составляющая для определения направлений развития и совершенствования социальной политики, укрепления института семьи, решения демографических проблем.

Исследования показывают, что потребление российских домохозяйств в последние десятилетия в среднем росло быстрее валового внутреннего продукта (ВВП), однако торможение экономического роста привело к длительной стагнации в сфере потребления; в целях более эффективного использования этого фактора экономического роста необходимо увеличивать объём потребительского спроса, повышать качество в сфере потребления, более внимательно анализировать структурные характеристики потребления домашних хозяйств [1, с. 7–8]. При изменении общей экономической ситуации потребительское поведение населения «имеет наименьший временной лаг в реакции «вызов–ответ», «ни сбережения, ни инвестиции, ни тем более кредитование, не меняются с такой быстротой, как векторы потребления» [2, с. 74].

В условиях влияния разных факторов на потребление наиболее существенной закономерностью является то, что «имеет место выраженная дифференциация в потреблении, выступающая конечной формой проявления социально-экономической дифференциации в обществе. При этом практически все разноуровневые факторы потребительского поведения действуют в одном направлении, а именно, становятся факторами дифференциации этого поведения» [3, с. 155]. Поведение потребителей, «если его рассматри-

вать в плане стратегий его реализации, является элементом механизма осуществления процессов социальной стратификации общества» [4, с. 14], и в результате «каждый занимает своё место в обществе», определяет собственную социальную идентичность [5, с. 151].

Внешние и внутренние детерминанты создают основу формирования и динамики самосохранительного поведения домохозяйств в отношении расходования личных средств в зависимости от денежных доходов и структуры расходов [6, с. 794, 802]. Один из наиболее устойчивых факторов влияния на стабильность положения домохозяйств – финансовый [7], возможность получать высокую выгоду от сбережений – преобладающее среди богатых направление использования доходов в сравнении с финансированием потребления [8]. При ограниченных доходах потребители, предпочитающие количество в потреблении, а не качество, тратят больше денег, берут больше займов и накапливают больше долгов [9].

В научных исследованиях домохозяйств с детьми центральное место занимает проблематика, связанная с бедностью, в том числе её оценка через лишения (депривации) [10], влияние мер социальной поддержки на сокращение бедности [11], определение категорий семей (домохозяйств), имеющих наиболее высокие риски попадания в категорию бедных [12]. Также повышенный научный интерес вызывают условия для восходящей социальной мобильности, перспективы при практичности и экономии на потреблении из-за недостатка средств [13; 14].

Исследования учёных показывают, что механизмы неравенства в потреблении следует искать в финансовых, трудовых и бытовых условиях, которые различаются у социально-экономических групп [15]. Изучение гетерогенности предпочтений, которая отражается в составах потребитель-

ских корзин, позволило сделать вывод о том, что данный фактор обуславливает около трети неравенства в потреблении [16]. Сложившаяся в потреблении населения трансформация указывает на то, что «значительная часть населения России уже не возвращается к патриархальным практикам выживания в трудные времена» [17, с. 67].

В научном сообществе сформировалось понимание того, что в контексте новых глобальных вызовов возрастает потребность в пересмотре и обогащении сложившихся подходов к анализу потребительского поведения домохозяйств [18]. К настоящему времени недостаточно внимания уделялось расходам на потребление домохозяйств с детьми разного типа, их структурным характеристикам, взаимосвязи с показателями уровня жизни и социального неравенства, что предопределило направление настоящей работы.

Объектом исследования являются домашние хозяйства с детьми, *предметом исследования* – формирование потребительских стратегий домохозяйств с детьми. *Целью исследования* является анализ практики формирования потребительских стратегий домохозяйств с детьми разного типа с учётом их покупательной способности по расходам на потребление и структурных характеристик, а также потребительского поведения в условиях недостатка средств.

Задачи исследования:

- анализ уровня и динамики расходов на потребление во взаимосвязи с располагаемыми ресурсами у домохозяйств с детьми разного типа;
- определение и анализ покупательной способности домохозяйств с детьми разного типа по расходам на потребление и идентификация на её основе положения в социальной структуре;
- анализ структуры расходов на потребление домохозяйств с детьми разного типа и определение сложившихся моделей потребительских стратегий;
- анализ потребительского поведения домохозяйств с детьми, испытывающих недостаток средств.

Гипотеза исследования: потребительские стратегии у всех типов домохозяйств с детьми совпадают: а) по идентификации социального слоя, б) по векторам структурных смещений у компонентов расходов на потребление (питание, непродовольственные товары, услуги).

Теоретические и методологические положения

Для проведения эмпирического анализа позитивную роль сыграли теоретические и методологические положения работ российских учёных, близких по теме исследования. Наиболее значимыми стали следующие положения:

– потребление «относится к числу сложных концептов, для которых характерна содержательная неопределённость, вызванная в том числе присутствием им понятийной многозначностью» [18, с. 6];

– потребление как самостоятельный объект изучения обладает собственной логической структурой, и является многозначным понятием, отражающим пространство между приобретением благ посредством рыночного обмена и их использованием в повседневной жизни людей [19];

– в определении стратегии потребления ключевым понятием являются действия, связанные с потреблением, совершаемые длительное время, формирующие предпочтительную стратегию поведения, учитывающего в своих действиях ресурсы, имеющиеся у самого субъекта и общества [20, с. 43–44].

Эмпирический анализ опирается на методологию российской статистики с использованием показателей, исчисленных в среднем на члена домохозяйства. Экономическое положение домохозяйств с детьми в статье оценивается на основе располагаемых ресурсов, потребление – на основе расходов на потребление¹. Общее неравенство домохозяйств по располагаемым ресурсам и расходам на потребление анализируется с применением коэффициента фондов, характеризующего, согласно методологии Росстата, степень социального расслоения, показывая соотношение между средними уровнями показателей у 10% населения с самыми высокими и 10% населения с самыми низкими значениями показателей (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)². Дополняет картину неравенства характеристика (не)устойчивости позиций домохозяйств с детьми по расходам на потребление в рядах распределения по 10%-ным группам населения в зависимости от располагаемых ресурсов, которая выявляется в ходе исследования.

В реальном выражении расходы на потребление в статье оцениваются с применением положений концепции мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения (Институт экономики РАН), в соответствии с которыми реальным выражением данного показателя является его покупательная способность – один из основных показателей уровня жизни. Для домохозяйств с детьми покупательная способность (ПС) расходов на потребление измеряется количеством потребительских корзин прожиточного миниму-

¹ Приказ Росстата от 05.04.2017 г. № 226 «Об утверждении Методологических положений по формированию агрегированных показателей доходов, расходов и потребления домашних хозяйств на основе программы Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств», с. 9–11.

² Понятия и определения. Распределение и дифференциация доходов // Росстат: [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 25.12.2025).

ма (ПК ПМ) в среднем на душу, приходящихся на заданную величину расходов на потребление в среднем на члена домохозяйства. Показатель ПС позволяет оценить положение домохозяйств с детьми в социальной структуре [21].

Понятие «стратегия» большинство исследователей связывают с повседневным поведением человека в течение длительного периода времени, например, применительно к потреблению «её можно понимать как жизненные планы человека, наложенные на его жизненную ситуацию, связанную с потребительской сферой жизнедеятельности и проявляющиеся в устойчивой системе установок и связанных с ними действий. Ключевым предметом (или фактором) функционирования этой сферы жизнедеятельности человека являются материальные и духовные блага, выступающие в качестве товара, используемого в дальнейшем в качестве объекта потребления» [4, с. 8].

В статье потребительские стратегии рассматриваются в контексте удовлетворения жизненно важных потребностей с учётом покупательной способности расходов на потребление и приемлемого в этих условиях выбора приоритетов. При выборе приоритетов в расходах на потребление проявляются мотивы домохозяйств и действия для удовлетворения потребностей, что определяет их потребительское поведение.

При выявлении потребительских стратегий у разных типов домохозяйств с детьми в основу их моделирования положены следующие признаки: позиция в социальной структуре, определяемая исходя из покупательной способности расходов на потребление; доминанта в структуре расходов на потребление; роль других компонентов расходов в поддержании стабильности в потреблении и для режима экономии. Роль других компонентов определяется по совокупности характеристик – идентификация социального слоя по покупательной способности расходов на потребление, сопоставление динамики расходов на потребление с потребительской инфляцией, структурные смещения в расходах на потребление.

Использованные данные и методы работы с ними

Информационную основу для выполнения работы составили данные Росстата о результатах выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономические данные, а также данные мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения России (Институт экономики РАН), итоги опроса домохозяйств с детьми в рамках научного проекта РФФ.

Основные использованные показатели статистики – располагаемые ресурсы домохозяйств

с детьми разного типа, расходы на потребление, ряды распределения расходов на потребление домохозяйств по 10%-ным группам населения в зависимости от располагаемых ресурсов, прожиточный минимум в целом по России, индекс потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации. Данные выборочного обследования бюджетов домохозяйств публикуются на сайте Росстата по итогам каждого квартала и в целом за год. Ввиду отсутствия сводных данных за 2024 год в статье использованы результаты авторского расчёта, выполненного на основе сведений за 1–4 кварталы 2024 г.

К работе привлечены данные мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения, определяющие шкалу стандартов социальной структуры: наименее обеспеченные (ниже ПК ПМ, бедные); низкообеспеченные (1–2 ПК ПМ); обеспеченные ниже среднего уровня (2–3,7 ПК ПМ); среднеобеспеченные (3,7–11 ПК ПМ), высокообеспеченные (11 ПК ПМ и выше), где ПК ПМ – потребительская корзина прожиточного минимума³ [21].

Использованные данные опроса среди российских домохозяйств с детьми касаются их уровня и качества жизни, экономической (не)устойчивости, потребительского поведения. Опрос был проведён в рамках научного проекта РФФ летом 2024 г. методом телефонных интервью (842 эффективных интервью) по случайной вероятностной выборке стационарных и мобильных телефонных номеров среди населения России, проживающих в домохозяйствах с детьми 15 лет и младше. Итоги опроса позволили выявить потребительское поведение домохозяйств с детьми в условиях недостатка средств, в том числе по вопросам экономии на питании; задержки оплаты жилищно-коммунальных услуг; доступности основных видов продуктов питания для ежедневного употребления; доступности отдельных социально значимых непродовольственных товаров и услуг; субъективного оценивания стабильности с позиции качества питания, одежды и обуви, быта; использования потребительских кредитов для покрытия текущих расходов.

Период исследования – 2018–2024 годы, позволяющий проанализировать положение домохо-

³ Измерение в ПК ПМ соответствует методологии определения прожиточного минимума 2013–2020 гг., что позволяет с соблюдением принципа сопоставимости анализировать вариационные ряды при изменении методологии показателя. До 2021 г. прожиточный минимум (ПМ) определялся как потребительский бюджет, включающий нормативную потребительскую корзину (ПК) и обязательные платежи и сборы. С 1 января 2021 г. обновленная методика определения ПМ привязана не к потребительской корзине, а к величине медианного среднедушевого дохода. *Источник:* Федеральный закон от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г., с изм. от 29.10.2024 г.) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации».

зайств с детьми до коронакризисного периода и после него. Домохозяйства рассматриваются с детьми возраста до 16 лет. Методы исследования – группировка, сравнительный анализ, структурный анализ, метод средних величин, систематизация, обобщение.

Результаты исследования

Располагаемые ресурсы, составляющие экономическую основу потребительских стратегий домохозяйств с детьми, в составе которых около 90% занимают денежные доходы, характеризуются неуклонным ростом в номинальном выражении со среднегодовым темпом 107,6% после 2018 г. В 2024 г. они достигли 36198 руб. в месяц в расчёте на члена домохозяйства (+55,4% к 2018 г.) (рисунок 1). С ростом числа детей среднедушевая величина располагаемых ресурсов снижается. Так, у домохозяйств с 2 детьми расхождение в уровне показателя по сравнению с домохозяйствами с 1 ребёнком в отдельные годы превышало 20%, у домохозяйств с 3 и более детьми по сравнению с домохозяйствами с 2 детьми – 30%⁴.

Показательным был 2023 год, когда проявилась целостная система поддержки семей с детьми, формирование которой началось в 2020 г.⁵ Темп роста располагаемых ресурсов в 2023 г. существенно возрос у домохозяйств с детьми,

достигнув 117,6% (в предыдущие годы не более 108,1%). Наиболее значительные изменения наблюдались у домохозяйств с 3 и более детьми. Темп роста располагаемых ресурсов в 2023 г. у них составил 124,5% при 118,4% у домохозяйств с 1 ребёнком и 113,1% с 2 детьми. В 2024 г. положительная динамика располагаемых ресурсов была продолжена, однако темп роста показателя значительно (до 106,5% в среднем) сократился. При этом у домохозяйств с 3 и более детьми он был по-прежнему выше (109,5%), чем у домохозяйств с 1 ребёнком (106,8%) и с 2 детьми (105,0%).

Потребительские стратегии домохозяйств с детьми формировались в условиях неуклонного повышения расходов на потребление. В рассматриваемом периоде они занимали 65–70% в располагаемых ресурсах (рисунок 1). В 2024 г. уровень расходов на потребление достиг 24953 руб. в месяц в расчёте на члена домохозяйства (+66,0% к 2018 г.). Он возрастал средним темпом в год 108,8%, что на 1,2 п.п. больше, чем по располагаемым ресурсам (107,6%), и на 1,3 п.п. больше, чем по потребительским ценам (107,5%)⁶. У домохозяйств с 3 и более детьми расходы на потребление росли более высокими темпами (110,9% в среднем в год) по сравнению с домохозяйствами с 1 ребёнком (108,6%) и с 2 детьми (108,5%).

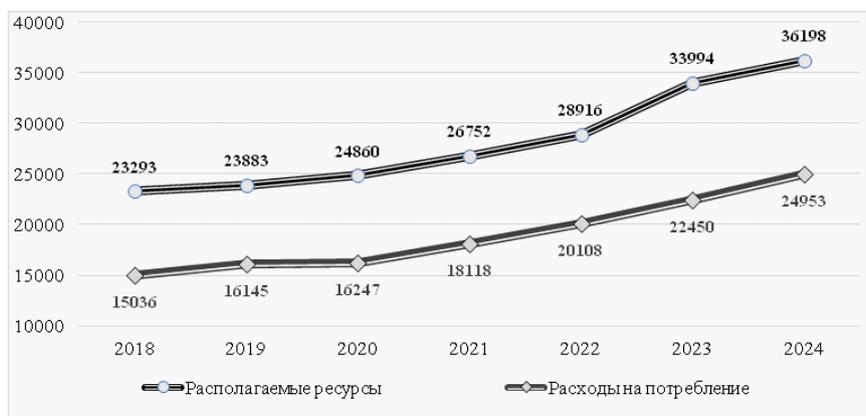

Рисунок 1. Располагаемые ресурсы и расходы на потребление домохозяйств с детьми в среднем на члена домохозяйства, руб. в месяц. Россия. 2018–2024 гг.

Figure 1. Available Resources and Consumption Expenditures of Households with Children on Average per Household Member, Rubles per Month. Russia. 2018–2024

Источники: данные Росстата⁷

⁴ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025).

⁵ «С 2020 года было начато поэтапное введение адресных выплат семьям с детьми различных возрастов, а в последующем – малоимущим беременным женщинам в целях минимизации рисков бедности. Указанная работа, проводившаяся в 2020–2022 годах, завершилась формированием с 1 января 2023 г. целостной системы поддержки семей с детьми». Источник: Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года».

⁶ Расчёты на основе данных Росстата. Источник: Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 25.10.2025).

⁷ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025).

В кризисных условиях темпы роста расходов на потребление заметно снижаются. Так, в коронакризисном 2020 г. темп роста показателя составил всего 100,6% в среднем у домохозяйств с детьми. В благоприятных условиях усиливается влияние сберегательных мотивов, которые у домохозяйств с детьми разного типа неоднозначно проявляются при распределении каждого рубля прироста располагаемых ресурсов – на потребление или на сбережение в целях иного использования. Индикатор предельной склонности к потреблению MPC (marginal propensity to consume)⁸ показывает, что у домохозяйств с 1 ребёнком и с 2 детьми склонность к сбережениям была значительно выше, чем у домохозяйств с 3 и более детьми. Так, у домохозяйств с 1 ребёнком и с 2 детьми индикатор MPC составил, соответственно, 0,76 и 0,77 при 0,84 у домохозяйств с 3 и более детьми, т.е. у домохозяйств с 1 и с 2 детьми на потребление направлялась меньшая часть прироста располагаемых ресурсов.

Одной из основных причин неоднозначного распределения прироста располагаемых ресурсов является разная у домохозяйств с детьми покупательная способность по расходам на потребление. Расчёты показывают, что в худшем положении находятся домохозяйства с 3 и более детьми. В рассматриваемом периоде при средней покупательной способности расходов на потребление 1,47–1,59 ПК ПМ она составляла у домохозяйства с 3 и более детьми всего 1,01–1,19 ПК ПМ, что характеризует их положение как близкое к состоянию бедности (ниже ПК ПМ) (рисунок 2). В отли-

чие от них у домохозяйств с 1 ребёнком уровень показателя (1,64–1,79 ПК ПМ) был выше среднего уровня, а у домохозяйств с 2 детьми (1,37–1,46 ПК ПМ) – близким к среднему.

Тенденция снижения покупательной способности домохозяйств с детьми по расходам на потребление, сложившаяся в период до 2022 г., привела к серьёзному ухудшению их положения к 2022 г., когда уровень показателя достиг своих минимальных значений. Это было обусловлено отставанием в темпах роста расходов на потребление по сравнению с темпами роста стоимости потребительской корзины прожиточного минимума. Например, в 2022/2021 гг. они составили 111,0% и 115,6%, соответственно. В 2023 г. повышенный темп роста расходов на потребление обеспечил увеличение покупательной способности в среднем на 7,2% (до 1,57 ПК ПМ средним на душу). Особенно возрос уровень показателя у домохозяйств с 3 и более детьми (+16,4%, до 1,18 ПК ПМ), в то время как у домохозяйств с 1 и с 2 детьми динамика была заметно слабее (+5,9%, до 1,74 ПК ПМ и +6,3%, до 1,46 ПК ПМ, соответственно). В 2024 г. покупательная способность домохозяйств с детьми по расходам на потребление в целом осталась на уровне предыдущего года. При этом в зависимости от числа детей вектор динамики показателя сложился по-разному. Так, если у домохозяйств с 1 ребёнком и с 3 и более детьми покупательная способность расходов на потребление незначительно (примерно на 1%) повысилась, то у домохозяйств с 2 детьми она снизилась (-3,1%).

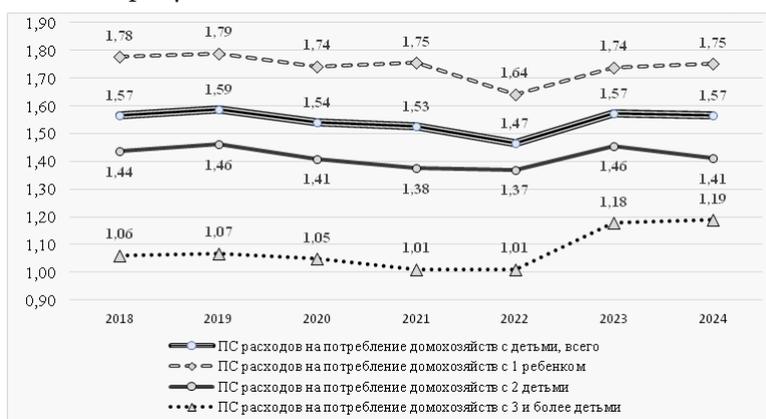

Рисунок 2. Покупательная способность (ПС) домохозяйств с детьми по расходам на потребление, наборы ПК ПМ¹⁾. Россия. 2018–2024 гг.

Figure 2. Purchasing Power (PP) of Households with Children by Consumption Expenditure, PC PM sets. Russia. 2018–2024

¹⁾ ПК ПМ – потребительская корзина прожиточного минимума (методология 2013–2020 гг.).

Источники: расчёты авторов на основе данных⁹.

⁸ Расчёты на основе данных Росстата. Источник: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025).

⁹ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025); Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.10.2025); [21].

Уровень покупательной способности расходов на потребление свидетельствует о том, что в социальной структуре положение домохозяйств с детьми всех типов соответствовало слою низкообеспеченных (1–2 ПК ПМ) и в рассматриваемом периоде оно было устойчивым. На стабильность положения в общей картине социально-экономического неравенства указывает также отсутствие устойчивых сдвигов в 10%-ом распределении населения в зависимости от располагаемых ресурсов (по итогам выборочного обследования домашних хозяйств). В целом душевые расходы на потребление домохозяйств с детьми занимали 6–7 децильные группы, при этом домохозяйствам с 1 ребёнком соответствовала 7-я децильная группа, у домохозяйств с 2-мя детьми основой была 6-я группа, с 3 и более детьми это были 4–5 децильные группы (таблица 1).

Вместе с тем, отмечается тенденция снижения неравенства по располагаемым ресурсам и по расходам на потребление, на что указывает динамика коэффициента фондов по этим показателям. Так, в 2024 г. к 2018 г. коэффициент фондов уменьшился с 14,4 до 11,3 раз по располагаемым ресурсам и с 9,1 до 8,1 раз по расходам на потребление. Снижение коэффициента фондов по обоим показателям было обусловлено более высокими темпами роста в 1-й децильной группе по сравнению с 10-й децильной группой, что является следствием эффективных мер государственной политики в области доходов населения. Темпы роста средних душевых располагаемых ресурсов составили в 1-м дециле 181,5% при 143,2% в 10-м дециле, по расходам на потребление – 178,5% и 158,0%, соответственно.

Таблица 1

Неравенство располагаемых ресурсов и расходов на потребление домохозяйств в среднем на члена домохозяйства (по итогам выборочного обследования домохозяйств). Россия. 2018–2024 гг.

Table 1

Inequality of Available Resources and Household Consumption Expenditures on Average per Household Member (Based on the Results of a Sample Household Survey). Russia. 2018–2024

	2018 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Коэффициент фондов, в размах				
– располагаемые ресурсы	14,4	12,5	12,7	11,3
– расходы на потребление	9,1	7,9	8,5	8,1
Децильные группы, соответствующие расходам на потребление домохозяйства с детьми в 10%-ном распределении населения в зависимости от располагаемых ресурсов				
домохозяйства с детьми всего	7	6	6-7	6-7
из них имеющие:				
1 ребёнок	7	7	7	7
2 ребёнка	6	6	6-7	6
3 и более детей	4-5	4	4-5	4

Источники: расчёты авторов на основе данных Росстата¹⁰.

Данные статистики о потребительской инфляции показывают, что в рассматриваемом периоде опережающими темпами росли цены на продовольственные товары (в среднем в год 108,2%) при более низких темпах роста цен на услуги (107,3%) и ещё более низких на непродовольственные товары (106,8%)¹¹. В соответствии с дифференцированной инфляцией в динамике компонентов расходов на потребление отмечались опережающие темпы роста расходов на питание (кроме домохозяйств с 3 и более детьми, имеющих особенно высокую структурную долю

данного компонента) и наиболее низкие темпы роста расходов на непродовольственные товары (таблица 2). Характерным также было то, что расхождение между итоговыми в 2024/2018 гг. темпами прироста у расходов на непродовольственные товары и у потребительских цен по данной группе товаров оказалось, в основном, минимальным. Следствием стало сокращение доли расходов на непродовольственные товары в общей структуре расходов на потребление. Это предопределило группу непродовольственных товаров как основное потенциальное направление для режима экономии в условиях низкообеспеченности. В модели потребительских стратегий внесли разнообразие признаки, дифференцированные у разных типов домохозяйств с детьми по динамике компонентов расходов на потребление и по их структурным сдвигам.

¹⁰ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025).

¹¹ Расчёт на основе данных Росстата. Источник: Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 25.10.2025).

По совокупности выявленных характеристик в целом у домохозяйств с детьми в рассматриваемом периоде сформировалась модель низкообеспеченной (по расходам на потребление) потребительской стратегии со смещением доминанты от непродовольственной к продовольственной, стремлением к поддержанию стабильности в сфере услуг и с потенциалом сектора непродовольственных товаров для режима экономии.

У домохозяйств с 1 ребёнком сформировалась модель низкообеспеченной (по расходам на потребление) потребительской стратегии с ослабевающей непродовольственной доминантой, стремлением к поддержанию стабильности в питании и в сфере услуг и с потенциалом сек-

тора непродовольственных товаров для режима экономии.

У домохозяйств с 2 детьми сформировалась модель низкообеспеченной (по расходам на потребление) потребительской стратегии со смещением доминанты от непродовольственной к продовольственной и с потенциалом секторов непродовольственных товаров и услуг для режима экономии.

У домохозяйств с 3 и более детьми сформировалась модель низкообеспеченной (по расходам на потребление) потребительской стратегии с устойчивой продовольственной доминантой, стремлением к поддержанию стабильности в сфере услуг и с потенциалом сектора непродовольственных товаров для режима экономии.

Таблица 2

Изменения в расходах на потребление домохозяйств с детьми по структуре, уровню и динамике относительно индекса потребительских цен (ИПЦ). Россия. 2018–2024 гг.

Table 2

Changes in Consumption Expenditure of Households with Children by Structure, Level and Dynamics Relative to the Consumer Price Index (CPI). Russia. 2018–2024

	Доля в расходах на потребление, %				Изменение расходов на потребление в 2024 г. к 2018 г.		
	2018	2022	2023	2024	по структуре, п.п.	по уровню, %	по сравнению с ИПЦ, п.п.
Расходы на потребление в среднем на члена домохозяйства в месяц	100	100	100	100			
из них расходы на							
у домохозяйств с детьми, всего							
– питание	33,9	36,0	35,4	36,4	+2,5	178,0	+17,6
– непродовольственные товары	38,2	35,9	36,5	35,5	-2,7	154,1	+5,7
– оплату услуг	26,1	26,3	26,5	26,6	+0,5	169,6	+16,6
– иные ¹⁾	1,8	1,8	1,6	1,5	-0,3		
у домохозяйства с 1 ребёнком							
– питание	32,9	34,6	34,9	35,0	+2,1	173,8	+13,4
– непродовольственные товары	38,5	35,7	35,4	35,6	-2,9	151,4	+3,0
– оплату услуг	26,6	28,1	28,1	27,9	+1,3	171,6	+18,6
– иные	2,0	1,6	1,6	1,5	-0,5		
у домохозяйства с 2 детьми							
– питание	34,4	36,8	34,7	37,7	+3,3	178,8	+18,4
– непродовольственные товары	38,1	36,5	39,0	35,9	-2,2	153,9	+5,5
– оплату услуг	25,8	24,7	24,7	24,9	-0,9	157,8	+4,8
– иные	1,7	2,0	1,6	1,5	-0,2		
у домохозяйства с 3 и более детьми							
– питание	39,0	42,8	41,1	41,1	+2,1	196,0	+35,6
– непродовольственные товары	36,8	34,9	35,5	33,8	-3,0	170,8	+22,4
– оплату услуг	22,9	21,1	22,1	24,2	+1,3	196,5	+43,5
– иные	1,3	1,2	1,3	0,9	-0,4		

¹⁾ Иные расходы – это расходы на алкогольные напитки и стоимость услуг, предоставленных работодателем бесплатно или по льготным ценам. Они занимали не более 2% в расходах на потребление, что не влияет на потребительские стратегии.

Источники: расчёты на основе данных Росстата¹².

¹² Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025). Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 25.10.2025).

Анализ динамики расходов на потребление в группах непродовольственных товаров и услуг показал, что среди непродовольственных товаров сокращение доли расходов в 2024/2018 гг. коснулось, к примеру, предметов домашнего обихода, бытовой техники и ухода за домом (-0,7 п.п.), одежды и обуви (-0,2 п.п.)¹³. В сфере услуг увеличились доли расходов на здравоохранение (+0,3 п.п.), связь (+1,2 п.п.), и, особенно, на образование (рост в 2 раза – с 1,1 до 2,3%), указывающие на то, что домохозяйства с детьми не готовы сокращать расходы в данных направлениях. И в то же время снизились доли расходов на транспорт (-1,9 п.п.), на организацию отдыха и культурные мероприятия (-1,0 п.п.), на жилищно-коммунальные услуги с топливом (-0,7 п.п.), на гостиницы, кафе и рестораны (-0,2 п.п.). В зафиксированной динамике проявились у домохозяйств с детьми признаки рационализации в их потребительском поведении, направленной на обеспечение баланса между стабильностью в потреблении и экономией в расходах на потребление, что было вызвано влиянием как немонетарных факторов (кризис 2020 г. в условиях пандемии коронавируса; усиление антироссийских санкций с 2022 г. в связи с началом специальной военной операции (СВО) и другие), так и монетарных факторов, задававших тренд на рост используемых на потребление денежных доходов (низкообеспеченность по расходам на потребление; удорожание прожиточного минимума и другие).

Детализирует потребительское поведение опрос домохозяйств с детьми, проведённый летом 2024 г. Среди опрошиваемых было 5% малоимущих, получавших социальную помощь. Оценивание респондентами собственного положения по доходам показало следующее:

- 43% суммарных утвердительных ответов: «Еле сводим концы с концами» (4%) и «Мы живем от зарплаты до зарплаты» (39%) (вариация по обоим ответам не более 2 п.п. у домохозяйств разного типа);

- 48% утвердительных ответов «Хватает на повседневные предметы быта и длительного пользования» (от 43% у домохозяйств с 3 и более детьми до 51% с 1 ребёнком);

- 7% суммарных утвердительных ответов: «Хватает, чтобы обеспечить и более дорогостоящие потребности» (5%) и «Хватает, чтобы обеспечить любые потребности» (2%) (вариация по обоим ответам не более 2 п.п. у домохозяйств разного типа);

- 2% затруднившихся с ответом (от 1% до 3% у домохозяйств разного типа).

¹³ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.10.2025).

При недостатке средств почти половина респондентов (не менее 48%) экономит на питании. С позиции источников доходов распределение ответов на постановку вопроса об экономии на питание сложилось следующим образом:

- *регулярно* экономят на покупке продуктов (не менее 21% подтверждающих ответов) респонденты с источниками доходов: пенсии и доплаты к пенсиям, социальные пособия на детей, алименты, доходы от личного подсобного хозяйства;

- *редко* экономят на покупке продуктов питания (не менее 27% подтверждающих ответов) респонденты с источниками доходов: доходы от работы по найму, пенсии и доплаты к пенсиям, социальные пособия на детей, социальные выплаты участнику СВО и членам его семьи, алименты, доходы от личного подсобного хозяйства;

- *никогда* не экономят на покупке продуктов питания (средств достаточно) респонденты (не менее 51% подтверждающих ответов) с источниками доходов: доходы от работы по найму, заработки собственного бизнеса.

Одна треть респондентов (не менее 32%) задерживает оплату жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) из-за недостатка средств. Распределение ответов по источникам доходов показало следующее:

- *часто* задерживает оплату ЖКУ (не менее 7% подтверждающих ответов) респонденты с источниками доходов: заработки собственного бизнеса, социальные пособия на детей, алименты, доходы от личного подсобного хозяйства;

- *редко* задерживает оплату ЖКУ (не менее 25% подтверждающих ответов) респонденты с источниками доходов: доходы от работы по найму, пенсии и доплаты к пенсиям, социальные пособия на детей, алименты, доходы от личного подсобного хозяйства;

- *никогда* не задерживают оплату ЖКУ (средств достаточно) от 51% с доходами от личного подсобного хозяйства до 77% получателей социальных выплат как участники СВО и члены семей.

По доступности основных видов продуктов питания таких как мясные, рыбные, молочные, фрукты выявлено, что только около 70% респондентов могут позволить себе употреблять эти виды продуктов ежедневно. По доступности каждого из перечисленных видов продукции сформировалась следующая картина. На первом месте находятся молочные продукты – их могут позволить себе включать в ежедневный рацион от 92 до 95% опрошиваемых семей в зависимости от числа детей. На втором месте находятся фрукты – их могут позволить себе ежедневно употреблять от 85 до 95% семей в зависимости от числа детей. Третью позицию занимают мясные продукты – их

могут позволить ежедневно употреблять от 79 до 83% семей в зависимости от числа детей. Четвёртая позиция принадлежит рыбным продуктам – их могут позволить ежедневно употреблять от 71 до 74% семей в зависимости от числа детей. Доступность по всем видам продукции снижается с ростом числа детей.

В условиях интеграции цифровых технологий в учебный процесс, что важно при наличии в домохозяйстве детей, показательными являются ответы респондентов о возможностях покупки ноутбука/компьютера. По результатам опроса выявлено, что из-за недостатка средств каждая вторая опрошиваемая семья (от 49% до 52% в зависимости от числа детей) за последний год столкнулась с ситуацией, когда приходилось отказываться от такой покупки. Кроме того, за последний год приходилось из-за недостатка средств отказываться от платных занятий дополнительно к школьной программе каждой третьей семье (от 28 до 36% в зависимости от числа детей). Также каждая третья семья (от 28 до 33% в зависимости от числа детей) вынужденно отказывалась из-за недостатка средств от посещения кинотеатра, театра, музея. В каждой второй семье (от 52 до 54% в зависимости от числа детей) были ситуации, когда из-за недостатка средств пришлось отказаться от дальнейшей поездки в другой российский регион или на море. По отказам на перечисленные вопросы преобладали ответы у семей с 2 детьми. Одна из причин – более высокая их закредитованность.

Почти половина семей с детьми призналась в том, что для покрытия своих текущих расходов использует потребительские кредиты (регулярно 9%, иногда 37%). Наиболее высокая доля таких семей (48%) отмечается среди домохозяйства с 2 детьми, чаще они берут иногда (39%). У домохозяйств с 1 ребёнком и с 3 и более детьми доля использующих кредиты примерно одинаковая (43% и 44%, соответственно), чаще они также берут иногда (35% и 36%).

При оценивании качества питания, одежды и обуви, быта на стабильное положение в целом указало около половины респондентов (от 50 до 56% в зависимости от числа детей), отмечая, что были более и менее благополучные периоды, при этом численно преобладали ответы домохозяйств с 1 ребёнком. *Очень стабильным* (постоянно на одном и том же уровне) оценила своё положение каждая четвёртая опрошиваемая семья (от 24 до 28% в зависимости от числа детей), преобладали ответы домохозяйств с 2 детьми. Совсем не стабильным (то лучше, то хуже) охарактеризовала своё положение каждая пятая семья (от 19 до 21% в зависимости от числа детей), преобладали ответы домохозяйств с 3 и более детьми.

Результаты проведённой работы частично пересекаются с выводами других исследований. Они, в частности, показали, что располагаемые ресурсы – один из основных факторов, влияющих на возможности и ограничения домохозяйств с детьми в сфере потребления. Это соответствует аргументированным в других исследованиях выводам о том, что определяющим фактором поведения российских потребителей являются доходы/ресурсы, которыми располагает человек [3; 20; 22]. Наряду с этим в статье также показано, что не менее значимым для оценивания потребительского поведения является показатель покупательной способности расходов на потребление, характеризующий расходы на потребление в их реальном выражении при сложившихся располагаемых ресурсах. В статье раскрывается роль этого показателя в поведении потребителей.

Подтверждаемое учёными положение о снижении доли, направляемой на питание, в условиях роста дохода [2; 3; 23] в настоящей работе проявилось у домохозяйств с детьми частично и на кратковременном периоде (например, в 2023/2022 гг., таблица 2). Вместе с тем, показано, что в условиях роста располагаемых ресурсов (2024/2018 гг.) сформировался тренд на повышение доли расходов на питание. Это свидетельствует о том, что при наличии факторов, значительных по своему влиянию на потребление (в данном случае низкообеспеченность, дифференцированная высокая потребительская инфляция) структурная трансформация расходов на потребление может не совпадать со сценарием прямой зависимости динамики доли расходов, направляемой на питание, с динамикой доходов/располагаемых ресурсов.

Оценивание структурной динамики по отдельным непродовольственным товарам и услугам показало, что в условиях роста располагаемых ресурсов доли расходов на одежду и обувь, жилищно-коммунальные услуги и топливо в период 2018–2024 гг. снизилась, но размер снижения был относительно невелик (менее 1%). Этот вывод соответствует результатам другого исследования, свидетельствующего о зависимости между ростом дохода и сравнительно малой вариацией доли дохода, расходуемой на одежду, жилище и коммунальные услуги [3, с. 151].

Кроме того, в статье на данных опроса домохозяйств с детьми, среди которых официально признанных малоимущими было 5%, показано, что в 2024 г. из-за недостатка средств каждая третья семья не могла включать в ежедневный рацион молочные, рыбные и мясные продукты, фрукты, каждая вторая семья вынужденно отказывалась от покупки ноутбука/компьютера и т.д. Это также соответствует результатам научных ис-

следований, свидетельствующих о том, что «часть лишений может распространяться не только на бедных» [10, с. 58].

Заключение

Потребительские стратегии домохозяйств с детьми в 2018–2024 гг. формировались в условиях устойчивого роста номинальных располагаемых ресурсов и расходов на потребление, в отличие от покупательной способности расходов на потребление, связанной с тенденцией снижения до 2022 г. В 2023–2024 гг. уровень покупательной способности заметно повысился относительно 2022 г. (+7,2% в среднем). Ключевую роль сыграл 2023 год, когда проявилась завершённая система поддержки семей с детьми, поэтапное изменение которой продолжалось с 2020 г. В 2024 г. покупательная способность расходов на потребление в целом у домохозяйств с детьми осталась на уровне предыдущего года, что несёт в себе риски стагнации для уровня жизни домохозяйств с детьми.

Определено, что в рассматриваемом периоде для домохозяйств с детьми характерными были модели низкообеспеченной (по расходам на потребление) потребительской стратегии, дифференцированные в зависимости от числа детей по доминанте в расходах на потребление, а также по роли других компонентов расходов в поддержании стабильности в потреблении и для режима экономии. Потенциал для режима экономии у домохозяйств с 1 ребёнком и с 3 и более детьми обозначился по сектору непродовольственных товаров, что проявилось в снижении доли расходов по данному компоненту, в то время как доли у других компонентов (питание, услуги) выросли. В то же время у домохозяйств с 2 детьми потенциал для режима экономии был зафиксирован по двум секторам – по непродовольственным товарам и по услугам, что обозначилось в снижении доли расходов у обоих компонентов на фоне роста доли на питание. Таким образом, гипотеза исследования, состоящая в том, что потребительские стратегии у всех типов домохозяйств с детьми совпадают: а) по идентификации социального слоя, б) по векторам структурных смещений у компонентов расходов на потребление (питание, непродоволь-

ственные товары, услуги), подтвердилась лишь в первой части (пункт а).

Анализ отдельных аспектов внутренней политики домохозяйств с детьми, касающейся расходов на текущее потребление в условиях 2024 года, позволил выявить степень уязвимости в доступности социально значимых потребительских благ в зависимости от источников доходов. В частности, было установлено, что наиболее уязвимыми для поддержания уровня питания и обеспечения своевременной оплаты ЖКУ являются получатели пенсий и доплат к пенсиям, социальных пособий на детей, алиментов, доходов от личного подсобного хозяйства. Совсем не стабильным при оценивании качества питания, одежды и обуви, быта охарактеризовала своё положение каждая пятая семья с детьми.

Исследование потребительских стратегий домохозяйств с детьми позволяет глубже понимать проблемы их благополучия, причины и факторы социально-экономической дифференциации. Для выравнивания доступности потребительских благ необходим эффективный инструментарий, и, в первую очередь, это относится к прожиточному минимуму, который, являясь единственным официальным социальным стандартом качества жизни, гарантирует сегодня получение мер государственной социальной поддержки. Поскольку официальная концепция определения прожиточного минимума с 2021 года перешла от потребительского бюджета, базовым элементом которой является нормативная потребительская корзина, к относительному измерению показателя по медианному доходу, не раскрывающему его содержательную сторону, считаем важным вернуться к определению прожиточного минимума в форме потребительского бюджета, включающего потребительскую корзину, в составе которой продовольственные товары, непродовольственные товары, платные услуги, а также обязательные платежи и сборы. На этой основе можно было бы формировать семейные потребительские бюджеты, обеспечивающие разный уровень жизни, и всесторонне оценивать уровень, качество и структуру потребления домохозяйств с детьми, важным индикатором которого являются их потребительские стратегии.

Список источников

1. Широв А.А. Потребление домашних хозяйств в зеркале таблиц «затраты-выпуск» // *Проблемы прогнозирования*. 2024. № 3(204). С. 6–17. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-204-6-17> EDN EADGTT
2. Макар С.В., Ярашева А.В. Потребительское поведение россиян: возможности и приоритеты // *Народонаселение*. 2022. Том 25. № 4. С. 68–78. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.6> EDN MONYFA

3. Россинская Г.М. Факторы и закономерности потребительского поведения домохозяйств в условиях трансформационной российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3(201). С. 147–156. EDN XCGSMN
4. Красниковский В.Я. Роль потребительского поведения как элемента механизма социальной стратификации // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Том 10. № 3. С. 21. EDN KEJYUK
5. Фоломеева Т.В. Социально-психологический подход к исследованию потребительского поведения // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2012. № 1. С. 145–154. EDN OYIDHN
6. Шеломенцев А.Г., Гончарова К.С. Численное исследование зависимости структуры расходов домохозяйств от уровня их доходов в контексте концепции самосохранительного поведения // Экономика региона. 2020. Том 16. № 3. С. 791–806. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-9> EDN ELNSTM
7. Loschiavo D., Tullio F., di Salvatore A. Measuring Households' Financial Fragilities: an Analysis at the Intersection of Income, Financial Wealth, and Debt. *Review of Income and Wealth*. 2024;71(1):e12691. <https://doi.org/10.1111/roiw.12691>
8. Rapp S. Economies of Scale for Household Wealth: an Analysis of Equivalence Scales. *Review of Income and Wealth*. 2025;71(1):e70002. <https://doi.org/10.1111/roiw.70002>
9. Dias R.S., Sharma E., Fitzsimons G.J. Quality–Quantity Tradeoffs in Consumption. *Journal of Consumer Research*. 2025;52(1):93–114. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucae059>
10. Корчагина И. И., Прокофьева Л. М., Тер-Акопов С. А. Материальные депривации в оценках бедности // Народонаселение. 2019. Том 22. № 2. С. 51–63. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00015> EDN JFLDAB
11. Разумов А.А., Селиванова О.В. Влияние детских пособий и компенсационных выплат на снижение уровня бедности в регионах РФ // Социально-трудовые исследования. 2023. № 1(50). С. 83–93. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-50-1-83-93> EDN LAOWFK
12. Разумов А.А., Селиванова О.В. Домохозяйства в зоне риска бедности: региональный аспект // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 2. С. 236–247. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.8> EDN JWLUEB
13. Лыткина Т.С., Ярошенко С.С. На пересечении гендера и класса: как одинокие матери организуют повседневную жизнь в постсоциалистической России // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 61–72. <https://doi.org/10.31857/S013216250017574-4> EDN PUJPNW
14. Greenstone M., Looney A., Patashnik J., Yu M. *Thirteen Economic Facts about Social Mobility and the Role of Education*. Washington: Brookings Institution; 2013. 26 p.
15. Mussida C., Sciulli D. The Dynamics of Poverty in Europe: What Has Changed after the Great Recession? *The Journal of Economic Inequality*. 2022;20:915–937. <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09527-9>
16. Theloudis A. Consumption Inequality across Heterogeneous Families. *European Economic Review*. 2021;136:103765. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2021.103765>
17. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. № 2. С. 61–68. EDN WWAWGQ
18. Котельникова З.В., Радаев В.В., Синявская О.В. Новые формы потребления: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3(187). С. 3–12. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.3049> EDN BWSVUG
19. Котельникова З.В. Эволюция подходов к концептуализации потребления в западной социологии // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 8–32. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.1> EDN AZGKAJ
20. Потребительские стратегии пожилых людей / Л.И. Иванкина, Е.И. Клемашева, Э.Р. Кашапова, Е.А. Аникина // Мир экономики и управления. 2021. Том 21. № 1. С. 42–58. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-1-42-58> EDN VOSNFY
21. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2024 год: [Ежегодник]. Вып. 3(204) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2025. 170 с. ISBN 978-5-9940-0792-1 EDN MKBWFA
22. Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б., Петренко Е.С. Потребительские стратегии российских граждан // Практический маркетинг. 2011. № 11(177). С. 4–21. EDN OJDWJR
23. Россинская Г. Домохозяйства: особенности потребительского поведения в трансформационной экономике России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2008. № 3. С. 153–171. EDN JWAQMF

Информация об авторах:

Алефтина Александровна Гулюгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики РАН (SPIN-код: 8187-0889) (ResearcherID: H-2175-2018)

Татьяна Викторовна Чащина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики РАН (SPIN-код: 1770-4231) (ResearcherID: GQH-0078-2022)

Заявленный вклад авторов:

А.А. Гулюгина – постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ результатов исследования, обобщение результатов исследования.

Т.В. Чащина – обзор исследований и публикаций по теме исследования.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
 Автор, ответственный за переписку – Алефтина Александровна Гулюгина.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Shirov A.A. Household Consumption in the Mirror of Input–Output Tables. *Problemy prognozirovaniya=Problems of Forecasting*. 2024;(3(204)):6-17. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-204-6-17> (In Russ.)
2. Makar S.V., Yarasheva A.V. Consumer Behavior of Russians: Opportunities and Priorities. *Narodonaselenie=Population*. 2022;25(4):68-78. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.6> (In Russ.)
3. Rossinskaya G.M. Factors and Patterns of Consumer Behaviour of Households in the Terms of Transformation of the Russian Economy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2016;(3(201)):147-156. (In Russ.)
4. Krasnikovskii V.Ya. The Role of Consumer Behavior as an Element of the Mechanism of Social Stratification. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya=World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2019;10(3):21. (In Russ.)
5. Folomeeva T.V. Socio-Psychological Approach to the Study of Consumer Behavior. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya=Lomonosov Psychology Journal*. 2012;(1):145-154. (In Russ.)
6. Shelomentsev A.G., Goncharova K.S. Dependence of Spending Patterns of Households on Their Income in the Context of Health-Related Behaviour: Numerical Study. *Ekonomika regiona=Economy of Region*. 2020;16(3):791-806, <https://doi.org/ekon.reg.10.17059/2020-3-9> (In Russ.)
7. Loschiavo D., Tullio F., di Salvatore A. Measuring Households' Financial Fragilities: an Analysis at the Intersection of Income, Financial Wealth, and Debt. *Review of Income and Wealth*. 2024;71(1):e12691. <https://doi.org/10.1111/roiw.12691>
8. Rapp S. Economies of Scale for Household Wealth: an Analysis of Equivalence Scales. *Review of Income and Wealth*. 2025;71(1):e70002. <https://doi.org/10.1111/roiw.70002>
9. Dias R.S., Sharma E., Fitzsimons G.J. Quality–Quantity Tradeoffs in Consumption. *Journal of Consumer Research*. 2025;52(1):93–114. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucae059>
10. Korchagina I.I., Prokofieva L.M., Ter-Akopov S.A. Material Deprivations in Poverty Estimations. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(2):51-63. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00015> (In Russ.)
11. Razumov A.A., Selivanova O.V. The Impact of Child Benefits and Compensation Payments on Poverty Reduction in the Regions of Russia. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;50(1):83-93. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-83-93> (In Russ.)
12. Razumov A.A., Selivanova O.V. Households at Risk of Poverty: Regional Aspect. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(2):236–247. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.8> (In Russ.)
13. Lytkina T.S., Yaroshenko S.S. On the Intersection of Gender and Class: How Single Mothers Organize Their Everyday Life in Post-Socialist Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2021;(11):61-72. <https://doi.org/10.31857/S013216250017574-4> (In Russ.)
14. Greenstone M., Looney A., Patashnik J., Yu M. Thirteen Economic Facts about Social Mobility and the Role of Education. Washington: Brookings Institution; 2013. 26 p.
15. Mussida C., Sciulli D. The Dynamics of Poverty in Europe: What Has Changed after the Great Recession? *The Journal of Economic Inequality*. 2022;20:915–937. <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09527-9>
16. Theloudis A. Consumption Inequality across Heterogeneous Families. *European Economic Review*. 2021;136:103765. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2021.103765>
17. Zubarevich N.V., Safronov S.G. The Share of Food in Total Consumption of the Population of Russian Regions as an Indicator of the Standard of Living and Consumption Modernization. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5, Geografia=Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2019;(2):61–68. (In Russ.)
18. Kotelnikova Z.V., Radaev V.V., Sinyavskaya O.V. New Forms of Consumption: Socio-Logical Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025;(3(187)):3–12. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.3049> (In Russ.)
19. Kotelnikova Z.V. The Evolution of Sociological Approaches towards Conceptualizing Consumption in Western Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2024;30(2):8-32. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.1> (In Russ.)
20. Ivankina L.I., Klemasheva E.I., Kashapova E.R., Anikina E.A. Consumer Behavior of the Elderly. *Mir ekonomiki i upravleniya=World of Economics and Management*. 2021;21(1):42-58. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-1-42-58> (In Russ.)
21. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2024 God. Yearbook. Issue 3(204). Moscow: Institute of Economics RAS; 2025. 170 p. ISBN 978-5-9940-0792-1 (In Russ.)

22. Galitskaya E.G., Galitsky E.B., Petrenko E.S. Consumer Strategies of Russian Citizens. *Prakticheskii marketing=Practical Marketing*. 2011;(11(177)):4-21. (In Russ.)
23. Rossinskaya G. Households: Features of Consumer Behavior in the Transformation Economy of Russia. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2008;(3):153-171. (In Russ.)

Information about the authors:

Aleffina A. Gulyugina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 8187-0889) (ResearcherID: H-2175-2018)

Tatyana V. Chashchina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1770-4231) (ResearcherID: GQH-0078-2022)

Authors' declared contribution:

A.A. Gulyugina – statement of the problem, development of the article concept, analysis of the research results, generalization of the research results.

T.V. Chashchina – review of research and publications on the research topic.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Aleffina A. Gulyugina.

The article was submitted 18.11.2025; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 331.5

JEL I21, J24, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_2_26_38

EDN TMYBNU

Трансформация образовательных стратегий выпускников школ: предпочтения к СПО или ВУЗам (сравнительный анализ 2018/2024 гг.)

Владимир Семенович Половинко¹, Игорь Владимирович Диннер²

^{1,2}Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

¹(pw3@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6858-045X>)

²(igor-dinner@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0269-4443>)

Аннотация

Целью статьи является выявление образовательных стратегий выпускников школ в отношении выбора между программами высшего и среднего профессионального образования. Исследование направлено на эмпирическую фиксацию сдвигов в образовательных предпочтениях школьников, а также на выявление роли социально-демографических и академических факторов в формировании образовательных траекторий. Гипотеза исследования: в период 2018–2024 гг. произошла не просто количественная коррекция, а качественная трансформация образовательных стратегий старшеклассников, характеризующаяся: изменением институциональной роли СПО, инверсией территориального эффекта, превращением академической успеваемости в ключевой селективный фильтр доступа к высшему образованию. Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий положения экономики образования, социологии молодёжи и теории человеческого капитала. Образовательный выбор трактуется как результат взаимодействия рационального расчёта ожидаемых выгод и издержек, институциональных ограничений и социально-территориальных условий. В качестве основных методов использованы описательная статистика, сравнительный анализ и бинарная логистическая регрессия, включая модели с интеракционными эффектами и сценарное моделирование вероятностей образовательного выбора. Информационную базу исследования составили результаты двух массовых социологических опросов учащихся 9–11 классов общеобразовательных организаций Омской области, проведённых в 2018 и 2024 гг. Объём выборки составил более 26 тыс. респондентов, что обеспечивает статистическую устойчивость полученных оценок и сопоставимость временных срезов. В ходе исследования выявлена структурная трансформация образовательных стратегий: зафиксирован устойчивый сдвиг от ориентации на высшее образование в пользу среднего профессионального образования. Установлена инверсия территориального эффекта, усиление селективной роли академической успеваемости и снижение значимости гендерных различий. Показано, что среднее профессиональное образование перестаёт быть вторичной стратегией, и формируется как институционально и экономически рациональный выбор. Сделан вывод о нарастании образовательного неравенства и закреплении селективной модели доступа к высшему образованию уже на этапе окончания основной школы.

Ключевые слова: образовательные стратегии, выпускники школ, высшее образование, среднее профессиональное образование, профессиональное самоопределение, образовательное неравенство, территориальные различия, человеческий капитал, рынок труда

Для цитирования: Половинко В.С., Диннер И.В. Трансформация образовательных стратегий выпускников школ: предпочтения к СПО или ВУЗам (сравнительный анализ 2018/2024 гг.) // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 26–38. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_2_26_38 EDN TMYBNU

RAR (Research Article Report)

JEL I21, J24, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_2_26_38

Transformation of Educational Strategies of School Graduates: Preferences for Secondary Vocational or Higher Education (Comparative Analysis of 2018/2024)

Vladimir S. Polovinko¹, Igor V. Dinner²

^{1,2}Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

¹(pw3@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6858-045X>)

²(igor-dinner@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0269-4443>)

Abstract

This article analyzes the transformation of educational strategies of upper-secondary leavers regarding the choice between higher education and secondary vocational education in contemporary Russia. The study aims to identify shifts in educational preferences and to assess the influence of socio-demographic and academic factors on the formation and differentiation of educational trajectories. The research hypothesis assumes that in 2018–2024 educational strategies underwent a qualitative transformation, characterized by the increasing institutional role of secondary vocational education, the inversion of territorial effects, and the strengthening of academic achievement as a key selective filter for access to higher education. The methodological framework is based on an interdisciplinary approach integrating human capital theory, economics of education, and youth sociology. Educational choice is interpreted as the outcome of rational cost-benefit

© Половинко В.С., Диннер И.В., 2026

considerations, institutional constraints, and socio-territorial conditions shaping individual decision-making. The study applies descriptive statistics, comparative analysis, and binary logistic regression, including interaction models and scenario-based probability estimates. The empirical base includes two large-scale surveys of students in grades 9–11 in the Omsk region conducted in 2018 and 2024, with a total sample exceeding 26,000 respondents. The results demonstrate a stable shift toward secondary vocational education, increased selectivity of higher education, and the consolidation of educational inequality already at the stage of completing lower secondary school. The study identified an inversion of territorial effects, a strengthening of the selective role of academic achievement, and a reduced significance of gender differences. It is shown that secondary vocational education is no longer a secondary strategy and is increasingly formed as an institutionally and economically rational choice. The findings indicate growing educational inequality and the consolidation of a selective model of access to higher education already at the stage of completing lower secondary school.

Keywords: educational strategies, school graduates, higher education, secondary vocational education, professional self-determination, educational inequality, territorial differences, human capital, labor market

For citation: Polovinko V.S., Dinner I.V. Transformation of Educational Strategies of School Graduates: Preferences for Secondary Vocational or Higher Education (Comparative Analysis of 2018/2024). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):26–38. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_2_26_38 (In Russ.)

Введение

Формирование человеческого капитала страны существенно зависит от функционирования системы образования, которая в последние десятилетия трансформируется, в том числе в векторах приоритетности высшего (далее – ВПО) и/или среднего профессионального образования (далее – СПО). В этих условиях меняются образовательные стратегии старшеклассников. За последние 5 лет произошли ряд макроэкономических и социальных изменений, включая изменение структуры национального и регионального рынков труда.

Сдвиг на рынке труда и экономический фактор. Наблюдается устойчивый рост спроса и оплаты труда в промышленно-производственном секторе, что создаёт новую экономическую мотивацию для выбора СПО как доходной стратегии¹. Заработная плата в критически важных отраслях, связанных с рабочими и техническими специальностями, росла опережающими темпами.

Трансформация образовательных институтов. Происходит усиленное развитие системы СПО, поддерживаемое государством через увеличение бюджетных мест (контрольных цифр приёма – далее КЦП), модернизацию и федеральные проекты (например, «Профессионалитет»)². Са-

¹ Зарплата в промышленно-производственном секторе выросла на 307% // Российский союз промышленников и предпринимателей: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/events/news/rostrud-zarplata-v-promyshlennoproizvodstvennom-sektore-vyroslo-na-307/> (дата обращения: 10.12.2025); Занятость и заработная плата работников по видам экономической деятельности в Омской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: [сайт]. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/katalogzanjatost> (дата обращения: 10.12.2025); Федеральная государственная информационная система «Работа России»: [сайт]. URL: <https://trudvsem.ru/> (дата обращения: 10.12.2025).

² Контрольные цифры приёма по образовательным программам высшего образования в 2018–2024 гг. // Минобрнауки России: [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/> (дата обращения: 09.12.2025); Профессионалитет: [сайт]. URL: <https://xn--n1abdr5c.xn--p1ai/> (дата обращения: 09.12.2025); Мониторинг экономики образования – 2024 // На-

мый значительный рост КЦП наблюдается именно в СПО, что делает его самой массовой образовательной траекторией. В секторе ВПО рост идёт преимущественно за счёт инженерных и технических специальностей.

Таким образом, выбор образовательной траектории выпускника перестал быть сугубо социальным или инерционным решением, став комплексной реакцией на макроэкономические и институциональные изменения.

Несмотря на очевидные изменения в экономике и государственной образовательной политике, в научном дискурсе до сих пор отсутствует систематический сравнительный анализ того, как именно эти изменения повлияли на реальные образовательные стратегии выпускников школ. Период 2018 года может служить точкой отсчёта (до активной фазы реформ и выраженного дефицита кадров), а 2024 год – фиксацией текущего состояния, сформированного под воздействием всех указанных макрофакторов. Проблема исследования заключается в научном осмыслении и эмпирическом доказательстве того, как эти факторы повлияли на образовательные стратегии выпускников школ в пользу СПО или ВУЗа, а также о возможностях использования этих результатов в профессиональном самоопределении.

Целью исследования является выявление образовательных стратегий выпускников школ в отношении выбора между программами высшего и среднего профессионального образования. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1. Выявить и эмпирически сопоставить образовательные предпочтения выпускников школ в 2018 и 2024 гг. для определения векторов трансформации их образовательных стратегий.

циональный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: <https://memo.hse.ru/> (дата обращения: 09.12.2025).

2. Сформулировать выводы о сценарном выборе образовательных траекторий на основе основных атрибутивных признаков.

Объект исследования: образовательные стратегии выпускников школ. Под образовательными стратегиями выпускника школы будем понимать комплекс мотивационных паттернов и прагматических решений, направленных на выбор образовательной траектории после окончания учебного заведения. Теоретически она может включать: выбор уровня образования (СПО, ВУЗ); выбор типа учреждения (региональный, столичный, зарубежный ВУЗ, колледж); определение профиля, специальности, сферы деятельности; оценку ресурсных возможностей (успеваемость, финансы, поддержка семьи); намерения трудоустройства или миграции. В рамках данной статьи предметом исследования является динамика выбора между СПО и ВУЗами в контексте социально-демографических факторов.

Гипотеза исследования: в период 2018–2024 гг. произошла не просто количественная коррекция, а качественная трансформация образовательных стратегий старшеклассников, характеризующаяся изменением институциональной роли СПО, инверсией территориального эффекта, превращением академической успеваемости в ключевой селективный фильтр доступа к высшему образованию.

Содержание и логика исследования базируется на теории человеческого капитала, роли системы образования в его формировании. В работе Т.О. Разумовой и И.Г. Телешовой высшее образование трактуется как институт двойного назначения: обеспечение рынка труда высококвалифицированными кадрами и одновременно предоставление возможностей саморазвития и самореализации личности [1]. Существенным вкладом является акцент на необходимости методологического сопряжения образовательной политики и экономики труда, что задаёт рамку интерпретации образовательных предпочтений школьников как рационального ответа на меняющуюся «цену» и «отдачу» образовательных уровней [1]. Схожая институциональная перспектива прослеживается в анализе рыночной трансформации образования и её последствий для неравенства человеческого капитала [2]. В совокупности эти работы формируют важный тезис: ценность высшего образования перестаёт быть универсальной, а становится дифференцированной по территориям, социальным группам и качеству образовательных траекторий, что требует эмпирического анализа именно на этапе выбора образовательной траектории.

В исследованиях последнего времени усиливается фокус на стратификацию качества высшего

образования. Так, К.В. Рожкова, С.Ю. Рошин, С.А. Солнцев и П.В. Травкин показывают, что различия между вузами по качеству подготовки и селективности корреспондируют с различиями в заработных платах выпускников, т.е. высшее образование функционирует как неоднородный институт, воспроизводящий «качественную» образовательную и, далее, доходную стратификацию [3]. Это принципиально важно для интерпретации школьного выбора: рациональность ориентации на ВУЗ может ослабевать не из-за падения ценности образования в целом, а вследствие снижения ожидаемой отдачи от «массового» сегмента высшего образования и роста привлекательности прикладных траекторий, ориентированных на быстрый вход на рынок труда.

Анализ связи социально-экономического неравенства и образовательной мобильности в статье Е.В. Сапир и А.А. Чистяковой показывает, что неравенство может выступать фактором ограничения межпоколенческой образовательной мобильности, закрепляя «коридоры» доступных траекторий и снижая вероятность выхода на более высокий уровень образования у групп с меньшими ресурсами [4; 5; 6; 7]. В контексте региональных исследований это усиливает значимость территориальных различий: региональные и поселенческие эффекты становятся не фоном, а механизмом воспроизводства образовательных различий.

Исследования, посвящённые выбору траектории, фиксируют рост значимости территориального фактора и усиление адаптивных стратегий, в том числе через СПО как «транзит» или как самостоятельную конечную траекторию. В работе Н.А. Овчар, Е.В. Ануфриевой, Н.В. Дулиной и Е.Г. Ефимова показано, что решение о поступлении в университет формируется под воздействием более широкого набора факторов, чем академические показатели: территориальная локализация вуза, семейные традиции, социально-экономические ресурсы, а также барьеры конкурентного отбора. При этом СПО может выполнять функцию обходного канала доступа к высшему образованию («транзитная траектория»), либо становиться самостоятельной стратегией в условиях ограниченной доступности бюджетных мест и неуверенности в результатах академической селекции [8; 9; 10].

Профессиональное самоопределение в современных работах рассматривается не как разовый выбор профессии, а как процесс конструирования образовательной стратегии [11]. В логике рассматриваемой темы это означает, что выбор ВУЗ/СПО следует трактовать как ранний индикатор более широкого спектра ожиданий и представле-

ний о доступных каналах социальной мобильности [12; 13; 14].

Теоретические и методологические положения

С методологической точки зрения исследования можно отметить, что применение бинарной логистической регрессии для моделирования образовательного выбора соответствует сложившейся практике в современных российских социально-экономических исследованиях, в том числе по вопросам образовательного выбора (см. работы А.К. Адамовича, Г.К. Чередниченко, В.А. Мальцевой и др.) [7; 9; 13]. Ряд авторов, например, И.В. Васенина, М.Е. Липатова, В.А. Сушко, Л.Ю. Логунова и др., для повышения объяснительной силы моделей включают расширенный набор предикторов, таких как социально-экономический статус семьи, тип школы и материальные ресурсы, вложения в подготовку к поступлению в вуз и др. [15; 16]. Это ставит вопрос об оптимальности и целесообразности расширения количества переменных для построения сценарных моделей с точки зрения практического применения.

Анализ литературы выявляет важный методологический разрыв: значительная часть исследований либо сосредоточена на институциональном уровне (реформы, рынки квалификаций, качество вузов) [1; 3], либо использует локальные/проектные массивы без строгой сопоставимости во времени [8], либо рассматривает профессиональное самоопределение преимущественно в педагогико-психологической логике без развёрнутой экономико-социологической операционализации факторов неравенства [11; 15; 16].

Если характеризовать в целом, то исследование опирается на интеграцию:

- Концепции рационального выбора (максимизация ожидаемой полезности) [17], согласно которой выбор определяется сравнением ожидаемой выгоды и издержек. Образовательные стратегии рассматриваются как ключевой механизм воспроизводства человеческого капитала регионов, напрямую влияющий на уровень и качество жизни населения. Дополнительным теоретическим основанием является социологическая интерпретация образования как социального лифта и одновременно механизма социальной селекции. В контексте нашего исследования это означает, что: выбор СПО против ВУЗа определяется сравнением ожидаемой чистой выгоды (скорость получения высокооплачиваемой работы, качество трудовой жизни) и издержек (срок обучения, финансовые затраты, доступности образования).

- Элементы теории социального воспроизводства П. Бурдьё (влияние габитуса и социаль-

ного капитала) [18], в рамках которой стратегия есть компромисс между рациональным расчётом и инерцией социального престижа ВУЗа. С этой позиции образовательная стратегия рассматривается как результат компромисса между рациональным расчётом и инерцией социального престижа ВУЗа, который исторически является маркером высокого социального статуса. Трансформация стратегий 2018–2024 гг. может быть объяснена эрозией традиционного габитуса (по П. Бурдьё) под давлением экономических факторов и государственной пропаганды СПО.

В целом принцип социологического реализма действительно стал ключевым: образовательный выбор интерпретируется как результат взаимодействия индивидуальных характеристик (успеваемость, пол, территория) и институциональных условий (государственная политика в сфере высшего и среднего профессионального образования, изменения на рынке труда, контрольные цифры приёма).

Кроме того, исследование опиралось на институциональный подход. Можно выделить следующие ключевые институциональные изменения (2018–2024 гг.): кратное увеличение бюджетных мест в СПО; модернизация СПО и усиление связи с работодателями в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет»; сдвиг в структуре КЦП в высшем образовании (рост бюджетных мест преимущественно по инженерным и техническим специальностям); изменения на рынке труда (опережающий рост оплаты труда в промышленно-производственном и рабоче-техническом секторах); ограничение платного приёма в вузах по ряду направлений (с 2026 г.), что усиливает селективность доступа к высшему образованию.

Методологическая основа исследования построена в логике сравнительного анализа двух временных срезов (2018 и 2024 гг.). В качестве ключевой зависимой переменной используется образовательная стратегия респондента, операционализированная в бинарном виде: выбор высшего образования (ВУЗ = 1) и выбор среднего профессионального образования (СПО = 0). Ответ «нет планов», из анализа исключается ввиду незначительного количества (4,9% и 3,65% в соответствующий период), а также вследствие недостаточной выраженности стратегии, что позволяет сосредоточиться на исключительно валидных образовательных траекториях.

В качестве независимых переменных используются: территориальный признак (город/сельская местность); пол респондента; уровень успеваемости в школе; класс обучения (9, 10, 11). То есть, взяты атрибутивные, а не ценностно ориентированные признаки, что позволяет точнее оп-

ределить объектный сегмент анализа. Выбор трёх ключевых признаков (территория, пол, успеваемость) обусловлен тремя соображениями: 1) их теоретической значимостью в рамках теорий стратификации и рационального выбора; 2) практической целью сценарного моделирования, где необходимы легко измеряемые и интерпретируемые переменные для построения прогнозных сценариев; 3) обеспечением строгой сопоставимости данных 2018 и 2024 гг. Включение дополнительных регрессоров (например, социально-экономический статус семьи, ценностные ориентации и др.) могло бы повысить точность модели, но усложнило бы её практическое применение для прогнозирования и поставило бы под угрозу сравнимость временных срезов.

Для оценки влияния факторов применяется метод бинарной логистической регрессии, позволяющий выявлять вероятность выбора образовательной траектории в зависимости от социально-демографических характеристик. В качестве основной интерпретационной метрики используются отношения шансов (OddsRatio), демонстрирующие силу влияния каждой переменной при контроле остальных факторов.

Моделирование осуществляется в несколько этапов: базовая модель (территория, пол, успеваемость) и модель с интеракционными эффектами (взаимодействие успеваемости с полом и территорией). Подобная последовательность позволяет выявить не только прямые эффекты факторов, но и их структурные взаимодействия.

Самостоятельной частью методологии является сценарное моделирование вероятностей выбора образовательной траектории. Для более наглядной интерпретации результатов регрессионного анализа была построена модель сценарных вероятностей выбора образовательной стратегии при различных сочетаниях социальных и академических характеристик школьников.

Таким образом, методологическая позиция исследования исходит из принципа социологического реализма: образовательный выбор трактуется как результат взаимодействия индивидуальных характеристик и институциональных условий, а не как исключительно продукт «свободного выбора».

Использованные данные и методы работы с ними

Эмпирической основой исследования послужили результаты двух социологических опросов школьников 9–11 классов Омской области в 2018 (N=11 691) и 2024 (N=14 353) гг., репрезентативных по территориям (город/село) и классам (9, 10, 11), что показано в авторских свидетельствах о государственной регистрации баз данных³.

³ Трудовые ценности и профессиональное самоопределение школьников: свидетельство о гос. регистрации базы данных № 2025621054 Рос. Федерация: заявл. 25.02.2025; опубл.

В исследовании применялся комплекс методов количественного анализа.

1. Описательная статистика и сравнительный анализ: использовались частотные распределения и долевые показатели, отражающие структуру образовательных стратегий и динамику ориентации на ВУЗ и СПО.

2. Бинарная логистическая регрессия: основным аналитическим инструментом выступала логистическая модель, использованная для оценки вероятности выбора ВУЗа:

$$\ln\left(\frac{P(BY3=1)}{1-P(BY3=1)}\right)=\beta_0+\beta_1X_1+\beta_2X_2+\beta_3X_3+\beta_4X_4 \quad (1)$$

где:

X_1 – территория проживания,

X_2 – пол,

X_3 – успеваемость,

X_4 – класс обучения.

Дополнительно оценивались модели с интеракционными эффектами, что позволило выявить структурные различия действия факторов по полу и территории.

Результаты интерпретировались на основе: коэффициентов регрессии (β), отношений шансов (OddsRatio, OR), 95-процентных доверительных интервалов, уровней статистической значимости (p-value). Качество моделей оценивалось с использованием: псевдо-коэффициента детерминации (Pseudo R^2), логарифма функции правдоподобия, информационного критерия Акаике (AIC). При этом ещё в методологической части поясним, что логит-моделях Pseudo R^2 не равно статистическому R^2 . Поэтому значения 0,2–0,4 в социологии считаются хорошими, поскольку основная цель – оценка эффектов, а не точное предсказание.

Авторы отчётливо понимают, что существующие ограничения исследования (региональный характер выборки – Омская область, использование самооценки успеваемости) требуют дальнейших исследований. Однако одновременно большие объёмы выборок и устойчивость статистических эффектов позволяют рассматривать полученные результаты как аналитически надёжные и эмпирически значимые. Кроме того, в работе выявляются механизмы, а не абсолютные уровни.

Результаты исследования. Основные результаты анализа образовательных стратегий (2018–2024 гг.) как процентное соотношение бинарных выборов представлены в таблице 1.

06.03.2025 / И.В. Диннер, В.С. Половинко. EDN IOKTOQ; Проориентационная активность школьников старших классов: свидетельство о гос. регистрации базы данных № 2024622745: заявл. 28.06.2024; опубл. 08.07.2024 / И.В. Диннер. EDN EOWTHE

Таблица 1

Образовательные стратегии школьников в 2018 и 2024 гг. в разрезе социально-демографических характеристик, %

Table 1

Educational Strategies of School Students in 2018 and 2024 by Socio-Demographic Characteristics, %

Категория	2018 ВУЗ	2018 СПО	2024 ВУЗ	2024 СПО
Всего	77,6	14,1	49,3	37,7
Город	71,33	19,90	56,78	30,71
Село	89,03	3,36	41,16	45,33
Мужчины	71,93	15,96	46,56	41,94
Женщины	82,00	12,60	52,78	34,43
Успеваемость 2–3	51,6	28,2	11,0	51,7
Успеваемость 3–4	67,8	22,2	30,9	53,0
Успеваемость 4–5	85,7	7,7	67,5	24,3
9 класс	66,21	23,86	31,38	53,77
10 класс	87,34	5,61	73,13	16,28
11 класс	89,07	4,14	75,94	13,89

Источник: составлено авторами.

Данные позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Зафиксирована структурная трансформация образовательных стратегий школьников. В период 2018–2024 гг. произошло принципиальное изменение структуры образовательных предпочтений: доля ориентации на высшее образование снизилась почти на треть, тогда как выбор СПО вырос более чем в два с половиной раза. Динамика носит не компенсаторный, а системный характер, отражая пересборку образовательных приоритетов молодёжи.

2. Произошла инверсия территориального эффекта. Если в 2018 г. проживание в сельской местности увеличивало вероятность ориентации на высшее образование, то в 2024 г. ситуация изменилась на противоположную: сельская молодёжь демонстрирует более низкую ориентацию на ВУЗ и значительно более высокую ориентацию на СПО.

3. Характер выявленных изменений указывает на снижение привлекательности (или доступности? – требует дополнительного анализа) высшего образования для сельских выпускников, рост прагматических стратегий профессионального выбора, усиление территориальной дифференциации образовательных траекторий.

4. Успеваемость становится главным фильтром образовательной стратификации. Во всех выборках фиксируется жёсткая зависимость между уровнем академической успешности и направленностью образовательной траектории. В 2024 г. среди школьников с успеваемостью «2–3» ориентация на высшее образование становится минимальной, тогда как среди отличников со-

храняется устойчивая ориентация на ВУЗ. Таким образом, усиливается функция селективного механизма уровня образования: образовательная система всё в большей степени воспроизводит социальное расслоение, доступ к высшему образованию стал зависеть, прежде всего, от академических факторов.

5. Гендерная асимметрия образовательных стратегий усилилась. Если в 2018 г. девушки демонстрировали более сильную ориентацию на высшее образование по сравнению с юношами, то в 2024 г. различия сохраняются, но сопровождаются резким увеличением доли мужчин, выбирающих СПО.

6. СПО перестало быть «остаточной стратегией». Анализ данных не подтверждает трактовку среднего профессионального образования как вынужденного или вторичного маршрута, что было характерно для периода начала 2000-х годов. Рост доли СПО в образовательных стратегиях носит устойчивый, территориально дифференцированный, социально-обусловленный характер. Это свидетельствует о формировании новой модели профессиональной социализации, особенно выраженной в сельской местности и среди молодёжи со средней и низкой академической успеваемостью.

Таким образом, мы имеем дело не с отдельными различиями, а с эмерджентной моделью образовательной стратификации, формирующей долгосрочные различия в качестве человеческого капитала.

Для более точной оценки результатов частотного распределения остановимся на углублённом анализе отдельных результатов.

Известно, что на актуальность выбора влияют институциональные ограничения и барьеры. Российская система образования такой институциональной точкой определяет 9 класс, когда школьник должен определиться с возможностью/

желанием продолжить обучение в школе или в организациях СПО. Поэтому в ходе анализа была поставлена задача сегментации базы анализа отдельно на школьников 9 класса и 10–11 классы (см. таблицу 2).

Таблица 2

Образовательные стратегии учащихся 9 класса в 2018 и 2024 гг. в разрезе социально-демографических характеристик, %*

Table 2

Educational Strategies of 9th-Grade Students in 2018 and 2024 by Socio-Demographic Characteristics, %*

Категория	2018 ВУЗ	2018 СПО	2024 ВУЗ	2024 СПО
Всего	66,21	23,86	31,38	53,77
Город	60,97	39,03	43,03	56,97
Село	95,23	4,77	30,82	69,18
Мужской	69,98	30,02	34,75	65,25
Женский	76,35	23,65	38,53	61,47
Успеваемость «2–3»	48,47	51,53	9,54	90,46
Успеваемость «3–4»	59,54	40,46	20,47	79,53
Успеваемость «4–5»	85,42	14,58	56,26	43,74

* Вариант «нет определённых планов» исключены ввиду незначительности величин и недостаточной выраженности стратегии.

Источник: составлено авторами.

Результаты демонстрируют глубокую трансформацию механизмов раннего образовательного выбора. Если в 2018 г. ориентация на высшее образование оставалась доминирующей во всех основных социально-демографических группах, то к 2024 г. происходит системный сдвиг в пользу среднего профессионального образования. Наиболее существенные изменения наблюдаются в разрезе места проживания. В 2018 г. сельские девятиклассники демонстрировали практически универсальную ориентацию на высшее образование (95,2%), что понималось нами как компенсаторная стратегия преодоления территориальных ограничений. В 2024 г. данный эффект полностью меняется: 69,2% сельских учащихся 9 классов ориентируются на СПО, а доля ориентированных на ВУЗ сокращается более чем втрое.

Академическая успешность усиливает свою роль как структурного фильтра образовательного выбора. В 2018 г. даже среди учащихся с низкой успеваемостью почти половина рассматривала высшее образование как возможную траекторию. В 2024 г. для данной группы ориентация на ВУЗ становится незначительной, тогда как выбор СПО приобретает нормативный характер. Даже при средней успеваемости ориентация на высшее образование не превышает 21%, что свидетельствует о росте селективности доступа к ВУЗам уже на этапе 9 класса.

Что касается гендерных различий, то, оставаясь статистически значимыми, они утрачива-

ют определяющее значение. В обеих временных точках девушки чаще ориентированы на высшее образование, однако в 2024 г. рост привлекательности СПО приводит к сближению стратегий юношей и девушек за счёт снижения предпочтения высшего образования.

Таким образом, анализ образовательных траекторий девятиклассников в динамике 2018–2024 гг. позволяет трактовать этот институциональный рубеж как ключевую точку структурного перелома образовательных траекторий, в рамках которой СПО трансформируется из вторичной альтернативы в доминирующий канал продолжения образования для большинства социальных групп.

Для более уверенной интерпретации результатов в таблице 3 проведён регрессионный анализ.

Результаты логистической регрессии подтверждают наличие принципиально различных механизмов образовательного выбора среди учащихся 9 классов в 2018 и 2024 гг. В 2018 г. при прочих равных условиях сельские девятиклассники имели почти в девять раз более высокие шансы выбора ВУЗа по сравнению с городскими учащимися. Данный эффект отражал высшее образование как основной канал социальной и территориальной мобильности. В 2024 г. данный эффект полностью инвертируется. Проживание в сельской местности снижает вероятность ориентации на ВУЗ более чем в два раза, что свидетельствует о трансформации образовательного выбора.

Таблица 3

Факторы ориентации на высшее образование среди учащихся 9 классов: результаты бинарной логистической регрессии, 2018 и 2024 гг. (OR, 95% ДИ)

Table 3

Factors Influencing the Orientation toward Higher Education among 9th-Grade Students: Results of Binary Logistic Regression, 2018 and 2024 (OR, 95% CI)

Переменная	2018 OR	95% ДИ (2018)	p	2024 OR	95% ДИ (2024)	p
Сельская местность (1 = село)	8,9	[7,2; 11,1]	<0,001	0,44	[0,38; 0,51]	<0,001
Пол (1 = мужской)	0,72	[0,61; 0,85]	<0,001	0,89	[0,77; 1,02]	0,091
Успеваемость (1-3)	3,1	[2,7; 3,6]	<0,001	4,7	[4,0; 5,6]	<0,001
N	~3 400	—	—	~4 100	—	—
Pseudo R ² (McFadden)	0,28	—	—	0,33	—	—

Источник: составлено авторами.

Успеваемость демонстрирует устойчивое и усиливающееся влияние в обоих временных срезах. В 2018 г. рост успеваемости увеличивал шансы ориентации на высшее образование примерно в три раза, тогда как в 2024 г. данный эффект возрастает почти до пятикратного. Это указывает на усиление селективной функции высшего образования и превращение академической успешности в ключевой фильтр доступа к вузовской траектории уже на этапе окончания 9 класса. Гендерный фактор в 2018 г. был статистически значим: юноши реже ориентировались на высшее образование по сравнению с девушками. В 2024 г. данный эффект ослабевает и утрачивает статистическую значимость, что свидетельствует о снижении роли гендерных различий на фоне доминирования структур-

ных факторов – территории и академической успешности.

Таким образом, анализ логистических моделей для учащихся 9 классов подтверждает, что в период 2018–2024 гг. произошёл переход от компенсаторной модели образовательного выбора к селективной, в рамках которой высшее образование становится доступным преимущественно для академически успешных учащихся, тогда как СПО закрепляется в качестве основной траектории для большинства социальных групп, особенно в сельской местности.

Для выявления факторов ориентации на высшее образование среди учащихся старшей школы были построены бинарные логистические модели отдельно для 10 и 11 классов в массивах 2018 и 2024 гг., данные представлены в таблице 4.

Таблица 4

Факторы ориентации на высшее образование среди учащихся 10 и 11 классов: результаты бинарной логистической регрессии, 2018 и 2024 гг. (OR, 95% ДИ)

Table 4

Factors Influencing the Orientation toward Higher Education among 10th and 11th-Grade Students: Results of Binary Logistic Regression, 2018 and 2024 (OR, 95% CI)

А) 10 класс

А) Grade 10

Переменная	2018 OR	95% ДИ	p	2024 OR	95% ДИ	p
Сельская местность	4,6	[3,7; 5,8]	<0,001	0,71	[0,60; 0,84]	<0,001
Пол (мужской)	0,81	[0,68; 0,97]	0,022	1,08	[0,93; 1,26]	0,314
Успеваемость	2,4	[2,0; 2,9]	<0,001	3,6	[3,1; 4,2]	<0,001
Pseudo R ²	0,23			0,24		

Б) 11 класс

Б) Grade 11

Переменная	2018 OR	95% ДИ	p	2024 OR	95% ДИ	p
Сельская местность	2,1	[1,6; 2,8]	<0,001	0,83	[0,69; 1,01]	0,067
Пол (мужской)	0,88	[0,73; 1,06]	0,182	1,12	[0,95; 1,32]	0,176
Успеваемость	1,9	[1,6; 2,3]	<0,001	3,1	[2,6; 3,7]	<0,001
Pseudo R ²	0,24			0,23		

Источник: составлено авторами.

Результаты логистической регрессии для учащихся 10 и 11 классов демонстрируют постепенное ослабление влияния территориального и гендерного факторов и одновременное усиление роли академической успешности по мере приближения к окончанию школы. В 2018 г. проживание в сельской местности оставалось значимым фактором ориентации на высшее образование как в 10, так и в 11 классе, однако сила данного эффекта последовательно снижалась по мере перехода от 10 к 11 классу. Это указывает на то, что территориальные различия частично сглаживались в старших классах за счёт уже сделанного выбора образовательной траектории в 9 классе.

В 2024 г. территориальный фактор либо существенно ослабевает (10 класс), либо утрачивает статистическую значимость (11 класс). Это свидетельствует о том, что основной территориальный отбор происходит раньше – в 9 классе, после чего образовательные траектории закрепляются.

Успеваемость выступает наиболее устойчивым и усиливающимся предиктором ориентации на ВУЗ. В 2024 г. рост успеваемости увеличивает вероятность выбора высшего образования в 3–4 раза как в 10, так и в 11 классе, что указывает

на окончательное институциональное закрепление селективной модели доступа к высшему образованию. Гендерные различия в старших классах носят вторичный характер и в большинстве моделей не достигают статистической значимости, что подтверждает гипотезу о снижении роли пола по мере усиления структурных и академических факторов.

Таким образом, в динамике от 9 к 11 классу наблюдается смещение центра принятия образовательного решения: если в 9 классе выбор определяется сочетанием территориальных и академических ограничений, то в 10–11 классах решающим фактором становится успеваемость, а сама образовательная траектория приобретает характер институционально закреплённого выбора.

Для проверки сформулированного выше вывода были разработаны две логистические модели с интеракциями (2018 и 2024), где $Y = 1$ (ВУЗ), 0 (СПО). Чтобы основные эффекты и интеракции интерпретировались корректно, успеваемость центрирована: $perf_c = perf - 2$ (т.е. «0» соответствует уровню «3–4»). Данные представлены в таблице 5.

Таблица 5

Факторы ориентации на ВУЗ: логистическая регрессия с интеракциями (OR, 95% ДИ)

Table 5

Factors Influencing the Orientation toward University: Logistic Regression with Interaction Terms (OR, 95% CI)

Переменная	2018 OR	95% ДИ	p	2024 OR	95% ДИ	p
Сельская местность (1=село)	13,65	[10,78; 17,29]	<0,001	0,52	[0,46; 0,57]	<0,001
Пол (1=мужской)	0,89	[0,78; 1,02]	0,107	1,29	[1,16; 1,44]	<0,001
Успеваемость (центр.)	4,60	[3,96; 5,34]	<0,001	5,03	[4,43; 5,71]	<0,001
Территория × успеваемость	0,26	[0,19; 0,35]	<0,001	0,93	[0,81; 1,08]	0,343
Пол × успеваемость	0,82	[0,67; 1,01]	0,057	0,90	[0,78; 1,04]	0,160

Источник: составлено авторами.

$N(2018) = 10\,713$, Pseudo R^2 (McFadden) = 0,165
 $N(2024) = 12\,491$, Pseudo R^2 (McFadden) = 0,134

Результаты анализа представлены на рисунке 1.

Интегральная визуализация предсказанных вероятностей демонстрирует принципиальное изменение логики образовательного выбора в период 2018–2024 гг. Во всех социально-демографических группах наблюдается резкое снижение вероятности ориентации на высшее образование при низкой и средней успеваемости. Особенно это выражено в сельской местности. Если в 2018 г.

территориальные и гендерные различия носили компенсаторный характер и сглаживались ростом успеваемости, то в 2024 г. академическая успешность становится ключевым селективным фильтром доступа к вузовской траектории. При этом сельские школьники и учащиеся с низкой успеваемостью демонстрируют системно более низкие вероятности ориентации на высшее образование даже при сопоставимых учебных достижениях, что свидетельствует об институционализации образовательного неравенства еще на ранних этапах образовательного пути (9 класс).

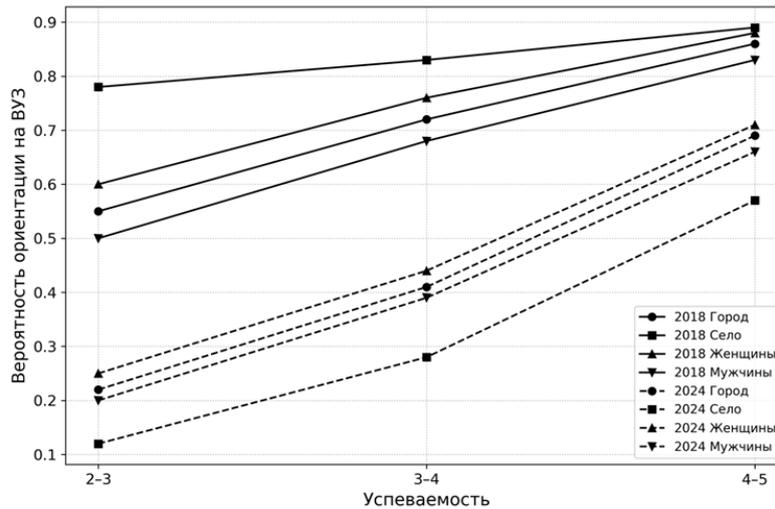

Рисунок 1. Предсказанные вероятности ориентации на высшее образование в зависимости от успеваемости, территории проживания и пола, 2018 и 2024 гг.
Figure 1. Predicted Probabilities of Orientation toward Higher Education by Academic Performance, Area of Residence, and Gender, 2018 and 2024

Источник: составлено авторами.

На следующем этапе для более наглядной интерпретации результатов регрессионного анализа и проверки гипотезы о практическом применении модели в прогнозных аспектах была построена модель сценарных вероятностей выбора образовательной стратегии при различных сочетаниях социальных и академических характеристик школьников. При этом напомним, что сценарное моделирование переводит коэффициенты в социально интерпретируемые величины, но не замещает модель, а расширяет интерпретацию.

В качестве основы использовались оценённые параметры бинарной логистической регрессии. Функциональная форма модели имеет вид:

$$P(\text{ВУЗ}=1|X) = \frac{1}{1 + \exp(-(\beta_0 + \beta_1 \cdot \text{Rural} + \beta_2 \cdot \text{Male} + \beta_3 \cdot \text{Perf} + \beta_4 \cdot \text{Grade}))} \quad (2)$$

где:

Rural – тип населённого пункта (1 – сельская местность, 0 – город);

Male – пол (1 – мужской, 0 – женский);

Perf – уровень успеваемости (1 – «2–3», 2 – «3–4», 3 – «4–5»);

Grade – класс обучения (9, 10, 11).

Для каждого сценария вычислялась прогнозная вероятность выбора высшего образования:

$$P^{(s)} = \frac{1}{1 + \exp(-(\hat{\beta}_0 + \hat{\beta}_1 \cdot \text{Rural}^{(s)} + \hat{\beta}_2 \cdot \text{Male}^{(s)} + \hat{\beta}_3 \cdot \text{Perf}^{(s)} + \hat{\beta}_4 \cdot \text{Grade}^{(s)}))} \quad (3)$$

где надстрочный индекс (s) обозначает конкретную комбинацию значений признаков, соответствующую тому или иному социально-академическому профилю учащегося.

Используя оценённую логистическую модель 2024 года, получены следующие коэффициенты:

- $\beta_0 = -0.305976$
- $\beta_1 = -0.662954$ (Rural)
- $\beta_2 = +0.257663$ (Male)
- $\beta_3 = +1.615253$ (Perf_c)
- $\beta_4 = -0.070245$ (Rural×Perf_c)
- $\beta_5 = -0.106388$ (Male×Perf_c)

Применив эти значения, например, для девочки из села, 10 класс, успеваемость 3–4 получаем, что прогнозная вероятность ориентации на высшее образование в 2024 г. составляет около 27,5%, что существенно ниже средних значений по выборке. Полученный результат отражает совокупное действие территориального ограничения и селективной роли академической успешности, при которой даже средний уровень успеваемости не обеспечивает высокой вероятности выбора вузовской траектории для сельских школьников.

Построение таких сценариев обеспечивает возможность:

- выявлять группы с высокой вероятностью отказа от высшего образования;
- диагностировать структурное образовательное неравенство по территории, полу и успеваемости;
- интерпретировать результаты логистической регрессии в терминах прикладных управленческих выводов для образовательной политики и регионального развития.

Выводы

Проведённый сравнительный анализ позволил эмпирически зафиксировать переход от компенсаторной модели образовательного выбора (2018 г.) к модели раннего селективного закрепления траекторий (2024 г.). Установлено: 1) инверсия территориального эффекта; 2) усиление роли академической успеваемости как ведущего селективного механизма; 3) превращение СПО в доминирующий канал для большинства социальных групп, особенно в сельской местности; 4) ключевая роль институционального рубежа 9 класса.

Исследование фиксирует тренд усиления образовательного расслоения как эмпирический факт, не давая ему нормативной (позитивной/негативной) оценки. Вместе с тем, процесс формирует новые вызовы для системы образования (доступность образования, перспективы формирования человеческого капитала в региональном разрезе и др.), что требует целенаправленного учёта и адресных мер в рамках государственной образовательной и социально-экономической политики для управления последствиями такой трансформации.

Отдельного внимания заслуживает результат сценарного моделирования: перевод коэффициентов логистической регрессии в прогнозные вероятности демонстрирует возможность использования модели для прогнозных расчётов при корректировке образовательной политики региона, при проведении адресной профориентационной работы.

Научная новизна работы состоит в том, что на сопоставимых данных двух временных срезов продемонстрирован переход от компенсаторной модели образовательного выбора (2018 г.) к модели раннего селективного закрепления траекторий (2024 г.), а также эмпирически раскрыта роль 9 класса как ключевой точки структурного передела образовательных стратегий.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением набора предикторов (социально-экономический статус семьи, образовательные ресурсы школы, миграционные намерения), а также с включением ценностных и мотивационных индикаторов для комплексной реконструкции механизмов образовательного выбора.

В контексте последних изменений государственной политики в сфере образования, связанных с ограничением платного приема в вузах по ряду специальностей⁴ выявленные в исследовании тренды, вероятно, получат дополнительное ускорение и институциональное закрепление. Это будет способствовать окончательной кристаллизации двухконтурной системы, в которой высшее образование, особенно в гуманитарной и социальной сферах, становится еще более селективным, а СПО – массовым каналом профессиональной социализации. Это ставит новые вызовы перед системой СПО и региональными вузами, формирует эффект «ловушки средней успеваемости», которая заключается в том, что абитуриенты со средними академическими результатами оказываются в ситуации, когда доступ к качественному бюджетному высшему образованию для них затруднён, а выбор СПО может восприниматься как стратегия «второго сорта», что ведёт к рискам недоиспользования потенциала и снижения мотивации. Это требует дальнейших исследований и адресных мер образовательной политики.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ полностью подтверждает выдвинутую гипотезу о качественной трансформации образовательных стратегий в период 2018–2024 гг. Эмпирически доказано, что произошло: изменение институциональной роли СПО (из второстепенной или транзитной траектории оно превратилось в самостоятельный, экономически и институционально рациональный массовый выбор, особенно для сельской молодёжи и учащихся со средней и низкой успеваемостью); инверсия территориального эффекта ярко выражена: если в 2018 г. сельские школьники демонстрировали компенсаторно высокую ориентацию на вузы, то к 2024 г. село стало локусом наиболее выраженного сдвига в сторону СПО; превращение академической успеваемости в ключевой селективный фильтр доступа к высшему образованию (успеваемость стала основным фактором, дифференцирующим траектории уже на этапе окончания 9 класса).

Список источников

1. Разумова Т.О., Телешова И.Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 338–349. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_338_349 EDN GGKNRO

⁴ Постановление Правительства РФ от 19.11.2025 г. № 1830 «Об утверждении Правил определения предельного количества мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об образовании, заключаемым при приеме на обучение за счет средств физического лица и (или) юридического лица, на 2026/27 учебный год»; Распоряжение Правительства РФ от 19.11.2025 г. № 3339-р «Об утверждении перечня направлений подготовки и специальностей высшего образования, научных специальностей, по которым определяется предельное количество мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об образовании на 2026/27 учебный год».

2. Александрова О.А. Проблемы высшей школы: внутри и вне системы образования // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 157–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168 EDN CWEQYO
3. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России / К.В. Рожкова, С.Ю. Роцин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 161–190. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-161-190> EDN SBLJRI
4. Сапир Е.В., Чистякова А.А. Влияние социально-экономического неравенства на повышение межпоколенческой образовательной мобильности // Теоретическая экономика. 2023. № 5(101). С. 75–88. EDN GMKVCA
5. Цвигун И.В., Зимина Е.В., Бахматова Т.Г. Изучение образовательных стратегий, поступающих в высшие учебные заведения (на примере студентов Байкальского государственного университета) // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Том 34. № 3. С. 459–474. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34\(3\).459-474](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34(3).459-474) EDN OICHUF
6. Ломтева Е.В. Образовательная миграция молодежи, выбравшей среднее профессиональное образование: основные тенденции и факторы влияния // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Том 1. № 6(102). С. 156–172. <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2024-101-156-172> EDN RXFTNN
7. Чередниченко Г.А. Перемены в послешкольных траекториях молодежи: социальная дифференциация // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 51–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250027362-1> EDN UQGBZA
8. Особенности образовательной стратегии выпускников школ при поступлении в региональные вузы России / Н.А. Овчар, Е.В. Ануфриева, Н.В. Дулина, Е.Г. Ефимов // Перспективы науки и образования. 2024. № 1(67). С. 763–778. <https://doi.org/10.32744/pse.2024.1.43> EDN PNYGQS
9. Мальцева В.А., Сальникова И.Е., Шабалин А.И. Вместо университета – в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 45–66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2090> EDN HSCAZW
10. Blazquez C., Cantillo V., García L. What are The Determinants of Career Preferences? The Case of High School Students in Chile. *British Journal of Guidance and Counselling*. 2024;52(5):970–988. <https://doi.org/10.1080/03069885.2024.2342787>
11. Андрианов А.С. Профессиональное самоопределение старшеклассников в построении образовательной стратегии // Академическая мысль. 2022. № 3(20). С. 12–16. EDN ENELWB
12. Zahl-Thamet A, Rye J.F. Spatial Inequality in Higher Education: A Growing Urban–Rural Educational Gap? *European Sociological Review*. 2024;40(6):1067–1081. <https://doi.org/10.1093/esr/jcae015>
13. Адамович К.А. Образовательные траектории российских учащихся после 9-го класса в 2000–2017 гг.: типы региональных ситуаций и предикторы различий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1(167). С. 116–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1792> EDN JJCRVR
14. Kriesi I., Sander F. Academic or Vocational Education? A Comparison of the Long-Term Wage Development of Academic and Vocational Tertiary Degree Holders. *Journal for Labour Market Research*. 2024;58:10. <https://doi.org/10.1186/s12651-024-00368-9>
15. Васенина И.В., Липатова М.Е., Сушко В.А. Профессиональные и образовательные стратегии современных абитуриентов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Том 25. № 4. С. 102–123. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123> EDN JXVNOG
16. Логунова Л.Ю., Маженина Е.А., Уткина А.Н. Образовательные стратегии молодежи в контексте устойчивого развития // Гуманизация образования. 2022. № 2. С. 18–28. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2020-10229> EDN JJRMUM
17. Christoph B. Tertiary Education, Changing One's Educational Decision and the Role of Parental Preferences. *Research in Higher Education*. 2024;65:283–302. <https://doi.org/10.1007/s11162-023-09752-9>
18. Bourdieu P, Passeron J-C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage Publications; 1990. 254 p. ISBN 9780803980913

Информация об авторах:

Владимир Семенович Половинко – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления человеческими ресурсами, факультет экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

(SPIN-код: 8454-2897) (ResearcherID: A-4317-2017) (Scopus Author ID: 56728354400)

Игорь Владимирович Диннер – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами, факультет экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (SPIN-код: 4692-3211)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Razumova T.O., Teleshova I.G. Transformation of the System of Higher Professional Education: Challenges and Perspectives. *Urov-en' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):338–349. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349 (In Russ.)
2. Aleksandrova O.A. Problems of Higher School: Inside and Outside the Education System. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(2):157–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168 (In Russ.)
3. Rozhkova K.V., Roshchin S.Yu., Solntsev S.A., et al. The Differentiation of Quality in Higher Education and Graduates' Wages in Russia. *Voprosy obrazovaniya=Educational Studies*. Moscow. 2023;(1):161–190. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-161-190> (In Russ.)
4. Sapir E.V., Chistyakova A.A. The Impact of Socio-economic Inequality on Increasing Intergenerational Mobility in Education. *Teoreticheskaya ehkonomika=Theoretical Economics*. 2023;(5(101)):75–88. (In Russ.)
5. Tsvigun I.V., Zimina E.V., Bakhamatova T.G. Study of Educational Strategies of Students Entering Higher Education Institutions (On the Example of Students of Baikal State University). *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Baikal State University*. 2024;34(3):459–474. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34\(3\).459-474](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34(3).459-474) (In Russ.)
6. Lomteva E.V. Educational Migration of Young People Who Chose Secondary Vocational Education: Main Trends and Factors of Influence. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika=Domestic and Foreign Pedagogy*. 2024;1(6(102)):156–172. <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2024-101-156-172> (In Russ.)
7. Cherednichenko G.A. Changes in Youth After-School Trajectories: Social Differentiation. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2023;(9):51–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250027362-1> (In Russ.)
8. Ovchar N.A., Anufrieva E.V., Dulina N.V. et al. Features of the Educational Strategy of School Graduates when Entering Regional Universities in Russia. *Perspektivy nauki i obrazovaniya=Perspectives of Science and Education*. 2024;1(67):763–778. <https://doi.org/10.32744/pse.2024.1.43> (In Russ.)
9. Maltseva V.A., Salnikova I.E., Shabalin A.I. Vocational School Instead of a University: What Brings Successful Eleventh-Graders to Vocational Education? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(3):45–66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2090> (In Russ.)
10. Blazquez C., Cantillo V., García L. What are The Determinants of Career Preferences? The Case of High School Students in Chile. *British Journal of Guidance and Counselling*. 2024;52(5):970–988. <https://doi.org/10.1080/03069885.2024.2342787>
11. Andrianov A.S. Professional Self-Determination of High School Students in Building an Educational Strategy. *Akademicheskaya mysl'=Academic Thought*. 2022;(3(20)):12–16. (In Russ.)
12. Zahl-Thanem A, Rye J.F. Spatial Inequality in Higher Education: A Growing Urban–Rural Educational Gap? *European Sociological Review*. 2024;40(6):1067–1081. <https://doi.org/10.1093/esr/jcae015>
13. Adamovich K.A. Educational Trajectories of Russian Students After the 9th Grade in 2000–2017: Types of Regional Situations and Their Predictors. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(1(167)):116–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1792> (In Russ.)
14. Kriesi I., Sander F. Academic or Vocational Education? A Comparison of the Long-Term Wage Development of Academic and Vocational Tertiary Degree Holders. *Journal for Labour Market Research*. 2024;58:10. <https://doi.org/10.1186/s12651-024-00368-9>
15. Vasenina I.V., Lipatova M.E., Sushko V.A. Professional and Educational Strategies of Modern Applicants. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(4):102–123. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123> (In Russ.)
16. Logunova L.Yu., Mazhenina E.A., Utkina A.N. Youth Education Strategies in the Context of Sustainable Development. *Gumanizatsiya obrazovaniya=Humanization of Education*. 2022;(2):18–28. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2020-10229> (In Russ.)
17. Christoph B. Tertiary Education, Changing One's Educational Decision and the Role of Parental Preferences. *Research in Higher Education*. 2024;65:283–302. <https://doi.org/10.1007/s11162-023-09752-9>
18. Bourdieu P, Passeron J-C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage Publications; 1990. 254 p. ISBN 9780803980913

Information about the authors:

Vladimir S. Polovinko – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Faculty of Economics, Psychology, and Management, Dostoevsky Omsk State University (SPIN-code: 8454-2897) (ResearcherID: A-4317-2017) (Scopus Author ID: 56728354400)

Igor V. Dinner – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Faculty of Economics, Psychology, and Management, Dostoevsky Omsk State University (SPIN-code: 4692-3211)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 314.48

JEL J17

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_3_39_59

EDN ZVAIAY

Потери общественного здоровья вследствие преждевременной смертности населения: оценка структуры и экономических последствий

Александра Анатольевна Шабунова¹, Александра Владимировна Короленко²

^{1,2} Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

¹ (aas@vscc.ac.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3467-0921>)

² (coretra@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7699-0181>)

Аннотация

Проблема преждевременной смертности населения, её демографических и экономических последствий остаётся крайне актуальной для России. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) доля преждевременных смертей от неинфекционных заболеваний (НИЗ) в общем числе умерших от НИЗ россиян достигает 39%, что выше, чем в высокодоходных странах (27%), а коэффициент потерянных лет потенциальной жизни в стране соответствует показателю бедных государств и превышает средний по миру (на 49%) и странам с высокими доходами (на 85%). Цель статьи заключалась в оценке потерь общественного здоровья от преждевременной смертности населения в период до, во время и после пандемии COVID-19 и их экономических последствий в разрезе самых распространённых нозологий, пола и возраста умерших на уровне страны и отдельного региона (Вологодской области). В работе применялись методы расчёта потерянных лет потенциальной жизни (ПГПЖ) и их производных, а также оценки упущенной экономической выгоды. Информационной базой послужили данные ВОЗ за 2000–2021 гг. и Росстата за 2019–2022 гг. Выявлено, что главными причинами демографических и экономических потерь в России выступают неустановленные причины смерти, фиброз и цирроз печени (неалкогольный), ВИЧ-инфекция. При этом потери от перечисленных причин происходят преимущественно за счёт населения до 45 лет, главным образом, 30–44 лет. Ущерб от преждевременной смертности мужчин существенно выше, чем у женщин, особенно вследствие неустановленных причин, ВИЧ, атеросклеротической болезни сердца, инфаркта мозга, внутримозговых и других внутрочерепных кровоизлияний, фиброза и цирроза печени. Вологодскую область отличает от общероссийской ситуации наличие среди ведущих причин ПГПЖ внезапной смерти и пневмонии, но отсутствие среди них ВИЧ, а также более высокий уровень потерь от острого инфаркта миокарда, инфаркта мозга, атеросклеротической болезни сердца, злокачественных новообразований трахеи, бронхов и лёгких. Обозначены направления снижения потерь от преждевременной смертности населения и улучшения диагностики их причин.

Ключевые слова: общественное здоровье, преждевременная смертность, демографические потери, ПГПЖ, экономические потери, упущенная выгода

Для цитирования: Шабунова А.А., Короленко А.В. Потери общественного здоровья вследствие преждевременной смертности населения: оценка структуры и экономических последствий // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 39–59. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_3_39_59 EDN ZVAIAY

RAR (Research Article Report)

JEL J17

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_3_39_59

Losses of Public Health Due to Premature Mortality of the Population: Assessment of the Structure and Economic Consequences

Aleksandra A. Shabunova¹, Aleksandra V. Korolenko²

^{1,2} Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

¹ (aas@vscc.ac.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3467-0921>)

² (coretra@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7699-0181>)

Abstract

The issue of premature mortality among the population and its demographic and economic implications remains a significant concern in Russia. According to the World Health Organization (WHO), premature deaths from noncommunicable diseases (NCDs) account for 39% of all NCD deaths in Russia, higher than in high-income countries (27%), and the ratio of years of life lost in the country is comparable to that of low-income countries and exceeds the global average (49%) and high-income countries (85%). The aim of this paper is to assess the impact of premature mortality on public health in the period before, during and after the COVID-19 pandemic and its economic consequences, focusing on the most common diseases, gender, and age groups at the national and regional (in Vologda Oblast) level. The study employs methods for calculating years of life lost (YLL) and related indicators, as well as assessing economic losses. The information base for this study was provided by WHO data for 2000–2021 and Federal State Statistics Service data for 2019–2022. It has been found that the main causes of demographic and economic losses in Russia include ill-defined causes of death, non-alcoholic fibrosis and cirrhosis of the liver, and HIV infection. These losses occur mainly among the population under the age of 45, with most cases occurring among people aged 30 to 44. The damage caused by premature mortality is significantly higher among men than women, particularly due to unidentified causes, HIV, atherosclerotic heart disease, cerebral infarction, and intracerebral and other intracranial hemorrhages, fibrosis and cirrhosis

© Шабунова А.А., Короленко А.В., 2026

of the liver. The Vologda Oblast differs from the all-Russian situation by the presence of sudden death and pneumonia among the leading causes of losses, but the absence of HIV among them, as well as a higher level of losses from acute myocardial infarction, cerebral infarction, atherosclerotic heart disease, malignant neoplasms of the trachea, bronchus and lung. The article outlines the directions for reducing losses due to premature mortality among the population and improving the diagnosis of its causes.

Keywords: public health, premature mortality, demographic losses, YLL, economic losses, foregone economic benefits

For citation: Shabunova A.A. Korolenko A.V. Losses of Public Health Due to Premature Mortality of the Population: Assessment of the Structure and Economic Consequences. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):39–59. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_3_39_59 (In Russ.)

Введение

За последние более чем 60 лет (с 1960 по 2023 год) ожидаемая продолжительность жизни населения (ОПЖ) в среднем по миру выросла на 22,4 года (с 50,9 до 73,3 лет), при этом наиболее заметно – в государствах со средним (на 29,2 года) и низким (на 22,9 года) уровнем дохода. Не стала исключением и Россия, однако увеличение ОПЖ её населения оказалось не таким значительным (на 5,8 лет – с 41,6 до 47,4 лет)¹, что связано с негативным влиянием социально-экономических потрясений конца XX века.

Несмотря на прогресс общественного здравоохранения в области повышения продолжительности жизни населения остаётся актуальной проблема преждевременной смертности, которая непосредственно влияет на ОПЖ и неравенство в её величине. По последним данным ВОЗ в 2021 г. в Европейском регионе от неинфекционных заболеваний, преобладающих в структуре смертности населения, умерло 18 млн человек, не достигших возраста 70 лет, при этом 82% случаев смерти произошли в странах с низким и средним уровнем дохода².

Проблема преждевременной смертности крайне актуальна для России, что подтверждается её большей выраженностью при международном сопоставлении. Так, доля преждевременных смертей (в возрасте 30–70 лет) от неинфекционных заболеваний в общем числе умерших от них россиян выше, чем в высокодоходных странах (39% против 27% в 2021 г.)³. Уровень потерь от преждевременной смертности в России соответствует показателю бедных государств и превышает средний по миру (на 49%), странам с высокими

доходами и доходами выше среднего (на 85%), странам с доходами ниже среднего (на 30%)⁴.

Задача сохранения человеческого потенциала России диктует необходимость определения масштабов и причин его потерь, в т. ч. обусловленных преждевременной смертностью населения, а также оценки их экономических последствий. Существует большое количество исследований, посвящённых измерению потерь от преждевременной смертности, однако всё ещё малоизученными остаются вопросы их количественной и качественной оценки в разрезе самых распространённых причин смерти. Важным представляется изучение ситуации не только на национальном уровне, но и на региональном, что позволяет одновременно оценить общестрановые масштабы потерь и их специфику в отдельно взятом субъекте РФ, в данной работе – Вологодской области, выбор которой обусловлен её неблагоприятным положением по ряду косвенных показателей преждевременной смертности. Так, регион занимает нижние позиции среди субъектов РФ по величине ОПЖ в возрасте 55 лет (58 место в 2023 г.)⁵ и по среднему возрасту смерти населения от отдельных классов причин: мужчин и женщин от болезней органов пищеварения (69 и 77 места в 2022 г. соответственно) и дыхания (61 и 62 места соответственно), а также женщин от новообразований (59 место) и внешних причин смерти (69 место)⁶. Кроме того, в 2023 г. Вологодская область попала в десятку регионов с самыми высокими показателями младенческой смерт-

⁴ Коэффициент YLL в России в 2021 г. составлял 39631,7 чел.-лет на 100 тыс. чел. нас., в бедных государствах – 40745,3, в среднем по миру – 26526,0, странам с высокими доходами и доходами выше среднего – 21438,9 и 21411,4 соответственно, странам с доходами ниже среднего – 30424,0. Источник: Global health estimates: Leading causes of DALYs // WHO: [website]. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/mortality-and-global-health-estimates/global-health-estimates-leading-causes-of-dalys> (дата обращения: 12.09.2025).

⁵ ОПЖ в 55 лет составила 23,1 года. Источник: Ожидаемая продолжительность жизни граждан в возрасте 55 лет // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59773> (дата обращения: 19.12.2025).

⁶ Рейтинг составлен по 85 субъектам РФ по данным за 2022 год. Источник: Демографический ежегодник России 2023: стат. сборник // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 19.12.2025).

¹ Health Nutrition and Population Statistics // The World Bank: [website]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/health-nutrition-and-population-statistics#> (дата обращения: 12.09.2025).

² Неинфекционные заболевания // ВОЗ: [сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/noncommunicable-diseases> (дата обращения: 12.09.2025).

³ NCD deaths: premature deaths due to noncommunicable diseases (NCD) as a proportion of all NCD deaths // WHO: [website]. URL: [https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/ncd-deaths-under-age-70-\(percent-of-all-ncd-deaths\)](https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/ncd-deaths-under-age-70-(percent-of-all-ncd-deaths)) (дата обращения: 12.09.2025).

ности (6,0 умерших в возрасте до 1 года на 1000 живорождённых)⁷. В этой связи актуальным как с точки зрения заполнения исследовательских лакун, так и с позиции практической значимости представляется изучение демографических и экономических последствий преждевременной смертности населения от самых распространённых нозологий. Объект исследования – преждевременная смертность населения и обусловленные ей потери общественного здоровья. Предмет исследования – структура потерь общественного здоровья и их экономического ущерба по ведущим причинам преждевременной смерти, полу и возрасту умерших.

Целью статьи выступила оценка потерь общественного здоровья от преждевременной смертности населения в период до, во время и после пандемии COVID-19 и их экономических последствий в разрезе самых распространённых нозологий, пола и возраста умерших на уровне страны и отдельного региона (Вологодской области). Для её достижения были поставлены задачи выявления вклада преждевременной смертности в общие потери здоровья россиян, анализа структуры демографических потерь вследствие преждевременной смертности населения страны и региона от её ведущих причин и оценки обусловленного ими экономического ущерба, в т. ч. с учётом динамики показателей. Гипотезу исследования составили предположения о том, что 1) пандемия COVID-19 повлияла на величину и структуру потерь общественного здоровья от преждевременной смертности населения; 2) демографические и экономические потери от преждевременной смертности имеют различия на национальном и региональном уровне, а также заметно дифференцированы по полу и возрасту умерших.

Исследования структуры потерь общественного здоровья и их экономических последствий проводятся как зарубежными, так и отечественными учёными. Международное исследование глобального бремени болезней (издержек из-за плохого здоровья и преждевременной смертности населения) показало, что в период с 1990 по 2019 гг. в мире произошло смещение эпидемиологических тенденций от инфекционных заболеваний, заболеваний матери и новорожденного, заболеваний, связанных с питанием, к неинфекционным заболеваниям. В 1990 г. в структуре стандартизированных по возрасту потерь от преждевременной смертности (YLLS) лидировали неонатальные расстройства, инфекции нижних дыхательных путей и диарейные заболевания. В 2019 г. неонатальные расстройства оставались

основной причиной YLLS в мире, однако вторую и третью ведущие причины сменили НИЗ – ишемическая болезнь сердца и инсульт. В 2021 г. ведущей причиной YLLS также выступали неонатальные расстройства, однако на вторую позицию по значимости вышла коронавирусная инфекция, а ишемическая болезнь сердца заняла третье место [1]. Пандемия COVID-19 стала глобальной проблемой общественного здравоохранения, её первые два года обратили вспять позитивные изменения предшествующих десятилетий. Снижение продолжительности жизни и рост потерь здоровья в 2020 и 2021 гг. в основном были вызваны пандемией и её последствиями. Кроме того, несмотря на значительные улучшения в борьбе со многими заболеваниями, включая ВИЧ/СПИД, инфекции нижних дыхательных путей и кишечные инфекции, снижение ожидаемой продолжительности жизни в этот период усугублялось ростом смертности и потерь от таких причин, как диабет и заболевания почек [1].

В статье А.И. Пьянковой, Т.А. Фаттахова и М.Б. Денисенко [2] проанализирована эволюция структурных характеристик потерь здоровья населения России, а именно потерянных лет жизни от преждевременной смертности (YLL), за 1990–2021 гг. Установлено, что в этот период у обоих полов на четверть снизились стандартизированные по возрасту коэффициенты потерянных лет жизни (SYLL). В 2019 г. SYLL мужчин был в 2,3 выше, чем у женщин (374 против 161 на 1000 человек). Рост потерь в ходе пандемии COVID-19 нивелировал достижения предшествующих лет. Потери от COVID-19 в 2021 г. составили 1/7 и 1/5 всех потерянных лет жизни у мужчин и женщин соответственно. Максимальное неравенство в уровне потерь по полу характерно для внешних причин смерти и болезней органов дыхания, минимальное – для новообразований. За 1990–2021 гг. у обоих полов снизились SYLL от болезней системы кровообращения и органов дыхания, новообразований и внешних причин. В допандемийный период произошёл рост потерь от болезней органов пищеварения, инфекционных заболеваний и всех других классов причин смерти [2].

Кроме того, в отечественной науке проводятся региональные исследования потерь общественного здоровья от преждевременной смертности населения. Так, в работе [3] показано, что в структуре потерянных лет потенциальной жизни в Вологодской области лидируют болезни системы кровообращения (33% ПППЖ в 2019 г.), а второе и третье места занимают внешние причины смерти (21%) и новообразования (15%). Выявлены тенденции в структуре демографических потерь за период с 2015 по 2019 гг.: сокращение ПППЖ

⁷Естественное движение населения Российской Федерации за 2023 год // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения: 19.12.2025).

от внешних причин, болезней мочеполовой системы и органов пищеварения, рост ПППЖ от болезней эндокринной системы, расстройств питания и нарушений обмена веществ, симптомов, признаков, отклонений от нормы, выявленных при клинических и лабораторных исследованиях. Отмечен факт существенного превышения вклада в общие потери ПППЖ мужчин по сравнению с женщинами (доля ПППЖ мужчин в их общем числе составляет 73%), особенно внутри классов внешние причины (81% против 19% у женщин), симптомы, признаки, отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях (79% против 21%), болезни системы кровообращения (78% против 22%), инфекционные и паразитарные болезни (76% против 34%), болезни органов дыхания (72% против 28%) и пищеварения (68% против 32%). Установлено, что доля возрастной группы до 45 лет в общем числе ПППЖ максимальна среди инфекционных и паразитарных заболеваний (76%), болезней нервной системы, глаза и его придаточного аппарата, уха и сосцевидного отростка (71%), и внешних причин смерти (69%) [3].

В статье Т.А. Фаттахова и А.А. Мироновой [4] на данных Архангельской области продемонстрировано снижение стандартизованного показателя потерянных лет жизни во всех возрастах и по всем классам причин смерти за период 2010–2019 гг. Авторами отмечается существенная дифференциация в динамике и уровне показателя на муниципальном уровне: в городских округах и прилегающих к ним районах снижение показателя было большим, чем в приграничных с городами районах и периферийных районах. Исследование показало, что в структуре потерянных лет жизни первое место занимают болезни системы кровообращения (50%), второе – внешние причины (19,7%), третье – новообразования (14,3%). Наиболее сложная ситуация наблюдается в периферийных районах области, что обусловлено более высокими потерями от внешних причин смерти в трудоспособном возрасте [4].

В работе [5] произведена оценка социально-экономического ущерба от основных причин смерти населения Республики Башкортостан за 2002–2020 гг. Определён вклад разных классов причин в ПППЖ в 2020 г.: болезней системы кровообращения (27,8%), внешних причин (20,8%), новообразований (12,3%), инфекционных и паразитарных болезней (5,9%), болезней органов дыхания (9,1%) и пищеварения (8,6%). Выявлено, что по уровню причиняемого ущерба в расчёте на 1 случай смерти инфекционные и паразитарные болезни, внешние причины, болезни органов пищеварения у мужчин и женщин значительно

превосходили болезни системы кровообращения, болезни органов дыхания, новообразования. Установлено, что в результате потерь здоровья экономика Республики Башкортостан в 2020 г. потеряла 36,9 млрд руб. или 10,43% от ВРП, при этом учитывалась только смертность от основных причин [5].

Анализ представленных исследований показывает, что проблема потерь общественного здоровья вследствие преждевременной смертности населения не теряет своей актуальности, а после пандемии COVID-19 и вовсе требует пристального внимания. Несмотря на изученность вопроса как на глобальном и национальном, так и на региональном и внутрирегиональном уровнях, сохраняется востребованность работ, посвящённых углублению представлений о ведущих причинах безвозвратных потерь здоровья и различиях в их экономической «цене», о вкладе разных демографических групп населения (по полу и возрасту) в общую величину потерь.

Теоретические и методологические положения

Выделяют два основных подхода к оценке преждевременной смертности – абсолютный и относительный. Первый, наиболее распространённый, устанавливает возрастной порог, ниже которого смерть считается преждевременной (чаще всего 65/70 лет, средняя ОПЖ или предельный возраст в таблице смертности, принятой за стандарт [2]), тем самым разделяя преждевременную смертность от «нормальной», или старческой [6]. В его рамках для оценки масштабов преждевременной смертности применяются показатели потерь от недожития до порогового возраста: потерянные годы потенциальной жизни (ПППЖ) и потерянные годы жизни (YLL), стандартизированный по возрасту общий коэффициент смертности в возрасте от 30 до 70 лет (или до 65 лет), доля преждевременных смертей от неинфекционных заболеваний в общем числе умерших от НИЗ. Преимуществом абсолютного подхода выступает его удобство и лёгкость интерпретации результатов, а также возможность сопоставления с данными международных организаций в случае схожей возрастной планки преждевременной смерти (ВОЗ – 92 года, ОЭСР – 75 лет, Евростат – 70 лет), а главным недостатком – отсутствие учёта специфических особенностей общей смертности в той или иной стране [6], а также чувствительность результатов к выбору возрастной границы преждевременной смерти [2].

С помощью относительного подхода определяется доля преждевременных смертей на основе их возрастного распределения в конкретной стране (т. е. количества смертей в таблице смертно-

ти). В его рамках изучается разница между фактической и гипотетической (без преждевременной смертности) кривыми возрастного распределения смертей, оценивается степень их асимметрии [6]. Если «сильными» сторонами относительного подхода служат отсутствие привязки к конкретному возрастному порогу, более гибкий анализ за счёт учёта возрастной структуры смертности в каждой стране, то «слабыми» – зависимость оценки преждевременной смертности от распределения смертей среди пожилых людей в каждой стране и сложность интерпретации результатов [6].

Некоторые исследователи применяют гибридный подход, опирающийся на статистические модели (параметрические и непараметрические), в которых распределение смертей от старения является одинаковым для каждой страны, а распределение преждевременной смертности может варьироваться. Как следствие, его преимуществами являются более гибкие и сопоставимые оценки преждевременной смертности в странах со схожими характеристиками старения населения [6; 7]. Однако ограничения подхода выступают использование разных математических функций для наполнения моделей, сложность реализации и интерпретации полученных результатов [7]. Если применение абсолютного и относительного подходов более целесообразно для анализа потерь здоровья на национальном и региональном уровнях, то гибридного подхода – для проведения межстрановых сравнений.

В исследовательской практике демографические и экономические последствия преждевременной смертности чаще всего рассматриваются либо комплексно – в разрезе основных классов причин смерти [2; 3; 4; 5], либо в рамках отдельных нозологий – болезней системы кровообращения [8], новообразований [9], психических расстройств [10], внешних причин [11], ВИЧ-инфекций [12], туберкулёза [13], алкоголь-ассоциированной смертности [14], цирроза печени [15], самоубийств [16] и прочих. При этом практически не встречаются работы, в которых структура обусловленных преждевременной смертностью потерь анализируется не с позиции укрупнённых нозологических групп или отдельных причин, а в контексте наиболее часто встречаемых частных причин смерти. Анализ потерь в разрезе классов причин смерти представляется недостаточно детализованным, поскольку в рамках одного класса могут находиться причины с разным происхождением, механизмами развития и возрастной спецификой. Кроме того, во многих работах, опирающихся на абсолютный подход, при расчёте потерянных лет потенциальной жизни либо совсем не обосновывается выбор возраста дожития (чаще

всего по умолчанию 70 лет [7; 8]), либо берётся показатель, используемый ВОЗ для расчёта YLL (предельный возраст в таблице смертности 86 лет [9] или 92 года [6] в зависимости от версии методики), который не подходит для оценки потерь трудового потенциала и его экономических последствий, поскольку не привязан к верхней планке трудоспособного возраста в стране, либо в качестве этого показателя принимается верхняя планка трудоспособного возраста (55 лет для женщин, 60 лет для мужчин [14]), но в таком случае не учитывается реальный возраст выхода на пенсию, а, следовательно, реальные потери трудового потенциала.

В представленном исследовании для измерения демографических и экономических последствий преждевременной смертности применяется абсолютный подход, что обосновано выбором фиксированного порога для населения страны и региона (привязка к реальному возрасту выхода на пенсию). В качестве возрастной планки преждевременной смерти выбраны 65 лет, представляющие собой усреднённый возраст прекращения трудовой деятельности⁸. Такой подход позволяет определить социально-экономический ущерб, обусловленный текущими и будущими потерями трудового потенциала.

Использованные данные и методы работы с ними

Информационной базой исследования послужили статданные ВОЗ (базы данных «Global health estimates»⁹) и Росстата¹⁰. Для международных сопоставлений использовался показатель вклада в общие потери здоровья (DALY) числа лет здоровой жизни, потерянных вследствие инвалидности и заболеваемости (YLD), и числа лет жизни, потерянных из-за преждевременной смертности (YLL)¹¹. Концептуально расчёт индекса DALY направлен

⁸ Поскольку среднее число лет продолжительности трудового стажа после назначения пенсии в России составляет около 8 лет. Источник: Старшее поколение. Занятость и безработица // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 16.09.2025), то, принимая во внимание плавный подъём возрастной планки выхода россиян на пенсию, для мужчин и женщин возраст прекращения трудовой деятельности в среднем достигает около 65 лет.

⁹ Global health estimates: Leading causes of DALYs // WHO: [website]. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/mortality-and-global-health-estimates/global-health-estimates-leading-causes-of-dalys> (accessed at: 16.09.2025).

¹⁰ Таблица С51 учётной формы 4РН «Распределение умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти» по регионам России за 2019, 2021 и 2022 гг. Источник: данные, предоставленные Росстатом по запросу.

¹¹ Методика расчёта показателей представлена в: WHO methods and data sources for global burden of disease estimates 2000-2021 // WHO: [website]. URL: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/gho-documents/global-health-estimates/gho2021_daly_methods.pdf (accessed at: 23.12.2025).

на учёт лет, утраченных для активной и дееспособной жизни в каждой конкретной популяции, в связи с чем данный параметр наиболее подходит для оценки экономических потерь трудового потенциала, а также позволяет увидеть как безвозвратные потери вследствие преждевременной смертности населения, так и потери от заболеваемости и инвалидизации, что важно для выстраивания политики в сфере здравоохранения [17].

Для определения уровня потерь общественного здоровья (демографических потерь) применялись данные о распределении умерших по полу, пятилетним возрастным группам и отдельным причинам смерти. С этой целью рассчитывался показатель ПППЖ, представляющий собой сумму произведений числа умерших в каждой возрастной группе на количество лет, недожитых ими до предельного возраста. В отличие от традиционно используемых показателей смертности, ПППЖ аккумулирует две характеристики потерь – число умерших и возраст смерти, что необходимо для адекватной оценки значимости потерь, обусловленных причинами, хоть и не самыми массовыми, но присущими молодым возрастам [18]. Кроме того, вычислялись производные показатели – коэффициент ПППЖ (человеколет в пересчёте на 100 тыс. чел. населения), удельный вес причины смерти в общем числе ПППЖ (%), вклад возрастных групп в ПППЖ от отдельных причин смерти (%).

Для измерения ущерба экономике страны и региона вследствие преждевременной смертности производился расчёт упущенной выгоды в производстве ВВП и ВРП соответственно. Для этого ПППЖ умножались на величину ВВП/ВРП на 1 занятого¹². Также оценивалось отношение экономических потерь от преждевременной смертности к величине годового ВВП и ВРП (в %). Несмотря на то, что показатели упущенной выгоды в производстве ВВП/ВРП не отражают весь экономический урон от преждевременной смертности (например, не учитывают потери, связанные с от-

сутствием потребительских расходов, расходами на выплату пособий по потере кормильца и т. д.), они напрямую характеризуют ущерб от потери текущего и будущего трудового потенциала.

Анализ потерь производился в разрезе 10 самых распространённых нозологий (без прочих и других причин), пола и возраста умерших. В качестве периода исследования для международных сопоставлений выступили 2000–2021 гг. Анализ потерь на национальном и региональном уровне осуществлялся по данным за 2019–2022 гг. Поскольку пандемия COVID-19 оказала серьёзное влияние на уровень и структуру смертности населения, рассматриваемый период был разбит на три временные точки – 2019 г. (допандемийный), 2021 г. («пик» пандемии COVID-19) и 2022 г. (постпандемийный).

Результаты исследования

Вклад преждевременной смертности в общие потери здоровья

В структуре потерь здоровья россиян преобладают потери от преждевременной смертности, в 2021 г. их доля составляла 74%, что заметно выше, чем в высокодоходных странах (60%) и государствах с доходами выше среднего (66%) и соответствует уровню стран с доходами ниже среднего (74%; таблица 1). С 2000 по 2019 год в России, как и в большинстве развитых стран, отмечалось сокращение вклада потерянных лет жизни в общую величину DALY. Эпидемия COVID-19 в нашей стране, как и в других, изменила тренды. К 2021 г. выросла доля преждевременной смертности в общих потерях здоровья. При этом увеличился удельный вес коронавирусной инфекции в общей величине YLL: с 13% в 2020 г. до 18% в 2021 г. Аналогичные изменения произошли во всём мире, наиболее заметные – в высокодоходных государствах. К 2021 г. доля потерь от COVID-19 в общем числе YLL в мире достигла 11%, в высокодоходных странах – 13%.

Таблица 1

Вклад потерь от заболеваемости и инвалидности (YLD) и потерь от преждевременной смертности (YLL) в общие потери здоровья (DALY), %¹²

Table 1

Share of Morbidity and Disability (YLD) and Premature Mortality (YLL) Losses in Total Health Losses (DALY), %

	2000 г.		2010 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г.		2021 г. к ..., +/- п. п.			
											2000 г.		2019 г.	
	YLD	YLL	YLD	YLL	YLD	YLL								
Мир в целом	22,5	77,5	27,3	72,7	31,6	68,4	31,3	68,7	30,1	69,9	+7,6	-7,6	-1,5	+1,5
Страны по уровню														
низкий	10,4	89,6	14,6	85,4	18,0	82,0	18,8	81,2	18,9	81,1	+8,5	-8,5	+0,9	-0,9

¹² Расчёт ВВП/ВРП на душу населения производился путём деления величины ВВП/ВРП на численность занятых в экономике страны/региона. Источники: Национальные счета // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 16.09.2025); Трудовые ресурсы, занятость и безработица. // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 16.09.2025).

Окончание Таблицы 1

		2000 г.		2010 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г.		2021 г. к ..., +/- п. п.			
												2000 г.		2019 г.	
		YLD	YLL	YLD	YLL	YLD	YLL								
душевых доходов	ниже среднего	17,5	82,5	22,3	77,7	27,4	72,6	27,8	72,2	26,2	73,8	+8,7	-8,7	-1,2	+1,2
	выше среднего	28,3	71,7	32,5	67,5	36,4	63,6	35,3	64,7	34,3	65,7	+6,0	-6,0	-2,1	+2,1
	высокий	36,7	63,3	40,7	59,3	43,4	56,6	41,3	58,7	40,2	59,8	+3,5	-3,5	-3,2	+3,2
Россия		23,0	77,0	25,7	74,3	30,7	69,3	27,9	72,1	26,2	73,8	+3,2	-3,2	-4,5	+4,5

Источник: рассчитано по данным Global health estimates¹³.

Вклад преждевременной смертности в общие потери здоровья на протяжении 2000–2021 гг. был выше у российских мужчин по сравнению с женщинами (таблица 2). До 2019 г. максимальная доля YLL отмечалась в возрастной группе детей до 4 лет, с 2020 г. самый высокий показатель фиксируется среди населения 60 лет и старше. С 2019

по 2021 год вклад преждевременной смертности в DALY наиболее заметно вырос среди женщин (на 7 п. п.) и населения 60 лет и старше (на 5,5 п. п.). Однако если доля YLL в 2020 г. у женщин была несколько выше, чем у мужчин (15 против 12%), то к 2021 г. женский и мужской показатели сравнялись (по 18% соответственно).

Таблица 2

Вклад потерь от преждевременной смертности (YLL) в общие потери здоровья (DALY) в России в 2000–2021 гг., по полу и возрасту населения, %

Table 2

Share of Losses Due to Premature Mortality (YLL) in Total Health Losses (DALY) in Russia in 2000-2021, by Gender and Age, %

	2000 г.	2010 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2021 к ..., +/- п. п.	
						2000 г.	2019 г.
По полу							
Мужчины	83,3	81,4	77,2	79,2	80,0	-3,3	+2,8
Женщины	67,9	65,0	60,0	63,8	67,1	-0,8	+7,1
По возрасту							
0-4 года	91,6	87,1	78,8	77,1	75,8	-15,8	-3,0
5-14 лет	47,7	39,8	29,9	28,5	26,3	-21,4	-3,6
15-29 лет	68,8	60,4	46,6	44,0	43,5	-25,3	-3,1
30-49 лет	73,1	70,7	64,2	65,0	65,8	-7,3	+1,6
50-59 лет	78,4	74,8	69,4	72,1	73,7	-4,7	+4,3
60+ лет	81,6	79,6	75,2	78,7	80,7	-0,9	+5,5

Источник: рассчитано по данным Global health estimates.

Демографические потери от преждевременной смертности

В 2022 г. главными причинами преждевременной смерти, обуславливающими наибольшие демографические потери, в России выступали неустановленные причины, фиброз и цирроз печени (неалкогольный) и ВИЧ-инфекция (таблица 3). Состав десятки ведущих нозологий изменился по сравнению с 2019 г.: её покинули от-

равления и травмы головы, тогда как пополнили COVID-19 и острый инфаркт миокарда. В 2020 г. в их числе также оказалась пневмония.

С 2019 по 2022 год общий уровень потерь ПППЖ в России вырос незначительно (на 4%), но по сравнению с 2021 г. произошло его снижение (на 10%). С 2019 г. наиболее заметно сократились потери вследствие смертности от ВИЧ (на 27%) и злокачественных новообразований трахеи, бронхов, лёгких (на 13%) и выросли – вследствие фиброза и цирроза печени (на 11%). С 2021 г. снижение ПППЖ от COVID-19 оказалось самым существенным (в 3,8 раза).

¹³ Здесь и далее: Global health estimates: Leading causes of DALYs // WHO: [website]. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/mortality-and-global-health-estimates/global-health-estimates-leading-causes-of-dalys> (accessed at: 18.09.2025).

Таблица 3

ППЖ от преждевременной смертности населения России по ведущим причинам смерти в 2019–2022 гг.

Table 3

YLL Due to Premature Mortality of the Russian Population by Leading Causes of Death in 2019–2022

2019 г.				2021 г.				2022 г.			
Причина	ППЖ		%	Причина	ППЖ		%	Причина	ППЖ		%
	тыс. чел.-лет	на 100 тыс. нас.			тыс. чел.-лет	на 100 тыс. нас.			тыс. чел.-лет	на 100 тыс. нас.	
Всего	8913,9	13087,6	100	Всего	10320,1	15232,4	100	Всего	9260,9	13644,3	100
Отравления ¹⁾	575,5	844,9	6,5	COVID-19	1157,5	1708,4	11,2	Смерть по неуст. причинам	382,8	564,0	4,1
Болезнь, вызванная ВИЧ	496,6	729,1	5,6	Отравления ¹⁾	672,5	992,7	6,5	Фиброз и цирроз печени ²⁾	372,4	548,7	4,0
Смерть по неуст. причинам	375,0	550,6	4,2	Фиброз и цирроз печени ²⁾	405,0	597,8	3,9	Болезнь, вызванная ВИЧ	362,4	533,9	3,9
Травмы головы	356,4	523,2	4,0	Болезнь, вызванная ВИЧ	401,5	592,7	3,9	COVID-19	308,9	455,1	3,3
Фиброз и цирроз печени ²⁾	336,0	493,3	3,8	Смерть по неуст. причинам	390,3	576,1	3,8	Атеросклерот. болезнь сердца	256,9	378,5	2,8
Атеросклерот. болезнь сердца	271,6	398,8	3,0	Атеросклерот. болезнь сердца	287,4	424,2	2,8	Алкогольная кардиомиопатия	217,5	320,5	2,3
Алкогольная кардиомиопатия	210,9	309,7	2,4	Пневмония ³⁾	228,6	337,4	2,2	Внутричерепные и др. кровоизлияния	190,9	281,3	2,1
Внутричерепные и др. кровоизлияния	197,8	290,4	2,2	Внутричерепные и др. кровоизлияния	204,7	302,1	2,0	Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	138,0	203,4	1,5
Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	159,5	234,2	1,8	Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	143,5	211,9	1,4	Острый инфаркт миокарда	127,8	188,3	1,4
Инфаркт мозга	117,5	172,6	1,3	Инфаркт мозга	134,2	198,1	1,3	Инфаркт мозга	111,8	164,8	1,2

Здесь и далее: ¹⁾ Неблагоприятные реакции на химические и биологические вещества; ²⁾ Кроме алкогольного; ³⁾ Без уточнения возбудителя.

Источник: рассчитано по данным Росстата¹⁴.

¹⁴ Здесь и далее: Таблица С51 учётной формы 4РН «Распределение умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти» по регионам России за 2019, 2021 и 2022 гг. Источник: данные, предоставленные Росстатом по запросу.

Региональная структура ведущих причин потерь от преждевременной смертности населения, несмотря на некоторое сходство с общероссийской, обладает спецификой. В 2022 г. в Вологодской области по величине демографического ущерба лидировала внезапная смерть (таблица 4). Кроме того, в перечне нозологий, определяющих наибольший показатель ПППЖ, оказалась пневмония, но в него не попала ВИЧ-инфекция. При этом пневмония находилась в их числе ещё до начала пандемии. В регионе уровень потерь по ряду нозологий оказался выше общероссийского: от острого инфаркта миокарда (на 81%), инфаркта мозга (на 27%), злокачественных ново-

образований трахеи, бронхов, легких (на 24%). В то же время коэффициент ПППЖ от COVID-19, напротив, был значительно ниже среднего по стране (на 28%).

С 2019 по 2022 год в Вологодской области общий уровень ПППЖ существенно не изменился, в то же время заметно сократились потери от пневмонии (на 24%), атеросклеротической болезни сердца (на 20%), неустановленных причин (на 18%), фиброза и цирроза печени (на 16%), острого инфаркта миокарда (на 12%). По сравнению с 2021 г. ПППЖ вследствие COVID-19 в регионе уменьшились в 5 раз, что согласуется с общероссийской тенденцией.

Таблица 4

ПППЖ от преждевременной смертности населения Вологодской области по ведущим причинам смерти в 2019–2022 гг.

Table 4

YLL Due to Premature Mortality of the Vologda Oblast Population by Leading Causes of Death in 2019-2022

2019 г.				2021 г.				2022 г.			
Причина	ПППЖ		%	Причина	ПППЖ		%	Причина	ПППЖ		%
	чел.-лет	на 100 тыс. нас.			чел.-лет	на 100 тыс. нас.			чел.-лет	на 100 тыс. нас.	
Всего	77404	14425,4	100	Всего	87602	16602,1	100	Всего	75429	14472,0	100
Отравления	3949	736,0	5,1	COVID-19	8744	1657,1	10,0	Внезапная смерть	3162	606,7	4,2
Смерть по неуст. причинам	3783	705,0	4,9	Смерть по неуст. причинам	4131	782,9	4,7	Фиброз и цирроз печени	3010	577,5	4,0
Фиброз и цирроз печени	3683	686,4	4,8	Фиброз и цирроз печени	3429	649,9	3,9	Смерть по неуст. причинам	3002	576,0	4,0
Травмы головы	3644	679,1	4,7	Отравления	3380	640,6	3,9	Пневмония	2424	465,1	3,2
Пневмония	3278	610,9	4,2	Внезапная смерть	3263	618,4	3,7	Атеросклерот. болезнь сердца	2116	406,0	2,8
Атеросклерот. болезнь сердца	2738	510,3	3,5	Атеросклерот. болезнь сердца	3238	613,7	3,7	Острый инфаркт миокарда	1772	340,0	2,3
Острый инфаркт миокарда	2062	384,3	2,7	Пневмония	2402	455,2	2,7	COVID-19	1713	328,7	2,3
Внутричерепные и др. кровоизлияния	1482	276,2	1,9	Острый инфаркт миокарда	1741	330,0	2,0	Алкогольная кардиомиопатия	1573	301,8	2,1
Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	1478	275,4	1,9	Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	1241	235,2	1,4	Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	1313	251,9	1,7
Кардиомиопатия неуточненная	1436	267,6	1,9	Хрон. ишемическая болезнь сердца неуточненная	1023	193,9	1,2	Инфаркт мозга	1092	209,5	1,4

Источник: рассчитано по данным Росстата.

В 2022 г. 59% потерь от преждевременной смертности россиян приходилось на возрастную группу до 45 лет (рисунок 1). При этом возрастная структура демографических потерь заметно различается в разрезе нозологий. Наибольший вклад молодых возрастов (до 45 лет) в величину ПППЖ отмечается в рамках таких причин, как ВИЧ-инфекция (81% ПППЖ от данной нозологии, в т. ч. 75% в возрасте 30–44 лет) и неустановленные причины смерти (60%, в т. ч. 52% в возрасте 30–44 лет). На население до 45 лет также при-

дится более ½ потерь вследствие алкогольной кардиомиопатии, фиброза и цирроза печени (51 и 54% соответственно). Возрастная группа старше 45 лет вносит максимальный вклад в ПППЖ от атеросклеротической болезни сердца (85%), злокачественных новообразований трахеи, бронхов, легких (85%), инфаркта мозга (79%), острого инфаркта миокарда (74%). На возраст 60 лет и старше приходится каждый пятый потерянный год жизни от перечисленных причин (кроме острого инфаркта миокарда, где его доля составляет 14%).

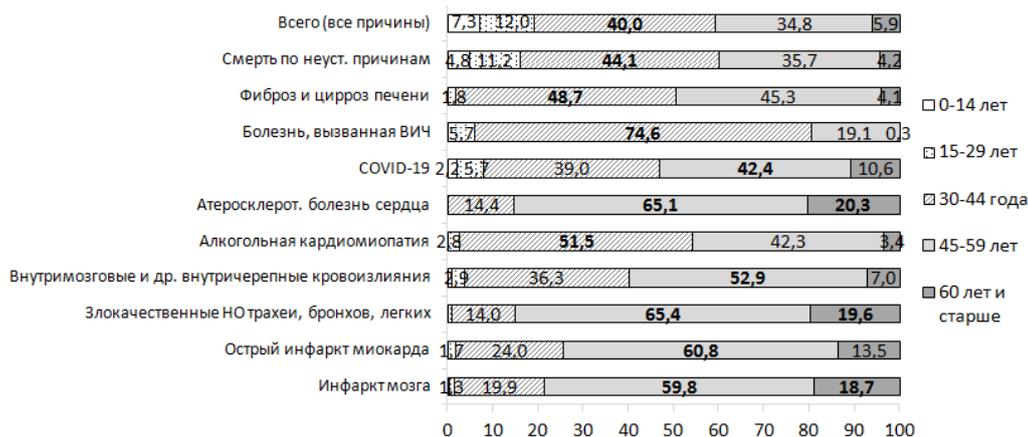

Рисунок 1. Возрастная структура ПППЖ в России по ведущим причинам смерти, 2022 г., %
Figure 1. Age Structure of YLL in Russia by Leading Causes of Death, 2022, %

Источник: рассчитано по данным Росстата.

В Вологодской области, как и в целом по стране, возрастные группы до 45 лет вносят наибольший вклад в величину ПППЖ (55%), в том числе от неустановленных причин смерти (61%; рисунок 2). В регионе на молодые контингенты также приходится большинство потерь вследствие внезапной смерти (69%, из них 58% в возрасте 30–44 лет) и пневмонии (61%, в т. ч. 38% в

возрасте 30–44 лет). В свою очередь максимальная доля населения 45 лет и старше отмечается в потерях от атеросклеротической болезни сердца (87%), злокачественных новообразований трахеи, бронхов, легких (84%), инфаркта мозга (72%) и острого инфаркта миокарда (70%), что сближает ситуацию в регионе с общероссийской.

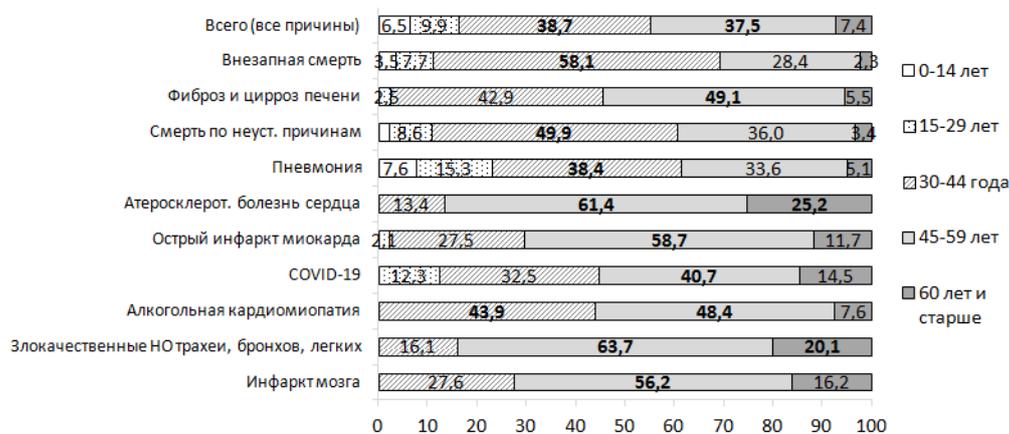

Рисунок 2. Возрастная структура ПППЖ в Вологодской области по ведущим причинам смерти, 2022 г., %
Figure 2. Age Structure of YLL in the Vologda Oblast by Leading Causes of Death, 2022, %

Источник: рассчитано по данным Росстата.

В России демографические потери вследствие преждевременной смертности мужчин в 3 раза выше женских (9897,9 против 3254,6 чел.-лет на 100 тыс. чел. населения). Наибольший гендерный разрыв в величине коэффициента ПППЖ отмечается в рамках смертности от неустановленных причин (в 5,2 раза), атеросклеротической болезни сердца (в 3,8 раза), инфаркта мозга (в 2,9 раза), ВИЧ-инфекции (в 2,8 раза), внутримозговых и других внутрочерепных кровоизлияний (в 2,7 раза), фиброза и цирроза печени (в

1,9 раза), COVID-19 (в 1,8 раза; рисунок 3). Если у мужчин перечень ведущих причин ПППЖ отличается присутствием в нём алкогольной кардиомиопатии, злокачественных новообразований трахеи, бронхов, лёгких, острого инфаркта миокарда и лидерство смерти по неустановленным причинам, то у женщин – наличие злокачественных новообразований грудной железы, шейки матки и инсулиннезависимого сахарного диабета, а также доминирование фиброза и цирроза печени.

Рисунок 3. ПППЖ мужского и женского населения России по ведущим причинам смерти, 2022 г., чел.-лет на 100 тыс. чел. населения

Figure 3. YLL of the Male and Female Population of Russia by Leading Causes of Death, 2022, people-years per 100,000

Источник: рассчитано по данным Росстата.

В Вологодской области, как и в целом по России, мужские потери от преждевременной смертности в 3 раза превышают женские (10266,0 против 3576,6 чел.-лет на 100 тыс. чел. населения). При этом коэффициент ПППЖ для мужчин в несколько раз превышает показатель для женщин в рамках таких нозологий, как острый инфаркт мио-

карда (в 4,7 раза), атеросклеротическая болезнь сердца (в 4,5 раза), внезапная смерть (в 3,9 раза), пневмония (в 3 раза) и инфаркт мозга (в 2,8 раз; рисунок 4). Примечательно, что в регионе внезапная смерть и пневмония являются ведущими причинами потерь от преждевременной смертности населения обоих полов.

Рисунок 4. ПППЖ мужского и женского населения Вологодской области по ведущим причинам смерти, 2022 г., чел.-лет на 100 тыс. чел. населения

Figure 4. YLL of the Male and Female Population of the Vologda Oblast by Leading Causes of Death, 2022, people-years per 100,000

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Экономические потери от преждевременной смертности

Как показали расчёты, общие экономические потери от преждевременной смертности россиян в 2022 г. достигли 18,4 трлн руб. (или 12,75% к ВВП; таблица 5). Закономерно, что наибольший ущерб наносили неустановленные причины смерти (761,3 млрд руб.), фиброз и цирроз печени (740,6 млрд руб.) и ВИЧ-инфекция (720,7 млрд руб.).

С 2019 по 2022 год общий урон национальной экономике вследствие безвозвратных человеческих потерь вырос на 4,9 трлн руб., при этом его прирост произошёл преимущественно за

счёт преждевременной смертности от фиброза и цирроза печени (на 231,9 млрд руб.), неустановленных причин смерти (на 193,5 млрд руб.) и алкогольной кардиомиопатии (на 113,2 млрд руб.). Снижение экономических потерь за этот период было зафиксировано лишь для ВИЧ-инфекции (на 31,2 млрд руб.).

В период «пика» пандемии COVID-19 (2021 г.) размер упущенной выгоды в производстве ВВП вследствие преждевременной смертности россиян увеличился на 4,79 трлн руб. (по сравнению с 2019 г.), при этом потери от коронавируса составили более 2 трлн руб.

Таблица 5

Экономические потери от преждевременной смертности населения России по ведущим причинам смерти в 2019-2022 гг., млрд руб., % от ВВП*

Table 5

Economic Losses Due to Premature Mortality of the Russian Population by Leading Causes of Death in 2019-2022, Billion Rubles, % of GDP

2019 г.			2021 г.			2022 г.		
Причина	Млрд руб.	% к ВВП	Причина	Млрд руб.	% к ВВП	Причина	Млрд руб.	% к ВВП
Всего	13496,4	12,31	Всего	18282,4	14,27	Всего	18416,6	12,75
Отравления	871,3	0,79	COVID-19	2050,5	1,60	Смерть по неуст. причинам	761,3	0,53
Болезнь, вызванная ВИЧ	751,9	0,69	Отравления	1191,4	0,93	Фиброз и цирроз печени	740,6	0,51
Смерть по неуст. причинам	567,8	0,52	Фиброз и цирроз печени	717,5	0,56	Болезнь, вызванная ВИЧ	720,7	0,50
Травмы головы	539,6	0,49	Болезнь, вызванная ВИЧ	711,3	0,56	COVID-19	614,2	0,43
Фиброз и цирроз печени	508,7	0,46	Смерть по неуст. причинам	691,5	0,54	Атеросклерот. болезнь сердца	510,9	0,35
Атеросклерот. болезнь сердца	411,2	0,38	Атеросклерот. болезнь сердца	509,1	0,40	Алкогольная кардиомиопатия	432,6	0,30
Алкогольная кардиомиопатия	319,4	0,29	Пневмония	405,0	0,32	Внутричерепные и др. внутримозговые кровоизлияния	379,6	0,26
Внутричерепные и др. внутримозговые кровоизлияния	299,5	0,27	Внутричерепные и др. внутримозговые кровоизлияния	362,6	0,28	Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	274,5	0,19
Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	241,6	0,22	Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	254,3	0,20	Острый инфаркт миокарда	254,1	0,18
Инфаркт мозга	177,9	0,16	Инфаркт мозга	237,8	0,19	Инфаркт мозга	222,4	0,15

*В сопоставимых ценах 2019 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Потери экономики Вологодской области от преждевременной смертности населения в 2022 г. достигли 131,9 млрд руб. (или 14,1% к ВРП; таблица 6). Максимальный вклад в них вносили внезапная смерть (5,53 млрд руб.), смерть от фиброза и цирроза печени (5,27 млрд руб.) и неустановленных причин (5,25 млрд руб.).

С 2019 по 2022 год общая упущенная выгода в производстве ВРП в регионе выросла на 41,67 млрд руб., во многом за счёт преждевременной смертности от фиброза и цирроза печени (прирост на 0,97 млрд руб.) и неустановленных причин (на 0,84 млрд руб.). В Вологодской области, также как и в целом по стране, в годы пандемии

вырос общий экономический ущерб от преждевременной смертности населения (на 68,95 млрд руб. с 2019 по 2021 год), что в том числе связано

с безвозвратными потерями от COVID-19, экономическое бремя которой в 2021 г. составило 15,9 млрд руб. (или 1,6% к ВВП).

Таблица 6

Экономические потери от преждевременной смертности населения Вологодской области по ведущим причинам смерти в 2019–2022 гг., млрд руб., % от ВВП*

Table 6

Economic Losses Due to Premature Mortality of the Vologda Oblast Population by Leading Causes of Death in 2019–2022, Billion Rubles, % of Grp

2019 г.			2021 г.			2022 г.		
Причина	Млрд руб.	% к ВВП	Причина	Млрд руб.	% к ВВП	Причина	Млрд руб.	% к ВВП
Всего	90,32	14,27	Всего	159,29	16,48	Всего	131,99	14,14
Отравления	4,61	0,73	COVID-19	15,90	1,64	Внезапная смерть	5,53	0,59
Смерть по неуст. причинам	4,41	0,70	Смерть по неуст. причинам	7,51	0,78	Фиброз и цирроз печени	5,27	0,56
Фиброз и цирроз печени	4,30	0,68	Фиброз и цирроз печени	6,24	0,65	Смерть по неуст. причинам	5,25	0,56
Травмы головы	4,25	0,67	Отравления	6,15	0,64	Пневмония	4,24	0,45
Пневмония	3,82	0,60	Внезапная смерть	5,93	0,61	Атеросклерот. болезнь сердца	3,70	0,40
Атеросклерот. болезнь сердца	3,19	0,50	Атеросклерот. болезнь сердца	5,89	0,61	Острый инфаркт миокарда	3,10	0,33
Острый инфаркт миокарда	2,41	0,38	Пневмония	4,37	0,45	COVID-19	3,00	0,32
Внутричерепные и др. внутричереп. кровоизлияния	1,73	0,27	Острый инфаркт миокарда	3,17	0,33	Алкогольная кардиомиопатия	2,75	0,29
Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	1,72	0,27	Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	2,26	0,23	Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	2,30	0,25
Кардиомиопатия неуточненная	1,68	0,26	Хрон. ишемическая болезнь сердца неуточненная	1,86	0,19	Инфаркт мозга	1,91	0,20

* В сопоставимых ценах 2019 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

В 2022 г. наибольший вклад в экономический ущерб от преждевременной смертности россиян вносило население 30–44 лет (8,0 млрд руб.; таблица 7). При этом «дороже» всего экономике страны обходилась смертность данной возрастной группы от ВИЧ-инфекции (583,9 млрд руб.),

фиброза и цирроза печени (на 391,6 млрд руб.) и неустановленных причин (364,5 млрд руб.), а также населения 45–59 лет от фиброза и цирроза печени (364,8 млрд руб.) и атеросклеротической болезни сердца (361,1 млрд руб.).

Таблица 7

Вклад возрастных групп в экономические потери от преждевременной смертности населения России по ведущим причинам смерти, 2022 г., млрд руб., % от ВВП

Table 7

Share of Age Groups to Economic Losses Due to Premature Mortality of the Russian Population by Leading Causes of Death, 2022, Billion Rubles, % of GDP

Причина	0–14 лет		15–29 лет		30–44 года		45–59 лет		60 лет и старше	
	Млрд руб.	% к ВВП	Млрд руб.	% к ВВП						
Всего	1454,6	0,93	2402,8	1,53	8007,7	5,10	6958,8	4,43	1183,5	0,75
Атеросклерот. болезнь сердца	0,0	0,00	1,5	0,00	79,7	0,05	361,1	0,23	112,7	0,07

Причина	0–14 лет		15–29 лет		30–44 года		45–59 лет		60 лет и старше	
	Млрд руб.	% к ВВП	Млрд руб.	% к ВВП	Млрд руб.	% к ВВП	Млрд руб.	% к ВВП	Млрд руб.	% к ВВП
Фиброз и цирроз печени	0,9	0,00	14,2	0,01	391,6	0,25	364,8	0,23	33,1	0,02
Смерть по неустр. причинам	39,5	0,03	92,9	0,06	364,5	0,23	295,5	0,19	34,7	0,02
Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	0,4	0,00	2,4	0,00	41,9	0,03	195,1	0,12	58,4	0,04
Болезнь, вызванная ВИЧ	1,9	0,00	45,0	0,03	583,9	0,37	149,6	0,10	2,5	0,00
Внутричерепные и др. внутривенные кровоизлияния	3,8	0,00	11,9	0,01	149,7	0,10	218,4	0,14	28,7	0,02
Алкогольная кардиомиопатия	0,0	0,00	13,1	0,01	242,0	0,15	198,7	0,13	16,1	0,01
Инфаркт мозга	0,9	0,00	3,0	0,00	48,0	0,03	144,4	0,09	45,2	0,03
Острый инфаркт миокарда	0,1	0,00	4,6	0,00	66,4	0,04	167,8	0,11	37,2	0,02
COVID-19	14,5	0,01	38,4	0,02	260,4	0,17	283,1	0,18	70,8	0,05

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Для экономики региона в 2022 г. самое высокое экономическое бремя несла смертность лиц в возрасте 30–44 лет (55,9 млрд руб.) и 45–59 лет (54,1 млрд руб.; таблица 8). При этом к наибольшей упущенной выгоде в производстве ВРП приводила смертность населения

30–44 лет от внезапной смерти (3,51 млрд), неустановленных причин (2,87 млрд руб.), фиброза и цирроза печени (2,47 млрд руб.) и населения 45–59 лет от фиброза и цирроза печени (2,83 млрд руб.) и атеросклеротической болезни сердца (2,49 млрд руб.).

Таблица 8

Вклад возрастных групп в экономические потери от преждевременной смертности населения Вологодской области по ведущим причинам смерти, 2022 г., млрд руб., % от ВВП

Table 8

Share of Age Groups to Economic Losses Due to Premature Mortality of the Vologda Oblast Population by Leading Causes of Death, 2022, Billion Rubles, % of GDP

Причина	0–14 лет		15–29 лет		30–44 года		45–59 лет		60 лет и старше	
	Млрд руб.	% к ВРП	Млрд руб.	% к ВРП	Млрд руб.	% к ВРП	Млрд руб.	% к ВРП	Млрд руб.	% к ВРП
Всего	9,38	0,92	14,29	1,40	55,91	5,48	54,09	5,30	10,68	1,05
Атеросклерот. болезнь сердца	-	-	-	-	0,54	0,05	2,49	0,24	1,02	0,10
Фиброз и цирроз печени	-	-	0,15	0,01	2,47	0,24	2,83	0,28	0,32	0,03
Смерть по неустр. причинам	0,12	0,01	0,49	0,05	2,87	0,28	2,07	0,20	0,20	0,02
Острый инфаркт миокарда	-	-	0,07	0,01	0,93	0,09	1,99	0,19	0,40	0,04
Злокачественные НО трахеи, бронхов, легких	-	-	-	-	0,41	0,04	1,60	0,16	0,51	0,05
Внезапная смерть	0,21	0,02	0,47	0,05	3,52	0,34	1,72	0,17	0,14	0,01
Пневмония	0,35	0,03	0,71	0,07	1,78	0,17	1,56	0,15	0,24	0,02
Алкогольная кардиомиопатия	-	-	-	-	1,32	0,13	1,46	0,14	0,23	0,02
Инфаркт мозга	-	-	-	-	0,58	0,06	1,18	0,12	0,34	0,03
COVID-19	-	-	0,40	0,04	1,06	0,10	1,34	0,13	0,48	0,05

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Общее экономическое бремя преждевременной смертности российских мужчин в 2022 г. составило 14,5 трлн руб., что в 2,6 раза превышает ущерб от смертности женщин (5,5 трлн руб.). «Цена» мужских смертей значительно выше в рамках та-

ких нозологий, как неустановленные причины (в 4,5 раза), атеросклеротическая болезнь сердца (в 3,3 раза), инфаркт мозга (в 2,5 раза), внутричерепные и другие внутричерепные кровоизлияния (в 2,4 раза), ВИЧ-инфекция (в 1,9 раза; рисунок 5).

Рисунок 5. Экономические потери от преждевременной смертности мужского и женского населения России по ведущим причинам смерти, 2022 г., млрд руб.
Figure 5. Economic Losses Due to Premature Mortality of the Male and Female Population of Russia by Leading Causes of Death, 2022, Billion Rubles

Источник: рассчитано по данным Росстата.

В Вологодской области, как и в целом по стране, экономический ущерб от мужской преждевременной смертности значительно выше, чем от женской (в 2,4 раза – 102,40 млрд руб. против 41,96). При этом наибольший гендерный разрыв отмечается в величине упущен-

ной выгоды вследствие смертности от острого инфаркта миокарда (в 4 раза), атеросклеротической болезни сердца (в 3,8 раза), внезапной смерти (в 3,3 раза), пневмонии (в 2,6 раза), инфаркта мозга (в 2,4 раза) и COVID-19 (в 2,1 раза; рисунок 6).

Рисунок 6. Экономические потери от преждевременной смертности мужского и женского населения Вологодской области по ведущим причинам смерти, 2022 г., млрд руб.
Figure 6. Economic Losses Due to Premature Mortality of the Male and Female Population of the Vologda Oblast by Leading Causes of Death, 2022, Billion Rubles.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Обсуждение результатов

Полученные в работе выводы о структуре демографических и экономических потерь вследствие преждевременной смертности населения и тенденциях в их динамике во многом согласуются с результатами зарубежных и отечественных исследований. В рамках международного исследования «Глобальное бремя болезней» подтверждено негативное влияние пандемии коронавирусной инфекции на величину обусловленных преждевременной смертностью потерь здоровья (рост по-

казателей DALY и YLL, в т. ч. бремени COVID-19), что обратило вспять позитивные изменения предшествующих десятилетий [1]. Регресс в динамике демографических потерь подтверждается и в отечественных работах, в частности доказано существенное замедление снижения коэффициентов потерянных лет жизни в возрастных группах населения 30–44 лет и более интенсивный рост показателя среди женщин по сравнению с мужчинами [2]. Последствия COVID-19 оказались гораздо шире из-за повышенного риска осложнений хро-

нических НИЗ и возникновения их новых случаев. Появление пневмонии в числе ведущих причин ПППЖ в годы пандемии напрямую связано с взрывным ростом смертности от неё вследствие эпидемии коронавирусной инфекции [19].

Лидерство неустановленных причин смерти в структуре безвозвратных потерь может объясняться национальной спецификой кодирования смертей. Ряд исследователей признают их своеобразным «резервуаром» для скрытия внешних причин смерти, особенно повреждений с неопределёнными намерениями [20; 21; 22]. Кроме того, неоправданно высокая частота случаев указания патологоанатомом или судмедэкспертом неустановленной причины смерти может быть связана с отсутствием стимулов к уточнению причины смерти после выдачи предварительного свидетельства о смерти, а также с проблемой взаимодействия между судмедэкспертами и правоохранительными органами [22]. Данная причина смерти относится к «мусорным» или плохо определённым, поэтому её высокие позиции в нозологической структуре потерь могут служить маркером проблем качества российской статистики [2].

Отечественные исследования также подтверждают тенденцию сокращения ущерба вследствие преждевременной смертности россиян от ВИЧ, что связывается с увеличением продолжительности жизни ВИЧ-положительной популяции под влиянием расширения охвата антиретровирусной терапией [12]. Рост потерь от фиброза и цирроза печени и алкогольной кардиомиопатии фиксируется в ряде работ. Так, согласно материалам исследования глобального бремени цирроза печени, характерные для России высокие темпы прироста показателей смертности от цирроза и других хронических заболеваний печени на протяжении последних десятилетий главным образом обусловлены распространением гепатита С, употреблением алкоголя и неалкогольной жировой болезнью печени [15]. Учитывая тот факт, что в структуре безвозвратных потерь здоровья преобладает неалкогольный цирроз и фиброз печени, можно констатировать его вирусную и поведенческую природу. Однако влияние алкогольного фактора на демографические и экономические потери всё равно значимо. В зарубежных исследованиях также подтверждается проблема высокого бремени алкогольной кардиомиопатии в нашей стране, что связывается с укоренившейся в российском обществе культурой частого и чрезмерного употребления алкоголя [23].

Как показало исследование, нозологическую структуру потерь вследствие преждевременной смертности в Вологодской области, прежде всего, отличает от общероссийской присутствие в ней

внезапной смерти. Данная причина входит в состав класса «болезни системы кровообращения» (код МКБ-10 – I46.1), однако в статистике смертности этот код расценивается как неуточнённая причина смерти¹⁵. Как известно, основным predisposing к внезапной смерти фактором у взрослого населения является ишемическая болезнь сердца (ИБС) [24]. При этом если уровень общей и первичной заболеваемости ИБС в регионе ниже среднего по стране (в 2022 г. 3501,7 против 5182,9 случая на 100 000 населения и 441,2 против 673,9 случая на 100 000 населения соответственно¹⁶), то показатель смертности от ИБС заметно превосходит общероссийский (в 2021 г. 441,6 против 348,1 случая на 100 тыс. чел. населения¹⁷), что может говорить о проблеме несвоевременной диагностики болезни и, как следствие, повышенном риске преждевременной смерти от неё. Исследования показывают, что Вологодская область входит в число регионов с максимальным вкладом внезапной сердечной смерти в структуру суммарной смертности от всех острых форм ишемической болезни сердца и внезапной сердечной смерти [25]. При этом отмечается факт большей подверженности риску внезапной смерти мужчин работоспособного возраста [24], что подтверждает наши выводы о превышении мужских потерь над женскими и о высоком вкладе в потери населения 30–44 лет.

Нахождение пневмонии в структуре ведущих причин безвозвратных потерь в регионе согласуется с результатами исследований, согласно которым в 2019–2021 гг. в сравнении с 2017–2019 гг. в Вологодской области наблюдалась тенденция увеличения показателей и темпов прироста общей заболеваемости пневмонией, что главным образом связано с последствиями ухудшения эпидемиологической ситуации и широкого распространения новой коронавирусной инфекции. Так, если в допандемийный период темпы прироста показателей заболеваемости в регионе не превышали 10%, то в период пандемии составили 50–70% [26].

Превышение уровня безвозвратных потерь от сердечно-сосудистых заболеваний (острого ин-

¹⁵ Правила формулировки патологоанатомического диагноза, выбора и кодирования по МКБ-10 причин смерти. Класс IX. Болезни системы кровообращения. Сост.: О.В. Зайратьянц, Е.Ю. Васильева, Л.М. Михалева [и др.]. М., 2019. С. 39.

¹⁶ Заболеваемость всего населения России в 2023 году: статистические материалы / И.А. Деев, О.С. Кобякова, В.И. Стародубов, и др. М.: ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, 2024. С. 82; Заболеваемость всего населения России в 2023 году диагнозом, установленным впервые в жизни: статистические материалы / И.А. Деев, О.С. Кобякова, В.И. Стародубов и др. М.: ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, 2024. С. 80.

¹⁷ Смертность населения от ишемической болезни сердца, на 100 тыс. населения // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62025> (дата обращения: 26.12.2025).

фаркта миокарда и инфаркта мозга) и злокачественных новообразований трахеи, лёгких и бронхов в регионе по сравнению со среднестрановым может быть связано с большей распространённостью в населении такого фактора риска, как курение. Лонгитюдные когортные исследования подтверждают значительный вклад этого фактора в повышение риска смерти от сердечно-сосудистых и всех причин [27]. По данным выборочного наблюдения Росстата и мониторинга физического здоровья населения Вологодской области доля курильщиков среди жителей региона стабильно превышает среднюю по стране: в 2024 г. – 29% против 22%, в 2022 г. – 26% против 22%, 2020 г. – 28% против 23%¹⁸.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования были подтверждены оба положения гипотезы. Показано влияние пандемии COVID-19 как на рост вклада преждевременной смертности в общие потери здоровья (DALY), так и на нозологическую структуру потерь от преждевременной смертности, что выразилось напрямую в росте ПППЖ и экономических издержек от коронавирусной инфекции и косвенно – в увеличении ущерба от сопутствующих причин (в частности, от пневмонии). Продемонстрированы различия в структуре демографических и экономических потерь страны и региона. В целом по России их ведущими причинами выступают неуставленные причины, неалкогольный фиброз и цирроз печени и ВИЧ-инфекция, а в Вологодской области, помимо первых двух, – внезапная смерть. Национальную нозологическую структуру потерь отличает присутствие в ней ВИЧ-инфекции и острого инфаркта миокарда, тогда как региональную – наличие внезапной смерти и пневмонии. При этом в регионе выше, чем в среднем по стране ущерб от сердечно-сосудистых заболеваний (острого инфаркта миокарда и инфаркта мозга) и злокачественных новообразований трахеи, бронхов, легких. Выявлены различия в потерях в зависимости от пола и возраста населения. Установлено, что наибольший вклад в их величину вносят мужчины и население в возрасте до 45 лет, главным образом 30–44 лет. Максимальная доля молодых контингентов в целом по стране отмечается в рамках потерь от ВИЧ-инфекции, неуставленных причин, алкогольной кардиомиопатии, неалкоголь-

ного цирроза и фиброза печени, в Вологодской области, помимо неуставленных причин, – в потерях от внезапной смерти и пневмонии.

Отдельно стоит отметить масштаб экономического ущерба от преждевременной смертности населения: в 2022 г. в среднем по стране он составил 18,4 трлн руб. (или 12,75% к ВВП) и в регионе – 131,9 млрд руб. (или 14,1% к ВРП). Для сравнения: расходы федерального бюджета РФ на здравоохранение в 2022 году составили 1,43 трлн рублей¹⁹, на госпрограмму «Развитие здравоохранения» – 793,22 млрд руб.²⁰, а фактический объём средств областного бюджета (с учётом субсидий, субвенций и иных трансфертов федерального бюджета, безвозмездных поступлений из внебюджетных источников) на здравоохранение (реализацию государственной программы «Развитие здравоохранения») в 2022 г. достигал 18,5 млрд руб.²¹.

Проведённое исследование позволяет заключить, что для снижения демографических и экономических потерь от преждевременной смертности населения наиболее востребованной представляется профилактика факторов риска смертности от неалкогольного фиброза и цирроза печени (вакцинация от вирусных гепатитов, профилактика нездорового питания и ожирения, курения и приёма алкоголя, повышение физической активности населения, вовлечение в прохождение регулярных обследований и скринингов) и ВИЧ-инфекции (профилактика потребления инъекционных наркотиков, небезопасных половых связей, тестирование населения на ВИЧ). В Вологодской области актуальны мероприятия по профилактике заболеваемости населения пневмонией и сердечно-сосудистыми заболеваниями (вакцинация от пневмококковой инфекции, стимулирование ведения здорового образа жизни, регулярные профосмотры и диспансеризация населения). При этом важен адресный характер мер и учёт специфики групп риска: например, для

¹⁹ Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2022 год // Министерство финансов РФ: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/08/main/Illustrirovannoe_izdanie_za_2022_god.pdf (дата обращения: 30.12.2025).

²⁰ Заключение Счетной палаты Российской Федерации о результатах проверки исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2022 год в Министерстве здравоохранения Российской Федерации // Счётная палата РФ: [сайт]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/eb6/pjrj51g6ae9f6ixx0hn200j0zb9qo48b.pdf> (дата обращения: 30.12.2025).

²¹ Сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Вологодской области за 2022 год // Официальный портал Правительства Вологодской области: [сайт]. URL: <https://vologda-oblast.ru/upload/iblock/bbc/j778c4mlny93c0vqojyjkjenl0vw185y/Svodnyy-godovoy-doklad-o-khode-realizatsii-i-ob-otsenke-effektivnosti-gosudarstvennykh-programm-Vologodskoy-oblasti-za-2022-god.pdf> (дата обращения: 30.12.2025).

¹⁸ Информационные панели Выборочного наблюдения состояния здоровья населения // Росстат: [сайт]. URL: https://lks.dap.gov.ru/public/rosstat/av/biportal/contourbi.jsp?allsol=1&solution=social_demography_s%20urvey&project=%2Fsocial_demography_survey%2FPopulation_Health_State2 (дата обращения: 29.12.2025); База данных мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН.

мужчин и трудоспособного населения в возрасте 30–44 лет наиболее востребованы меры профилактики ВИЧ, алкогольной кардиомиопатии, фиброза и цирроза печени (в регионе – пневмонии). Высокий вклад в потери трудоспособных контингентов говорит о необходимости расширения охвата работающего населения корпоративными программами укрепления здоровья.

Кроме того, проблема присутствия в числе ведущих причин преждевременной смертности неуточнённых и «мусорных» нозологий требует совершенствования системы постановки диагноза и статистики смертности, в т. ч. улучшения коммуникации между патологоанатомами, судмедэкспертами и правоохранительными органами. Усиление ясности и детализация статистики умерших по причинам смерти, в частности разработка множественных причин смерти в сочетании с социально-демографическими характеристиками и другими данными (например, регистра

населения), существенно расширит возможности контроля и исправления её дефектов [21].

К ограничениям исследования стоит отнести методическую специфику показателя ПППЖ (повышает «вес» причин, обуславливающих смертность в более молодых возрастах; базируется на фиксированном возрасте дожития), а также российские и региональные особенности кодирования причин смерти (проблема скрытия иных причин смерти, например, внешних, под «мусорным» кодом «неустановленные причины смерти»; проблема разных подходов к кодированию первоначальной причины смерти в случае полиморбидности). Кроме того, важно понимать, что в данном исследовании оценки экономических потерь от преждевременной смертности ограничиваются упущенной выгодой в производстве ВВП/ВРП и не учитывают другие проявления ущерба (потери от недопотребления, расходы на социальную поддержку и пр.).

Список источников

1. *Naghavi M., Ong K.L., Aali A. et al.* Global Burden of 288 Causes of Death and Life Expectancy Decomposition in 204 Countries and Territories and 811 Subnational Locations, 1990-2021: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *Lancet*. 2024;403(10440):2100-2132. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(24\)00367-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(24)00367-2)
2. *Pyankova A.I., Fattakhov T.A., Denisenko M.B.* Years of Life Lost due to Premature Mortality in Russia, 1990-2021. *Population and Economics*. 2024;8(4):92-122. <https://doi.org/10.3897/pepecon.8.e112749>
3. *Короленко А.В.* Нозологический и половозрастной профиль смертности населения Вологодской области и обусловленных ей демографических потерь // Статистика и Экономика. 2021. Том 18. № 3. С. 27–45. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-3-27-45> EDN HWFTLT
4. *Фаттахов Т.А., Миронова А.А.* Потерянные годы жизни в результате преждевременной смертности населения муниципальных районов Архангельской области в 2010–2019 гг. // Региональные исследования. 2021. № 1(71). С. 96–106. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-1-8> EDN EWZQOE
5. Оценка социально-экономических потерь от преждевременной смертности населения Республики Башкортостан (за 2002–2020 гг.) / В.П. Чащин, Р.А. Аскаров, З.Ф. Аскарова [и др.] // Здравоохранение Российской Федерации. 2023. Том 67. № 4. С. 344–351. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-4-344-351> EDN PDDPBU
6. *Mazzucco S., Suhrcke M., Zanotto L.* How to Measure Premature Mortality? A Proposal Combining Relative and Absolute Approaches. *Population Health Metrics*. 2021;19(1):41. <https://doi.org/10.1186/s12963-021-00267-y>
7. *Zanotto L., Canudas-Romo V., Mazzucco S.* A Mixture-Function Mortality Model: Illustration of the Evolution of Premature Mortality. *European Journal of Population*. 2020;37(1):1-27. <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09552-x>
8. Социально-экономические потери в результате сердечно-сосудистой смертности в Республике Башкортостан / Р.А. Аскаров, И.А. Лакман, Н.Ш. Загидуллин [и др.] // Российский кардиологический журнал. 2025. Том 30. № 5. С. 36–42. <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2025-6129> EDN JQBNPY
9. Анализ потерянных лет жизни в результате преждевременной смертности от злокачественных новообразований в Российской Федерации / Ж.В. Хайлова, А.Д. Каприн, В.В. Омеляновский [и др.] // Сибирский онкологический журнал. 2023. Том 22. № 5. С. 14–27. <https://doi.org/10.21294/1814-4861-2023-22-5-14-27> EDN HCSTZM
10. *Chan J.K.N., Correll C.U., Wong C.S.M. et al.* Life Expectancy and Years of Potential Life Lost in People with Mental Disorders: A Systematic Review and Meta-Analysis. *EClinicalMedicine*. 2023;65:102294. <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2023.102294>
11. *Варакина Ж.Л.* Потери населения Архангельской области, обусловленные внешними причинами смертности: структура, динамика и особенности кодировки // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 4(56). С. 2. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2017-56-4-2> EDN ZCNCYN
12. Глобальное бремя ВИЧ/СПИД в аспекте общественного здоровья в России: DALY, вызванные ВИЧ-инфекцией. Часть 2 / З.М. Загдын, Н.В. Кобесов, В.Л. Денюшенков, С.А. Стерликов // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2025. Том 17. № 2. С. 32–43. <http://dx.doi.org/10.22328/2077-9828-2025-17-2-32-43> EDN SAYYVO
13. Половозрастные особенности потерь жизненного потенциала с поправкой на инвалидность (DALYs) при туберкулезе в регионе с высокой плотностью населения: когортное ретроспективное исследование / З.М. Загдын,

- Н.В. Кобесов, М.К. Пагиева [и др.] // Кубанский научный медицинский вестник. 2024. Том 31. № 2. С. 27–40. <https://doi.org/10.25207/1608-6228-2024-31-2-27-40> EDN NEMRTV
14. Оценка социально-экономических потерь вследствие смертности от алкоголь-ассоциированных причин / Б.С. Будаев, А.С. Михеев, И.Ю. Тармаева [и др.] // Сибирское медицинское обозрение. 2020. № 1. С. 100–107. <https://doi.org/10.20333/2500136-2020-1-100-107> EDN FAOIQW
15. *Wu X.N., Xue F., Zhang N., et al.* Global Burden of Liver Cirrhosis and Other Chronic Liver Diseases Caused by Specific Etiologies From 1990 to 2019. *BMC Public Health*. 2024;24:363. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-17948-6>
16. Лидова А.В., Скрипов В.С., Кочорова Л.В. Бремя суицидов: оценка в потерянных годах потенциальной жизни // Профилактическая медицина. 2023. Том 26. № 2. С. 50–55. <https://doi.org/10.17116/profmed20232602150> EDN YEWCAS
17. Применение индекса DALY для оценки состояния здоровья населения: [монография] / О.С. Кобякова, И.А. Деев, Е.С. Куликов [и др.]. Томск: Изд-во СибГМУ, 2020. 100 с. ISBN 978-5-98591-153-4 EDN JVUYFC
18. Потерянные годы потенциальной жизни – критерий социально-экономической оценки преждевременной смертности / А.Е. Иванова, В.Г. Семенова, Г.Н. Евдокушкина, И.А. Крюкова // Здоровье мегаполиса. 2022. Том 3. № 4. С. 75–83. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2022.v3i4;75-83> EDN YGQHW
19. Коссова Т.В. Детерминанты смертности населения России от болезней органов дыхания: статистический анализ // Вопросы статистики. 2024. Том 31. № 4. С. 21–33. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2024-31-4-21-33> EDN LALHMT
20. Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России / А.Е. Иванова, Т.П. Сабагайда, В.Г. Семенова [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4(32). С. 1. EDN RBTQQZ
21. Васин С.А. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // Демографическое обозрение. 2015. Том 2. № 1. С. 89–124. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1790> EDN VOFMKR
22. Андреев Е.М. Плохо определенные и точно не установленные причины смерти в России // Демографическое обозрение. 2016. Том 3. № 2. С. 103–142. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1755> EDN WZZPR
23. *Wang Z., Wu C., Zhang B., et al.* Global, Regional and National Burdens of Alcoholic Cardiomyopathy Among the Working-Age Population, 1990–2021: A Systematic Analysis. *Journal of Health, Population and Nutrition*. 2025;44:170. <https://doi.org/10.1186/s41043-025-00920-4>
24. Иванова А.А., Нестерец А.М., Максимов В.Н. Внезапная сердечная смерть: эпидемиология, этиология, патогенез и факторы риска // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. 2024. Том 13. № 4S. С. 159–167. <https://doi.org/10.17802/2306-1278-2024-13-4S-159-167> EDN DNZOGI
25. Показатели смертности от острых форм ишемической болезни сердца и внезапной сердечной смерти в регионах Российской Федерации в 2019–2021 годах / И.В. Самородская, М.Г. Бубнова, О.А. Акулова и др. // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Том 22. № 5. С. 6–16. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3557> EDN ZDOYLT
26. Погорелов А.Р. Региональные различия распространения пневмоний в России: сравнительный пространственно-временной анализ ситуации 2017–2021 годов // Здоровье населения и среда обитания. 2024. Том 32. № 6. С. 7–16. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2024-32-6-7-16> EDN CLVLQP
27. Курение, отказ от курения и риск смерти от сердечно-сосудистых заболеваний и от всех причин (34-летнее когортное проспективное исследование) / И.В. Долгалев, А.Ю. Иванова, О.Л. Саркисова, В.М. Быконя // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2025. Том 24. № 7. С. 66–72. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2025-4424> EDN ENXBBZ

Информация об авторах:

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук

(SPIN-код: 7600-0822) (ResearcherID: E-5968-2012) (Scopus Author ID: 14833412100)

Александра Владимировна Короленко – старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук

(SPIN-код: 5079-5628) (ResearcherID: I-8201-2016) (Scopus Author ID: 57201487911)

Заявленный вклад авторов:

А.А. Шабунова – научное руководство; концепция исследования.

А.В. Короленко – сбор, анализ и интерпретация данных.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Александра Владимировна Короленко.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Naghavi M., Ong K.L., Aali A. et al. Global Burden of 288 Causes of Death and Life Expectancy Decomposition in 204 Countries and Territories and 811 Subnational Locations, 1990–2021: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *Lancet*. 2024;403(10440):2100–2132. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(24\)00367-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(24)00367-2)

2. Pyankova A.I., Fattakhov T.A., Denisenko M.B. Years of Life Lost due to Premature Mortality in Russia, 1990–2021. *Population and Economics*. 2024;8(4):92–122. <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e112749>
3. Korolenko A.V. Nosological and Age and Gender Profile of the Vologda Oblast Population Mortality and the Associated Demographic Losses. *Statistika i Ekonomika=Statistics and Economics*. 2021;18(3):27–45. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-3-27-45> (In Russ.)
4. Fattakhov T.A., Mironova A.A. Lost Years of Life as a Result of Premature Mortality of the Population of Municipal Districts of the Arkhangelsk Region in 2010-2019. *Regional'nye issledovaniya=Regional Research*. 2021;(1(71)):96-106. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-1-8> (In Russ.)
5. Chashchin V.P., Askarov R.A., Askarova Z.F., et al. Assessment of Socio-Economic Losses from Premature Mortality of the Population of the Republic of Bashkortostan (for 2002–2020). *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii=Healthcare of the Russian Federation*. 2023;67(4):344–351. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-4-344-351> (In Russ.)
6. Mazzucco S., Suhrcke M., Zanotto L. How to Measure Premature Mortality? A Proposal Combining Relative and Absolute Approaches. *Population Health Metrics*. 2021;19(1):41. <https://doi.org/10.1186/s12963-021-00267-y>
7. Zanotto L., Canudas-Romo V., Mazzucco S. A Mixture-Function Mortality Model: Illustration of the Evolution of Premature Mortality. *European Journal of Population*. 2020;37(1):1–27. <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09552-x>
8. Askarov R.A., Lakman I.A., Zagidullin N.Sh., et al. Socioeconomic Losses Due to Cardiovascular Mortality in the Republic of Bashkortostan. *Rossiiskii kardiologicheskii zhurnal=Russian Journal of Cardiology*. 2025;30(5):36-42. <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2025-6129> (In Russ.)
9. Khailova Zh.V., Kaprin A.D., Omelyanovsky V.V., et al. Analysis of Years of Life Lost Due to Premature Cancer Mortality in the Russian Federation. *Sibirskii onkologicheskii zhurnal=Siberian Journal of Oncology*. 2023;22(5):14–27. <https://doi.org/10.21294/1814-4861-2023-22-5-14-27> (In Russ.)
10. Chan J.K.N., Correll C.U., Wong C.S.M. et al. Life Expectancy and Years of Potential Life Lost in People with Mental Disorders: A Systematic Review and Meta-Analysis. *EClinicalMedicine*. 2023;65:102294. <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2023.102294>
11. Varakina Zh.L. Population Losses of the Arkhangelsk Region from External Causes of Mortality: Structure, Trends and Coding Features. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*. 2017;(4(56)):2. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2017-56-4-2> (In Russ.)
12. Zagdyn Z.M., Kobesov N.V., Denyushenkov V.L., Sterlikov S.A. A Public Health Perspective on Global Burden of HIV/Aids in Russia: DALY Due to HIV Infection. Part 2. *VICH-infektsiya i immunosupressii=HIV Infection and Immunosuppressive Disorders*. 2025;17(2):32–43. <https://doi.org/10.22328/2077-9828-2025-17-2-32-43> (In Russ.)
13. Zagdyn Z.M., Kobesov N.V., Pagiya M.K., et al. Gender-Age Peculiarities of Disability-Adjusted Life Years (DALY) in Tuberculosis in a High-Density Region: A Retrospective Cohort Study. *Kubanskiy nauchnyy meditsinskiy vestnik=Kuban Scientific Medical Bulletin*. 2024;31(2):27–40. <https://doi.org/10.25207/1608-6228-2024-31-2-27-40> (In Russ.)
14. Budaev B.S., Mikheev A.S., Tarmaeva I.Yu., et al. Assessment of Socio-Economic Losses Due to Mortality from Alcohol-Related Reasons. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie=Siberian Medical Review*. 2020;(1):100–107. <https://doi.org/10.20333/2500136-2020-1-100-107> (In Russ.)
15. Wu X.N., Xue F., Zhang N., et al. Global Burden of Liver Cirrhosis and Other Chronic Liver Diseases Caused by Specific Etiologies From 1990 to 2019. *BMC Public Health*. 2024;24:363. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-17948-6>
16. Lidova A.V., Skripov V.S., Kochorova L.V. The Suicide Burden: an Estimate of Potential Years of Life Lost. *Profilakticheskaya meditsina=Russian Journal of Preventive Medicine*. 2023;26(2):50–55. <https://doi.org/10.17116/profmed20232602150> (In Russ.)
17. Kobyakova O.S., Deev I.A., Kulikov E.S. et al. Primenenie Indeksa DALY Dlya Otsenki Sostoyaniya Zdorov'ya Naseleeniya. Monograph. Tomsk: Publishing House of Siberian State Medical University; 2020. 100 p. ISBN 978-5-98591-153-4 (In Russ.)
18. Ivanova A.E., Semyonova V.G., Evdokushkina G.N., Kryukova I.A. Potential Years of Life Lost – Criterion for Socio-economic Assessment of Premature Mortality. *Zdorov'e megapolisa=City Healthcare*. 2022;3(4):75-83. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2022.v.3i4;75-83> (In Russ.)
19. Kossova T.V. Determinants of Mortality of the Russian Population from Respiratory Diseases: Statistical Analysis. *Vo prosy statistiki*. 2024;31(4):21–33. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2024-31-4-21-33> (In Russ.)
20. Ivanova A.E., Sabgayda T.P., Semenova V.G., et al. Factors Distorting Structure of Death Causes in Working Population in Russia. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*. 2013;(4(32)):1. (In Russ.)
21. Vasin S.A. Mortality from Undetermined Causes of Death in Russia and in a Selected Set of Countries. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2015;2(1):89–124. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1790> (In Russ.)
22. Andreev E.M. Ill-Defined and Unspecified Causes of Death in Russia. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2016;3(2):103–142. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1755> (In Russ.)
23. Wang Z., Wu C., Zhang B., et al. Global, Regional and National Burdens of Alcoholic Cardiomyopathy Among the Working-Age Population, 1990–2021: A Systematic Analysis. *Journal of Health, Population and Nutrition*. 2025;44:170. <https://doi.org/10.1186/s41043-025-00920-4>
24. Ivanova A.A., Nesterec A.M., Maksimov V.N. Sudden Cardiac Death: Epidemiology, Etiology, Pathogenesis and Risk Factors. *Kompleksnye problemy serdechno-sosudistykh zabolevaniy=Complex Issues of Cardiovascular Diseases*. 2024;13(4S):159–167. <https://doi.org/10.17802/2306-1278-2024-13-4S-159-167> (In Russ.)

25. Samorodskaya I.V., Bubnova M.G., Akulova O.A., et al. Mortality Rates of Acute Types of Coronary Artery Disease and Sudden Cardiac Death in the Russian Regions in 2019–2021. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika=Cardiovascular Therapy and Prevention*. 2023;22(5):6-16. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3557> (In Russ.)
26. Pogorelov A.R. Pogorelov AR. Regional Differences in the Spread of Pneumonia in Russia: A Comparative Spatiotemporal Analysis of the Situation in 2017–2021. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya=Public Health and Life Environment*. 2024;32(6):7–16. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2024-32-6-7-16> (In Russ.)
27. Dolgalev I.V., Ivanova A.Yu., Sarkisova O.L., Bykonya V.M. Smoking, Smoking Cessation, and Cardiovascular and All-cause Death Risk (A 34-Year Cohort Prospective Study). *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika=Cardiovascular Therapy and Prevention*. 2025;24(7):4424. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2025-4424> (In Russ.)

Information about the authors:

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 7600-0822) (ResearcherID: E-5968-2012) (Scopus Author ID: 14833412100)

Aleksandra V. Korolenko – Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 5079-5628) (ResearcherID: I-8201-2016) (Scopus Author ID: 57201487911)

Authors' declared contribution:

Aleksandra A. Shabunova – scientific management; research concept.

Aleksandra V. Korolenko – collection, analysis and data interpretation.

The authors declare that there is no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Aleksandra V. Korolenko.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Оригинальная статья
УДК 614.2; 336.5; 316.32; 351.77
JEL I18, I38, H51, C25
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_4_60_73
EDN AMPWDI

Роль государства в здравоохранении: сравнительное исследование общественных установок россиян и жителей других стран

Ольга Анатольевна Кислицына
Институт экономики РАН, Москва, Россия
(olga.kislitsyna@gmail.com), (<http://orcid.org/0000-0002-4144-237X>)

Аннотация

На фоне старения населения и роста затрат на медицину вопрос о том, кто должен финансировать здравоохранение – государство или сами граждане – становится особенно актуальным. Несмотря на активное изучение социальной политики, именно здравоохранение как её сфера остаётся изученной недостаточно. Цель исследования – проанализировать: 1) как граждане разных стран рассматривают роль правительства в предоставлении и финансировании медицинской помощи? 2) какие факторы связаны с определённым отношением к роли государства в здравоохранении? Использована новая типология стран, основанная на характеристиках систем здравоохранения. Анализ данных опросов Международной программы социальных исследований (ISSP), собранных в 2016 г., показывает подавляющую поддержку роли государства в здравоохранении во всех рассмотренных странах. Более высокая поддержка отмечается, с одной стороны, в скандинавских странах с широким охватом и государственным финансированием, а также в странах с ограниченным набором медицинских услуг и низкой эффективностью системы. Напротив, наименьшая поддержка зафиксирована в странах, где здравоохранение преимущественно финансируется из частных источников. Для определения значимых социально-демографических и политико-идеологических факторов, влияющих на прогнозирование отношения к роли государства в здравоохранении, используются методы порядковой логистической регрессии. Анализ продемонстрировал значительное влияние мотивов личной заинтересованности на отношение к роли государства в здравоохранении. Так, во многих странах лица с высоким социальным положением чаще выражают несогласие с расширением государственных расходов в данной сфере. Во всех рассматриваемых странах моральная ориентация на общественное благо – приверженность эгалитарным взглядам – оказывается более значимым фактором поддержки роли государства в здравоохранении, чем личные интересы.

Ключевые слова: здравоохранение, общественное мнение, государственное финансирование, государственные услуги, ответственность правительства, сравнительные исследования, Международная программа социальных исследований

Для цитирования: Кислицына О.А. Роль государства в здравоохранении: сравнительное исследование общественных установок россиян и жителей других стран // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 60–73. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_4_60_73
EDN AMPWDI

RAR (Research Article Report)
JEL I18, I38, H51, C25
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_4_60_73

The Role of the State in Healthcare: A Comparative Study of Social Attitudes of Russians and Residents of Other Countries

Olga A. Kislitsyna
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(olga.kislitsyna@gmail.com), (<http://orcid.org/0000-0002-4144-237X>)

Abstract¹

Against the backdrop of population aging and rising healthcare costs, the question of who should finance healthcare – the government or citizens themselves – is becoming increasingly relevant. Despite extensive research on social policy, healthcare as one of its domains remains relatively underexplored. The aim of the study is to investigate: 1) How do citizens in different countries perceive the government's role in providing and financing healthcare? 2) Which factors are associated with particular attitudes toward the state's role in healthcare? A new typology of countries based on the characteristics of health systems is used. An analysis of data from the International Social Survey Programme (ISSP) collected in 2016 reveals overwhelming support for the government's role in healthcare across all examined countries. Higher levels of support are observed, on the one hand, in Scandinavian countries with universal coverage and public financing, as well as in countries with limited healthcare services and lower system efficiency. Conversely, the lowest levels of support are found in countries where healthcare is predominantly financed through private sources. To identify significant socio-demographic and political-ideological factors influencing attitudes toward the state's role in healthcare, ordinal logistic regression methods were applied. The analysis demonstrates that self-interest motives have a notable impact on attitudes toward the state's involvement in healthcare: in many countries, individuals with higher social position are more likely to oppose the expansion of public healthcare spending. Across all examined countries, moral commitment to the public good – adherence to egalitarian values – appears to be a stronger determinant of support for the government's role in healthcare than individual self-interest.

Keywords: health care, public opinion, public finance, public services, government accountability, comparative research, International Social Survey Programme (ISSP)

© Кислицына О.А., 2026

For citation: Kislitsyna O.A. The Role of the State in Healthcare: A Comparative Study of Social Attitudes of Russians and Residents of Other Countries. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):60–73. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_4_60_73 (In Russ.)

Введение

Отношение населения к роли государства в здравоохранении представляет важный аспект общественного дискурса. Системы здравоохранения во всём мире сталкиваются с общими проблемами [1], требующими коллективных решений. Во-первых, старение населения становится одним из главных факторов, воздействующих на структуру и финансирование здравоохранения. Увеличение доли пожилых ведёт к росту потребности в долгосрочном уходе, лечении хронических заболеваний и профилактике возрастных болезней. Во-вторых, появление технологических достижений в сфере диагностики, лечения и профилактики значительно повышает не только эффективность медицинских услуг, но одновременно их стоимость. Эти процессы требуют значительных инвестиций, и часто возникает дилемма: кто должен нести основную финансовую нагрузку – государство или сами граждане? Вопрос о том, «кто платит», является одной из самых обсуждаемых тем в политике здравоохранения.

Большое количество литературы посвящено объяснению предпочтений граждан в отношении предоставления услуг социального обеспечения, например [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. На индивидуальном уровне различия в позициях граждан относительно социальной политики государства традиционно интерпретируются сквозь призму двух ключевых теорий: личного интереса и политической идеологии, например [4; 9; 10; 11; 12; 13]. Теория личного интереса акцентирует внимание на индивидуальных выгодах, тогда как теория политической идеологии фокусируется на мировоззренческих ценностях и идеологических ориентациях. Согласно теории личного интереса, поддержка той или иной политики определяется прежде всего личной выгодой или ущербом для индивида. Теория предполагает прямую зависимость между положением человека в обществе и его отношением к государственной поддержке: обладающие более сильными позициями и меньшим риском зависимости от социальных пособий, как правило, менее заинтересованы в щедром государстве всеобщего благосостояния, чем социально уязвимые группы. В качестве альтернативы теория политической идеологии утверждает, что поддержка политики проистекает не только из прагматических соображений, но и из идеологических убеждений и мировоззренческих установок, таких, например,

как эгалитаризм или гуманизм. Хотя эмпирические исследования нередко проверяют обе теории в комплексе, дискуссия об их относительной значимости далека от завершения.

В исследовании, проведённом в 24 странах, установлено, что поддержка государства всеобщего благосостояния формируется сочетанием личного интереса и идеологических установок. При этом тип режима благосостояния и уровень экономического неравенства в стране существенно модифицируют индивидуальные установки: в более универсальных и развитых системах поддержка социальной политики более распространена и менее зависит от личных интересов [2]. Выявлены различия между Восточной и Западной Европой [3]: жители стран Восточной Европы проявляют более высокую поддержку государственных программ, что связано с историческим опытом социалистического государства, в отличие от западных стран, где традиционно превалирует идея индивидуальной ответственности. Существуют и исследования, учитывающие влияние институционального контекста на восприятие государства в социальной сфере. Исследование, проведённое в 21 стране [4], показало, что несмотря на схожие социальные и демографические факторы (возраст, доход, здоровье), влияющие на установки людей, национальный контекст играет решающую роль. Тип системы здравоохранения, уровень социального неравенства и степень институционального развития определяют, как именно формируется поддержка государственного вмешательства. В результате одинаковые социальные «давления» приводят к разным общественным установкам в разных странах, что подчёркивает значение институциональных и культурных контекстов для легитимности государственной политики в сфере здравоохранения. На данных из двух государств всеобщего благосостояния (Германия, США) и Китая показано [6], что социальный класс оказывает как прямое, так и опосредованное влияние на отношение населения к роли государства: значительная часть различий объясняется тем, как люди понимают социальную справедливость. При этом механизмы формирования установок различаются в развитых государствах всеобщего благосостояния и в Китае, где институциональный контекст и исторический опыт усиливают роль представлений о справедливости. Установлено, что поддержка или неприятие социальной

политики государства зависит не только от личных интересов и идеологии, но и от того, насколько люди доверяют политическим институтам и считают правительство компетентным [7]. Высокий уровень доверия и удовлетворённости усиливает готовность граждан поддерживать даже потенциально непопулярные реформы, тогда как недоверие ведёт к сопротивлению изменениям и предпочтению сохранения текущего положения.

Некоторые исследования фокусируются на национальных особенностях и изменении общественных установок во времени. В Китае [9] за период 2004–2014 гг. наблюдается рост ожиданий участия государства в социальной защите и изменение мотивации к участию в программах социального обеспечения: в начале периода отношение к государственному обеспечению определялось личными интересами, идеологией и институциональными различиями, однако после реформ их влияние ослабло; к 2014 г. решающим фактором стал социально-экономический статус, тогда как различия по хукоу (система регистрации домохозяйств) и месту проживания утратили значимость. В России [14], напротив, в 2006–2016 гг. снизилась поддержка роли государства в здравоохранении: если в 2006 г. она определялась, главным образом, идеологией, то к 2016 г. выросло значение личных интересов. В США [11] после кризиса 2009 г. зафиксирован значительный рост позитивного отношения к программам государственного социального обеспечения. Если до кризиса (2006 г.) отношение к социальным выплатам в основном зависело от социально-экономических характеристик человека – уровня образования, социального класса и статуса занятости, то после кризиса (2017 г.) ключевыми факторами стали ценностные ориентиры, такие как политическая принадлежность и религиозность. В Великобритании [8] исследователи показывают, что поддержка социальной политики не сводится просто к поддержке активной роли государства: люди могут одобрять перераспределение и социальную защиту, но при этом скептически относиться к прямому государственному управлению и вмешательству. Граждане Великобритании нередко поддерживают цели социального государства (сокращение неравенства, помощь нуждающимся), но расходятся во взглядах на инструменты их достижения. Отношение к социальной политике зависит от идеологии, социального положения и опыта взаимодействия с государственными институтами. В Норвегии [10] поддержка коллективного здравоохранения зависит от личных интересов и идеологии. Пожилые, малообеспеченные и люди с плохим здоровьем выступают за рост госрасходов и против софи-

нансирования услуг. Напротив, либерально-консервативные избиратели поддерживают введение соплатежей и частное страхование, но стремятся ограничить государственные траты. Поддержка коллективной модели здравоохранения в Португалии также зависит как от идеологических установок, так и от факторов личного интереса (возраст, здоровье, социально-экономическое положение) [12]. В Исландии [15] мнение населения о роли государства формируется одновременно личными и идеологическими факторами. Пожилые и социально уязвимые группы чаще поддерживают государственное финансирование и предоставление услуг, тогда как обеспеченные и здоровые граждане склонны полагаться на частные механизмы.

Примечательно, что большинство существующих работ, изучающих общественные взгляды на роль государства, рассматривают социальную политику в целом, уделяя здравоохранению как отдельной сфере недостаточное внимание [15]. Следовательно, остаётся открытым вопрос о применимости полученных выводов конкретно к роли государства в обеспечении медицинской помощи. Это подчёркивает актуальность исследования взглядов населения на роль государства в обеспечении медицинской помощи и необходимость анализа факторов, влияющих на легитимность и устойчивость государственных инициатив в этой сфере.

Цель исследования – изучить: 1) как граждане разных стран оценивают роль правительства в предоставлении и финансировании медицинской помощи? 2) какие факторы связаны с определённым отношением к роли государства в здравоохранении? Объект исследования: население разных стран. Предмет исследования: отношение населения к роли государства в здравоохранении. Гипотезы исследования: 1. Жители стран с высокоэффективными системами здравоохранения, финансируемыми государством и ориентированными на первичную медико-санитарную помощь, поддерживают политику государственного вмешательства в здравоохранение в большей степени. Жители стран со значительной ролью частного финансирования и оплаты из собственного кармана проявляют наименьшую поддержку; 2. Зависимость от услуг здравоохранения, предоставляемых государством – из-за старости, низкого социально-экономического положения – подчёркивает важность мотивов личной заинтересованности и ведёт к более позитивному отношению к роли государства в здравоохранении; 3. Чем сильнее приверженность человека общественному благу, что отражается в поддержке эгалитарной политики и левой позиции в поли-

тическом спектре, тем сильнее поддержка роли государства в здравоохранении.

Теоретико-методологические положения **Выбор стран для сравнительного исследования**

Распространённый подход к сравнительным исследованиям [16] заключается в том, чтобы сосредоточиться на роли типов систем социального обеспечения (например, типология Эспинга-Андерсена [17]). Однако данный подход часто подвергается критике, как представляющий неоднородную картину с противоречивыми выводами. Поэтому в данном исследовании рассмотрена новая типология стран [18], основанная на характеристиках систем здравоохранения и включающая пять типов [16; 18].

Тип 1 – *Государственные системы, ориентированные на обеспечение и выбор* (Австралия, Австрия, Бельгия, Чешская Республика, Франция, Германия, Исландия, Ирландия, Люксембург, Словения): системы социального страхования, финансируемые преимущественно государством, характеризующиеся средним или высоким уровнем финансовых и человеческих ресурсов, свободой выбора врачей и регулированием доступа только путём разделения затрат. Показатели эффективности посредственные как в отношении профилактики, так и качества здравоохранения.

Тип 2 – *Государственные системы, ориентированные на эффективность и первичную медико-санитарную помощь* (Финляндия, Япония, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Южная Корея, Швеция): высокоэффективные системы здравоохранения, финансируемые государством, играющим важную роль в регулировании доступа и оплате труда медицинских специалистов. Первичная медико-санитарная помощь имеет высокий приоритет.

Тип 3 – *Государственные системы, ориентированные на регулирование* (Канада, Дания, Италия, Нидерланды, Испания, Великобритания): системы здравоохранения, финансируемые преимущественно государством, характеризующиеся средним уровнем ресурсов, низким уровнем личных расходов, высоким уровнем регулирования доступа и ограничения выбора. Меньший приоритет первичной медико-санитарной помощи и более низкая эффективность, чем у типа 2.

Тип 4 – *Смешанные системы с низким обеспечением и низкой эффективностью* (страны Балтии и Центральной/Восточной Европы (Эстония, Венгрия, Польша, Словакия)): в основном государственные системы здравоохранения с низким уровнем финансовых и кадровых ресурсов, высоким уровнем расходов из собственного кармана, строгим регулированием доступа и низкими по-

казателями профилактики и качества медицинской помощи.

Тип 5 – *Частные системы, ориентированные на обеспечение и эффективность* (Швейцария, США): системы здравоохранения со значительной ролью частного финансирования и оплаты из собственного кармана. Государственные ресурсы составляют большинство, с высоким обеспечением и высокими расходами. Доступ к здравоохранению регулируется правилами распределения затрат, такими как франшизы. Этот тип имеет средние показатели по профилактике и высокие показатели по качеству обслуживания.

Для проведения сравнительного исследования общественных установок россиян и жителей других стран из каждого типа систем здравоохранения выбраны две страны-представителя – Франция и Германия (тип 1), Швеция и Япония (тип 2), Великобритания и Испания (тип 3), Венгрия и Литва (тип 4), США и Швейцария (тип 5).

Данные и методы

Информационная основа исследования – Международная программа социальных исследований (International Social Survey Programme (ISSP), данные последнего доступного модуля на тему «Роль правительства», проведённого в 2016 г.¹

В качестве *зависимых переменных* использованы ответы на два вопроса, касающиеся отношения респондентов к роли правительства в здравоохранении. Первый вопрос имеет отношение к обязанностям правительства. Респондентам предложили ответить: «Должно или не должно быть обязанностью правительства оказывать медицинскую помощь больным?». Ответы включали: «Определённо не должно» (перекодирован как 1), «Наверное, не должно» (2), «Наверное, должно» (3) и «Определённо должно» (4). Второй вопрос касается госрасходов на здравоохранение. Респондентов спросили: «Хотите ли вы, чтобы государственные расходы были больше или меньше?». Ответы включали пять категорий: «Намного меньше» (перекодирован как 1), «Меньше» (2), «Так же, как и раньше» (3), «Больше» (4) и «Намного больше» (5).

Независимые переменные отобраны на основе теории и анализа предыдущей литературы. Демографические показатели включают: пол; возраст (18–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60+); семейное положение (в браке/одинокое); тип поселения (большой город и его пригороды/небольшой город и посёлки городского типа/село, деревня, хутор). К показателям социально-экономического

¹ International Social Survey Programme: Role of Government V - ISSP 2016 // GESIS Leibniz Institute for the Social Sciences: [website]. URL: https://search.gesis.org/research_data/ZA6900 (дата обращения: 10.10.2025).

положения относятся: образование (низкое (неполное среднее и ниже)/среднее (полное среднее, техническое)/ высокое (высшее, магистр, доктор)); самооценка социального положения (по 10-балльной шкале, где 1 – низкое, а 10 – высокое положение); тип занятости (государственный сектор/частный сектор/пенсионеры/незанятые). Религиозность, как характеристика ценностных убеждений, измеряется частотой посещения служб: регулярно (≥ 1 раз в месяц), редко (< 1 раза в год), никогда. Идеология определяется по двум аспектам. Первый относится к политическим предпочтениям и основан на ответе на вопрос о том, за какую партию респонденты голосовали на последних выборах: левую («крайне левые», «левые, левоцентристские»), правую («правые, консервативные», «крайне правые»), другую (другие партии, включая центристские, не голосовавшие). Второй аспект касается предпочтения эгалитарной политики. К сторонникам эгалитарных взглядов отнесены считающие, что государство должно быть («вероятно» или «точно») ответственным за снижение различий в доходах между бедными и богатыми.

На первом этапе исследования проведён частотный анализ по совокупности всех стран-участниц Международной программы социальных исследований. На втором этапе, с целью построения срав-

нительных моделей, из общей выборки выделены страны, репрезентирующие 5 типов систем здравоохранения. В связи с тем, что зависимые переменные являются порядковыми, т.е. более высокие баллы указывают на большую ответственность правительства в оказании медицинской помощи больным, большую поддержку государственного вмешательства в финансирование здравоохранения, статистический анализ проведён с помощью порядковых моделей логистической регрессии.

Результаты и обсуждение

На рисунке 1 показано мнение опрошенных о роли правительства в обеспечении медицинской помощи. Во всех странах большинство считает, что правительство должно (определённо или наверное) нести эту ответственность, однако уровень «определённо должно» варьирует от 31% в Корее и Японии до более 87% в Норвегии. Наименьшая поддержка в странах Азии Типа 2 (Япония, Корея) и Типа 5 (Швейцария (34%), США (49%)), наибольшая – в скандинавских странах, также принадлежащих к Типу 2 (Финляндия (75%), Норвегия (87%), Швеция (69%)). Высокая поддержка также отмечена в странах, относящихся к Типам 3 (Дания (79%), Испания (73%), Великобритания (68%) и 4 (Венгрия (73%), Латвия (74%), Словакия (75%).

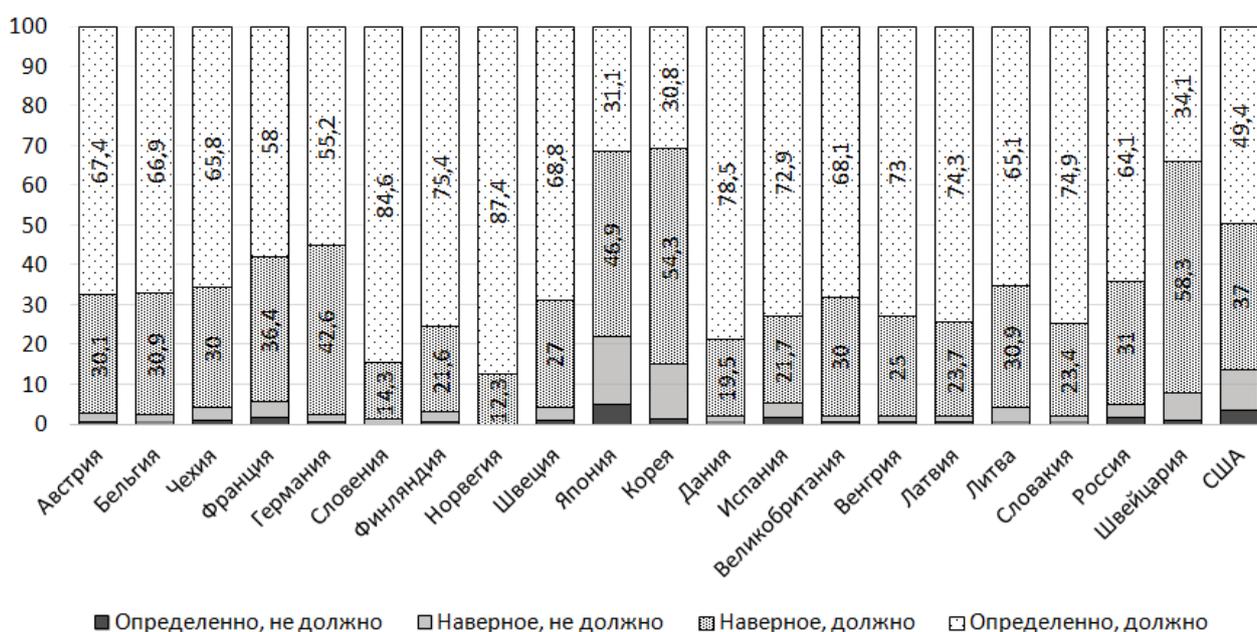

Рисунок 1. Распределение респондентов в соответствии с ответом на вопрос: «В целом, как вы думаете, должно или не должно быть обязанностью правительства оказывать медицинскую помощь больным?» (%)

Figure 1. Distribution of Respondents according to the Answer to the Question: «In General, Do You Think It Should or Should not be the Government's Responsibility to Provide Medical Care to the Sick?» (%)

Источник: расчёты автора.

Во всех странах, кроме Швейцарии, большинство поддерживает увеличение госрасходов на здравоохранение (больше, намного больше) (рисунок 2). Поддержка особенно высока в Венгрии (96%), Латвии (91%), Испании (89%), Великобритании (86%), Швеции (85%), Словакии (83%), Литве (80%), Австрии (80%). Аналогичный высокий уровень наблюдается в Словении (79%), России (75%), Германии (74%), Норвегии (74%), Дании (73%) (т.е., в основном, в странах, относя-

щихся к Типам 2, 3 и 4). Самый низкий уровень поддержки – в странах, принадлежащих к Типам 5 и 2 – Швейцарии (46%) и Японии (55%). Все остальные страны занимают промежуточное положение. В Швейцарии, Японии, Финляндии, Франции, Корее и Бельгии треть населения считает, что финансирование должно остаться прежним (30–45%). Доля тех, кто выступает за сокращение расходов, выше в США (10%), Швейцарии и Японии (по 9%), и Франции (6%).

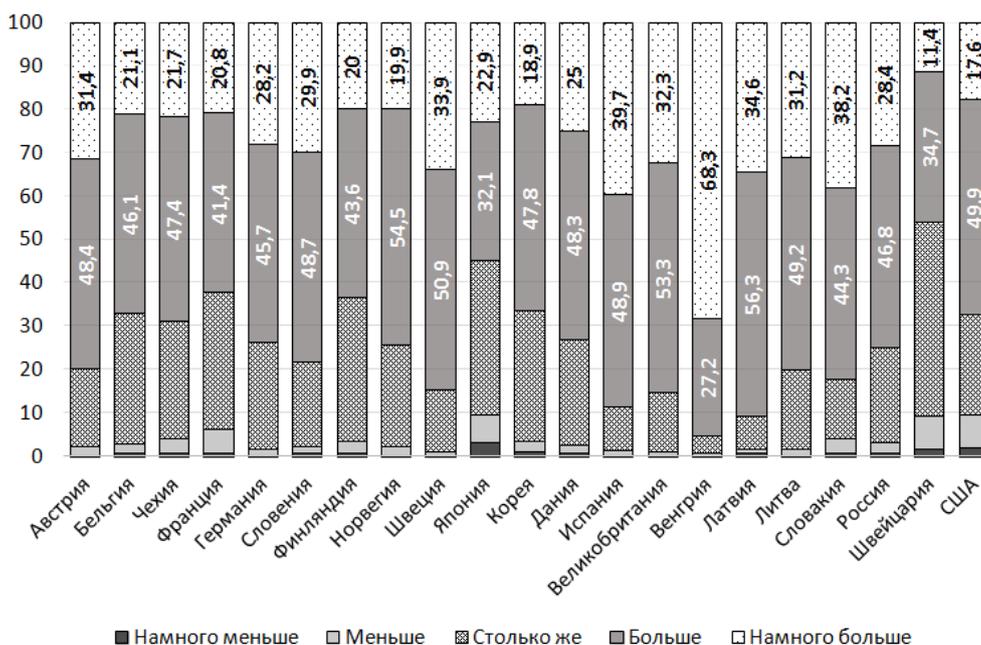

Рисунок 2. Распределение респондентов в соответствии с ответом на вопрос: «Хотите ли вы, чтобы государственные расходы на здравоохранение были больше или меньше?» (%)
Figure 2. Distribution of Respondents according to the Answer to the Question: «Do You Want Government Spending on Health Care to be More or Less?» (%)

Источник: расчёты автора.

В целом анализ подтверждает Гипотезу 1: жители стран с высокоэффективными государственными системами здравоохранения, ориентированными на первичную медико-санитарную помощь (Тип 2 – Швеция, Норвегия, Финляндия), проявляют наибольшую поддержку государственного вмешательства, вероятно, из-за равного доступа к качественной медицине и высокого доверия к институтам [19]. При этом внутри Типа 2 есть различия: в скандинавских странах поддержка высокая, тогда как в Японии и Южной Корее – низкая. Это связано с культурными и историческими особенностями: сильная традиция социального государства в Скандинавии против более индивидуалистического подхода в Восточной Азии [20].

В странах с системами, ограничивающими выбор пациента, ориентированными на контроль

затрат, страдающими от дефицита ресурсов и невысокой эффективности, особенно в части первичной и профилактической помощи (Типы 3 и 4), жители также поддерживают государственное вмешательство, надеясь на улучшение качества и доступности медицинских услуг.

Напротив, в странах с преобладанием частного финансирования (Тип 5 – США, Швейцария) поддержка вмешательства ниже, что отражает акцент на личной ответственности и скептицизм к роли государства [21]. В США сильная традиция личной свободы и ограниченного вмешательства государства снижает поддержку госполитики в здравоохранении [22]. В Швейцарии, несмотря на развитую соцзащиту, предпочтение отдаётся децентрализованному и рыночному подходу.

Относительно низкая (по сравнению с другими более благополучными странами) поддержка

населением роли государства в здравоохранении в России особенно удивляет. Это может быть связано с различными факторами. Долгое время система здравоохранения в России испытывала проблемы с качеством обслуживания, доступностью и эффективностью, что могло привести к снижению доверия к государству как гаранту медицинского обеспечения. В России существует значительный сектор платной медицины, и многие граждане привыкли оплачивать медицинские услуги из собственного кармана. Это может формировать мнение, что государство не должно нести полную ответственность за здоровье населения.

В таблице 1 и таблице 2 представлены результаты многомерной порядковой логистической регрессии отношения населения к политике правительства в сфере здравоохранения: соответственно, обязанности правительства оказывать медицинскую помощь больным и увеличению финансирования в сфере здравоохранения.

Единственным фактором, связанным с поддержкой обязанности государства обеспечивать медицинскую помощь во всех странах, остаётся предпочтение эгалитарной политики (таблица 1).

Женщины чаще мужчин поддерживают эту обязанность во Франции и Испании. В России пожилые респонденты выражают больший уровень поддержки, тогда как в Японии и Великобритании – люди 30–49 лет. Наличие партнёра усиливает поддержку роли государства в России, но снижает её в Германии и США. Проживание в малых городах и сельской местности повышает поддержку государственных обязанностей в России, Литве и Японии, но уменьшает её во Франции, Венгрии и Швейцарии. Низкий и средний уровень образования связан с меньшей поддержкой в Великобритании и Венгрии. Работающие реже поддерживают обязанность государства во Франции, Германии и США, но чаще – в Литве; в США пенсионеры также реже выражают поддержку. Высокое социальное положение снижает поддержку вмешательства государства в России, Швеции, Японии и Венгрии. Регулярное посещение церкви уменьшает её во Франции, Великобритании, Венгрии и Литве, но повышает в Японии. Левые чаще поддерживают роль государства (Швеция, Япония, Венгрия), тогда как правые – реже (Испания, США).

Таблица 1

Порядковая логистическая регрессия отношения населения к обязанности правительства оказывать медицинскую помощь больным (коэффициенты шансов (OR))

Table 1

Ordinal Logistic Regression of Population Attitudes toward the Government's Responsibility to Provide Medical Care to the Sick (Odds Ratios (OR))

	Тип 1		Тип 2		Тип 3		Тип 4		Тип 5		
	Россия	Франция	Германия	Швеция	Япония	Великобритания	Испания	Венгрия	Литва	США	Швейцария
Пол (женщины)	1,22	1,26**	1,20	1,03	0,90	0,93	1,46***	1,14	1,26	0,99	1,09
Возраст											
60 и старше	1,93**	0,68	1,24	1,00	1,28	1,21	0,98	1,11	1,44	1,06	0,71
50–59	1,42	0,85	1,02	1,01	1,32	1,18	1,01	1,31	0,72	1,19	0,67
40–49	0,67**	1,17	1,05	1,20	1,57*	1,82**	0,82	1,46	1,05	1,18	0,89
30–39	0,76	0,85	0,90	1,01	1,53*	1,27	0,87	1,29	0,87	0,97	0,71
18–29	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Семейное положение (в браке)	1,60***	1,04	0,73**	0,96	0,78	1,26	0,93	1,27	0,88	0,68**	1,11
Тип поселения											
Село	1,67***	0,75*	1,02	1,24	1,11	1,40	1,27	1,34	2,38***	0,77	0,56***
Маленький город	1,31*	0,76*	1,05	0,88	1,37*	0,88	1,31	0,58***	2,74***	0,65	0,72
Большой город	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Образование											
Низкое	0,87	1,26	0,83	0,81	0,80	0,85	0,90	0,57*	1,09	1,14	1,34
Среднее	0,80	1,25	1,01	0,95	0,84	0,67*	0,87	1,03	0,90	0,97	0,95
Высокое	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Занятость											
Занятые в государственном секторе	1,23	0,62**	0,71*	0,83	1,01	0,81	0,82	1,13	1,46*	0,58***	0,84
Занятые в частном секторе	1,43	0,65*	0,91	0,98	0,78	1,66	0,84	0,82	1,13	0,57*	0,96

Окончание Таблицы 1

	Тип 1			Тип 2		Тип 3		Тип 4		Тип 5	
	Россия	Франция	Германия	Швеция	Япония	Велико-британия	Испания	Венгрия	Литва	США	Швейцария
Пенсионеры	0,93	1,12	0,80	1,13	0,94	1,45	0,77	1,03	1,04	0,52**	0,92
Незанятые	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Социальное положение (1 – низкое, 10 – высокое)	0,91**	0,94	0,98	0,89*	0,90***	1,00	1,00	0,86**	1,07	1,07	1,04
Религиозность											
Регулярно посещающие службы	0,70	0,75	0,83	0,63	1,51*	0,59***	0,85	0,54*	0,47**	0,85	0,79
Редко посещающие	0,97	0,74**	1,01	0,78	1,08	0,68*	0,95	0,67*	0,58*	1,04	0,93
Никогда не посещающие	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Предпочтение эгалитарной политики	4,12***	2,45***	1,71***	1,89***	2,14***	2,64***	1,59**	2,46***	2,60***	2,61***	1,91***
Политические взгляды											
Левые	0,70	0,86	1,12	2,23***	1,63*	-	1,22	1,78*	1,36	-	1,17
Правые	0,89	0,78	0,85	0,95	0,75**	-	0,58***	1,38	1,03	0,21***	0,75
Другие	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Значимость ***P<0,001; **P<0,01; *P<0,05

- нет данных

Источник: расчёты автора.

Во всех странах единственным устойчивым фактором, повышающим поддержку увеличения расходов на здравоохранение, остаётся предпочтение эгалитарной политики (таблица 2). Женщины чаще поддерживают рост госфинансирования во Франции, Швеции и Швейцарии; пожилой возраст усиливает поддержку в России, Германии, Венгрии и США. Наличие семейного партнёра повышает поддержку расходов в России, но снижает её во Франции и США. Жители сельской местности и малых городов в России и Литве чаще выступают за рост финансирования, тогда как в Швейцарии сельские жители поддерживают его реже. В России низкое образование уменьшает поддержку, тогда как во Франции, Германии, Великобритании и Швейцарии низ-

кий и средний уровни образования – наоборот, увеличивают её. Высокое социальное положение снижает поддержку увеличения расходов в России, Франции, Великобритании, Венгрии, Литве и Швейцарии. Посещение церкви уменьшает поддержку участия государства во Франции и Венгрии. Работающие в частном секторе чаще поддерживают рост расходов в России и Франции, пенсионеры – в США; в Германии занятые в государственном секторе реже выступают за увеличение финансирования. Левые чаще поддерживают повышение расходов во Франции, а правые – реже в США и Швейцарии. В Швеции различий между левыми и правыми нет: обе группы поддерживают увеличение госфинансирования.

Таблица 2

Порядковая логистическая регрессия отношения населения к увеличению финансирования в сфере здравоохранения (коэффициенты шансов (OR))

Table 2

Ordinal Logistic Regression of Population Attitudes toward Increasing Healthcare Funding (Odds Ratios (OR))

	Тип 1			Тип 2		Тип 3		Тип 4		Тип 5	
	Россия	Франция	Германия	Швеция	Япония	Велико-британия	Испания	Венгрия	Литва	США	Швейцария
Пол (женщины)	1,19	1,29**	1,06	1,53***	0,89	1,08	1,20	1,02	1,06	1,02	1,54***
Возраст											

	Тип 1			Тип 2		Тип 3		Тип 4		Тип 5	
	Россия	Франция	Германия	Швеция	Япония	Велико-британия	Испания	Венгрия	Литва	США	Швейцария
60 и старше	1,78*	0,84	1,91*	0,69	1,11	1,04	0,73	3,20*	1,11	1,99**	0,53
50–59	1,47	0,96	1,77**	1,06	1,23	1,24	0,93	3,21**	1,24	1,68*	0,60
40–49	0,90	1,32	1,44*	0,98	1,50	1,02	0,91	1,68	1,07	1,53*	0,79
30–39	0,92	1,07	1,25	0,79	1,36	0,83	1,08	1,46	0,79	1,44*	0,89
18–29	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Семейное положение (в браке)	1,27*	0,77**	1,09	0,91	0,79	1,11	1,00	1,13	0,97	0,73*	1,05
Тип поселения											
Село	1,34*	0,98	0,99	1,14	1,07	0,73	0,94	1,19	1,91***	0,73	0,66**
Маленький город	1,12	0,90	1,03	1,00	1,20	0,88	0,92	1,11	1,45**	0,62	0,82
Большой город	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Образование											
Низкое	0,60***	1,47***	1,85*	1,21	0,85	1,51*	1,16	0,64	1,25	0,84	1,39
Среднее	0,91	1,18	1,69*	0,78	0,90	1,16	1,08	1,01	0,82	1,17	1,55***
Высокое	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Занятость											
Занятые в государственном секторе	1,10	1,19	0,75*	0,91	1,03	0,77	1,20	1,01	1,01	1,06	1,03
Занятые в частном секторе	1,46*	1,55*	0,84	1,04	0,96	1,03	1,35	1,26	1,21	0,89	1,05
Пенсионеры	1,03	1,35	0,75	0,83	1,15	0,76	0,99	0,56	0,92	1,02	1,88*
Незанятые	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Социальное положение (1 – низкое, 10 – высокое)	0,93*	0,90***	0,95	0,95	0,97	0,91*	0,98	0,85***	0,92*	0,99	0,92*
Религиозность											
Регулярно посещающие службы	0,97	1,09	0,77	0,96	0,99	0,92	0,93	0,47**	1,49	0,98	0,80
Редко посещающие	1,10	0,78*	0,90	0,88	1,14	0,88	1,06	0,84	1,52	1,18	0,91
Никогда не посещающие	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Предпочтение эгалитарной политики	1,34*	1,58***	1,67***	1,74***	1,70***	1,84***	2,02***	2,91***	1,77***	1,99***	1,45**
Политические взгляды											
Левые	0,85	1,34*	0,98	1,86***	1,08	-	1,09	1,59	0,82	-	1,26
Правые	0,99	0,96	0,81	1,72***	0,85	-	0,80	1,25	0,98	0,32***	0,61***
Другие	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Значимость ***P<0,001; **P<0,01; *P<0,05

- нет данных

Источник: расчёты автора.

Таким образом, исследование показывает, что поддержка государственной политики в здравоохранении в значительной степени определяется социально-демографическими характеристиками, ценностями и идеологией населения, что согласуется с современной литературой [10; 12; 13; 14; 23]

и подтверждает Гипотезы 2 и 3. Влияние индивидуальных факторов варьирует между странами, отражая значимость национального контекста.

Идеологические ценности оказывают наибольшее влияние: эгалитарные установки повсеместно связаны с поддержкой участия государс-

тва в здравоохранении [10; 12; 13]. Политическая ориентация влияет слабее, но тенденция сохраняется: левые чаще поддерживают государственное вмешательство, правые – реже [10; 23; 24].

Гипотеза о большей поддержке среди социально-экономически уязвимых групп получила лишь частичное подтверждение, поскольку статистически значимые эффекты выявлены не во всех странах.

Наиболее стабильным предиктором выступает социальное положение: чем оно выше, тем слабее поддержка государственных обязанностей в лечении больных (в 4 странах – в России, Швеции, Японии, Венгрии) и увеличения госрасходов на здравоохранение (в 6 странах – в России, Франции, Великобритании, Венгрии, Литве, Швейцарии). Этот результат согласуется с предыдущими исследованиями [4; 10; 15; 23; 24] и объясняется меньшей зависимостью обеспеченных групп от госресурсов, их более высоким налоговым бременем и большей ориентацией на индивидуализм и частный сектор.

Женщины чаще мужчин поддерживают ответственность государства за лечение больных в 2 странах (Франция, Испания), а увеличение госфинансирования – в 3 (Франция, Швеция, Швейцария), что согласуется с предыдущими исследованиями [4; 14; 13; 25] и имеет два объяснения [26]. Первое – гуманитарное: женщины чаще придерживаются просоциальных ценностей. Второе – теория экономической безопасности: их более уязвимое экономическое положение делает поддержку государственного здравоохранения более вероятной.

Возраст положительно связан с поддержкой увеличения госфинансирования здравоохранения в 4 странах (Россия, Германия, Венгрия, США), что подтверждает предыдущие исследования [14; 23] и объясняется более частым использованием медуслуг и межпоколенческими различиями в отношении к государству. В 3 странах (Россия, Япония, Великобритания) возраст также связан с поддержкой обязанности правительства обеспечивать медицинскую помощь. Однако эффект различается: в Японии и Великобритании люди 40–49 лет чаще поддерживают такую обязанность, тогда как в России – реже. Эти различия могут быть связаны с социально-историческим контекстом: в Великобритании и Японии государство оправдало ожидания среднего поколения, тогда как в России группа 40–49 лет формировалась в условиях недоверия, нестабильности и рыночной ориентации, что снизило поддержку роли государства.

Низкий и средний уровень образования связан с большей поддержкой госфинансирования в

4 странах (Франция, Германия, Великобритания, Швейцария), что соответствует гипотезе личных интересов [15; 23]. Более образованные респонденты чаще выступают против увеличения расходов, поскольку несут большую налоговую нагрузку и чаще имеют доступ к частному страхованию. Исключение – Россия, где менее образованные респонденты реже поддерживают рост госрасходов, вероятно, из-за низкого доверия к институтам, недостаточной информированности и наличия иных приоритетов.

Занятость по-разному влияет на отношение к роли государства. В 3 странах (Франция, Германия, США) работающие реже поддерживают обязанность правительства обеспечивать лечение, а в Германии – и увеличение госфинансирования, поскольку чаще пользуются частной медициной и меньше зависят от государственных услуг. В России и Литве, напротив, занятые чаще поддерживают госучастие, рассматривая его как гарантию социальной защиты.

Наличие семейного партнёра повышает поддержку роли государства в здравоохранении в России, но снижает её в Германии, Франции и США. В России семья чаще связана с традиционными ценностями и ожиданием социальной защиты, что усиливает одобрение госпрограмм. В западных странах, где сильнее акцент на индивидуальной ответственности и развит частный сектор страхования, семейные пары чаще предпочитают самостоятельно решать вопросы здравоохранения и опираться на собственные ресурсы.

Проживание в сельской местности или малом городе усиливает поддержку государственного участия в России, Литве и Японии, но снижает её во Франции, Венгрии и Швейцарии. Ранее показано, что жители сёл чаще поддерживают роль государства, чем горожане [14; 15]. Различия между странами могут быть связаны с доступностью медицины, историческими традициями и экономическими условиями.

Регулярное посещение религиозных служб снижает поддержку участия государства в лечении больных в 4 странах (Франция, Великобритания, Венгрия, Литва) и увеличения госрасходов – в 2 (Франция, Венгрия). Эти результаты согласуются с предыдущими исследованиями [14; 23] и могут объясняться убеждением, что забота о нуждающихся – прежде всего задача общины и религиозных институтов [27], а также предпочтением альтернативных способов лечения и опоры на молитву [28].

Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, перекрёстные данные не позволяют делать причинно-следственные выводы. Во-вторых, отсутствует информация об ожиданиях населе-

ния, чтобы точно понять их представления о механизмах государственного участия. В-третьих, факторы, связанные с отношением населения к роли государства в системе здравоохранения, ограничены теми аспектами, которые отражены в обследовании. В-четвёртых, сравнение затруднено из-за различий в классификации образования и политических ориентаций между странами [23].

Заключение

Финансирование системы здравоохранения – часто обсуждаемая тема в политической сфере как внутри стран, так и на международной арене. Несмотря на разнообразие подходов к организации и финансированию медицинских услуг, универсального решения не существует, а взгляды населения в этой сфере изучены недостаточно.

Научный вклад исследования заключается в том, что здравоохранение рассматривается как самостоятельная область государственной политики, обладающая собственной логикой формирования общественных предпочтений, отличной от других направлений системы социального обеспечения. Использование типологии систем здравоохранения, основанной на характеристиках финансирования, эффективности и роли первичной медико-санитарной помощи, позволило выявить различия в отношении населения к роли государства.

Результаты проведённого исследования не оставляют сомнений в отношении подавляющей поддержки роли государства в здравоохранении во всех странах. Это отражает устойчивое восприятие здравоохранения как общественного блага и важнейшей функции государства. Анализ позволил выявить некоторые важные факторы, которые объясняют расхождения в предпочтениях людей в отношении общественного здравоохранения.

Гипотеза 1 подтверждена: поддержка государства в здравоохранении высока в странах с широким государственным финансированием и высоким охватом, а также в странах с дефицитом

ресурсов и низкой эффективностью, но ниже в системах с преобладанием частного финансирования. Различия объясняются историческими, культурными и институциональными факторами, включая доверие к государству и индивидуалистические ценности.

Гипотезы 2 и 3 частично подтверждены: мотивы личного интереса действительно влияют на поддержку роли государства в здравоохранении, однако не во всех странах и зачастую непоследовательно. Социальное положение – один из ключевых факторов: чем оно выше, тем ниже поддержка государственной роли в здравоохранении. Вместе с тем моральная приверженность общественному благу (эгалитарные ценности) перевешивает личный интерес как мотив поддержки роли государства в здравоохранении во всех странах.

Таким образом, поддержка роли государства в здравоохранении зависит от комплекса индивидуальных факторов. Также важно учитывать, что влияние одних и тех же характеристик различается в разных странах из-за культурных, исторических и структурных отличий системы здравоохранения и общества в целом. Для успешной реализации политики в области здравоохранения государству необходимо опираться как на прагматические интересы граждан, так и на моральные установки, делая акцент на солидарности, равенстве и доступности медицинских услуг.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются анализ влияния удовлетворённости системой здравоохранения и личного опыта использования медицинских услуг на общественные установки, а также оценка последствий пандемии COVID-19 для восприятия роли государства. Пандемия выявила уязвимость систем здравоохранения и зависимость населения от государственных институтов, что могло одновременно усилить ожидания от государства и недоверие к нему, подчёркивая необходимость дальнейшего сравнительного анализа.

Список источников

1. Lucero-Prisco D.E. 3rd, Shomuyiwa D.O., Kouwenhoven M.B.N., et al. Top 10 Public Health Challenges for 2024: Charting a New Direction for Global Health Security. *Public Health Challenges*. 2024;4(1):e70022. <https://doi.org/10.1002/puh2>
2. Blekesaune M., Quadagno J. Public Attitudes toward Welfare State Policies: A Comparative Analysis of 24 Nations. *European Sociological Review*. 2003;19(5):415-427. <https://doi.org/10.1093/esr/19.5.415>
3. Lipsmeyer C., Nordstrom T. East versus West: Comparing Political Attitudes and Welfare Preferences across European Societies. *Journal of European Public Policy*. 2003;10(3):339-364. <https://doi.org/10.1080/1350176032000085342>
4. Kikuzawa S., Olafsdottir S., Pescosolido B.A. Similar Pressures, Different Contexts: Public Attitudes toward Government Intervention for Health Care in 21 Nations. *Journal of Health and Social Behavior*. 2008;49(4):385-399. <https://doi.org/10.1177/002214650804900402>

5. van Oorschot W.J.H., Laenen T., Roosma F., Meuleman B. Recent Advances in Understanding Welfare Attitudes in Europe. In: Nelson K., Nieuwenhuis R., Yerkes M.A. (eds.) *Social Policy in Changing European Societies: Research Agendas for the 21st Century*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2022. P. 202–217. <https://doi.org/10.4337/9781802201710.00021>
6. Guo J., Hao Y., Ling W. The Effects of Social Class on Social Welfare Attitudes a Mediating Role of Fairness Perceptions—Evidence from Two Welfare States and China. *International Review of Economics and Finance*. 2024;89A:1529–1538. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2023.09.009>
7. Garritzmann J.L., Neimanns E., Busemeyer M.R. Public Opinion Towards Welfare State Reform: The Role of Political Trust and Government Satisfaction. *European Journal of Political Research*. 2023;62(4):197–220. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12501>
8. Eichhorn J., Kenealy D., Clegg D. Social Policy Attitudes in the UK: Distinguishing Welfarism from Statism. *Social Policy and Society*. 2024;1–21. <https://doi.org/10.1017/S1474746424000460>
9. Dalen K. Changing Attitudes Towards Government Responsibility for Social Welfare in China Between 2004 and 2014: Evidence from Three National Surveys. *International Journal of Social Welfare*. 2022;31(2):248–262. <https://doi.org/10.1111/ijsw.12511>
10. Martinussen P.E. Let's Stick Together: The Role of Self-Interest and Ideological Beliefs for Supporting a 'Solidaristic' Health Policy in Norway. *Health Policy*. 2022;126(3):262–268. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2022.01.005>
11. Lee E.K., Kim T.K. The Shift of U.S. Public Attitudes Toward Welfare State: A Cohort Comparison between Pre and Post Economic Crisis Era. *Social Work and Society*. 2024;22(2):1–15.
12. Asensio M. The Political Legitimacy of the Healthcare System in Portugal: Insights from the European Social Survey. *Healthcare*. 2021;9(2):202. <https://doi.org/10.3390/healthcare9020202>.
13. Resch T. Private Health Insurance and Redistribution Preferences in the Austrian Health Care System: A Case of Mere Self-Interest? Preprint (Version 1). Research Square. 2022. <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-1302302/v1>
14. Кислицына О.А. Отношение россиян к роли государства в сфере здравоохранения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 2. С. 7–30. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_2_7_30. EDN AUFPFV 67211860
15. Villhjalmsen R. Public Views on the Role of Government in Funding and Delivering Health Services. *Scandinavian Journal of Public Health*. 2016;44(5):446–454. <https://doi.org/10.1177/1403494816631872>
16. Rydland H.T., Fjær E.L., Eikemo T.A., et al. Educational Inequalities in Mortality Amenable to Healthcare. A Comparison of European Healthcare Systems. *Public Library of Science One*. 2020;5(7):e0234135. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0234135>
17. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. London: Polity Press; 1990. 257 p. ISBN 0-7456-0665-2
18. Reibling N., Ariaans M., Wendt C. Worlds of Healthcare: A Healthcare System Typology of OECD Countries. *Health Policy*. 2019;123(7):611–620. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2019.05.001>
19. Dahlen Ø.P., Skirbekk H. How Trust Was Maintained in Scandinavia Through the First Crisis of Modernity. *Corporate Communications: An International Journal*. 2021;26(1):23–39. <https://doi.org/10.1108/CCIJ-01-2020-0036>
20. Badanta B., González-Cano-Caballero M., Suárez-Reina P., et al. How Does Confucianism Influence Health Behaviors, Health Outcomes and Medical Decisions? A Scoping Review. *Journal of Religion and Health*. 2022;61(4):2679–2725. <https://doi.org/10.1007/s10943-022-01506-8>
21. Martinussen P.E., Magnussen J. Having Private Health Insurance Associated with Less Support for Public Healthcare? Evidence from the Norwegian NHS. *Health Policy*. 2019;123(7):675–680. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2019.05.003>
22. Krashinsky L., Naylor C.D. Political Partisanship, Laissez-faire Attitudes, and COVID-19 Behaviours and Viewpoints in Canada and the United States. *Canadian Journal of Public Health*. 2024;115(1):15–25. <https://doi.org/10.17269/s41997-023-00822-0>
23. Tang J. Who Cares About Health Care? Sociodemographics and Attitudes Toward Government's Role in Health Care Across Germany, Great Britain, and the United States. Undergraduate Honors Thesis Terry Sanford School of Public Policy Duke University. USA: Duke University; 2010. 53 p.
24. Nykiforuk C.I.J., Thomson M., Curtin K.D., et al. Assessing support for mental health policies among policy influencers and the general public in Alberta and Manitoba, Canada. *International Journal of Mental Health Systems*. 2024;18(1):8. <https://doi.org/10.1186/s13033-024-00624-y>
25. Center for American Women and Politics (CAWP). *Gender Gap Public Opinion*. New Brunswick, NJ: Center for American Women and Politics, Eagleton Institute of Politics, Rutgers University-New Brunswick, 2025. <https://cawp.rutgers.edu/gender-gap-public-opinion>
26. Lizotte M.-K. Investigating Women's Greater Support of the Affordable Care Act. *The Social Science Journal*. 2016;53(2):209–217. <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2014.12.003>
27. Chai M., Wu L. Belief in Religion or Participation in Insurance? The Impact of Religious Beliefs on the Decision to Participate in Social Health Insurance in China. *Religions*. 2024;15(5):621. <https://doi.org/10.3390/rel15050621>
28. Swihart D.L., Yarrarapu S.N.S., Martin R.L. *Cultural Religious Competence in Clinical Practice*. StatPearls Publishing; 2025. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK493216/>.

Информация об авторе:

Ольга Анатольевна Кислицына – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центр экономической теории социального сектора, Институт экономики РАН
(SPIN-код: 7120-4122) (ResearcherID: E-3767-2012) (Scopus Author ID: 8852460000)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 31.10.2025; одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Lucero-Prisco D.E. 3rd, Shomuyiwa D.O., Kouwenhoven M.B.N., et al. Top 10 Public Health Challenges for 2024: Charting a New Direction for Global Health Security. *Public Health Challenges*. 2024;4(1):e70022. <https://doi.org/10.1002/puh2>
2. Blekesaune M., Quadagno J. Public Attitudes toward Welfare State Policies: A Comparative Analysis of 24 Nations. *European Sociological Review*. 2003;19(5):415-427. <https://doi.org/10.1093/esr/19.5.415>
3. Lipsmeyer C., Nordstrom T. East versus West: Comparing Political Attitudes and Welfare Preferences across European Societies. *Journal of European Public Policy*. 2003;10(3):339-364. <https://doi.org/10.1080/1350176032000085342>
4. Kikuzawa S., Olafsdottir S., Pescosolido B.A. Similar Pressures, Different Contexts: Public Attitudes toward Government Intervention for Health Care in 21 Nations. *Journal of Health and Social Behavior*. 2008;49(4):385-399. <https://doi.org/10.1177/002214650804900402>
5. van Oorschot W.J.H., Laenen T., Roosma F., Meuleman B. Recent advances in understanding welfare attitudes in Europe. In: Nelson K., Nieuwenhuis R., Yerkes M.A. (eds.) *Social policy in changing European societies: Research agendas for the 21st century*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2022. P. 202–217. <https://doi.org/10.4337/9781802201710.00021>
6. Guo J., Hao Y., Ling W. The Effects of Social Class on Social Welfare Attitudes a Mediating Role of Fairness Perceptions—Evidence from Two Welfare States and China. *International Review of Economics and Finance*. 2024;89A:1529-1538. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2023.09.009>
7. Garritzmann J.L., Neimanns E., Bussemeyer M.R. Public Opinion Towards Welfare State Reform: The Role of Political Trust and Government Satisfaction. *European Journal of Political Research*. 2023;62(4):197-220. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12501>
8. Eichhorn J., Kenealy D., Clegg D. Social Policy Attitudes in the UK: Distinguishing Welfarism from Statism. *Social Policy and Society*. 2024;1-21. <https://doi.org/10.1017/S1474746424000460>
9. Dalen K. Changing Attitudes Towards Government Responsibility for Social Welfare in China Between 2004 and 2014: Evidence from Three National Surveys. *International Journal of Social Welfare*. 2022;31(2):248–262. <https://doi.org/10.1111/ijsw.12511>
10. Martinussen P.E. Let's Stick Together: The Role of Self-Interest and Ideological Beliefs for Supporting a 'Solidaristic' Health Policy in Norway. *Health Policy*. 2022;126(3):262-268. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2022.01.005>
11. Lee E.K., Kim T.K. The Shift of U.S. Public Attitudes Toward Welfare State: A Cohort Comparison between Pre and Post Economic Crisis Era. *Social Work and Society*. 2024;22(2):1-15.
12. Asensio M. The Political Legitimacy of the Healthcare System in Portugal: Insights from the European Social Survey. *Healthcare*. 2021;9(2):202. <https://doi.org/10.3390/healthcare9020202>.
13. Resch T. Private Health Insurance and Redistribution Preferences in the Austrian Health Care System: A Case of Mere Self-Interest? Preprint (Version 1). *Research Square*. 2022. <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-1302302/v1>
14. Kislitsyna O.A. Attitude of Russians to the role of the state in the healthcare sector. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk=Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2024;(2):7-30. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_2_7_30 (In Russ.)
15. Vilhjalmsson R. Public Views on the Role of Government in Funding and Delivering Health Services. *Scandinavian Journal of Public Health*. 2016;44(5):446-454. <https://doi.org/10.1177/1403494816631872>
16. Rydland H.T., Fjær E.L., Eikemo T.A., et al. Educational Inequalities in Mortality Amenable to Healthcare. A Comparison of European Healthcare Systems. *Public Library of Science One*. 2020;5(7):e0234135. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0234135>
17. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. London: Polity Press; 1990. 257 p. ISBN 0-7456-0665-2
18. Reibling N., Ariaans M., Wendt C. Worlds of Healthcare: A Healthcare System Typology of OECD Countries. *Health Policy*. 2019;123(7):611-620. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2019.05.001>
19. Dahlen Ø.P., Skirbekk H. How Trust Was Maintained in Scandinavia Through the First Crisis of Modernity. *Corporate Communications: An International Journal*. 2021;26(1):23-39. <https://doi.org/10.1108/CCIJ-01-2020-0036>
20. Badanta B., González-Cano-Caballero M., Suárez-Reina P., et al. How Does Confucianism Influence Health Behaviors, Health Outcomes and Medical Decisions? A Scoping Review. *Journal of Religion and Health*. 2022;61(4):2679-2725. <https://doi.org/10.1007/s10943-022-01506-8>
21. Martinussen P.E., Magnussen J. Having Private Health Insurance Associated with Less Support for Public Healthcare? Evidence from the Norwegian NHS. *Health Policy*. 2019;123(7):675-680. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2019.05.003>

22. Krashinsky L., Naylor C.D. Political Partisanship, Laissez-faire Attitudes, and COVID-19 Behaviours and Viewpoints in Canada and the United States. *Canadian Journal of Public Health*. 2024;115(1):15-25. <https://doi.org/10.17269/s41997-023-00822-0>
23. Tang J. Who Cares About Health Care? Sociodemographics and Attitudes Toward Government's Role in Health Care Across Germany, Great Britain, and the United States. Honors thesis. Duke University; 2010
24. Nykiforuk C.I.J., Thomson M., Curtin K.D., et al. Assessing support for mental health policies among policy influencers and the general public in Alberta and Manitoba, Canada. *International Journal of Mental Health Systems*. 2024;18(1):8. <https://doi.org/10.1186/s13033-024-00624-y>
25. Center for American Women and Politics (CAWP). Gender Gap Public Opinion. New Brunswick, NJ: Center for American Women and Politics, Eagleton Institute of Politics, Rutgers University-New Brunswick, 2025. <https://cawp.rutgers.edu/gender-gap-public-opinion>
26. Lizotte M.-K. Investigating Women's Greater Support of the Affordable Care Act. *The Social Science Journal*. 2016;53(2):209-217. <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2014.12.003>
27. Chai M., Wu L. Belief in Religion or Participation in Insurance? The Impact of Religious Beliefs on the Decision to Participate in Social Health Insurance in China. *Religions*. 2024;15(5):621. <https://doi.org/10.3390/rel15050621>
28. Swihart D.L., Yarrarapu S.N.S., Martin R.L. Cultural Religious Competence in Clinical Practice. StatPearls Publishing; 2025. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK493216/>.

Information about the author:

Olga A. Kisilitsyna – Doctor of Economics, Chief Research Worker of the Department of The Center for Economic Theory of the Social Sector, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 7120-4122) (ResearcherID: E-3767-2012) (Scopus Author ID: 8852460000)

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 31.10.2025; approved after reviewing 09.01.2025; accepted for publication 10.03.2026.

Оригинальная статья

УДК 331

JEL J08

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_5_74_86

EDN ASEEXQ

Оценка состояния и тенденций достойного труда в Республике Узбекистан

Дилшадбек Набижанович Нурматов

Андижанский государственный университет им. З.М. Бабура, Андижан, Узбекистан

(dnn220371@gmail.com), (<https://orcid.org/0009-0007-1592-6120>)

Аннотация

В статье исследуется современное состояние и тенденции развития системы достойного труда в Республике Узбекистан в условиях цифровой трансформации экономики. Цель исследования состоит в научно обоснованной оценке состояния и тенденций достойного труда в Республике Узбекистан на основе международной и национальной статистики, с определением достижений, вызовов и направлений дальнейшего развития системы трудовых отношений. Методологическая основа работы опирается на принципы методологии Anker R. по измерению индикаторов достойного труда, концепцию «Повестки достойного труда» (Decent Work Agenda) Somavia J. и последующие нормативные документы Международной организации труда (МОТ), включая «Декларацию о социальной справедливости в целях справедливой глобализации» и «Глобальную комиссию по будущему сферы труда». В качестве информационной базы использованы официальные данные Национального комитета Республики Узбекистан по статистике (UzStat) за 2019–2024 гг., данные статистического портала Международной организации труда (ILOSTAT), нормативно-правовые акты Республики Узбекистан и аналитические отчёты Всемирного банка. В исследовании проведено сопоставление динамики ключевых индикаторов достойного труда – уровня занятости, безработицы, участия женщин, охвата социальной защитой и условий труда. Результаты исследования показали, что в 2019–2024 гг. Республика Узбекистан продемонстрировала прогресс в институционализации трудовых прав, выражающийся в расширении охвата формальной занятости, усилении нормативно-правового регулирования и росте участия работников в системе социальной защиты. Вместе с тем сохраняются структурные диспропорции, проявляющиеся в высокой доле неформальной занятости, ограниченном охвате самозанятых системой социального страхования и неравномерном доступе различных социальных групп к цифровым трудовым сервисам. Научная новизна статьи заключается в авторской оценке состояния достойного труда в Узбекистане с позиций интеграции национальной и международной методологии. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных выводов при разработке стратегий занятости и социальной защиты в рамках Национальной стратегии до 2030 года.

Ключевые слова: достойный труд, занятость, социальная защита, цифровизация, рынок труда, гендерное равенство, индикаторы МОТ, устойчивое развитие

Для цитирования: Нурматов Д.Н. Оценка состояния и тенденций достойного труда в Республике Узбекистан // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 74–86. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_5_74_86 EDN ASEEXQ

RAR (Research Article Report)

JEL J08

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_5_74_86

Assessment of the Status and Trends of Decent Work in the Republic of Uzbekistan

Dilshadbek N. Nurmatov

Andijan State University named after Z.M. Babur, Andijan, Uzbekistan

(dnn220371@gmail.com), (<https://orcid.org/0009-0007-1592-6120>)

Abstract

The article examines the current state and development trends of the decent work system in the Republic of Uzbekistan in the context of the digital transformation of the economy. The purpose of the study is to provide a scientifically grounded assessment of the state and trends of decent work in Uzbekistan based on international and national statistical data, identifying achievements, challenges, and directions for further development of labour relations. The methodological framework of the study is based on the principles of R. Anker's methodology for measuring decent work indicators, the Decent Work Agenda proposed by J. Somavia, and subsequent International Labour Organization (ILO) normative instruments, including the Declaration on Social Justice for a Fair Globalization and the report of the Global Commission on the Future of Work. The empirical base of the research includes official data from UzStat for 2019–2024, the ILOSTAT database, national legal and regulatory acts, and analytical reports of the World Bank. The study conducts a comparative analysis of the dynamics of key decent work indicators, including employment and unemployment rates, women's participation in the labour market, social protection coverage, and working conditions. The results of the study show that during 2019–2024 the Republic of Uzbekistan demonstrated progress in the institutionalization of labour rights, reflected in the expansion of formal employment, strengthening of regulatory and legal frameworks, and increased participation of workers in social protection systems. At the same time, persistent structural disparities remain, manifested in a high share of informal employment, limited social insurance coverage for the self-employed, and unequal access of different social groups to digital labour market services. The scientific novelty of the article lies in the author's assessment of the state of decent work in Uzbekistan from the perspective of integrating national and international methodological approaches. The practical significance of the study consists in the possibility of applying the obtained results in the development of employment and social protection strategies within the framework of the National Development Strategy until 2030.

© Нурматов Д.Н., 2026

Keywords: decent work, employment, social protection, digitalization, labor market, gender equality, ILO indicators, sustainable development

For citation: Nurmatov D.N. Assessment of the Status and Trends of Decent Work in the Republic of Uzbekistan. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):74–86. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_5_74_86 (In Russ.)

Введение

Вопросы формирования системы достойного труда в современной экономике приобретают особую актуальность в условиях цифровой трансформации, глобализации рынков и изменяющихся социальных стандартов. Концепция «достойного труда» выступает не только как этическая категория, но и как интегральный социально-экономический показатель, отражающий уровень человеческого развития и качества жизни населения. В Республике Узбекистан данный вопрос стал центральным направлением социально-экономических реформ, направленных на повышение качества жизни и создание инклюзивного рынка труда.

В научной литературе, посвящённой развитию рынка труда Узбекистана, наблюдается недостаточная методическая разработанность комплексной количественной оценки достойного труда, основанной на сопоставлении индикаторов Международной организации труда (МОТ) с национальными статистическими показателями¹. Несмотря на активизацию программных инициатив и цифровизацию информационных ресурсов Национального комитета Республики Узбекистан по статистике (UzStat), в существующих исследованиях отсутствует полноценная методика гармонизации индикаторов МОТ с национальной системой мониторинга, что обуславливает необходимость разработки научно обоснованных критериев для анализа качества труда в условиях переходной экономики.

Научная проблема исследования состоит в отсутствии комплексной и адаптированной к национальной статистике методики оценки достойного труда в Узбекистане, позволяющей интегрировать международные индикаторы МОТ в систему цифрового мониторинга рынка труда и корректно сопоставлять страновые показатели в динамике.

Научный интерес к исследованию достойного труда и качественных характеристик занятости в последние годы значительно возрос. Современные исследования показывают, что ключевыми барьерами для достижения достойного труда ос-

таются институциональные ограничения и неравномерная цифровизация рынка труда, что усиливает диспропорции в уровне заработной платы и доступе к социальным гарантиям [1].

В условиях расширения платформенной и самозанятой занятости особую актуальность приобретает развитие механизмов цифровой социальной защиты, поскольку трансформация форм занятости не всегда сопровождается адекватным развитием систем социального страхования и охвата работников социальными гарантиями [2; 3; 4].

Международные исследования показывают, что цифровые платформы создают новые возможности занятости, но одновременно формируют устойчивые риски нестабильных контрактов и нарушения трудовых прав [4]. Аналитические материалы международных организаций подтверждают, что страны с переходной экономикой сталкиваются с повышенным риском расширения неформальной занятости при недостаточной институциональной защите работников, а социально-трудовая политика в развивающихся странах должна быть ориентирована на сокращение бедности и укрепление стандартов достойного труда, что особенно актуально для Узбекистана [5; 6].

В последние годы государственная политика Узбекистана демонстрирует устойчивую направленность на обеспечение занятости, расширение прав работников и усиление социальной защиты [5; 7].

Важнейшими шагами стали принятие нового Трудового кодекса Республики Узбекистан², Закона «О занятости населения»³, а также реализация Стратегии развития «Узбекистан–2030»⁴, где приоритетом является формирование условий для достойного труда и социальной справедливости.

В международном контексте исследования достойного труда охватывают широкий спектр научных направлений – от экономической теории занятости до социологии труда и устойчивого развития.

Наиболее значимый вклад в развитие концепции достойного труда внесли разработчики

² Трудовой кодекс Республики Узбекистан от 29.04.2022 г. № ЗРУ-742.

³ Закон Республики Узбекистан «О занятости населения» от 20.10.2020 г. № ЗРУ-642.

⁴ Национальная стратегия развития Республики Узбекистан «Узбекистан–2030» (утв. Указом Президента Республики Узбекистан от 11.09.2023 г. № УП-158).

нормативной рамки МОТ, а также современные исследователи, анализирующие влияние неравенства, цифровизации и глобальных экономических процессов на качество трудовых отношений [8]. В частности, в рамках критики неолиберальной модели показано, что экономические трансформации способствуют усилению трудового неравенства и снижению уровня социальной защищённости работников [9], тогда как эмпирические исследования подтверждают, что более высокий уровень социального равенства способствует снижению стрессов и повышению качества трудовой жизни [10].

В научной литературе последних лет тема достойного труда активно обсуждается и в контексте цифровой экономики. В частности, в докладах МОТ о занятости и социальном положении и в современных обзорных исследованиях подчёркивается, что цифровизация создаёт новые возможности для гибких форм занятости, но одновременно усиливает риски неформальности и социального неравенства [1; 4].

Объектом данного исследования является система достойного труда в Республике Узбекистан, а предметом – совокупность социально-экономических и институциональных показателей достойного труда, формируемых в условиях цифровой трансформации экономики и используемых для оценки реализации принципов достойного труда на основе интеграции международных индикаторов МОТ и национальной статистики.

Цель исследования – дать научно обоснованную оценку состояния и тенденций достойного труда в Республике Узбекистан на основе международной и национальной статистики, определить достижения и вызовы, а также выявить направления дальнейшего развития системы трудовых отношений.

Гипотеза исследования заключается в том, что достижение прогресса в обеспечении достойного труда в Узбекистане возможно при условии интеграции международных индикаторов МОТ в национальную систему цифрового мониторинга рынка труда, что позволит объективно измерять динамику качества трудовых отношений, корректно сопоставлять страновые показатели и количественно оценивать влияние институциональных реформ на занятость, социальную защиту и безопасность труда.

Следует подчеркнуть, что комплексные исследования достойного труда, опирающиеся одновременно на методологию индикаторов МОТ (ILO Decent Work Indicators), международные сопоставления и цифровизацию статистического мониторинга рынка труда, ранее в Республике Узбекистан системно не проводились. В этой связи

настоящее исследование является пионерным для национального уровня аналитики и официальной статистики, поскольку впервые адаптирует международную систему измерения достойного труда к условиям страны с переходной экономикой и формирующейся цифровой инфраструктурой социально-трудовых отношений.

Научная новизна исследования определяется не только адаптацией международной методологии МОТ к национальному контексту, но и предложением интегрального подхода к оценке достойного труда на основе цифровых источников. На практике это позволяет впервые использовать данные государственных цифровых платформ (ish.mehnat.uz, my.soliq.uz) в качестве полноценного компонента мониторинга трудовых прав, занятости и социальной защиты. В отличие от существующих работ, где анализ ограничивается отдельными индикаторами или нормативными аспектами, данное исследование формирует системную основу для корректировки национальной политики и статистики Узбекистана с учётом вызовов цифровизации и платформенной занятости.

Задачи исследования включают:

- анализ теоретико-методологических основ концепции достойного труда;
- оценку состояния основных индикаторов достойного труда в Узбекистане;
- выявление влияния цифровизации на рынок труда и социальную защиту;
- сопоставление национальных тенденций с международными стандартами МОТ;
- формулирование рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере труда.

Автором впервые выполнено сопоставление динамики ключевых индикаторов достойного труда по Узбекистану с аналогичными показателями стран Центральной Азии и Восточной Европы, что позволило выявить как позитивные тенденции (рост занятости, цифровизация социальной защиты), так и структурные вызовы (неформальная занятость, территориальное неравенство, низкий охват цифровыми сервисами).

Теоретические и методологические положения

Особенностью оценки реализации принципов достойного труда в странах с переходной экономикой, таких как Республика Узбекистан, является необходимость адаптации национальной системы статистического наблюдения к международным стандартам, разработанным Международной организацией труда. Переходные экономики сталкиваются с задачей институционализации новых форм занятости, в том числе не-

формальной и цифровой, что требует обновления методологической базы.

В этой связи важным шагом стало внедрение национальной Программы достойного труда для Узбекистана на 2021–2025 годы (Decent Work Country Programme for Uzbekistan)⁵, которая была разработана в сотрудничестве с МОТ, профсоюзами, работодателями и правительством⁶. Документ включает набор индикаторов, гармонизированных с международными стандартами, МОТ, и ориентирован на интеграцию целей достойного труда в социально-экономическое развитие страны [5; 7].

Программа предполагает создание системы мониторинга по четырём стратегическим приоритетам достойного труда (занятость, права в сфере труда, социальная защита и социальный диалог), а также внедрение показателей для оценки прогресса в каждом из направлений. Таким образом, Республика Узбекистан демонстрирует приверженность целям устойчивого развития (ЦУР 8), адаптируя национальные подходы к глобальным ориентирам МОТ [5].

Современная теория достойного труда сформировалась на стыке экономической, социальной и правовой мысли и в настоящее время представляет собой комплексную междисциплинарную категорию. Концепция «Decent Work» впервые была институционализована в докладе Генерального директора МОТ J. Somavia «Decent Work», где было указано, что труд должен быть не просто занятием, а «источником личного достоинства, семейного благополучия и социального прогресса» [9; 11]. Эта концепция закрепила новое понимание труда как ключевого элемента устойчивого развития, включающего экономическую эффективность, социальную справедливость и права человека.

МОТ выделяет четыре взаимосвязанных стратегических направления достойного труда:

– занятость – обеспечение возможностей для всех женщин и мужчин получать продуктивную работу;

– права в сфере труда – уважение, продвижение и реализация основных трудовых прав;

– социальная защита – обеспечение защиты от рисков утраты дохода и социальной уязвимости;

– социальный диалог – участие работников, работодателей и государства в формировании трудовой политики.

⁵ Decent Work Country Programme for Uzbekistan (2021–2025). Geneva: ILO, 2021. 43 p. URL: <https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-04/DWCP%20Uzbekistan.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).

⁶ Страновая программа по достойному труду Республики Узбекистан на 2021–2025 гг. Geneva: ILO, 2021. 51 p. URL: https://kasaba.uz/wp-content/uploads/2022/01/RUS_UZB_DWCP-Uzbekistan-2021-2025_FF_21Sep-002.pdf URL: (дата обращения: 01.10.2025).

Как отмечал D. Ghai, концепция достойного труда объединяет эти направления в единую методологическую систему, где социальная справедливость рассматривается как условие устойчивого экономического развития и равенства возможностей на рынке труда [11].

С развитием международных норм данная концепция получила закрепление в ряде ключевых документов МОТ:

- Декларация о фундаментальных принципах и правах в сфере труда⁷;

- Повестка достойного труда (Decent Work Agenda)⁸;

- Декларация о социальной справедливости для справедливой глобализации⁹;

- Глобальная комиссия по будущему сферы труда¹⁰;

- ILO Global Employment Trends 2023–2024¹¹.

Эти документы отражают эволюцию подходов Международной организации труда от нормативного регулирования к системе мониторинга и оценки прогресса на основе набора количественных индикаторов. Важнейший вклад в развитие методологии оценки внёс R. Anker, предложивший систему статистических показателей, сгруппированных по ключевым измерениям достойного труда, включая возможности занятости, адекватность заработной платы, безопасные условия труда, сочетание трудовой и семейной жизни, равенство и недискриминацию, стабильность занятости, социальную защиту, социальный диалог, развитие навыков и человеческое достоинство [3].

Данный подход стал основой для разработки рамки индикаторов достойного труда МОТ, официально утверждённой в конце 2000-х годов и впоследствии адаптированной с учётом современных социально-экономических трансформаций. В обновлённых версиях методологии учиты-

⁷ Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации (принята Генеральной конференцией МОТ 18.06.1998 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ilo_principles.shtml (дата обращения: 01.10.2025).

⁸ Decent work and the 2030 Agenda for sustainable development // ILO: [website]. URL: <https://www.ilo.org/topics-and-sectors/decent-work-and-2030-agenda-sustainable-development> (дата обращения: 01.10.2025).

⁹ Декларация МОТ о социальной справедливости в целях справедливой глобализации (принята 97 сессией МОТ от 10.06.2008 г.) URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/fair_globalization.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁰ Global Commission on the Future of Work // ILO: [website]. URL: <https://www.ilo.org/resource/global-commission-future-work> (дата обращения: 01.10.2025).

¹¹ World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Geneva: ILO, 2024. 132 p. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40dgreports/%40inst/documents/publication/wcms_908142.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

ваются процессы цифровизации, распространение платформенной занятости, удалённые формы труда и экологические факторы, что отражает эволюцию институциональных и социально-экономических аспектов занятости [1; 3].

В последние годы наблюдается значительный интерес к оценке реализации принципов достойного труда в странах с переходной экономикой. Аналитические исследования международных организаций показывают, что измерение уровня достойного труда требует интеграции статистических и институциональных индикаторов, отражающих качество занятости, доступ к социальным гарантиям и масштабы неформальной занятости. В странах Центральной Азии, включая Узбекистан, особую актуальность приобретают вопросы оценки социальной защиты самозанятых и работников платформенного сектора в условиях роста цифровых услуг и фриланс-занятости.

С теоретико-методологической точки зрения достойный труд может рассматриваться в контексте человекоцентричной парадигмы устойчивого развития, в рамках которой расширение возможностей человека выступает ключевым критерием общественного прогресса и экономического развития. Подход МОТ к оценке достойного труда синтезирует элементы институциональной экономики, социальной политики и теории человеческого капитала, обеспечивая взаимосвязь между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

В контексте Республики Узбекистан методология оценки достойного труда должна учитывать национальные особенности рынка труда, уровень цифровизации и институциональные реформы. В 2022 году Министерством занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан совместно с МОТ была инициирована программа «Decent Work Country Programme for Uzbekistan (2021–2025)», направленная на гармонизацию национальной статистики с индикаторами МОТ. Программа предусматривает адаптацию системы мониторинга на основе «core indicators» R. Anker, включая измерение гендерного разрыва в занятости, уровня неформального труда, социальной защиты и заработной платы.

Таким образом, теоретико-методологическая основа данного исследования сочетает международный и национальный подходы, объединяя нормативно-институциональную модель МОТ, статистическую методологию R. Anker, а также аналитическую систему индикаторов UzStat и ILOSTAT. Научная ценность заключается в возможности использования комплексного подхода, обеспечивающего сопоставимость данных, выявление региональных различий и разработку пред-

ложений по совершенствованию государственной политики в сфере труда.

Современная интерпретация концепции достойного труда в условиях цифровизации экономики также отражена в отечественных исследованиях, анализирующих её трансформацию от индустриальной модели к цифровой парадигме занятости [7].

В исследовании используется комбинированный подход – нормативный, аналитико-статистический и сравнительный, что позволяет не только описать динамику показателей достойного труда, но и выявить структурные факторы, влияющие на уровень занятости, качество рабочих мест и социальную справедливость.

Использованные данные и методы работы с ними

Методологическая база исследования опирается на системный и комплексный подход, предусматривающий сочетание нормативно-правового, статистического и сравнительно-аналитического анализа. Использованные данные охватывают период 2019–2024 гг., что позволяет проследить динамику ключевых индикаторов достойного труда в условиях постпандемийного восстановления и активной цифровизации экономики Узбекистана.

Основным источником статистической информации послужили материалы Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике (UzStat)¹², включая ежегодные отчёты «Труд и занятость в Республике Узбекистан», «Женщины и мужчины Узбекистана» и «Социальная защита населения». Дополнительно были использованы данные международных баз ILOSTAT¹³, World Bank Data¹⁴, UNDP Human Development Reports¹⁵, а также аналитические материалы МОТ по программе Decent Work Country Programme for Uzbekistan (2021–2025).

Для целей анализа применялась адаптированная система индикаторов достойного труда, основанная на методологии R. Anker и рекомендациях Международной организации труда [3]. Комплекс индикаторов был сгруппирован по четырём основным измерениям:

¹² Рынок труда // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике: [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market> (дата обращения: 01.10.2025).

¹³ Labour market indicators for Uzbekistan and Central Asia // ILOSTAT: [website]. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/europe-and-central-asia/> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁴ World Development Indicators: Labour market and digitalization indicators // World Bank: [website]. URL: <https://data-bank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁵ Human Development Report 2023/2024 // UNDP: [website]. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24> (дата обращения: 01.10.2025).

– занятость и доступ к труду, включая уровень общей и гендерной занятости, долю безработных, структуру неформальной занятости;

– условия и качество труда, отражающие безопасность, продолжительность рабочей недели и оплату труда;

– социальная защита и доходы, включая охват населения системой социального страхования, пенсионного обеспечения и пособий;

– права в сфере труда и социальный диалог, характеризующие степень институционализации трудовых отношений и коллективных переговоров.

Следует отметить, что при использовании официальной статистики существуют определённые ограничения. В частности, данные по неформальной занятости в Узбекистане и странах Центральной Азии имеют несовершенную детализацию: ряд категорий самозанятых, работников платформенного сектора и частично занятых не отражаются полностью в административной отчётности. Это обусловлено нормативными различиями в определении статуса работника, отсутствием полного охвата инструментами цифрового мониторинга и частичным недоучётом временных трудовых отношений [10; 12].

Кроме того, показатели социальной защиты в национальной статистике не всегда включают фрилансеров, сезонных работников и трудовых мигрантов, что приводит к занижению оценки масштабов недостаточного охвата системой социального страхования и пенсионных взносов, особенно среди нестандартных форм занятости.

В связи с этим выбор ключевых индикаторов исследования основан на их универсальности, сопоставимости и методологической согласованности с рекомендациями МОТ (ILO Decent Work Indicators) [9]. Использование таких индикаторов обеспечивает корректное международное сравнение и минимизацию рисков искажения при анализе тенденций достойного труда.

Для анализа динамики использовались методы сравнительного и индексного анализа, что позволило оценить соотношение национальных показателей с международными стандартами МОТ. Расчёт индексов занятости и безработицы проводился на основе официальных данных UzStat и ILOSTAT с последующей стандартизацией значений для обеспечения сопоставимости.

Кроме того, использовались методы контент-анализа нормативных документов – прежде всего, Трудового кодекса Республики Узбекистан¹⁶, Закона «О занятости населения»¹⁷ и Националь-

ной стратегии развития «Узбекистан–2030»¹⁸, в которых закреплены приоритеты по созданию качественных рабочих мест, гендерному равенству и цифровой трансформации рынка труда.

Особое внимание уделено оценке цифровизации трудовой сферы, которая рассматривается как ключевой фактор модернизации занятости. Для этого использовались данные Министерства цифровых технологий Республики Узбекистан и портала ish.mehnat.uz¹⁹, интегрирующего цифровые вакансии и платформенные формы занятости. Анализ позволил выявить рост числа зарегистрированных пользователей на портале с 0,8 млн в 2019 г. до более 2,3 млн в 2024 г., что отражает тенденцию к цифровизации рынка труда и расширению форм самозанятости²⁰.

В рамках статистического анализа применялись методы вариационного и трендового анализа, позволяющие выявить закономерности изменения показателей достойного труда по годам. Например, доля занятых в общей численности трудовых ресурсов Узбекистана увеличилась с 61,5% в 2019 г. до 65,2% в 2024 г., тогда как уровень безработицы снизился с 9,3% до 7,1%. Одновременно наблюдается повышение участия женщин в занятости – с 44,7% до 47,9%.

Для оценки социальной защиты использовались показатели охвата населения пенсионной системой, социальной помощью и программами по борьбе с бедностью. По данным UzStat, к 2024 году охват системой обязательного социального страхования достиг 78%, а доля населения, получающего адресные социальные пособия, выросла на 12% по сравнению с 2019 годом²¹.

В методологическом аспекте исследование сочетает индуктивный и дедуктивный методы, что позволило связать эмпирические результаты с теоретическими концепциями достойного труда. С помощью метода структурно-функционального анализа определены взаимосвязи между экономическим ростом, цифровизацией и уровнем социальной защищённости работников.

При интерпретации данных применялся сравнительный подход, основанный на сопоставлении индикаторов Узбекистана с аналогичными показателями стран Восточной Европы и Центральной Азии. Для этого использовались меж-

¹⁸ Национальная стратегия развития Республики Узбекистан «Узбекистан–2030» (утв. Указом Президента Республики Узбекистан от 11.09.2023 г. № УП-158).

¹⁹ Министерство занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан: [сайт]. URL: <https://gov.uz/oz/bv/sections/ish-o-rinlari>; Национальная база вакансий: [сайт]. URL: <https://ish.mehnat> (дата обращения: 03.10.2025).

²⁰ Рынок труда // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике: [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market> (дата обращения: 04.10.2025).

²¹ Там же.

¹⁶ Трудовой кодекс Республики Узбекистан от 29.04.2022 г. № ЗРУ-742.

¹⁷ Закон Республики Узбекистан «О занятости населения» от 20.10.2020 г. № ЗРУ-642.

дународные данные МОТ (ILOSTAT)²² и Всемирного банка, что позволило выявить, что уровень неформальной занятости в Узбекистане (42% в 2023 г.) остаётся выше, чем в Казахстане (30%) и Азербайджане (33%), но имеет тенденцию к снижению.

Дополнительным направлением анализа реализации принципов достойного труда на микроуровне является использование нефинансовой отчётности компаний, позволяющей оценивать соблюдение социальных стандартов, условий труда и корпоративных обязательств работодателей. В научных исследованиях подчёркивается, что данные нефинансовой отчётности могут рассматриваться как вспомогательный источник информации при анализе качества занятости и реализации принципов достойного труда, особенно в условиях цифровизации и расширения требований к социальной ответственности бизнеса [13].

Таким образом, совокупность методов, использованных в исследовании, обеспечивает научную надёжность полученных результатов и позволяет провести всестороннюю оценку состояния и тенденций достойного труда в Узбекистане. Применение интегрированной базы данных UzStat, ILOSTAT и национальных нормативных актов позволило не только количественно оценить индикаторы, но и выявить институциональные аспекты реализации политики достойного труда.

Результаты исследования и их обсуждение

В целях обоснования результатов исследования был проведён сравнительный анализ ключевых индикаторов достойного труда в

Республике Узбекистан и странах Центральной Азии, включая Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан [14]. В таблице 1 представлены данные за 2023 год по четырём индикаторам: уровень занятости, уровень неформальной занятости, доля молодёжи NEET (Not in Employment, Education or Training) и охват системой социальной защиты.

Как видно из таблицы 1, уровень неформальной занятости в Таджикистане стабильно превышает 70% в течение последних лет, что обусловлено высокой долей самозанятых и сельскохозяйственного труда. В то же время, в Казахстане наблюдается более низкий уровень неформальности (около 25–30%), благодаря активному внедрению цифровых платформ учёта труда и реформам в налоговой сфере. Узбекистан занимает промежуточную позицию, однако его динамика (снижение с 50% до 43% с 2019 по 2023 гг.) свидетельствует о положительных результатах государственной политики в направлении легализации занятости. Следует отметить, что один из значимых индикаторов в системе оценки достойного труда – это доля молодёжи NEET, то есть молодых людей, не занятых в трудовой деятельности, обучении или профессиональной подготовке. Данный показатель отражает уровень социально-экономической уязвимости молодёжи и используется в международной практике для анализа эффективности политики занятости в странах с переходной экономикой. Так, в Республике Узбекистан на 2023 год доля NEET составила 23,1%, что свидетельствует о необходимости усиления мер по вовлечению молодёжи в образование и рынок труда.

Таблица 1

Сравнительный анализ ключевых индикаторов достойного труда в странах Центральной Азии (2023 г.)

Table 1

Comparative Analysis of Key Decent Work Indicators in Central Asian Countries (2023)

Страна	Уровень занятости (%)	Неформальная занятость (%)	Молодёжь NEET (%)	Охват социальной защитой (%)
Узбекистан	65,2	48,7	23,1	34,5
Казахстан	68,1	24,5	14,7	58,3
Кыргызстан	62,8	55,3	25,2	39,1
Таджикистан	60,4	57,8	27,9	28,4

Источник: составлено автором на основе данных статистического портала ILOSTAT.²³

²² Labour market indicators for Uzbekistan and Central Asia // ILOSTAT: [website]. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/europe-and-central-asia/> (дата обращения: 04.10.2025).

²³ Labour market indicators for Uzbekistan and Central Asia // ILOSTAT: [website]. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/europe-and-central-asia/>; World Development Indicators: Labour market and digitalization indicators // World Bank: [website]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 01.10.2025).

Агрегированные показатели, представленные в таблицах 1–2, рассчитаны автором на основе микроданных UzStat и базы ILOSTAT, что обеспечивает сопоставимость и воспроизводимость результатов.

Оценка состояния и тенденций достойного труда в Республике Узбекистан показала, что за последние пять лет страна продемонстрировала устойчивое улучшение ключевых параметров занятости, социальной защиты и институциональных условий труда. Вместе с тем сохраняются системные проблемы, обусловленные структурными диспропорциями рынка труда, региональным неравенством и неполной цифровизацией социальной инфраструктуры.

Полученные выводы подтверждаются детализированными статистическими данными UzStat²⁴ и ILOSTAT²⁵. В частности, уровень общей занятости в Узбекистане вырос с 61,5% в 2019 г. до 65,2% в 2024 г., при этом рост экономически активного населения сопровождался увеличением доли формальной занятости – с 58,1% до 62,4%. Гендерные различия также демонстрируют позитивную динамику: уровень участия женщин на рынке труда увеличился с 44,7% до 47,9%, а разрыв в оплате труда сократился на 4,6%. Сравнение с странами Центральной Азии показывает, что Узбекистан опережает Таджикистан и Кыргызстан по динамике роста формальной занятости и показателям охвата социальной защитой, что подтверждает устойчивость положительных трендов на национальном уровне.

Полученные результаты подтверждают, что ключевым драйвером позитивных изменений является ускоренная цифровизация трудовых процессов и системы социальной защиты [1; 4; 15]. Расширение электронных сервисов регистрации трудовых договоров и мониторинга выплат (например, через платформы *my.soliq.uz* и *ish.mehnat.uz*) снижает информационную асимметрию между работником и работодателем и сокращает барьеры для входа на рынок труда, особенно для молодежи и женщин. Доступ к цифровым сервисам существенно повышает вероятность формализации трудового контракта, а значит – доступа к пенсионным и страховым механизмам, что подтверждается международными исследованиями о влиянии цифровизации и платформенных форм занятости на трансформацию рынка труда²⁶.

²⁴ Рынок труда // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике: [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market> (дата обращения: 01.10.2025).

²⁵ Labour market indicators for Uzbekistan and Central Asia // ILOSTAT: [website]. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/europe-and-central-asia/> (дата обращения: 01.10.2025).

²⁶ Global Wage Report 2022-23: The impact of inflation and COVID-19 on wages and purchasing power // ILO: [website]. URL: <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/global->

Тем не менее, сохраняющиеся диспропорции объясняются неравномерностью цифровой инфраструктуры в регионах Узбекистана и недостаточной вовлечённостью самозанятых и работников платформенного сектора в систему социального страхования. Международные аналитические исследования показывают, что цифровизация сама по себе не гарантирует уменьшения масштабов неформальной занятости, если национальное законодательство не адаптировано к гибким и платформенным формам труда и не обеспечивает охват фрилансеров и временных работников механизмами социальной защиты²⁷. Соответственно, высокая доля неформальной занятости в Узбекистане обусловлена не только экономическими причинами, но и институциональными ограничениями правового статуса новых форм занятости.

Дополнительным фактором сохраняющихся диспропорций является гендерный разрыв навыков в области ИКТ: женщины менее представлены в цифровых секторах, где наблюдается более высокая заработная плата.

Международные доклады о человеческом развитии и занятости подчёркивают, что гендерные различия в доступе к цифровым навыкам и образованию оказывают прямое влияние на качество рабочих мест, уровень заработной платы и степень социальной защищённости работников в странах с переходной экономикой²⁸.

Вместе с тем сохраняется высокая доля неформальной занятости – около 42% в 2023 г., что существенно выше среднего показателя для стран Восточной Европы (около 25%). Неформальный сектор наиболее развит в сельском хозяйстве, строительстве и мелкорозничной торговле. Его существование отражает двойственность трудовых отношений, где формальные механизмы защиты не охватывают значительную часть работников.

Следует различать понятия «неформального сектора» и «неформальной занятости», которые нередко ошибочно используются как взаимозаменяемые. В отечественной статистике и методиках мониторинга эти категории имеют различную правовую природу. Неформальный сектор

wage-report-2022-23-impact-inflation-and-covid-19-wages-and; Decent Work Country Programme for Uzbekistan (2021–2025). Geneva: ILO, 2021. 43 p. URL: <https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-04/DWCP%20Uzbekistan.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).

²⁷ Decent Work Indicators: Guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators. Ver.2. // ILO: [website]. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@integration/documents/publication/wcms_229374.pdf (дата обращения: 04.10.2025).

²⁸ Human Development Report 2023/2024 // UNDP: [website]. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24> (дата обращения: 04.10.2025).

включает субъектов, осуществляющих деятельность без статуса юридического лица и без обязательного бухгалтерского учёта. В то время как неформальная занятость относится к трудовой деятельности работников без заключения официального трудового договора и без предоставления предусмотренных законом социальных гарантий. Таким образом, неформальная занятость может существовать как в формальном секторе, так и в неформальном, что требует дифференцированного подхода к оценке её масштабов и социально-экономических последствий.

Средняя реальная заработная плата в Узбекистане за период 2019–2024 гг. увеличилась на 36%, что связано с ростом производительности труда и цифровыми преобразованиями в промышленности. Однако межотраслевые различия сохраняются: средняя заработная плата в машиностроении превышает национальный уровень в 1,4 раза, тогда как в сельском хозяйстве остаётся ниже на 22%.

Положительным результатом является снижение доли работников, занятых в условиях повышенного риска, с 14,6% в 2019 г. до 11,2% в 2024 г., что связано с усилением надзора за охраной труда и внедрением цифровых систем контроля безопасности.

Тем не менее, проблемы качества рабочих мест сохраняются: около 17% работников имеют временные или неполные контракты, что повышает нестабильность занятости и ограничивает доступ к социальным гарантиям. Современные исследования показывают, что цифровизация оказывает двойственное влияние на трудовые отношения: с одной стороны, она способствует повышению гибкости занятости и эффективности функционирования рынка труда, а с другой – усиливает риски нестабильности и неравенства в доступе к социальным гарантиям²⁹. Эти тенденции соответствуют выводам международных аналитических обзоров, в которых подчёркивается, что постпандемийное восстановление экономики сопровождается ростом гибких, но не всегда социально защищённых форм занятости³⁰.

Схожие тенденции роста нестандартных и временных форм занятости, а также различий в качестве рабочих мест зафиксированы и в странах Европейского союза, что подтверждается ре-

²⁹ World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Geneva: ILO, 2024. 132p. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40dgreports/%40inst/documents/publication/wcms_908142.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

³⁰ Global Wage Report 2022-23: The impact of inflation and COVID-19 on wages and purchasing power // ILO: [website]. URL: <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/global-wage-report-2022-23-impact-inflation-and-covid-19-wages-and-decent-work-country-programme-for-uzbekistan> (2021–2025). Geneva: ILO, 2021. 43 p. URL: <https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-04/DWCP%20Uzbekistan.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).

зультатами общеевропейских исследований условий труда и занятости³¹.

Сфера социальной защиты демонстрирует заметный прогресс: охват системой обязательного социального страхования увеличивается, а доля пенсионных выплат, индексируемых в соответствии с инфляцией, имеет устойчивую тенденцию к росту. В рамках реформы цифровизации социального обеспечения внедрены интегрированные информационные платформы (ish.mehnat.uz, my.soliq.uz), позволяющие автоматизировать регистрацию трудовых договоров, учёт трудового стажа и начисление социальных выплат³².

Однако сохраняется проблема фрагментации данных между ведомственными системами и недостаточный охват работников неформального сектора цифровыми услугами. По оценкам МОТ, около 2,8 млн самозанятых граждан не имеют доступа к электронным механизмам социальной защиты³³.

Параллельно наблюдается формирование новых форм трудовых отношений, включая платформенную занятость и фриланс, охватывающих значительное число работников по состоянию на 2024 год³⁴. Международные исследования показывают, что развитие цифровых трудовых платформ трансформирует организацию труда, формируя новые модели занятости, но одновременно усиливая социальную дифференциацию, нестабильность доходов и риски недостаточной социальной защищённости работников.

Указанные процессы требуют институционального признания и адаптации национального трудового законодательства, включая разработку специальных правовых режимов для работников платформенного сектора, что отражено в инициативах органов государственной власти по введению статуса «платформенного работника».

Международные сопоставительные исследования рынков труда показывают, что адаптация цифровых инструментов в странах с переходной экономикой требует комплексной государственной поддержки, инвестиций в человеческий капитал и развития институтов социальной защиты³⁵.

³¹ Eurofound. Living and Working in Europe 2022. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2023. 96 p. URL: <https://assets.eurofound.europa.eu/f/279033/d01a510153/ef23016en.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).

³² Decent Work Country Programme for Uzbekistan (2021–2025). Geneva: ILO, 2021. 43 p. URL: <https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-04/DWCP%20Uzbekistan.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).

³³ ILO Monitor on the World of Work // ILO: [website]. URL: <https://www.ilo.org> (дата обращения: 01.10.2025).

³⁴ Decent Work Country Programme for Uzbekistan (2021–2025). Geneva: ILO, 2021. 43 p. URL: <https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-04/DWCP%20Uzbekistan.pdf> (дата обращения: 01.10.2025).

³⁵ World Development Indicators: Labour market and digitalization indicators // World Bank: [website]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 01.10.2025).

По данным международных аналитических исследований, уровень участия в рабочей силе и показатели неформальной занятости в странах Центральной Азии демонстрируют схожие тенденции: доля неформальных работников остаётся высокой, при этом в ряде стран наблюдается постепенное сокращение гендерного разрыва в оплате труда³⁶. Это свидетельствует о движении Узбекистана в направлении укрепления системы социальной защиты и формирования более инклюзивной модели экономического роста.

В последние годы институциональные реформы в сфере занятости и социальной защиты в Узбекистане ориентированы на интеграцию цифровых решений в управление трудовыми ресурсами и повышение прозрачности занятости. Данные тенденции указывают на ускорение процессов цифровизации рынка труда и модернизацию механизмов государственного регулирования в социально-трудовой сфере.

Институционализация прав в сфере труда стала одной из приоритетных задач государства. С принятием нового Трудового кодекса Республики Узбекистан закреплены нормы о защите прав работников, предотвращении дискриминации и введении электронных трудовых договоров. Создан Национальный совет по вопросам достойного труда, обеспечивающий трёхсторонний социальный диалог между государством, профсоюзами и работодателями³⁷.

Следует отметить, что наряду с базовыми индикаторами достойного труда важную роль играют и дополнительные показатели, отражающие социальную устойчивость рынка труда. В частности, динамика детского труда, гендерные

различия в оплате и участие женщин в управлении позволяют более комплексно оценивать социальные аспекты качества занятости. Согласно данным UzStat и ILOSTAT, доля подростков, вовлечённых в трудовую деятельность вне системы образования, сокращается, однако в сельских регионах сохраняется скрытая занятость несовершеннолетних³⁸. Участие женщин в управленческих должностях в Узбекистане увеличилось с 22% в 2019 г. до 30% в 2024 г., однако сохраняется гендерный разрыв в заработной плате, который оценивается в 21–25% в пользу мужчин³⁹. Включение данных показателей в систему мониторинга достойного труда позволяет выявить не только количественные, но и качественные различия, связанные с равенством возможностей и социальной защитой уязвимых групп населения.

Гендерные аспекты также демонстрируют положительные сдвиги. Доля женщин на руководящих должностях в 2024 г. достигла 30%, против 22% в 2019 г., а уровень участия женщин в формальном секторе увеличился на 9%. Эти результаты согласуются с выводами международных докладов о занятости и человеческом развитии⁴⁰.

Для повышения обоснованности выводов, результаты исследования были систематизированы по четырем основным блокам концепции достойного труда, предложенной МОТ: Занятость, Социальная защита, Трудовые права и Социальный диалог. Такая классификация позволяет структурировать оценку по ключевым направлениям политики в области труда, а также обеспечить сопоставимость с международными подходами. В таблице 2 даны основные результаты исследования в соответствии с данной концептуальной рамкой.

Таблица 2

Основные блоки концепции достойного труда

Table 2

Core Components of the Decent Work Concept

Блок концепции достойного труда	Ключевые показатели	Результаты в Узбекистане
1. Занятость	Уровень занятости, безработицы, NEET	Снижение уровня безработицы до 8,4% в 2023 г., но высокий уровень NEET среди молодёжи – 23,1%
2. Социальная защита	Охват пенсиями, доступ к медицинским услугам	Расширение охвата пенсионной системой, но остаются проблемы с неформальными работниками
3. Трудовые права	Соблюдение норм трудового законодательства, охрана труда	Укрепление инспекций труда, рост количества выявленных нарушений

³⁶ Decent Work Country Programme for Uzbekistan (2021–2025). Geneva: ILO, 2021. 43 p. URL: <https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-04/DWCP%20Uzbekistan.pdf> (дата обращения: 02.10.2025).

³⁷ Трудовой кодекс Республики Узбекистан от 29.04.2022 г. № ЗРУ-742.

³⁸ ILOSTAT: [website]. URL: <https://ilostat.ilo.org> (дата обращения: 02.10.2025).

³⁹ Рынок труда // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике: [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market> (дата обращения: 02.10.2025).

⁴⁰ Human Development Report 2023/2024 // UNDP: [website]. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2023-24> (дата обращения: 01.10.2025).

Блок концепции достойного труда	Ключевые показатели	Результаты в Узбекистане
4. Социальный диалог	Деятельность профсоюзов, коллективные договоры	Активизация взаимодействия с Федерацией профсоюзов, рост количества коллективных договоров

Источник: составлено автором на основе данных МОТ⁴¹.

Результаты анализа согласуются с выводами международных аналитических исследований, согласно которым Узбекистан относится к группе стран, демонстрирующих устойчивый рост занятости при одновременном постепенном снижении социально-экономического неравенства.

Выводы

Полученные результаты согласуются с выводами международных аналитических исследований, в которых подчёркивается, что достойный труд является центральным элементом устойчивого социально-экономического развития и социальной справедливости. В долгосрочной перспективе до 2030 года развитие достойного труда в регионе будет в значительной степени определяться масштабами внедрения цифровых технологий, а также результативностью институциональных реформ в сфере занятости и социальной защиты. Таким образом, дальнейшее укрепление системы достойного труда требует синергии государственной политики, цифровых инструментов управления занятостью и международных стандартов достойного труда, что соответствует современным теоретическим и методологическим подходам к оценке качества занятости.

Проведённое исследование позволило всесторонне оценить состояние и тенденции развития системы достойного труда в Республике Узбекистан в контексте цифровой трансформации экономики и институциональных реформ.

1. Узбекистан за последние пять лет продемонстрировал поступательное развитие основных компонентов достойного труда: рост занятости, снижение безработицы, расширение социальной защиты и укрепление институциональной базы трудовых прав.

2. Государственная политика в сфере труда ориентирована на выполнение международных обязательств, закреплённых в конвенциях, МОТ и Целях устойчивого развития ООН, что подтверждается реализацией национальной программы Decent Work Country Programme for Uzbekistan (2021–2025).

3. Анализ показал, что несмотря на снижение уровня безработицы до 7,1% и рост участия женщин в экономике, сохраняются структурные проблемы, включая высокий уровень неформальной занятости и межотраслевое неравенство в оплате труда.

4. Цифровизация стала ключевым фактором повышения эффективности системы занятости и социальной защиты. Платформы ish.mehnat.uz и my.soliq.uz обеспечивают прозрачность учёта трудовых договоров, автоматизацию начисления выплат и доступность данных для мониторинга.

5. В то же время цифровое неравенство и ограниченный охват работников неформального сектора электронными сервисами создают риск социальной уязвимости, требующий системных решений на уровне законодательства и институтов.

6. Авторское исследование подтвердило гипотезу о том, что устойчивое формирование системы достойного труда возможно при синергии трёх факторов: международной методологии МОТ, национальной цифровой статистики и социального партнёрства.

7. В перспективе до 2030 года приоритетами должны стать: сокращение неформальной занятости, развитие платформенных форм труда, расширение социальной защиты самозанятых и повышение гендерного баланса в занятости.

Таким образом, результаты проведённого исследования подтверждают выдвинутую во введении гипотезу о том, что цифровая трансформация экономики в Республике Узбекистан способствует институциональному укреплению системы достойного труда, однако сопровождается сохранением структурных диспропорций, связанных с неформальной занятостью и неравномерным доступом к цифровым трудовым сервисам. Подтверждение гипотезы позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшей адаптации государственной политики в сфере занятости и социальной защиты с учётом цифровых вызовов.

Перспективные направления дальнейших исследований могут включать: углублённый анализ детского труда и скрытых форм вовлечения подростков в трудовую деятельность; исследование гендерного неравенства в структуре заработной платы и доступе к руководящим должностям;

⁴¹ Decent Work Indicators: Guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators. Ver. 2. // ILO: [website]. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@integration/documents/publication/wcms_229374.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

оценку влияния платформенной экономики и фриланс-занятости на формирование социальной защиты самозанятых; развитие методологии статистического учёта неформальной занятости, включая создание единой цифровой базы трудовых отношений. Особое значение имеет раз-

работка инструментов мониторинга достойного труда на основе больших данных (Big Data) и алгоритмов предиктивной аналитики для оценки рисков на рынке труда в условиях ускоренной цифровизации.

Список источников

1. Saragih S., Tjakraatmadjaa J.H., Pratama A.P. Decent Work in a Digital Age: A Comprehensive Review of Research and Theory. *Cogent Business and Management*. 2024;11(1):2371552. <https://doi.org/10.1080/23311975.2024.2371552>
2. Hughes D., Warhurst C., Duarte M.E. Decent Work, Inclusion and Sustainability: a New Era Lies Ahead. *British Journal of Guidance and Counselling*. 2021;49(2):145–152. <https://doi.org/10.1080/03069885.2021.1898540>
3. Anker R., Chernyshev I., Egger P., et al. Measuring Decent Work with Statistical Indicators. *International Labour Review*. 2003;142(2):147–178. <https://doi.org/10.1111/j.1564-913X.2003.tb00257.x>
4. Marcombe A.-C., Sayfullaev K., Islamova N. Redefining Responsible Consumption and Decent Work: Insights from the Second-hand Industry in Uzbekistan. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. 2024;11(3):604–620. <https://doi.org/10.15549/jecar.v11i3.1655>
5. Абдурахманова Г.К., Рустамов Д.Ж. Достойный труд в системе политики занятости // International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education: LXVIII International Correspondence Scientific and Practical Conference, 23–25 марта 2020, Boston, USA. Boston: Problems of Science, 2020. С. 25–32. EDN SUHWBT
6. Прока Н.И. Оценка уровня достойного труда и его эффективности // Вестник аграрной науки. 2023. № 2(101). С. 161–169. <https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2023.2.161> EDN IMLJGF
7. Нурматов Д.Н., Недоспасова О.П. Генезис концепции достойного труда: от индустриализма к цифровой эпохе // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2025. № 72. С. 122–142. <https://doi.org/10.17223/19988648/72/6>
8. Устинович Е.С. Десятилетие достойного труда в России // Социальная политика и социальное партнерство. 2024. № 5. <https://doi.org/10.33920/pol-01-2405-01>
9. Шаймарданов Н.З., Полкова Т.В., Шахова О.А. Достойный труд: методология и методика оценки // Экономика региона. 2009. № 4(20). С. 193–199. EDN KYJQMN
10. Лысенко И.В. Анализ тенденций формирования условий достойного труда в российской экономике // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. Том 12. № 4. С. 27–31. <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2023-12-4-27-31> EDN ZMIMMD
11. Ghai D. Decent Work: Concept and Indicators. *International Labour Review*. 2003;142(2):113–145. <https://doi.org/10.1111/j.1564-913X.2003.tb00256.x>
12. Недоспасова Е.В., Нехода О.П., Демидова Д.К. Как обеспечить достойный труд для «новых» занятых // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 100–116. <https://doi.org/10.17223/15617793/517/11>
13. Достойный труд в нефинансовой отчетности российских компаний: оценка качества раскрытия информации / Е.В. Нехода, Н.У. Арабов, А.Л. Богданов [и др.] // Управленец. 2022. Том 13. № 2. С. 34–56. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-2-3> EDN GQPBPW
14. Чжао С., Круглов Д.В. Эффективность труда и достойный труд в Китае // Экономика труда. 2023. Том 10. № 2. С. 297–306. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117292> EDN MKNZKN
15. Янченко Е.В. Достойный труд в условиях цифровизации экономики и общества // Экономика труда. 2024. Том 11. № 6. С. 799–818. <https://doi.org/10.18334/et.11.6.121197> EDN OXNANI

Информация об авторе:

Дилшадбек Набижанович Нурматов – кандидат экономических наук, профессор, Андижанский государственный университет им. З.М. Бабура
(SPIN-код: 5240-3685) (Researcher ID: OLP-5682-2025)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Saragih S., Tjakraatmadjaa J.H., Pratama A.P. Decent Work in a Digital Age: A Comprehensive Review of Research and Theory. *Cogent Business and Management* 2024;11(1):2371552. <https://doi.org/10.1080/23311975.2024.2371552>
2. Hughes D., Warhurst C., Duarte M.E. Decent Work, Inclusion and Sustainability: a New Era Lies Ahead. *British Journal of Guidance and Counselling*. 2021;49(2):145–152. <https://doi.org/10.1080/03069885.2021.1898540>

3. Anker R., Chernyshev I., Egger P., et al. Measuring Decent Work with Statistical Indicators. *International Labour Review*. 2003;142(2):147–178. <https://doi.org/10.1111/j.1564-913X.2003.tb00257.x>
4. Marcombe A.-C., Sayfullaev K., Islamova N. Redefining Responsible Consumption and Decent Work: Insights from the Second-hand Industry in Uzbekistan. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. 2024;11(3):604–620. <https://doi.org/10.15549/jecar.v11i3.1655>
5. Abdurakhmanova G.K., Rustamov D.Zh. Decent Work in The Employment Policy System. International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education: LXVIII International Correspondence Scientific and Practical Conference Proceedings; March 23–25, 2020; Boston, USA. Boston: Problems of Science. 2020:25-32 (In Russ.)
6. Proka N.I. Assessment of the Level of Decent Work and its Effectiveness. *Vestnik agrarnoi nauki=Bulletin of Agrarian Science*. 2023;(2(101)):161–169. <https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2023.2.161> (In Russ.)
7. Nurmatov D.N., Nedospasova O.P. Genesis of the Decent Work Concept: From Industrialism to the Digital Era. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika=Tomsk State University Journal of Economics*. 2025;(72):34–49. <https://doi.org/10.17223/19988648/72/6> (In Russ.)
8. Ustinovich E.S. Desyatiletie dostoinogo truda v Rossii. *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo*. 2024;(5). <https://doi.org/10.33920/pol-01-2405-01> (In Russ.)
9. Shaimardanov N.Z., Polkova T.V., Shakhova O.A. Decent Work: Methodology and Assessment Techniques. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*. 2009;(4(20)):193–199 EDN KYJQMN (In Russ.)
10. Lysenko I.V. Analysis of Trends in the Formation of Decent Work Conditions in the Russian Economy. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii=Management of the Personnel and Intellectual Resource in Russia*. 2023;12(4):27–31. <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2023-12-4-27-31> (In Russ.)
11. Ghai D. Decent Work: Concept and Indicators. *International Labour Review*. 2003;142(2):113–145. <https://doi.org/10.1111/j.1564-913X.2003.tb00256.x>
12. Nedospasova E.V., Nekhoda O.P., Demidova D.K. How to Ensure Decent Work for New Forms of Employment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*. 2025;(517):100–116. <https://doi.org/10.17223/15617793/517/11> (In Russ.)
13. Nekhoda E.V., Arabov N.U., Bogdanov A.L., et al. Decent Work in Non-Financial Reporting of Russian companies: Assessing the Quality of Information Disclosure. *Upravlenets=The Manager*. 2022;13(2):34–56. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-2-3> (In Russ.)
14. Zhao X., Kruglov D. V. Labour Efficiency and Decent Work in China. *Ehkonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2023;10(2):297–306. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117292> (In Russ.)
15. Yanchenko E.V. Decent Work in the Context of Digitalisation of the Economy and Society. *Ehkonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2024;11(6):799–818. <https://doi.org/10.18334/et.11.6.121197> (In Russ.)

Information about the author:

Dilshadbek N. Nurmatov – PhD in Economics, Professor, Andijan State University named after Z.M. Babur (SPIN-code: 5240-3685) (Researcher ID: OLP-5682-2025)
The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted 07.10.2025; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Оригинальная статья

УДК 330.59, 365

JEL I31, P36, R21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104

EDN AUWQTH

Об устойчивости уровня жизни российских домохозяйств

Елена Валерьевна Одинцова

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

(odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Аннотация

Цель исследования, представленного в рамках данной публикации, заключается в развитии и уточнении методологических и инструментальных решений для изучения уровня жизни в контексте выявления его (не)устойчивости. Эмпирическую основу исследования составили микроданные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, а также выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата. Предложена обобщающая характеристика уровня жизни с позиции оценивания его (не)устойчивости на основе «нормативной рамки» – критериальных социальных стандартов, фиксирующих требования к покупательной способности по душевым денежным доходам, качеству жилищных условий, наличию и объёму сбережений. Проведена классификация домохозяйств на основе соответствия критериальным социальным стандартам идентификации устойчивого уровня жизни. Выявлено, что устойчивый уровень жизни среди российских домохозяйств с детьми отличается 0,3%, среди домохозяйств без детей – 2,4%. У 65,2% домохозяйств с детьми и 48,5% домохозяйств без детей уровень жизни является неустойчивым, не достигая критериальных социальных стандартов по всем трём применяемым критериям. Остальные домохозяйства (34,5% и 49,1%) находятся в переходных группах, не соответствуя одному или двум критериальным стандартам. Показано, что комплексное, многокритериальное измерение (по сравнению с однокритериальным) позволяет уточнить оценки распространённости неустойчивого уровня жизни среди домохозяйств: доля домохозяйств с неустойчивым уровнем жизни снижается с 70,0–96,7% (в зависимости от критерия) среди домохозяйств с детьми и с 67,4–87,9% среди домохозяйств без детей до 65,2% и 48,5%, соответственно, при многокритериальном оценивании. Предложенный подход к изучению уровня жизни с позиции оценивания его (не)устойчивости рассмотрен в ракурсе других направлений исследований (социально-экономического неравенства, прекаризации, социальной мобильности).

Ключевые слова: уровень жизни; устойчивость; неустойчивость; критериальные социальные стандарты; покупательная способность; качество жилищных условий; сбережения; домохозяйства

Для цитирования: Одинцова Е.В. Об устойчивости уровня жизни российских домохозяйств // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 87–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104 EDN AUWQTH

RAR (Research Article Report)

JEL I31, P36, R21

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104

On the Sustainability of the Standard of Living of Russian Households

Elena V. Odintsova

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Abstract

The purpose of the research presented in this publication is to develop and refine methodological and measurement approaches for studying the standard of living in the context of identifying its (un)sustainability. The empirical basis of the study draws on microdata from The Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE), as well as a sample survey of household budgets by Rosstat. A generalized characteristic of the standard of living is proposed from the point of view of assessing its (un)sustainability based on the "normative framework" – criteria-based social standards that specify for purchasing power of per capita monetary income, quality of housing conditions, availability and volume of savings. The classification of households based on compliance with the criterion social standards of identification of a sustainable standard of living is carried out. It was revealed that 0.3% of Russian households with children have a sustainable standard of living, while 2.4% of households without children have a sustainable standard of living. In 65.2% of households with children and 48.5% of households without children, the standard of living is unsustainable, not reaching criterion social standards according to all three criteria applied. The remaining households (34.5% and 49.1%) are in intermediate groups, not meeting one or two criterion social standards. It is shown that a complex, multi-criteria measurement (compared with a single-criterion one) makes it possible to increase the accuracy of estimating the prevalence of unsustainable living standards among households: the proportion of households with unsustainable living standards decreases from 70.0–96.7% (depending on the criterion) among households with children and 67.4–87.9% among households without children, to 65.2% and 48.5%, respectively, with a multi-criteria assessment. The proposed approach to studying the standard of living from the perspective of assessing its (un)sustainability is considered from the perspective of other research areas (socio-economic inequality, precarization, social mobility).

Keywords: standard of living; sustainability; unsustainability; criterion social standards; purchasing power; quality of housing conditions; savings; households

For citation: Odintsova E.V. On the sustainability of the standard of living of Russian households. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):87–104. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_6_87_104 (In Russ.)

© Одинцова Е.В., 2026

Введение

Проблематика устойчивости положения (работников, домохозяйств, населения) стала одной из активно разрабатываемых в современных исследованиях в связи с быстрым развитием гибких форм занятости, переходом от стандартной к нестандартной занятости [1; и др.], негативными социально-экономическими последствиями, вызванными финансовыми кризисами, пандемией COVID-19 [2; и др.].

В работах, затрагивающих вопросы уровня жизни, устойчивость, как правило, рассматривается в рамках отдельных тематических направлений, предметно исследуя конкретный «срез» уровня жизни. Экономическая (не)устойчивость определяется на основе (не)достижения (с учётом доходов домохозяйств) уровня покупательной способности, обеспечивающей определённые стандарты жизни (см., например, [3]). Как выявлено в [4], большинство российских домохозяйств с детьми характеризует экономическая неустойчивость, масштабы которой (более 80,0%) варьируют в зависимости от числа детей в домохозяйствах [4, с.123].

В фокусе других исследований – финансовая (не)устойчивость, обусловленная наличием/отсутствием сбережений, задолженностей, закредитованности и т.п. [2; 5; 6; и др.]. По оценкам исследователей, порядка 60,0% российских домохозяйств являются финансово неустойчивыми (без ликвидных активов и/или с признаками перекредитованности).¹ Проблема финансовой неустойчивости также актуальна и для европейских стран: более 30,0% домохозяйств ЕС не в состоянии справиться с непредвиденными расходами, в ряде стран ЕС доля домохозяйств со сберегательными счетами не достигает 50,0%, а консолидированный долг домохозяйств в процентах к ВВП в среднем по ЕС составляет около 60,0% [5].

Неустойчивость положения также проявляется при наличии различных проблем в аспекте условий проживания: связанных с жилищем (стоимость жилья, расходы на него, ненадёжность, стеснённость, качество благоустройств и т.п.) и/или районом проживания (безопасность, доступность основных социально значимых услуг и т.п.) [7; 8; 9; 10; 11; 12; и др.]. В европейских странах показатели распространённости жилищной устойчивости наиболее высоких значений достигают в Норвегии, Швеции, Нидерландах, Дании, Германии, Финляндии и Австрии (более 60% населения), при этом ситуация различается для владельцев и арендаторов жилищ [8]. Исследование жилищной устойчивости для российских

условий, учитывающей показатели не только в аспекте жилища, но также и населенного пункта (района) проживания, выявило её наличие менее чем у 20% населения [12].

В целом сложившийся научный дискурс характеризуется проработкой отдельных актуальных аспектов уровня жизни при исследовании его с позиции (не)устойчивости, не позволяя составить комплексную, объёмную картину сложившейся ситуации. Научная проблема исследования заключается в фрагментарности изучения устойчивости уровня жизни домохозяйств, что препятствует его осмыслению как комплексного концепта, выявлению особенностей (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств в контексте её неоднородности (разная концентрация признаков неустойчивости) и изменчивости (динамика ситуации).

Объект исследования – российские домохозяйства, *предмет* – (не)устойчивость уровня жизни домохозяйств. *Цель* исследования состояла в развитии и уточнении методологических и инструментальных решений для изучения уровня жизни в контексте выявления его (не)устойчивости. В исследовании решались следующие задачи:

- обобщить применяемые в авторских исследованиях методологические и инструментальные разработки к измерению уровня жизни в парадигме «устойчивость» – «неустойчивость»;
- предложить обобщающую характеристику уровня жизни с позиции оценивания его (не)устойчивости на основе критериальных социальных стандартов и классификацию домохозяйств на её основе;
- провести количественное оценивание представленности групп по (не)устойчивости уровня жизни среди российских домохозяйств;
- рассмотреть предложенный подход к изучению уровня жизни в парадигме «устойчивость» – «неустойчивость» в контексте других направлений современных исследований.

Гипотеза исследования: многокритериальное измерение (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств позволит уточнить масштабы данного явления по сравнению с его однокритериальным измерением.

Теоретические и методологические положения

В научной литературе сложились различные трактовки «уровня жизни», в том числе теоретические основы данного понятия формализуются во взаимосвязи с понятиями «благополучие» и «благополучие», определяя его различные дефиниции, наполнение (объективное и/или субъективное) и индикаторную базу (конкретные индикаторы и показатели) для измерения уровня

¹ Бедный не значит финансово неустойчивый // HSE-daily: [сайт]. URL: <https://daily.hse.ru/post/bednyi-ne-znacit-finansovo-neustoiciviy> (дата обращения: 10.01.2026).

жизни² [13; 14; и др.]. Так, «уровень жизни» может иметь «пересечение» с «благополучием» в значении объективных характеристик уровня жизни³, и «благополучием» – в контексте удовлетворения потребностей физического выживания и материального накопления («объективный уровень жизни») [13].

В данной работе уровень жизни понимается как «потребление материальных, духовных и социальных благ, обусловленное экономическим и социальным положением» [15, с. 351] и оценивается в парадигме «устойчивость»–«неустойчивость». В концептуальном плане устойчивость, анализируемая на микроуровне (домохозяйства, индивиды), может трактоваться как способность противостоять и преодолевать стрессовые ситуации (кризисы), сохранять и совершенствовать навыки и активы, способность вернуться к прежнему уровню благосостояния после различных шоков (например, потеря работы)⁴ [4; 16; 17]. Таким образом, устойчивость понимается как адаптивность и связывается с имеющимся у домохозяйств потенциалом (состоянием здоровья, финансовыми ресурсами, способностью подготовиться к негативным воздействиям, и пр.)⁵ Устойчивость также может связываться с определённым позиционированием в социально-экономической структуре. Например, неустойчивость описывает состояние, при котором домохозяйство преодолело бедность, но не достигло определённого материального благополучия (учитывается уровень доходов (60–100% медианного эквивалентного дохода) и наличие материальных деприваций) [18], т.е. имеются ненадёжность положения и риски нисходящей мобильности.

² Овчарова Л.Н. Благополучие // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия»: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/blagosostoianie-acd317> (дата обращения: 26.01.2026).

³ Там же.

⁴ RIMA-II: Moving Forward the Development of the Resilience Index Measurement and Analysis Model. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/0b55901e-7961-4b87-b31a-4a45a9306bf6/content>. (дата обращения: 11.01.2026); Guidance Note. Application of the Sustainable Livelihoods Framework in Development Projects (2015). United Nations Development Programme. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/latinamerica/UNDP_RBLAC_Livelihoods-Guidance-Note_EN-210July2017.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

⁵ Béné C., Wood R.G., Newsham A., Davies M. Resilience: New Utopia or New Tyranny? Reflection about the Potentials and Limits of the Concept of Resilience in Relation to Vulnerability Reduction Programmes. IDS Working Paper 405. Brighton: Institute of Development Studies, 2012. 61 p. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.2040-0209.2012.00405.x> (дата обращения: 11.01.2026); Guidance Note. Application of the Sustainable Livelihoods Framework in Development Projects. UNDP, 2015. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/latinamerica/UNDP_RBLAC_Livelihoods-Guidance-Note_EN-210July2017.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

Устойчивость в контексте отсутствия прекарности, ненадёжности в исследованиях, затрагивающих проблематику уровня жизни, разрабатывается применительно к условиям проживания, в том числе, качеству жилища. В данном случае устойчивость определяется отсутствием признаков, характеризующих жилище ((не) доступность жилья, его качество, тип владения жильём и пр.) и/или выходящих за его рамки (качество района проживания и т.п.) [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Устойчивость также может рассматриваться как способность сохранять потребление в случае экономических шоков⁶, измеряемая через выявление наличия сбережений как финансового резерва, «страховки» и их размера, уровня закредитованности и пр. [2; 6; 19], т.е. в данном случае речь идёт о финансовой устойчивости.

Применительно к уровню жизни устойчивость рассматривается нами в следующих аспектах (ракурсах).

1. Домохозяйственный ракурс устойчивости уровня жизни. Уровень жизни является домохозяйственной характеристикой, поскольку потребление осуществляется именно в домохозяйствах. Ресурсы для потребления (источники доходов) формируются с учётом «вклада» членов домохозяйства (участие в приносящей доход занятости) и перераспределяются в нём с учётом имеющейся иждивенческой нагрузки (наличие и число неработающих по различным причинам членов домохозяйства). В данной работе оценивание (не) устойчивости уровня жизни проводится в сравнении для двух типов домохозяйств – с детьми, характеризующихся более высокими рисками бедности, уязвимости положения (см., например [4; 20; 21; и др.]), и без детей.

2. Воспроизводственный ракурс устойчивости уровня жизни. (Не)устойчивость определяется при оценивании типа воспроизводства (суженное, простое, расширенное) уровня жизни домохозяйств с позиции *многомерности*, т.е. не по одному универсальному критерию, а по ряду критериев, позволяющих составить комплексную картину положения домохозяйств. В качестве таких критериев нами используются следующие – покупательная способность по денежным доходам, сбережения и жилищная обеспеченность (см., например [4; 22]). Данные критерии являются «базовыми» с точки зрения применения при изучении уровня жизни, в том числе с позиции оценивания в ракурсе экономической, финансовой или жилищной (не)устойчивости [2; 8; 14; и др.].

⁶ Бедный не значит финансово неустойчивый // HSE-daily: [сайт]. URL: <https://daily.hse.ru/post/bednyi-ne-znacit-finansovo-neustoicivyi> (дата обращения: 10.01.2026).

Определение устойчивости проводится на основе сопоставления фактических характеристик уровня жизни домохозяйств с «нормативной рамкой» (рисунок 1), включающей социальные

стандарты, фиксирующие пороговую границу перехода от простого к расширенному воспроизводству уровня жизни.

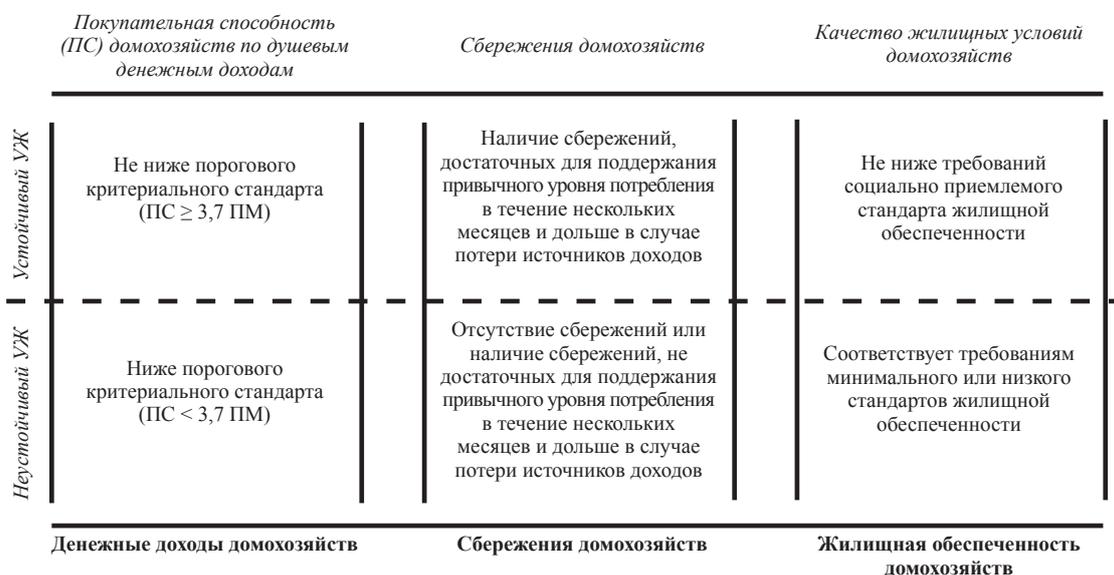

Рисунок 1. Система социальных стандартов для оценивания устойчивости уровня жизни (УЖ) домохозяйств
Figure 1. The System of Social Standards for Assessing the Sustainability of Household Living Standards

Источник: составлено автором.

2.1. Социальные стандарты покупательной способности по душевым денежным доходам (ПС по доходам) для определения (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств. Согласно разработкам, сделанным при участии автора, критериальным стандартом перехода от простого к расширенному воспроизводству уровня жизни является ПС по доходам, соответствующая величине 3,7 прожиточных минимумов (ПМ; 2024 г.). Теоретико-методологическую основу данного критериального стандарта составляют социально приемлемый потребительский бюджет [4; 23], а также информативно-статистический индикатор (среднее значение, X_{fc}) в логнормальном распределении населения по уровню среднедушевых денежных доходов [3]. Данный критериальный стандарт идентифицирует социально приемлемый уровень потребления, позволяя (в отличие

от стандартов более низкого достатка, ориентированных на суженное и простое воспроизводство уровня жизни) удовлетворять более широкий перечень социально значимых потребностей, включая поддержание здоровья членов домохозяйства, повышение квалификации работающих лиц в домохозяйстве, образование и культурное развитие детей и пр., предусматривает финансовое самострахование (резерв) и накопления для улучшения жилищных условий [3; 23]. Соответствие данному стандарту определяет уровень жизни домохозяйств как устойчивый, не соответствие – даёт основание оценить его как неустойчивый.

Идентификация (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств на основе данного критериального стандарта также позволяет определить их позиционирование в социально-экономической структуре по уровню жизни (таблица 1).

Таблица 1

Социальные стандарты для оценивания уровня жизни, типа его воспроизводства и (не)устойчивости

Table 1

Social Standards for Assessing the Standard of Living, the Type of Its Reproduction and (Un)sustainability

Критерии уровня жизни	Социальные стандарты для оценивания уровня жизни	Группы по уровню жизни на основе социальных стандартов	Оценивание типа воспроизводства уровня жизни	Оценивание (не) устойчивости уровня жизни
Покупательная способность	ПС менее 1 ПМ*	Наименее обеспеченные (бедные)	Суженное	Неустойчивый

Продолжение Таблицы 1

Критерии уровня жизни	Социальные стандарты для оценивания уровня жизни	Группы по уровню жизни на основе социальных стандартов	Оценивание типа воспроизводства уровня жизни	Оценивание (не) устойчивости уровня жизни
(ПС) домохозяйств по душевым денежным доходам	ПС от 1 до 2 ПМ	Низкообеспеченные	Суженное	
	ПС от 2 до 3,7 ПМ	Обеспеченные ниже социально приемлемого уровня	Суженное, простое	
	ПС не менее 3,7 ПМ	Обеспеченные на социально приемлемом уровне, высокообеспеченные	Расширенное	Устойчивый
Качество жилищных условий домохозяйств	Минимальный стандарт (МСт): размер площади жилья – жилая площадь не менее 6 м ² /чел.; благоустройство жилья – наличие централизованного электро-, водоснабжения (автономного водоснабжения**), центрального (индивидуального**) отопления и централизованной канализации	Наименее обеспеченные (бедные по жилищцу; с наиболее плохими жилищными условиями (ЖУ)) (при не соответствии МСт) Низкообеспеченные (с плохими ЖУ; при соответствии МСт)	Суженное	Неустойчивый
	Низкий стандарт (НСт): размер площади жилья – общая площадь не менее 16 м ² /чел.; благоустройство жилья – не ниже МСт, а также наличие горячего водоснабжения, ванны/душа, напольной плиты (газовой/ электрической)	Обеспеченные ниже социально приемлемого уровня (с ниже социально приемлемых ЖУ)	Суженное, простое	
	Социально приемлемый стандарт (СПСт): размер жилья – общая площадь не менее 23 м ² /чел.; благоустройство жилья – не ниже НСт, а также наличие доступа в Интернет; просторность жилья – количество жилых комнат соответствует числу проживающих	Обеспеченные на социально приемлемом уровне (с социально приемлемыми ЖУ)	Расширенное	Устойчивый
	Высокий стандарт (ВСт): размер жилья – общая площадь не менее 40 м ² /чел.; благоустройство жилья – не ниже СПСт; просторность жилья – количество жилых комнат превышает число проживающих	Высокообеспеченные (с хорошими ЖУ)	Расширенное	
Сбережения домохозяйств	Отсутствие сбережений или наличие сбережений, которых не достаточно для поддержания привычного уровня потребления в течение нескольких месяцев и дольше в случае потери источников доходов	Наименее обеспеченные (бедные), низкообеспеченные, обеспеченные ниже социально приемлемого уровня	Суженное, простое	Неустойчивый

Критерии уровня жизни	Социальные стандарты для оценивания уровня жизни	Группы по уровню жизни на основе социальных стандартов	Оценивание типа воспроизводства уровня жизни	Оценивание (не) устойчивости уровня жизни
	Наличие сбережений, которых достаточно для поддержания привычного уровня потребления в течение нескольких месяцев и дольше в случае потери источников доходов	Обеспеченные на социально приемлемом уровне, высокообеспеченные	Расширенное	Устойчивый

* ПМ – прожиточный минимум в среднем на душу населения.

** Для сельских населенных пунктов.

Источник: составлено автором.

2.2. Социальные стандарты сбережений для определения (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств. Сбережения являются важным ресурсом уровня жизни (резерв, «страховка», накопления для повышения стандартов потребления – например, улучшение жилищных условий [23]), а их покупательная способность обеспечивает устойчивость потребления в случае наступления различных неблагоприятных обстоятельств. Наличие сбережений, их объём и покупательная способность дифференцируют стандарты потребления разных групп по уровню жизни. Они повышают потенциальную покупательную способность домохозяйств и применяются в исследованиях для идентификации групп со средним уровнем жизни [24; 25; и др.], построения вертикальной стратификации по жизненным шансам и рискам [26; 27; и др.]. Согласно разработкам с участием автора [22], по критерию сбережений об устойчивости уровня жизни домохозяйств можно сделать вывод при наличии у них сбережений, которых хватит для поддержания привычного уровня потребления в случае неблагоприятных обстоятельств (потеря источников доходов) в течение нескольких месяцев и дольше. В зависимости от времени применения сбережений для поддержания привычного уровня жизни их покупательная способность может меняться.

2.3. Социальные стандарты жилищной обеспеченности для определения (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств. Обеспеченность жильём, качество жилищных условий является одной из базовых характеристик уровня жизни. Для их оценивания с участием автора разработана система социальных стандартов жилищной обеспеченности (см., например [22]), взаимосвязано учитывающих площадь, просторность и благоустроенность жилья. Данные стандарты позволяют дифференцированно оценивать качество жилищных условий (от наиболее плохих

до хороших). Критериальным стандартом перехода от простого к расширенному воспроизводству уровня жизни является социально приемлемый стандарт жилищной обеспеченности [4], который обеспечивает удовлетворение потребности в жилье на соответствующем уровне, потребление услуг и комфортность проживания для нормальной жизнедеятельности, отдыха и восстановления работающих членов домохозяйства, развития и воспитания детей (таблица 1). Стандарты жилищной обеспеченности также позволяют определить позиционирование в социально-экономической структуре по уровню жизни и его (не) устойчивости (таблица 1).

3. Устойчивость уровня жизни как обобщающая характеристика и классификация домохозяйств на её основе. На основе выделенных критериев уровня жизни для его оценивания с позиции (не)устойчивости может быть составлена интегральная характеристика, позволяющая дифференцировать домохозяйства в зависимости от концентрации критериев, по которым домохозяйства (не) преодолевают критериальные стандарты, идентифицирующие устойчивость их уровня жизни (рисунок 2). С позиции интегрального оценивания как устойчивый уровень жизни идентифицируется при условии, что домохозяйства преодолевают социальные стандарты, определяющие расширенное воспроизводство уровня жизни, по каждому из трёх предложенных критериев (таблица 1). Несоответствие критериальному социальному стандарту хотя бы по одну из критериев не может трактоваться как устойчивый уровень жизни. Домохозяйства, которые удовлетворяют требованиям по всем трём критериям, нами классифицируются как имеющие устойчивый уровень жизни. Если домохозяйства не по одному из трёх критериев не достигли требований данных социальных стандартов, уровень их жизни идентифицируется нами как неустойчивый, и

эти домохозяйства относятся в «полярную» относительно первой группу – с неустойчивым уровнем жизни. Домохозяйства, у которых устойчи-

вость уровня жизни не обеспечена по одному или двум из трёх рассматриваемых критериев, нами относятся к переходным группам.

Рисунок 2. Идентификация (не)устойчивого уровня жизни домохозяйств и их классификация
Figure 2. Identification of the (Un)sustainable Standard of Living of Households and Their Classification

Источник: составлено автором.

4. Динамический ракурс устойчивости уровня жизни. Данный ракурс связан с выявлением стабильности (неизменности) устойчивости уровня жизни домохозяйств и их позиционирования в соответствующих группах. Стабильность может определяться разными «факторами»: стадия жизненного цикла [24], межпоколенная мобильность [28; 29; 30], социально-экономические условия [4; 16]. Стабильность, в отличие от устойчивости, имеющей однозначную дихотомическую (позитивную/негативную) характеристику (устойчивость–неустойчивость), является менее однозначной. Её позитивное/негативное содержание зависит от «стартовой точки» наблюдения (устойчивость/неустойчивость) и направления мобильности (восходящая/нисходящая/неизменность). В данной работе этот аспект на эмпирическом уровне (в части количественных оценок) предметно не рассматривается. Выявление динамики уровня жизни домохозяйств и их перемещения между группами с неустойчивым – устойчивым уровнем жизни будет предметом отдельного исследования.

Данные и методы

Эмпирические данные для количественного оценивания представленности домохозяйств в группах по (не)устойчивости уровня их жизни получены на основе микроданных 33 волны (2024 г.; наиболее актуальные микроданные на момент проведения оценивания) Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ⁷ (далее – РМЭЗ). Были востребованы данные массива по домохозяйствам (4,9 тыс. ед.), среди которых анализ проводился дифференцированно для домохозяйств с детьми (25,4%) и без детей (74,6%).⁸ Для анализа были использованы сведения (соответствующие пере-

⁷ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.spc.unc.edu>).

⁸ Распределение домохозяйств по наличию детей в выборке РМЭЗ сопоставимо с распределением (23,1% и 76,9%) по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. – См.: Всероссийская перепись населения 2020 года // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 26.01.2026).

менные в массиве РМЭЗ по домохозяйствам), характеризующие жилищные условия (размер площади, виды благоустройств и пр.), наличие и объём сбережений⁹, размер денежных доходов домохозяйств. Для оценивания ПС по доходам в массив РМЭЗ были введены данные о величине прожиточного минимума в среднем на душу населения в регионе проживания домохозяйства. Дополнительно для целей сопоставления в рамках дискуссии были использованы микроданные массива 33 волны РМЭЗ по индивидам (12,0 тыс. чел.), а также микроданные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата¹⁰ (ОБДХ) (2023 г. – наиболее актуальные

микроданные на момент проведения оценивания) со сведениями по размеру денежных доходов и субъективным самооценкам – финансовое положение и позиционирование по 9-балльной шкале («лестница» от «1» – «нищие» до «9» – «богатые»). Обработка данных проводилась в IBM SPSS и MS Excel.

Результаты исследования

На лепестковых диаграммах (рисунки 3 и 4) представлены результаты оценивания, сколько домохозяйств не соответствуют критериальным стандартам для определения устойчивого уровня жизни отдельно по каждому из трёх критериев.

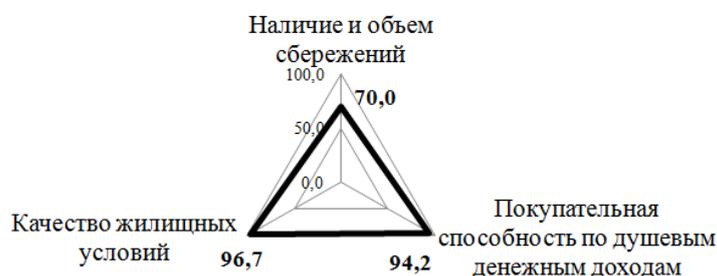

Рисунок 3. Доля домохозяйств с детьми, не преодолевающих критериальные социальные стандарты для определения устойчивого уровня жизни, % (2024 г.)

Figure 3. The Proportion of Households with Children who Do Not Meet the Criteria of Social Standards for Determining a Sustainable Standard of Living, % (2024)

Источник: оценка автора на основе данных 33 волны РМЭЗ.

Из полученных данных следует, что среди домохозяйств с детьми неустойчивым по критерию ПС по доходам является уровень жизни у 94,2% домохозяйств, по критерию сбережений – у 70,0%, а по критерию качества жилищных усло-

вий – у 96,7% (рисунки 3). Для домохозяйств без детей доля таких ниже, но также является значительной: по ПС по доходам – 87,9% домохозяйств, по сбережениям – 67,4%, по качеству жилищных условий – 75,2% (рисунки 4).

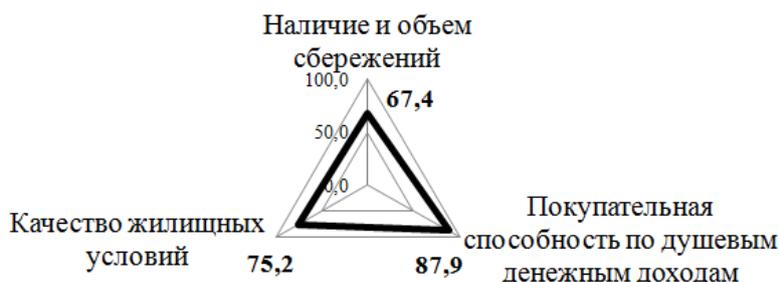

Рисунок 4. Доля домохозяйств без детей, не преодолевающих критериальные социальные стандарты для определения устойчивого уровня жизни, % (2024 г.)

Figure 4. The Proportion of Households without Children who Do Not Meet the Criteria of Social Standards for Determining a Sustainable Standard of Living, % (2024)

Источник: оценка автора на основе данных 33 волны РМЭЗ.

⁹ Учитывался вопрос и варианты ответа на него: если все члены семьи лишатся всех источников дохода, как долго она сможет материально жить так же, как живет сейчас, то есть, не уменьшая расходов, только за счёт денежных сбережений, ничего не продавая из имущества? – (1) полгода и больше, (2) несколько месяцев, (3) не больше месяца, (4) не больше двух недель, (5) не больше недели или (6) ни одного дня. Устойчивость по критерию сбережений определялась при ответах (1) или (2), неустойчивость – с (3) по (6).

¹⁰ ОБДХ охватывает около 48 тыс. домохозяйств. Система доступа к результатам обследования // Росстат: [сайт]. URL: <https://obdx.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2026).

Применение комплексного измерения (рисунок 5) позволяет уточнить оценки, полученные при одномерном измерении (рисунки 3 и 4). Так, доля имеющих неустойчивый уровень жизни среди домохозяйств с детьми снижается с 70,0% (сбе-

режения)/94,2% (ПС по доходам)/96,7% (качество жилищных условий) до 65,2% при интегральном оценивании, среди домохозяйств без детей – с 67,4%/87,9%/75,2% до 48,5%.

Рисунок 5. Распределение домохозяйств в зависимости от (не)устойчивости их уровня жизни, % (2024 г.)

Figure 5. Distribution of Households Depending on the (Un)sustainability of Their Standard of Living, % (2024)

Источник: оценка автора на основе данных 33 волны РМЭЗ.

В домохозяйствах с неустойчивым уровнем жизни (с детьми – 65,2%, без детей – 48,5%) обеспечено простое или суженное воспроизводство уровня жизни. ПС по доходам в этих домохозяйствах не достигает критериального стандарта (3,7 ПМ). Жилищная обеспеченность в домохозяйствах этих групп также не достигает социально приемлемого стандарта, т.е. жилищные условия домохозяйств (в которых в том числе проживают дети) являются наиболее плохими, плохими или ниже социально приемлемых. Кроме того, в этих домохозяйствах отсутствуют сбережения или их объёма недостаточно, чтобы обеспечить устойчивость потребления в случае наступления неблагоприятных обстоятельств или накопление для улучшения жилищных условий.

Домохозяйства в группах с неустойчивым уровнем жизни «неоднородны» по своему составу с точки зрения достигнутых стандартов ПС по доходам и качества жилищных условий (при отсутствии устойчивости по критерию сбережений) (рисунок 6). Наиболее уязвимое положение – в домохозяйствах (подгруппа I), где не обеспечены минимальные стандарты (ПС по доходам менее 1 ПМ при наиболее плохих жилищных условиях), т.е. воспроизводство уровня жизни в этих домохозяйствах является суженным. Эти группы домохозяйств (среди домохозяйств без детей таких выявлено 1,8%, с детьми – 5,0%) характеризуются глубиной неустойчивости, наибольшим «разрывом» относительно критери-

альных стандартов устойчивого уровня жизни. Уязвимое положение (подгруппа II), при котором суженное воспроизводство уровня жизни обусловлено не достижением низких стандартов (ПС по доходам и/или качеством жилищных условий), выявлено у 17,3% домохозяйств без детей и 33,7% домохозяйств с детьми. Остальные домохозяйства (29,4% – без детей, 26,5% – с детьми) смогли обеспечить более высокие ПС по доходам и качество жилищных условий, но они всё равно не достигают критериальных стандартов, открывающих расширенное воспроизводство уровня жизни и его устойчивость, оставляя эти домохозяйства в группах с неустойчивым уровнем жизни (подгруппа III).

В переходные группы попали 49,1% домохозяйств без детей и 34,5% домохозяйств с детьми, у которых для достижения устойчивого уровня жизни недостаточно одного или двух критериев. Эти группы домохозяйств – ближайшая «периферия» групп домохозяйств с устойчивым уровнем жизни. Качественные улучшения в стандартах жизни этих домохозяйств, которые на текущий момент по одному либо двум критериям не преодолевают «границу» устойчивости, позволят им в перспективе перейти в группы домохозяйств с устойчивым уровнем жизни. Так, части домохозяйств не достаёт устойчивости только по одному из трёх критериев (таблица 2, группы (i)-(iii)): 13,2% среди домохозяйств без детей и 3,8% среди домохозяйств с детьми.

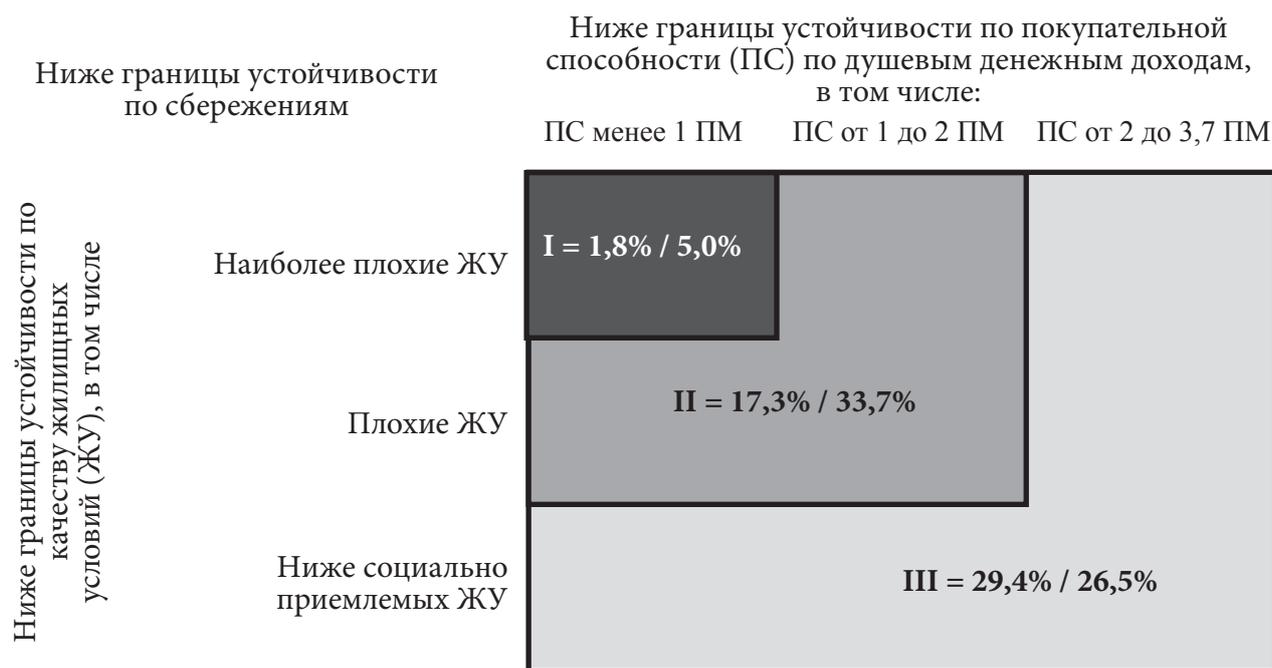

Рисунок 6. Группировка домохозяйств (без детей/с детьми) с неустойчивым уровнем жизни в зависимости от глубины неустойчивости (2024 г.)

Figure 6. Grouping of Households (without Children/with Children) with Unsustainable Living Standards Depending on the Depth of Unsustainability (2024)

Источник: оценка автора на основе данных 33 волны РМЭЗ.

Однако для большей части домохозяйств в переходных группах перемещение в группы с устойчивым уровнем жизни потребует улучшения ситуации одновременно по двум критериям (таблица 2, группы (iv)–(vi)). Проведённый анализ состава и сочетания критериев, по которым домохозяйства не достигают критериальных социальных стандартов, показал, что среди домохозяйств без детей чаще всего «ограничением» для перехода в группу с устойчивым

уровнем жизни являются недостаточные ПС по доходам и качество жилищных условий (таблица 2, группа iv) – 19,6%, т.е. «базовые» составляющие уровня жизни. Ещё у 12,6% домохозяйств без детей качество жилищных условий, напротив, соответствует критериальным стандартам, однако по двум другим критериям (таблица 2, группа v) они не достигают необходимых требований для попадания в группу с устойчивым уровнем жизни.

Таблица 2

Распределение домохозяйств по критериям, по которым они не достигают требований социальных стандартов для идентификации устойчивого уровня жизни, 2024 г.

Table 2

The Distribution of Households by Criteria According to which They Do Not Meet the Requirements of Social Standards to Identify a Sustainable Standard of Living, 2024

Критерии, по которым домохозяйства не достигают требований социальных стандартов для идентификации устойчивого уровня жизни	Домохозяйства без детей*	Домохозяйства с детьми*
Переходные группы домохозяйств по уровню жизни		
Покупательная способность по душевым денежным доходам (i)	7,3	0,7
Качество жилищных условий (ii)	3,4	2,8
Наличие и объём сбережений (iii)	2,5	0,3
Покупательная способность по душевым денежным доходам + качество жилищных условий (iv)	19,6	26,2

Окончание Таблицы 2

Критерии, по которым домохозяйства не достигают требований социальных стандартов для идентификации устойчивого уровня жизни	Домохозяйства без детей*	Домохозяйства с детьми*
Покупательная способность по душевым денежным доходам + наличие и объём сбережений (v)	12,6	2,0
Наличие и объём сбережений + качество жилищных условий (vi)	3,7	2,5
Итого в переходной группе по уровню жизни	49,1	34,5
Домохозяйства с неустойчивым уровнем жизни		
Покупательная способность по душевым денежным доходам + качество жилищных условий + наличие и объём сбережений (vii)	48,5	65,2

* В % по соответствующей группе домохозяйств (без детей / с детьми).

Источник: оценка автора на основе данных 33 волны РМЭЗ.

Для домохозяйств с детьми, оказавшихся в переходной группе по уровню жизни, основным «фактором» отсутствия устойчивости является «разрыв» относительно критериальных стандартов в ПС по доходам и качеству жилищных условий (таблица 2, группа iv). Доля таких домохозяйств среди домохозяйств с детьми составляет 26,2%. В этих домохозяйствах жилищные условия не достигают социально приемлемого стандарта, в том числе являются плохими или наиболее плохими. ПС по доходам также не достигает критериального стандарта для определения устойчивого уровня жизни (3,7 ПМ). Несмотря на наличие определённых сбережений, при имеющейся ПС по доходам, их объём может не обеспечить стандарты расширенного воспроизводства уровня жизни. В том числе, это проявляется в нерешенности проблемы качества жилищных условий.

Устойчивый уровень жизни выявлен у небольшой группы домохозяйств – среди домохозяйств без детей доля таких составляет всего 2,4%, среди домохозяйств с детьми таких выявлено кратко меньше (менее 1,0%). В этих небольших по численности группах домохозяйств обеспечены стандарты расширенного воспроизводства уровня жизни по всем трём критериям: ПС по доходам не ниже критериального социального стандарта (3,7 ПМ), жилищные условия по их качеству характеризуются как социально приемлемые или хорошие, а также имеется страховой финансовый резерв (сбережения) для поддержания (в случае неблагоприятных обстоятельств) данного уровня потребления в течение длительного времени. Полученные оценки подтверждают, что иждивенческая нагрузка (содержание детей) заметно снижает шансы на достижение устойчивого уровня жизни в домохозяйстве. Тем не менее, небольшой группе домохозяйств удалось обеспечить необходимые стандарты уровня жизни для воспитания и развития детей.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают необходимость комплексного подхода к изучению уровня жизни, поскольку учёт только какого-то одного из аспектов не даёт полной, «объёмной» картины сложившейся ситуации. При комплексном оценивании неустойчивый уровень жизни выявлен у 65,2% домохозяйств с детьми и 48,5% – без детей. В случае одномерного анализа к числу характеризующихся неустойчивым уровнем жизни могли бы быть отнесены среди домохозяйств с детьми 70,0% по критерию сбережений, 94,2% по ПС по доходам и 96,7% по качеству жилищных условий; среди домохозяйств без детей – соответственно, 67,4%, 87,9% и 75,2%. Это означает, что масштабы неустойчивого уровня жизни среди домохозяйств в случае однокритериального измерения могли бы быть завышены почти в 1,5-2,0 раза, что исказило бы реальную ситуацию. Аналогично и масштабы устойчивого уровня жизни среди домохозяйств в случае однокритериального оценивания оказались бы кратко завышены: для домохозяйств с детьми – 0,3% в случае многокритериального оценивания и от 3,3% до 30,0% при однокритериальном измерении, для домохозяйств без детей – 2,4% против 12,1%-32,6%.

Предложенный в исследовании подход позволяет изучать проблематику уровня жизни через призму оценивания его (не)устойчивости на основе критериальных социальных стандартов, разграничивающих разные модели потребления, и конкретизировать её в следующих аспектах:

(1) *Социально-экономическое неравенство.* Предложенный автором подход позволяет оценивать расслоение, обусловленное (не)устойчивым уровнем жизни, выявлять на этой основе позиционирование групп в социально-экономических структурах, определяемых по различным критериальным основаниям (таблица 1). Так, по стандартам ПС по доходам ниже границы устой-

чивости позиционируются группы бедных (до 1 ПМ), низко- (1–2 ПМ) и обеспеченных ниже социально приемлемого уровня (2–3,7 ПМ), а выше – обеспеченные на социально приемлемом уровне (3,7–11 ПМ) и высокообеспеченные (11 ПМ и более). Таким образом, граница устойчивости «вписана» в нормативно-статистическую структуру распределения по денежным доходам.

Ранее проведённое исследование [3] позволяет сделать вывод, что выбранная граница устойчивости «вписывается» и в относительную (медианную) структуру распределения по денежным доходам. Она соответствует «переходу» от нижних групп к среднедоходным. При этом ПС групп, располагающихся у «границы перехода» в нормативно-статистической и относительной (медианной) структурах, сопоставима: выше/ниже границы устойчивости в этих двух объективных структурах располагаются группы с сопоставимыми стандартами жизни.

Однозначно определить границу устойчивости в субъективных структурах сложнее. Один из распространённых вариантов таких структур – выявление на основе самооценок финансового положения групп с разными стандар-

тами потребления по шкале от «Доходов не хватает даже на еду» до «Средств достаточно, чтобы купить всё, что считаем нужным». Полученные оценки на основе микроданных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата (таблица 3) показывают определённую неконсистентность структур при объективном и субъективном оценивании уровня жизни. Значительной является доля устойчивых по ПС по доходам среди тех, кому денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно (62,5%), и кому денег хватает на еду и одежду, но они не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования (75,4%). По объективным критериям (ПС по доходам свидетельствует об устойчивости уровня жизни) у этих групп домохозяйств не должно возникать затруднений с удовлетворением указанных потребностей (оплата жилищно-коммунальных услуг, покупка одежды, товаров длительного пользования). Здесь может иметь место влияние «фактора» достоверности сведений, сообщаемых респондентами, адекватности даваемых оценок реальному положению дел.

Таблица 3

Доля имеющих покупательную способность по душевым денежным доходам выше критериальной границы устойчивости уровня жизни в зависимости от самооценок положения

Table 3

The Proportion of Those with Purchasing Power per Capita Monetary Income Is Above the Criterion Limit of Sustainability, Depending on Self-assessments of the Situation

Самооценка финансового положения*	В % (2023 г.)	Самооценка по 9-балльной шкале («лестница» от «1» – «нищие» до «9» – «богатые»)**	В % (2024 г.)
Не хватает денег даже на еду (I)	–***	Низшая ступень (нищие)	0,8
Денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно (II)	62,5	2	2,6
Денег хватает на еду и одежду, но не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования (III)	75,4	3	7,3
Денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не могут позволить себе покупку автомобиля, квартиры, дачи (IV)	91,4	4	9,4
Средств достаточно, чтобы купить всё, что считают нужным (V)	95,2	5	11,5
		6	16,2
		7	15,0
		8	10,2
		Высшая ступень (богатые)	41,7

* Оценка на основе микроданных ОБДХ Росстата. В % по домохозяйствам.

** Оценка на основе микроданных 33 волны РМЭЗ. В % по населению.

*** Недостаточно наблюдений для проведения оценивания.

Источник: оценка автора.

В двух верхних группах по самооценкам финансового положения доля устойчивых по ПС по доходам превышает 90%, что говорит о сближении стандартов потребления при их объективном и субъективном оценивании. Устойчивость субъективной верхней группы (V) подкрепляется достаточностью средств для оптимального потребления, предшествующей ей группы (IV) – достаточностью средств для текущего потребления, но необходимостью привлечения сбережений для совершения крупных покупок. Соответственно, субъективная IV группа может располагаться у границы перехода от неустойчивости к устойчивости, V группа (верхняя) – «положительно» дистанцирована от данной границы.

При рассмотрении другой распространённой субъективной структуры («лестница «нищие» – «богатые») доля характеризующихся устойчивостью по ПС по доходам во всех кроме верхней группы незначительна (таблица 3). В группах с 4 по 6, которые идентифицируют группы со средним уровнем жизни [22], доля преодолевающих критериальную границу устойчивости варьирует от менее 10,0% до менее 20,0%. В верхней субъективной группе (богатые) доля таких наибольшая и составляет 41,7%. При этом доля позиционировавших себя в группах с 4 по 9, т.е. в средне- и вышеобеспеченных группах (выше границы устойчивости в социально-экономической структуре), составляет более 60%. Выявленные несоответствия объективного и субъективного измерения по данной шкале могут частично объясняться более комплексным оцениванием ситуации применительно к шкале «нищие» – «богатые», т.е. респонденты могли учитывать не только сложившуюся у них ситуацию с доходами, но и другие параметры (например, жилище и его качество).

В целом полученные результаты свидетельствуют в пользу нецелесообразности применения исключительно субъективного инструментария для оценивания уровня жизни. Восприятие субъективных шкал респондентами, позиционирование себя на данных шкалах может зависеть от степени развитости потребностей респондентов, их ценностей, эмоционального состояния в момент опроса и т.п. Субъективные структуры уровня жизни не пересекаются (частично пересекаются) с выявляемыми объективными измерителями. Расхождения объективно выявляемых показателей уровня жизни с субъективно воспринимаемыми свидетельствует в пользу дискуссионности вопроса доверия субъективным шкалам измерения уровня жизни.

Критериальные стандарты качества жилищных условий и сбережений для выявления (не) устойчивого уровня жизни также «вписываются» в социально-экономическую структуру, соответствуя границам перехода к группам со средним и выше уровнем жизни. Они коррелируются с применяемыми в других исследованиях для идентификации групп со средним уровнем жизни (т.н. средних классов) [22; 24; 25], что позволяет говорить о сопоставимых стандартах жизни в группах, выявляемых с точки зрения (не)устойчивости уровня жизни и социально-экономического неравенства.

(2) *Прекаризация*. Предложенный подход позволяет выявить ситуацию, характеризующую неустойчивость уровня жизни, и оказавшиеся в ней домохозяйства. Она сопряжена с уязвимостью, ненадежностью, вызванной объективными обстоятельствами, связанными с недоступностью социально приемлемых стандартов потребления, качества жилищных условий, с отсутствием финансового резерва для «страхования» на случай наступления рисков снижения стандартов потребления (снижение или потеря доходов).

Прекаризация является актуальной проблематикой современных исследований и наиболее всего проработана применительно к сфере занятости (неустойчивость (прекаризованность) занятости) (см., например [31; 32; 33]). Применительно к уровню жизни тема прекаризации проработана, прежде всего, в части качества условий проживания, в том числе жилища [7; 8; 9; 10; 11; 12; и др.]. В данном исследовании соединяются несколько аспектов, свидетельствующих об имеющейся прекаризации, – касающиеся условий проживания и ресурсов для обеспечения стандартов текущего потребления и страхования рисков их снижения.

Рассмотрение полученных результатов в ракурсе прекаризованности уровня жизни домохозяйств (таблица 4) позволяет сделать вывод, что у 48,5% домохозяйств без детей и 65,2% домохозяйств с детьми имеется высокая концентрация признаков прекаризации (по трем критериям не выполняются требования критериальных социальных стандартов). У 49,1% и 34,5% домохозяйств концентрация признаков (один-два) является умеренной. Как показано выше (таблица 2), чаще всего прекаризованность обусловлена недоступностью социально приемлемых стандартов по ПС по доходам и качеству жилищных условий.

Таблица 4

Соотнесение классификации домохозяйств по (не)устойчивости уровня их жизни и по его прекаризованности

Table 4

Correlation of Household Classification by (Un)sustainability of Their Standard of Living and by its Precarization

Классификация домохозяйств на основе оценивания (не)устойчивости уровня их жизни		Классификация домохозяйств на основе оценивания прекаризованности уровня их жизни		Доля группы среди домохозяйств без детей/ с детьми**
Наличие и число критериев, по которым домохозяйства не достигают критериальных социальных стандартов	Группы домохозяйств по (не)устойчивости уровня их жизни	Концентрация признаков прекаризации*	Группы домохозяйств по прекаризованности уровня жизни на основе концентрации признаков	
Критерии отсутствуют	Домохозяйства с устойчивым уровнем жизни	Признаки прекаризации отсутствуют	Домохозяйства с устойчивым (непрекаризованным) уровнем жизни	2,4%/0,3%
Имеются один или два из трёх*** критериев	Переходные группы домохозяйств	Умеренная концентрация признаков (один или два из трёх)	Переходные группы домохозяйств	49,1%/34,5%
Имеются все три критерия	Домохозяйства с неустойчивым уровнем жизни	Высокая концентрация признаков (три из трёх)	Домохозяйства с прекаризованным уровнем жизни	48,5%/65,2%

*О прекаризованности свидетельствует не достижение критериальных социальных стандартов.

** Оценка на основе микроданных 33 волны РМЭЗ.

*** Покупательная способность по душевым денежным доходам/ наличие и объём сбережений/ качество жилищных условий.

Источник: составлено автором.

(3) *Социальная мобильность*. Дифференциация понятий (не)устойчивости и (не)стабильности уровня жизни позволяет выделить динамический аспект его исследования, в практической (прикладной) плоскости обеспечить проведение мониторингового панельного наблюдения за ситуацией, отслеживая перемещение домохозяйств между группами с учётом изменения характеристик устойчивости. Этот аспект детализированно, с точки зрения количественных оценок, в данной работе не рассматривался. Вместе с тем, имеющиеся наработки в данном направлении позволяют говорить о важности данного ракурса исследований для составления «объёмной», более полной картины ситуации с уровнем жизни в домохозяйствах. Как выявлено нами в более ранних исследованиях [4], имеющаяся (на момент замера) характеристика (не)устойчивости положения домохозяйств результирует определённую динамику ситуации (для выбранного периода измерения): для одних домохозяйств (не)устойчивость их положения является стабильной характеристикой, для других – «благоприобретённой» в рассматриваемый период, т.е. их положение улучшилось/ухудшилось и приобрело

новое качество с точки зрения (не)устойчивости. Данный ракурс позволяет рассматривать ситуацию с (не)устойчивостью уровня жизни домохозяйств в контексте выявления «хронического» характера имеющейся неблагоприятной ситуации, «чувствительности» характеристики (не)устойчивости уровня жизни к различным «факторам» (например, временной – с течением времени, изменение ситуации в домохозяйствах в других сферах – изменение состава домохозяйства) и пр.

Развиваемый подход к изучению уровня жизни позволяет выработать дифференцированные меры государственной политики по повышению уровня жизни домохозяйств и его устойчивости. Как показали полученные оценки, значительная доля домохозяйств (с детьми – 65,2%, без детей – 48,5%) требуют комплексных мер регулирования в сфере повышения уровня жизни в связи с неустойчивостью их положения, обусловленных недостаточностью ресурсов для обеспечения социально приемлемых стандартов текущего потребления, жилищных условий и «страхования» от рисков снижения (утраты) устойчивости. В других группах домохозяйств ситуация требует

более «точечных» мер – для повышения устойчивости по одному (3,8% и 13,2%) или двум (30,7% и 35,9%) из критериев уровня жизни с учётом их конкретных сочетаний.

Предложенные в работе критериальные стандарты можно рассматривать в качестве «нормативной рамки», к которой целесообразно подтягивать фактические параметры уровня жизни домохозяйств для достижения его устойчивости. Она также может выступать ориентиром для актуализации применяемых в социальной политике нормативов в области регулирования уровня жизни.

Заключение

Полученные результаты развивают исследование уровня жизни домохозяйств в парадигме «устойчивость»–«неустойчивость». Научная новизна состоит в комплексном оценивании (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств на основе «нормативной рамки», включающей критериальные социальные стандарты ПС по доходам, сбережений, качества жилищных условий. Апробирование данного инструментария позволило провести классификацию домохозяйств по

(не)устойчивости уровня их жизни и получить количественные оценки их представленности среди домохозяйств. Выявлено, что устойчивый уровень жизни характеризует 0,3% домохозяйств с детьми и 2,4% домохозяйств без детей, неустойчивый уровень жизни – 65,2% и 48,5% домохозяйств, остальные домохозяйства (34,5% и 49,1%) находятся в переходных группах. Показано, что применение интегрального оценивания устойчивости уровня жизни позволяет уточнить оценки позиционирования домохозяйств по сравнению с однокритериальным оцениванием, что подтверждает выдвинутую гипотезу исследования.

В дальнейших исследованиях необходимо более предметно проработать динамический аспект устойчивости уровня жизни – (не)стабильность (не)устойчивости уровня жизни, её особенности для разных типов домохозяйств, на разных этапах жизненного цикла домохозяйств. Также актуальным является детальное рассмотрение детерминант (не)устойчивости уровня жизни домохозяйств (связанных с социально-демографическим составом, уровнем и качеством занятости в домохозяйствах и пр.).

Список источников

1. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Дестандартизация занятости: вызов или решение? // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 196–210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_5_196_210 EDN FPPXUQ
2. Кузина О.Е., Моисеева Д.В. Есть ли взаимосвязь между сберегательным поведением населения, доверием к финансовым институтам и установками на сбережение в современной России? // Экономическая социология. 2024. Том 25. № 3. С. 510100. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-3-51-100> EDN JKTOEG
3. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б. Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации населения по уровню жизни // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 3. С. 84–105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 EDN RXGWDH
4. Социально-трудовое положение российских домохозяйств с детьми (2022–2024 гг.): риски и возможности: [научная монография] / [авторский коллектив: Е. В. Одинцова, А. А. Гулюгина, Е. Е. Гришина [и др.]; под редакцией Е.В. Одинцовой. Ижевск: Шелест, 2025. 228 с. ISBN 978-5-908023-14-6 EDN WXJZVE
5. Demertzis M., Domínguez-Jiménez M., Lusardi A. The Financial Fragility of European Households in the Time of COVID-19. Policy Contribution. 2020;15:1-16.
6. Kleimeier S., Hoffmann A.O.I., Broihanne M.-H., et al. Determinants of Individuals' Objective and Subjective Financial Fragility During the COVID-19 Pandemic. Journal of Banking and Finance. 2023;153:106881. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2023.106881>
7. Waldron R. Generation Rent and Housing Precarity in Post Crisis Ireland. Housing Studies. 2021;38(2):181–205. <https://doi.org/10.1080/02673037.2021.1879998>
8. Clair A., Reeves A., McKee M., et al. Constructing a Housing Precariousness Measure for Europe. Journal of European Social Policy. 2019;29(1):13–28. <https://doi.org/10.1177/0958928718768334>
9. Chen H.Y., McFarlane C. Density and Precarious Housing: Overcrowding, Sensorial Urbanism, and Intervention in Hong Kong. Housing Studies. 2023;40(1):27–45. <https://doi.org/10.1080/02673037.2023.2280033>
10. Debrunner G., Hofer K., Wicki M., et al. Housing Precarity in Six European and North American Cities: Threatened by the Loss of a Safe, Stable, and Affordable Home. Journal of the American Planning Association. 2024;90(4):610–626. <https://doi.org/10.1080/01944363.2023.2291148>
11. Jaatsi M., Kymäläinen P. Navigating Precarity in Everyday (Sub)urban Space in Helsinki, Finland. City and Society. 2023;35(2):77–88. <https://doi.org/10.1111/ciso.12461>
12. Одинцова Е.В. Прекаризованность условий проживания населения: подходы к измерению и количественные оценки // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 184–196. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_1_184_196 EDN EFGOQY

13. Аникин В.А., Нагерняк М.А., Воронина Н.Д. Концепция благополучия в общественных науках // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 319–341. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2800> EDN BLUNWT
14. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> EDN WOQAYF
15. Социальная политика, уровень и качество жизни: словарь / под общ. ред. В.Н. Бобкова. 2-е изд., дополненное и переработанное. М.: ВЦУЖ; «Русаки», 2014. 409 с. ISBN 978-5-296-00577-4 EDN VUPCVP
16. Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. Измерение устойчивости домохозяйств: 1994–2017 гг. // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 1. С. 55–86. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7053> EDN YTSREB
17. Natarajan N., Newsham A., Rigg J., Suhardiman D. A Sustainable Livelihoods Framework for the 21st Century. *World Development*. 2022;155:105898. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2022.105898>
18. Preoteasa A.M., Sieber R., Budowski M., Suter C. Household Role in Coping with Precarious Work. Evidence from Qualitative Research in Urban Romania and Switzerland. *Social Change Review*. 2016;14(2):177-201. <https://doi.org/10.1515/scr-2016-0027>
19. Donou-Adonsou F., Leslie-Piper N. BNPL and Financial Fragility in U.S. Households. *Finance Research Letters*. 2025;86(A):108423. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.108423>
20. Гулюгина А.А., Чащина Т.В. Уровень жизни домохозяйств с детьми в современной России: факторы риска // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 556–571. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571 EDN SSXEEK
21. Гришина Е.Е. Материальное положение многодетных семей и факторы роста их доходов // Финансовый журнал. 2024. Том 16. № 1. С. 45–60. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60> EDN KMRVZJ
22. Средние классы в капиталистической России: [научная монография] / под ред. В.Н. Бобкова. Второе издание, стереотипное. М.: КноРус, 2019. 208 с. ISBN 978-5-406-00366-4 EDN VAISCV
23. Gulyugina A., Odintsova E. On the Economic Sustainability of Russian Households at a Socially Acceptable Level. *Stanovništvo*. 2024;62(2):267-291. <https://doi.org/10.59954/stnv.646>
24. Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3(27). С. 109–139. EDN UKWDDV
25. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Экон-Информ, 2008. 200 с. ISBN 978-5-9506-0370-9
26. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / под ред. Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 424 с. ISBN 978-5-7777-0873-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708731> EDN XJGBFE
27. Мареева С.В. Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 3–16. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090012> EDN QXFQCV
28. Gentili M., Hoekstra J. Homeownership Out of Reach? Intergenerational Transfers and Homeownership Reproduction in Middle Class Families in Rome, Italy. *Cities*. 2021;116:103277. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103277>
29. Розинская Н.А., Дробышевская Т.А. Количественные оценки межпоколенческой мобильности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5(57). С. 93–111. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-57-5-6> EDN TUQAJQ
30. Rohenkohl B. Intergenerational Income Mobility: New Evidence From the UK. *The Journal of Economic Inequality*. 2023;21:789-814. <https://doi.org/10.1007/s10888-023-09577-7>
31. Бобков В.Н. О концепции проблематики современной экономики труда // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 355–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 EDN COHNCQ
32. От precarious занятости к прекарнизации жизни: [коллективная монография] / Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, М.Б. Буланова [и др.]; под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Весь Мир, 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> EDN VOKUSY
33. Кученкова А.В. Прекарнизация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 1. С. 101–120. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840> EDN FSNBZJ

Информация об авторе:

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН (SPIN-код: 1866-4793) (ResearcherID: U-7061-2019)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Bobkov O.N., Veredyuk O.V. De-Standardisation of Employment: Challenge or Solution? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):196–210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_5_196_210 (In Russ.)
2. Kuzina O., Moiseeva D. Is There a Relationship Between Household Saving Behavior, Trust in Financial Institutions and Saving Attitudes in Contemporary Russia? *Journal of Economic Sociology*. 2024;25(3):51-100. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-3-51-100> (in Russ.)
3. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Kolmakov I.B. Normative-Statistical and Relative Median Approaches to the Study of Population Differentiation by Standard of Living. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*. 2025;(3):84-105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 (In Russ.)
4. Odintsova E.V. (ed.), Gulyugina A.A., Grishina E.E., et al. Social and Labour Position of Russian Households with Children (2022-2024): Risks and Opportunities. Scientific Monograph. Izhevsk: Publishing House Shelest; 2025. 228 p. ISBN 978-5-908023-14-6 (in Russ.)
5. Demertzis M., Domínguez-Jiménez M., Lusardi A. The Financial Fragility of European Households in the Time of COVID-19. *Policy Contribution*. 2020;15:1-16
6. Kleimeier S., Hoffmann A.O.I., Broihanne M.-H., et al. Determinants of Individuals' Objective and Subjective Financial Fragility During the COVID-19 Pandemic. *Journal of Banking and Finance*. 2023;153:106881. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2023.106881>
7. Waldron R. Generation Rent and Housing Precarity in Post Crisis Ireland. *Housing Studies*. 2021;38(2):181–205. <https://doi.org/10.1080/02673037.2021.1879998>
8. Clair A., Reeves A., McKee M., et al. Constructing a Housing Precariousness Measure for Europe. *Journal of European Social Policy*. 2019;29(1):13–28. <https://doi.org/10.1177/0958928718768334>
9. Chen H.Y., McFarlane C. Density and Precarious Housing: Overcrowding, Sensorial Urbanism, and Intervention in Hong Kong. *Housing Studies*. 2023;40(1):27–45. <https://doi.org/10.1080/02673037.2023.2280033>
10. Debrunner G., Hofer K., Wicki M., et al. Housing Precarity in Six European and North American Cities: Threatened by the Loss of a Safe, Stable, and Affordable Home. *Journal of the American Planning Association*. 2024;90(4):610–626. <https://doi.org/10.1080/01944363.2023.2291148>
11. Jaatsi M., Kymäläinen P. Navigating Precarity in Everyday (Sub)urban Space in Helsinki, Finland. *City and Society*. 2023;35(2):77–88. <https://doi.org/10.1111/ciso.12461>
12. Odintsova E.V. Precariousness of Living Conditions of the Population: Measurement Approaches and Quantitative Estimates. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):184-196. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_1_184_196 (in Russ.)
13. Anikin V.A., Nagernyak M.A., Voronina N.D. The Concept of Well Being in Social Sciences. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024;6:319-341. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2800> (in Russ.)
14. Bobkov V.N. (ex. ed.), Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F. (eds.), et al. *Uroven' i Kachestvo Zhizni Naseleniya Rossii: ot Real'nosti k Proektirovaniyu Budushchego*. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> (In Russ.)
15. Bobkov V.N. (ed.). *Social Policy, Standard and Quality of life*. Dictionary. Moscow: All-Russian Centre of Living Standard, Publishing House Rusaki; 2014. 409 p. ISBN 978-5-296-00577-4 (In Russ.)
16. Voronin G.L., Zakharov V.Y., Kozyreva P.M. Measuring the Stability of Households: 1994–2017. *Sotsiologicheskiy Zhurnal=Sociological Journal*. 2020;26(1):55-86. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7053> (in Russ.)
17. Natarajan N., Newsham A., Rigg J., Suhardiman D. A Sustainable Livelihoods Framework for the 21st Century. *World Development*. 2022;155:105898. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2022.105898>
18. Preoteasa A.M., Sieber R., Budowski M., Suter C. Household Role in Coping with Precarious Work. Evidence from Qualitative Research in Urban Romania and Switzerland. *Social Change Review*. 2016;14(2):177-201. <https://doi.org/10.1515/scr-2016-0027>
19. Donou-Adonsou F., Leslie-Piper N. BNPL and Financial Fragility in U.S. Households. *Finance Research Letters*. 2025;86(A):108423. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.108423>
20. Gulyugina A.A., Chashchina T.V. Standard of Living of Households with Children in Modern Russia: Risk Factors. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):556–571. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571 (In Russ.)
21. Grishina E.E. Financial Situation of Large Families and Factors of Their Income Growth. *Financial Journal*. 2024;16(1):45–60. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60> (In Russ.)
22. Bobkov V.N. (ed.). *Middle Classes in the Capitalist Russia*. Scientific Monograph. 2 ed., stereotip. Moscow: Publishing House KnoRus; 2019. 208 p. ISBN 978-5-406-00366-4 (In Russ.)
23. Gulyugina A., Odintsova E. On the Economic Sustainability of Russian Households at a Socially Acceptable Level. *Stanovnistvo*. 2024;62(2):267–291. <https://doi.org/10.59954/stnv.646>

24. Maleva T.M., Burdyak A.Ya., Tyndik A.O. Middle Classes at Different Stages of Life Course. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2015;(3(27)):109-139 (In Russ.)
25. Rossiiskie Srednie Klassy Nakanune i na Pike Ehkonomicheskogo Rosta. Moscow: Publishing House Ekon-Inform; 2008. 200 p. ISBN 978-5-9506-0370-9 (In Russ.)
26. Tikhonova N.E. (ed.). Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2022. 424 p. ISBN 978-5-7777-0873-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708731> (in Russ.)
27. Mareeva S.V. Monetary and Non- Monetary Inequalities in Modern Russian Society: Dynamics of the Recent Decade. *Sotsiologicheskie issledovaniy=Sociological Studies*. 2024;(9):3-16. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090012> (In Russ.)
28. Gentili M., Hoekstra J. Homeownership Out of Reach? Intergenerational Transfers and Homeownership Reproduction in Middle Class Families in Rome, Italy. *Cities*. 2021;116:103277. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103277>
29. Rozinskaya N.A., Drobyshevskaya T.A. Quantitative Estimates of Intergenerational Mobility. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=Journal of the New Economic Association*. 2022;(5(57)):93-111. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-57-5-6> (In Russ.)
30. Rohenkohl B. Intergenerational Income Mobility: New Evidence From the UK. *The Journal of Economic Inequality*. 2023;21:789-814. <https://doi.org/10.1007/s10888-023-09577-7>
31. Bobkov V.N. On the Concept of the Problems of Modern Labour Economics. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(3):355-370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_1_355_370 (In Russ.)
32. Toshchenko Zh.T. (ed.), Anisimov R.I., Belova N.I., et al. Ot Prekarnoi Zanyatosti k Prekarizatsii Zhizni. Coll. Monograph. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708861> (In Russ.)
33. Kuchenkova A.V. Employment Precarization and Subjective Well-Being of Employees in Different Age Groups. *Sotsiologicheskiy Zhurnal=Sociological Journal*. 2022;28(1):101-120. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8840> (in Russ.)

Information about the author:

Elena V. Odintsova – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 1866-4793) (ResearcherID: U-7061-2019)
The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Оригинальная статья
УДК 331.127:351.883(470)
JEL J31, J38, H75, H77, R12
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_7_105_116
EDN BXNIGQ

Региональная политика в области оплаты труда в бюджетной сфере: опыт Донецкой Народной Республики

Алексей Владимирович Половян¹, Карина Игоревна Синицына²

^{1,2} Институт экономических исследований, Донецк, Россия

¹ (polovyan@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-8570-6202>)

² (sinitsinak@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4893-5089>)

Аннотация

Исследование посвящено анализу системы оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений Донецкой Народной Республики в контексте её интеграции в социально-экономическое пространство Российской Федерации. Цель работы – комплексный анализ действующих нормативных правовых актов, регулирующих систему оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений в Донецкой Народной Республике, выявление их слабых мест и противоречий, а также формулирование практических предложений по совершенствованию системы оплаты труда с учётом принципов социальной справедливости, эффективности и устойчивости. В качестве методологической основы использованы правовой, сравнительно-правовой, статистический и институциональный анализ, дополненные качественным контент-анализом и экспертной оценкой. Эмпирическую базу составили Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 16.03.2023 г. № 17-2, федеральные и региональные нормативные акты, данные Росстата, отчёты Министерства труда и социальной политики Донецкой Народной Республики, а также аналитические материалы научных и экспертных источников за 2020–2025 гг. Установлено, что текущая система, несмотря на высокую детализацию выплат, воспроизводит диспропорции между отраслями и территориями, не обеспечивает достойного уровня заработной платы (в частности, в научной сфере – в 2–4 раза ниже, чем в соседних регионах РФ) и делает стимулирующие надбавки зависимыми от бюджетной конъюнктуры. Подтверждена гипотеза о том, что отсутствие устойчивых гарантий по индексации и прозрачных критериев оценки эффективности труда усиливает кадровую нестабильность и снижает качество публичных услуг. Выводы подчёркивают необходимость перехода к гибкой, но предсказуемой модели оплаты труда, основанной на обязательной индексации, дифференциации по квалификации и условиям труда, а также гармонизации федерального и регионального регулирования.

Ключевые слова: оплата труда, бюджетная сфера, региональная интеграция, стимулирующие выплаты, тарифная система, социальная справедливость, кадровая политика, индексация доходов, нормативно-правовое регулирование

Для цитирования: Половян А.В., Синицына К.И. Региональная политика в области оплаты труда в бюджетной сфере: опыт Донецкой Народной Республики // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 105–116. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_7_105_116
EDN BXNIGQ

RAR (Research Article Report)
JEL J31, J38, H75, H77, R12
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_7_105_116

Regional Wage Policy in the Public Sector: the Experience of the Donetsk People's Republic

Aleksey V. Polovyan¹, Karina I. Sinitsyna²

^{1,2} Economic Research Institute, Donetsk, Russia

¹ (polovyan@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-8570-6202>)

² (sinitsinak@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4893-5089>)

Abstract

This study examines the remuneration system for employees of state and municipal institutions in the Donetsk People's Republic within the context of its integration into the socio-economic space of the Russian Federation. The purpose of the work is a comprehensive analysis of the current legal and regulatory acts the remuneration system for employees of state and municipal institutions in the Donetsk People's Republic, identifying their weaknesses and contradictions, as well as formulating practical proposals to improve the remuneration system, taking into account the principles of social justice, efficiency and sustainability. The methodological framework combines legal and comparative legal analysis, statistical and institutional approaches, supplemented by qualitative content analysis and expert evaluation. The empirical basis includes Government Resolution of the Donetsk People's Republic dated 03/16/2023 No. 17-2, federal and regional regulatory acts, Rosstat data, reports from the Ministry of Labour and Social Policy of the Donetsk People's Republic, and analytical materials from academic and expert sources published between 2020 and 2025. The study finds that, despite the high level of detail in the current wage structure, the system perpetuates inter-sectoral and inter-regional disparities, fails to ensure a decent wage level (e.g., in the scientific sector, wages are 2–4 times lower than in neighboring regions of the Russian Federation), and ties incentive payments to volatile budgetary conditions. The hypothesis is confirmed that the lack of guaranteed, systematic indexation and transparent performance evaluation criteria exacerbates workforce instability and undermines the quality of public services. The findings underscore the need to transition toward a flexible yet predictable wage model grounded in mandatory income indexation, differentiation based on qualifications and working conditions, and harmonization between federal and regional regulatory frameworks.

© Половян Е.В., Синицына К.И., 2026

Keywords: remuneration, public sector, regional integration, incentive payments, tariff wage system, social equity, human resources policy, income indexation, legal and regulatory framework

For citation: Polovyan A.V., Sinitsyna K.I. Regional Wage Policy in the Public Sector: the Experience of the Donetsk People's Republic. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):105–116. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_7_105_116 (In Russ.)

Введение

Сложившийся в настоящее время дисбаланс на рынке труда во многом обусловлен экстенсивной моделью экономического роста, особенностью которой является ограничения на рост стоимости труда¹ [1; 2]. В этих условиях низкая стоимость труда также выступает как скрытый источник кредитования бизнеса и позволяет определённое время поддерживать высокие темпы роста. Однако любая модель экстенсивного роста ограничена имеющимися ресурсами (особенно трудовыми). И в этот период начинается конкуренция за ограниченный ресурс, которая и приводит к существенным дисбалансам. Стимулирование перетока трудовых ресурсов в приоритетные сектора экономики (в т.ч. путём государственного субсидирования) только усиливает данные тенденции. Безусловно, система оплаты (особенно в бюджетной сфере) не позволяет полностью устранить данное фундаментальное противоречие, однако может выступать инструментом его сглаживания, особенно для бюджетных учреждений. Тем не менее существующая система оплаты труда не только не нивелирует данные противоречия, но и усиливает их как в территориальном, так и в отраслевом разрезе.

Современные исследования оплаты труда в государственном секторе охватывают широкий спектр проблем – от межстрановых различий в уровнях заработной платы и премий до влияния институциональных факторов на коррупцию и социальную справедливость. Анализ представленных работ позволяет выделить несколько ключевых направлений.

1. *Государственный сектор и заработная плата.* Вопрос о существовании «премии» за работу в государственном секторе остаётся дискуссионным и сильно зависит от контекста. В случае Вьетнама, несмотря на более высокие средние заработные платы в публичном секторе, контроль за характеристиками работников и рабочих мест (через метод сопоставления по склонности) пока-

зывает, что на самом деле государственные служащие получают на 17,6–27,8% меньше, чем их коллеги в частном секторе, и при этом получают более низкую отдачу от человеческого капитала. Это сигнализирует о риске дефицита квалифицированных кадров в будущем [3].

2. *Роль институтов и эффективность мер по борьбе с коррупцией.* Исследование D.C. Guritno и соавторов ставит под сомнение популярную гипотезу о том, что повышение заработной платы в госсекторе снижает коррупцию [4]. На основе данных по 42 развивающимся странам авторы показывают, что укрепление институтов (особенно ограничений на власть правительства и прозрачности регулирования) действительно снижает коррупцию – но только на средних и высоких уровнях её распространённости. При этом заработная плата сама по себе, а также как модератор институционального эффекта, статистически значимого влияния не оказывает [4]. Это подтверждает, что антикоррупционная политика должна строиться на институциональных, а не чисто экономических мерах.

3. *Межрегиональные и межгрупповые различия в оплате труда.* В Китае значительный разрыв в заработной плате между сельскими мигрантами и местными городскими жителями объясняется не только индивидуальными характеристиками (образование, опыт), но и секторальной принадлежностью, гендерной дискриминацией и региональными особенностями [5]. Это подчёркивает важность комплексного подхода к анализу неравенства, учитывающего как рыночные, так и институциональные барьеры.

4. *Опыт стран Европы: связь модели роста и политики заработной платы.* В европейском контексте государственный сектор рассматривается не только как работодатель, но и как ключевой элемент модели экономического роста. В странах Средиземноморья (Франция, Италия, Испания, Португалия) до кризиса 2010-х гг. наблюдались разные модели регулирования заработной платы: централизованные (Франция, Португалия) против децентрализованные и фрагментированные (Италия, Испания). После кризиса все страны перешли к сдерживанию зарплат в госсекторе как инструменту «внутренней девальвации» [6]. Это

¹ Богатство, бедность и социальные лифты. Какой доход у россиян, есть ли шанс подняться // Новые известия [сайт]. URL: <https://newizv.ru/news/2025-04-07/bogatstvo-bednost-i-sotsialnye-lifty-kakoy-dohod-u-rossiyan-est-li-shans-podnyatsya-436428?ysclid=mbxcliqia473009219> (дата обращения: 12.11.2025).

подтверждает, что политика госзарботной платы тесно связана с макроэкономической стратегией и степенью централизации управления [7].

5. *Российская модель: дисбаланс и утрата справедливости.* В России реформа системы оплаты труда, начатая в 2008 г., привела к чрезмерной дифференциации зарплат за счёт роста переменной (стимулирующей) части – часто до 50% и более от общего дохода. Это, по мнению ряда исследователей (А.Л. Сафонова, Ю.В. Долженковой, О.В. Богачевой и О.В. Смородинова), нарушило принцип «равной оплаты за равный труд», снизило мотивацию и спровоцировало отток кадров из бюджетной сферы [8; 9]. Анализ эволюции системы оплаты труда в Российской Федерации показывает недостаточную гибкость и отсутствие научно обоснованных нормативов дифференциации [10; 11]. Вместе с тем Н.А. Волгиным подчёркивается необходимость поиска «золотой середины»: избегать как уравниловки, так и чрезмерного неравенства – например, опираясь на соотношение 1:3 как разумный предел дифференциации [12].

Однако значительная часть исследований имеет узкоспециализированный или ведомственный характер и не охватывает комплексную оценку всех уровней системы – от нормотворчества до практики применения на местах. Кроме того, многие исследования ориентированы на федеральный уровень, в то время как практика субъектов Российской Федерации, особенно новых территорий (как в случае с Донецкой Народной Республикой), требует отдельного анализа в силу специфики законодательства, ресурсных ограничений и социальной структуры занятости.

Объект исследования – система оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений Донецкой Народной Республики. Предмет исследования – нормативно-правовые акты и практики их применения, регулирующие размер, структуру и динамику заработной платы в бюджетной сфере Донецкой Народной Республики.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ действующих нормативных правовых актов, регулирующих систему оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений в Донецкой Народной Республике, выявление их слабых мест и противоречий, а также формулирование практических предложений по совершенствованию системы оплаты труда с учётом принципов социальной справедливости, эффективности и устойчивости.

В рамках достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать действующие нормативные акты, регулирующие систему оплаты тру-

да работников бюджетной сферы на федеральном и региональном уровнях;

2. Выявить противоречия и недостатки в существующей системе, с акцентом на конкретные случаи из региональной практики (например, Донецкой Народной Республики);

3. Предложить рекомендации по корректровке нормативной базы, формированию новой модели оплаты труда с высокой степенью предсказуемости, справедливости и дифференцированности.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что несогласованность федерального и регионального законодательства в системе оплаты труда в бюджетной сфере Донецкой Народной Республики приводят к росту социальной напряжённости, оттоку кадров и снижению качества публичных услуг. Внедрение унифицированной, но гибкой модели оплаты труда, учитывающей как федеральные стандарты, так и местные социально-экономические условия, позволит снизить вышеуказанные риски и укрепить социальную устойчивость региона.

Теоретические и методологические положения

Необходимость реформы системы оплаты труда в Российской Федерации обусловлена целым комплексом экономических, социальных и политических факторов. Реформирование является комплексной задачей и предполагает достижение ряда взаимосвязанных результатов, направленных на улучшение как экономических, так и социальных аспектов.

Экономический аспект актуальности реформы.

Во-первых, реформа системы оплаты труда призвана повысить производительность труда. Необходим переход от экстенсивной модели экономического роста к интенсивной, а важным фактором становится производительность труда. Российская экономика нуждается в постоянном увеличении эффективности использования трудовых ресурсов. Нынешняя система оплаты труда, во многих случаях, не стимулирует работников к максимальной отдаче и применению инновационных подходов в своей деятельности. Зачастую, размер заработной платы слабо связан с результатами труда, квалификацией и вкладом конкретного работника в общий успех предприятия². Реформа, направленная на установление чёткой взаимосвязи между этими параметрами, способна мотивировать работников к более качественному и производительному труду.

Во-вторых, реформа должна способствовать оптимизации затрат на оплату труда. Внедрение

² Не меньше проблемой в бюджетном секторе является наличие непроизводительных задач (например, постоянных и «бесцельных» отчётов).

более гибких систем оплаты, учитывающих специфику конкретных отраслей и предприятий, позволяет более эффективно распределять фонд оплаты труда и направлять средства на стимулирование наиболее квалифицированных и продуктивных работников.

В-третьих, реформа системы оплаты труда необходима для привлечения и удержания квалифицированных кадров. Конкуренция за таланты на рынке труда постоянно растет, и предприятия, предлагающие устаревшие и неконкурентоспособные системы оплаты труда, рискуют потерять лучших работников. Система оплаты труда должна обеспечивать достаточный уровень оплаты труда не только для опытных сотрудников, но и для молодых специалистов.

Социальный аспект актуальности реформы.

Во-первых, реформа системы оплаты труда призвана сократить неравенство в доходах. Разрыв между доходами самых богатых и самых бедных слоёв населения в России остаётся значительным и является источником социальной напряжённости [13-14]. Реформа, направленная на повышение минимального размера оплаты труда до уровня, обеспечивающего достойную жизнь, а также на стимулирование роста заработной платы низкооплачиваемых работников, может способствовать сокращению неравенства в доходах и повышению социальной справедливости.

Во-вторых, реформа должна обеспечить необходимый уровень жизни работников. Поскольку у наёмных работников заработная плата часто является основным источником дохода, то её размер должен обеспечивать возможность удовлетворения основных потребностей, принятых в обществе.

Использованные данные и методы работы с ними

В исследовании использован комплексный подход, сочетающий анализ нормативно-правовых актов, статистических данных и материалов экспертных оценок. Основу эмпирической базы составили официальные документы, регулирующие оплату труда работников государственных и муниципальных учреждений в Донецкой Народной Республике, в первую очередь – Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 16.03.2023 г. № 17-2 «Об оплате труда работников государственных и муниципальных учреждений Донецкой Народной Республики» (далее – Постановление №17-2)³, а также сопутствующие локальные акты, коллек-

тивные договоры и штатные расписания бюджетных организаций. Для сравнительного анализа были привлечены нормативные акты субъектов Российской Федерации (в частности, Республики Татарстан, Ростовской, Белгородской и Курской областей), а также федеральные правовые акты, включая Трудовой кодекс Российской Федерации и Указы Президента Российской Федерации.

Статистическая информация получена из открытых источников Федеральной службы государственной статистики, а также из официальных отчётов Министерства труда и социальной политики Донецкой Народной Республики.

Методологическую основу исследования составили: правовой анализ использован для выявления противоречий, пробелов и несогласованностей в нормативно-правовой базе; сравнительно-правовой метод применён для сопоставления региональной модели оплаты труда в Донецкой Народной Республике с практиками других субъектов Российской Федерации; статистический анализ использован для оценки динамики и структуры заработной платы, а также выявления территориальных и отраслевых диспропорций; институциональный анализ применён для интерпретации системы оплаты труда как элемента государственной кадровой и социальной политики; качественный контент-анализ использован при изучении положений Постановления № 17-2 и связанных с ним внутренних регламентов учреждений с целью выявления степени детализации, прозрачности и операциональности норм.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время в Российской Федерации прорабатывается реформа системы оплаты работников систем здравоохранения и образования. На пленарной сессии конгресса «Национальное здравоохранение» президент Владимир Путин призвал отказаться от привязки размера заработной платы медработников к средней зарплате в регионах⁴. Это ведёт к тому, что в зависимости от субъекта Российской Федерации она имеет значительные отличия.

До 2008 г. заработная плата работникам бюджетной сферы начислялась по единой тарифной сетке, где каждой должности присваивался свой разряд. Руководители бюджетных учреждений имели право выплачивать сотрудникам премии за счёт сэкономленных и дополнительно полученных средств. Этот подход во многом повторял советский и был эффективен в условиях эконо-

³ Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 16.03.2023 г. № 17-2 «Об оплате труда работников государственных и муниципальных учреждений Донецкой Народной Республики».

⁴ Президент выступил на пленарной сессии конгресса «Национальное здравоохранение 2024» // Администрация Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75433> (дата обращения: 12.11.2025).

мического кризиса и гиперинфляции, когда требовались быстрые индексации зарплат бюджетников в масштабах всей страны.

Затем прошла реформа, в ходе которой выплаты разбили на три части – оклад, компенсационную и стимулирующую части. Полномочия по определению их размера перешли в руки руководителей учреждений. В 2012 г. в рамках национальных проектов⁵ зарплата бюджетников была привязана к средней зарплате в регионах.

Новая система оплаты труда предполагает следующую структуру заработной платы:

50–60% – должностной оклад (рассчитывается через коэффициенты сложности труда и региональные коэффициенты);

20–30% – стимулирующие выплаты;

20% – компенсационные выплаты.

Анализ существующей системы оплаты труда работников бюджетных учреждений в целом по Российской Федерации позволяет выявить следующие недостатки.

Во-первых, одной из главных проблем в существующей модели оплаты труда является дисбаланс между окладной частью и выплатами компенсационного и стимулирующего характера. В большинстве случаев должностные оклады сотрудников бюджетной сферы составляют менее 30% общего дохода, что приводит к значительной вариативности заработной платы и зависимостью её от наличия финансовых средств и решений руководства учреждения. Такая ситуация способствует росту социального напряжения в коллективах, снижает прозрачность системы, делает её менее предсказуемой для работников и потенциально коррупциогенной.

Во-вторых, в процессе внедрения модели оплаты труда, действовавшей с 2008 г., были сделаны акценты на индивидуализацию оплаты, внедрение показателей эффективности, стимулирующих выплат. Однако на практике это часто приводило к формальному или субъективному подходу, когда премии распределялись не в соответствии с трудовым вкладом, а по административному усмотрению. Отсутствие единых методик оценки эффективности привело к недоверию работников к механизмам стимулирования.

В-третьих, как показал анализ региональных нормативных правовых актов, разработанных на новых принципах (например, Постановление №17-2), наблюдается множество системных и методологических недостатков, таких как отсутствие прозрачности в установлении тарифных коэффициентов, замороженность персональных доплат, несогласованность с общими принципа-

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

ми Трудового кодекса Российской Федерации и международными стандартами оплаты труда. Это приводит к формальному исполнению положений нормативных актов без достижения реального повышения мотивации и качества труда.

В-четвёртых, в условиях бюджетных ограничений и сокращения экономической активности снижается возможность бюджетных учреждений привлечь дополнительные источники финансирования, а значит поддерживать достойный уровень оплаты труда работников.

Кроме того, проведённый анализ «Единых рекомендаций на 2025 год»⁶ показывает, что в текущей модели сохраняется недифференцированность оплаты за труд равной ценности, не обеспечивается прозрачность аттестационных процедур и порядок назначения стимулирующих выплат. Механизмы оплаты труда для работников, осуществляющих дистанционную или смешанную форму занятости, внештатных специалистов, молодых специалистов или сотрудников, работающих в особых условиях (например, в условиях специальной военной операции), остаются нормативно нерешёнными или плохо регламентированными.

Как отмечено выше, в логике процесса реформирования системы оплаты труда в Донецкой Народной Республике принят региональный нормативный правовой акт, регулирующий оплату труда работников государственных и муниципальных учреждений, является Постановление №17-2. Документ разработан в соответствии со статьёй 144 Трудового кодекса Российской Федерации⁷ и ориентирован на унификацию, справедливость и прозрачность в расчётах заработной платы. Учитывая время принятия, данный документ можно также рассматривать как часть реформы и включивший идеи Минтруда Российской Федерации.

Постановление №17-2 утверждает Порядок и условия оплаты труда, Единую тарифную сетку и разряды по должностям, охватывающие весь спектр работников учреждений Донецкой Народной Республики, финансируемых из бюджета. Документ обязательный для исполнения и распространяется на все государственные и муниципальные учреждения, независимо от отрасли (образование, медицина, культура и др.).

Ключевая особенность – оплата труда состоит из трёх частей: обязательная часть (оклад), стимулирующие надбавки (например, учёная степень и

⁶ Решение Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 23.12.2024 г. протокол №10пр «Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2025 г.».

⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025 г.).

учёное звание) и компенсационные. Стимулирующие выплачиваются при наличии средств у учреждения.

К основным особенностям данного документа следует отнести:

1. Единая тарифная сетка как основа расчётов. Ключевая особенность – установление Единой тарифной сетки по 18 разрядам. Она определяет: базовый оклад 1-го разряда – 14 620 рублей; межразрядные коэффициенты, определяющие соотношения между разрядами;

единый подход ко всем категориям работников, обеспечивая принцип равенства и дифференциации оплаты по квалификации и сложности труда.

2. Жёсткие ограничения на рост фонда оплаты труда. Формирование фонда оплаты труда должно производиться в рамках утверждённых лимитов. При этом фонд оплаты труда не должен превышать более чем на 20% среднемесячные показатели за предыдущий год; индексация окладов допускается в рамках законодательства Донецкой Народной Республики (порядок индексации должен регламентироваться отдельным нормативным актом, который в настоящее время не принят).

Особенностью документа является то, что зарплата руководителей не может превышать зарплату рядового работника более чем в 8 раз.

3. Высокая детализация компенсационных и стимулирующих выплат. Постановление подробно регламентирует более 30 видов выплат компенсационного и поощрительного характера, которые носят как общеотраслевой, так и специфический аспект.

4. Отраслевой подход. Особое внимание уделено двум отраслям:

– в сфере здравоохранения максимально подробно прописаны доплаты и надбавки для врачей, медсестёр, фельдшеров, включая выплаты за COVID-19, туберкулез, психиатрию, судебно-медицинскую экспертизу, работу в «горячих точках» и пр. Охвачено более 100 подкатегорий медработников;

– в области образования предусмотрены детализированные выплаты за проверку тетрадей, классное руководство, кураторство, работу с детьми с ограниченными возможностями здоровья, надбавки за квалификационные категории и педагогический стаж и др.

Фактически, документ учитывает профессиональную специфику и условия труда работников двух отраслей, тогда как другие виды деятельности представлены слабо.

Постановление №17-2 позиционируется не только как финансовый регламент, а инструмент системной кадрово-экономической политики,

направленный на повышение управляемости, мотивации в оплате труда в бюджетной сфере. Перечисленные особенности делают его одной из наиболее детализированных и универсальных моделей на уровне субъекта Федерации.

Практическая реализация положений данного нормативного акта выявила ряд системных недостатков, влияющих на эффективность функционирования организаций бюджетной сферы. Предусмотренная данным документом возможность направлять экономию фонда оплаты труда на материальную помощь и иные социальные выплаты формально расширяет инструменты стимулирования работников, однако на практике данный механизм оказывается ограниченным. При сокращении бюджетного финансирования или невозможности заключения дополнительных договоров, объём доступных средств для выплат существенно снижается, что ведёт к сокращению фактических доходов сотрудников. Таким образом, заложенный в акте принцип гибкости в использовании фонда оплаты труда теряет свою действенность в условиях нестабильного финансирования.

Средняя заработная плата в сфере науки по Российской Федерации за период январь – июнь 2024 г. составила 132 тыс. руб.⁸ Средняя заработная плата научных сотрудников по близлежащим регионам к Донецкой Народной Республике за этот период составила: Белгородская область – 90 тыс. руб., Курская область – 95 тыс. руб., Ростовская область – 104 тыс. руб., Республика Крым – 95 тыс. руб., Краснодарский край – 110 тыс. руб. При этом средняя заработная плата сотрудников научных учреждений, финансируемых из республиканского бюджета Донецкой Народной Республики, по состоянию на 01.12.2024 г. составляет всего 33 тыс. руб., что значительно ниже, чем средняя по региону (49,6 тыс. руб.), а также научных учреждений, входящих в сферу управления Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (85 тыс. руб.). Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что цели принятия нормативного акта не достигнуты в полном объёме и не обеспечивают достижения социальной справедливости и достойного уровня оплаты труда в регионе.

Существенным недостатком является ориентация предусмотренной системой оплаты труда на стабильные макроэкономические условия. Нормативный акт не учитывает факторы, связанные с дефицитом квалифицированных кадров, ростом инфляции, снижением доходной части бюджетов и ограничениями в бюджетной поли-

⁸ Средняя заработная плата научных сотрудников // Росстат: [сайт]. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/02-24-11.xlsx> (дата обращения: 12.11.2025).

тике [15]. В условиях изменяющейся экономической конъюнктуры действующий порядок оплаты труда не обеспечивает оперативной адаптации к внешним вызовам. Это приводит к снижению мотивации работников, росту текучести кадров и ухудшению качественных показателей деятельности учреждений.

Проблема также усугубляется отсутствием нормативно закреплённых механизмов защиты фонда стимулирующих выплат. В научной сфере региона данным документом предусмотрен набор инструментов (выплаты стимулирующего характера – за научную степень, звание, стаж, сложность и напряжённость), позволяющих обеспечить достижение целевого показателя средней заработной платы для работников сферы науки в размере 200 % по экономике региона, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597⁹. Поскольку данные выплаты не носят обязательного характера и осуществляются за счет экономии и в пределах доведённого фонда оплаты труда учреждения, то при планировании бюджетных ассигнований на следующий период региональный орган исполнительной власти, который реализует государственную политику в сфере финансов, может отказать в финансировании выплат стимулирующего характера в полном объёме и рекомендовать оставить расходы на уровне предыдущего периода. Такой подход превращает стимулирующие меры в факультативные и непредсказуемые: при планировании бюджета на очередной период средства, направленные на премии и доплаты, могут быть уменьшены решением вышестоящих органов исполнительной власти (в т.ч. из-за отсутствия достаточных средств в региональном бюджете), что фактически нивелирует автономию учреждений в вопросах управления оплатой труда. В результате руководители учреждений оказываются вынуждены искать внутренние резервы, зачастую за счёт оптимизации численности персонала, что негативно отражается на устойчивости кадрового состава и качестве научных исследований. В таких условиях выполнение целевых показателей по заработной плате становится возможным только при снижении нагрузки на фонд оплаты труда за счёт уменьшения штата, перераспределения ставок или объединения должностей. Это формирует устойчивую тенденцию к перегрузке работников и демотивации персонала.

Дополнительной проблемой реализации нормативного акта является отсутствие обязательной индексации заработной платы работников в зависимости от уровня инфляции. В результате

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

реальные доходы сотрудников снижаются, что особенно заметно в периоды ускоренного роста потребительских цен. Отсутствие механизма индексации противоречит принципам сохранения покупательной способности заработной платы и приводит к постепенному снижению привлекательности работы в бюджетных организациях. Для высококвалифицированных специалистов это становится стимулом к переходу в коммерческий сектор или миграции в другие регионы, где предусмотрены более гибкие системы оплаты труда.

Важным ограничением является и применение в ряде учреждений Единой тарифной сетки, по которой заработная плата работников с тарифными разрядами седьмого и восьмого уровня оказывается ниже прожиточного минимума. Такая ситуация противоречит социально-экономическим принципам достойного вознаграждения труда и создаёт предпосылки для оттока кадров. Особенно остро данная проблема проявляется в учреждениях республиканского и муниципального подчинения, где возможности дополнительного финансирования минимальны.

Анализ практики отдельных регионов показывает, что на уровне субъектов Российской Федерации принимаются различные меры, направленные на частичную компенсацию приведённых недостатков. Так, например, в Республике Татарстан устанавливаются рекомендованные размеры фонда оплаты труда для выплат стимулирующего характера и премий, что позволяет планировать соответствующие расходы заранее и не зависеть от экономии¹⁰. В Луганской Народной Республике с 1 января 2025 г. должностной оклад (оклад, ставка заработной платы) первого разряда оплаты труда Единой тарифной сетки повышен до 15366 руб.¹¹, а в Запорожской области для работников 1–11 разрядов на 2025 г. в целях обеспечения заработной платы не ниже минимального размера оплаты труда предусмотрены дифференцированные по разрядам размеры дополнительного вознаграждения (ежемесячная доплата по разрядам)¹². Вместе с тем, отсутствие единых требований на федеральном уровне ведёт к разрыву в уровне оплаты труда между регионами и фак-

¹⁰ Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 31.05.2018 г. № 412 «Об условиях оплаты труда работников государственных образовательных организаций Республики Татарстан».

¹¹ Постановление Правительства Луганской Народной Республики от 06.06.2025 г. № 94/25 «О внесении изменения в постановление Правительства Луганской Народной Республики от 30.03.2023 г. № 36/23 «Об оплате труда работников государственных и муниципальных учреждений Луганской Народной Республики».

¹² Постановление Правительства Запорожской области от 12.09.2025 г. № 467 «Об оплате труда работников государственных и муниципальных учреждений Запорожской области».

тическому неравенству условий для работников научной сферы.

Не менее значимой проблемой реализации нормативного акта является отсутствие системной взаимосвязи между результатами деятельности учреждений и объёмом предоставляемого финансирования. Несмотря на декларативное закрепление принципов эффективности и результативности, фактическое распределение средств нередко осуществляется по инерционному принципу, исходя из прошлогодних показателей. Это снижает стимулы для повышения качества работы и внедрения инновационных подходов, так как дополнительное финансирование не гарантируется даже при достижении высоких результатов.

Реализация положений нормативного акта также сопряжена с рисками административного вмешательства. Отсутствие чётких и обязательных параметров финансирования стимулирующих выплат позволяет органам исполнительной власти регулировать уровень оплаты труда в «ручном режиме». Это создаёт предпосылки для избирательного подхода, не основанного на объективных показателях эффективности. Подобная практика приводит к формированию неравномерности условий труда между учреждениями, подведомственными различным ведомствам, и снижает общую управляемость системой. В ряде случаев такие решения могут приобретать характер лоббизма, когда повышение или сохранение выплат зависит от ведомственных интересов, а не от стратегических приоритетов развития региона.

В совокупности указанные недостатки демонстрируют наличие противоречий между целями

нормативного акта и механизмами его реализации. Заявленные принципы стимулирования, эффективности и гибкости не достигаются в силу ограниченности финансовых ресурсов, отсутствия обязательных гарантий и слабой адаптивности системы. Фактически реализация акта приводит к формированию дисбаланса между задачами повышения заработной платы и объективными возможностями учреждений, что проявляется в росте кадровых рисков, снижении мотивации и ограничении потенциала развития. Недостаточная согласованность между федеральным и региональным уровнями регулирования усиливает неоднородность системы оплаты труда и формирует зависимость её функционирования от субъективных решений административных структур.

Таким образом, действующий порядок реализации нормативного правового акта, регулирующего оплату труда работников бюджетных учреждений, характеризуется совокупностью институциональных, финансовых и организационных ограничений. Эти недостатки проявляются в отсутствии устойчивых источников стимулирующих выплат, несогласованности механизмов планирования и исполнения бюджета, слабой связи между результатами труда и вознаграждением, а также в высокой степени административной зависимости учреждений. Всё это свидетельствует о необходимости глубокого пересмотра подходов к регулированию оплаты труда в научной сфере и адаптации нормативной базы к современным экономическим реалиям.

Основные недостатки и возможные варианты решения приведены в таблице 1.

Таблица 1

Основные недостатки Постановления №17-2 и возможные пути их устранения

Table 1

Key shortcomings of Resolution No. 17-2 and possible ways to address them

№	Недостаток	Пояснение	Примеры	Необходимые изменения
1	Отсутствие чёткой шкалы межразрядных коэффициентов ¹³	В документе не раскрыты сами коэффициенты, а лишь метод расчёта на их основе	Работники не могут самостоятельно оценить переход на другой разряд	Включить таблицу межразрядных коэффициентов в приложение
2	Персональная доплата фиксирована на момент перехода	Это ведёт к «замораживанию» доплаты, независимо от последующего роста оклада	Работник может годами получать одинаковую доплату, несмотря на инфляцию	Обеспечить индексацию доплаты пропорционально росту окладов
3	Перекладывание ответственности за оценку соответствия званий и должностей на руководителя	Возможны субъективные решения	Проверяющие органы могут использовать исключительно формальный подход (например, по названию учреждения) и не согласиться с принятым решением руководителя	Предусмотреть процедуру по оценке соответствия

¹³ В Постановлении Правительства Донецкой Народной Республики от 16.03.2023 г. № 17-2 содержится приложение 2 «Единая тарифная сетка», включающее межразрядные коэффициенты. В таблице 1 подразумевается не отсутствие ЕТС как таковой, а отсутствие отдельной, наглядно структурированной шкалы межразрядных коэффициентов, удобной для аналитического и сравнительного анализа.

Окончание Таблицы 1

№	Недостаток	Пояснение	Примеры	Необходимые изменения
4	Неравномерность доплат для разных профессий	Сильно различаются надбавки при сопоставимом уровне ответственности и вредности	Врач – 25%, водитель – 70% за ту же работу (COVID-19)	Провести ревизию и установить справедливую шкалу по категориям
5	Индексация оплаты труда не привязана к конкретному индексу инфляции	Решение зависит от постановлений, а не объективных экономических показателей	В 2024 г. инфляция – 15%, индексация – 0%	Привязать индексацию к официальному индексу потребительских цен. Сделать её обязательной
6	Ограничение на рост фонда оплаты труда – 20%	Даже при объективной потребности учреждения не могут значительно поднять зарплаты	Увеличение объёма оказываемых услуг не влечёт роста оплаты	Перейти к дифференцированному подходу, учитывать рост нагрузки
7	Не описан порядок проведения оценки эффективности для премий	Премии зависят от эффективности, но методика не регламентирована	Руководитель может произвольно отказать в премии	Разработать единую методику оценки эффективности
8	Не включены нормы по дистанционной работе	Не указано, как учитывать надбавки и компенсации дистанционным работникам	Учителя, работающие онлайн, не получают компенсации за технику и связь	Добавить раздел о дистанционной работе и выплатах
9	Недостаточная гибкость в формировании индивидуальных надбавок	Указаны жёсткие пределы надбавок без возможности варьировать по региону/специфике учреждения	Сельская школа не может конкурировать по оплате с городской	Разрешить органам власти региона увеличивать пределы по ряду надбавок
10	Нет прозрачного механизма пересмотра тарификации	Пересмотр разрядов не привязан к изменению квалификации или объёма работы	Сотрудник повысил квалификацию, но оклад не изменился	Ввести ежегодную аттестацию с возможностью пересмотра разряда
11	Отсутствие ясной дифференциации по профессиональным квалификационным группам	В действующей системе может возникнуть ситуация, когда разные по сложности должности получают одинаковую оплату	Бухгалтер и сторож имеют разный уровень ответственности, но получают минимальный размер оплаты труда	Установить чёткие границы по профессиональным квалификационным группам и базовые ставки, обеспечивающие дифференциацию
12	Неопределённость порядка компенсаций за переработку и совмещение	Не прописаны формулы расчёта и сроки выплат	Работа в выходной день оплачивается с задержкой или вовсе игнорируется	Закрепить формализованный порядок расчёта и сроки оплаты переработок

Источник: разработано авторами.

Выводы

Проведённое исследование позволило установить, что действующая в Донецкой Народной Республике система оплаты труда работников бюджетной сферы находится в состоянии институциональной трансформации. Реформа, инициированная в ответ на объективные вызовы социально-экономического развития, продемонстрировала не только стремление государства к повышению эффективности использования трудовых ресурсов, но и наличие структурных противоречий между целями нормативного регулирования и механизмами их практической реализации.

1. Выявлено, что ключевым ограничением современной модели оплаты труда остаётся её зависимость от экстенсивных факторов экономического роста и бюджетных возможностей региона.

Сохранение административного подхода к формированию фонда оплаты труда, жёсткие лимиты его увеличения и отсутствие гибких инструментов перераспределения средств не позволяют учреждениям адекватно реагировать на изменение экономических условий и кадровых потребностей. Это препятствует переходу к интенсивной модели роста, основанной на повышении производительности и инновационной активности работников.

2. Анализ действующих нормативных актов, включая Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 16.03.2023 г. № 17-2, показал, что при всей его комплексности и охвате отраслей оно воспроизводит ряд системных недостатков прежней модели. Несмотря на детализированную структуру выплат, документ

не обеспечивает достаточной прозрачности и предсказуемости формирования заработной платы, а также не создаёт устойчивой мотивации к повышению квалификации и результативности труда. Преобладание стимулирующих выплат над окладной частью, отсутствие единых методик оценки эффективности и зависимость доплат от бюджетных ассигнований формируют институциональную нестабильность системы и усиливают социальное недовольство в коллективах.

3. Исследование подтвердило, что дисбаланс между регионами в уровне заработной платы работников бюджетной сферы сохраняется, а в отдельных случаях даже усиливается. Средняя заработная плата научных работников в Донецкой Народной Республике существенно отстаёт от аналогичных показателей Белгородской и Ростовской областей, что свидетельствует о недостаточной согласованности федерального и регионального регулирования. В результате формируется устойчивая тенденция миграции квалифицированных кадров и снижения привлекательности научной и педагогической деятельности, что в долгосрочной перспективе негативно отражается на развитии человеческого капитала.

4. Отсутствие нормативно закреплённого механизма индексации заработной платы в зависимости от темпа инфляции приводит к постепенной эрозии реальных доходов работников. Такая ситуация противоречит принципу сохранения покупательной способности труда и подрывает доверие к государственным гарантиям в сфере социальной политики. Кроме того, значительная часть работников низших тарифных разрядов получает заработную плату, не достигающую уровня прожиточного минимума, что фактически сводит на нет декларируемые цели реформы, направленные на обеспечение достойного уровня жизни.

5. Реализация реформы осложняется несбалансированностью между финансовыми возможностями учреждений и возлагаемыми на них обязательствами по достижению целевых показателей заработной платы. Поскольку стимулирующие выплаты осуществляются за счет экономии фонда оплаты труда, в условиях бюджетного дефицита они становятся инструментом формального выполнения нормативных требований, а не реальным механизмом повышения мотивации. Это подталкивает к стратегии сокращения численности персонала, объединению должностей и увеличению нагрузки, что безусловно отражается на качестве предоставляемых услуг.

6. Исследование показало, что существующая система оплаты труда предполагает высокий уровень административного вмешательства. Возможность «ручного» управления параметрами

фонда оплаты труда и стимулирующими выплатами со стороны вышестоящих органов создаёт предпосылки для неравномерности условий между учреждениями и ведомствами. Это снижает прозрачность системы, формирует зависимость учреждений от политико-административных решений и подрывает принципы автономии, декларированные в нормативных актах.

7. Сравнительный анализ региональной практики свидетельствует, что на уровне отдельных субъектов Федерации предпринимаются успешные попытки компенсировать недостатки базового регулирования за счет введения рекомендованных нормативов фонда стимулирующих выплат и разработки методических пособий для учреждений. Тем не менее отсутствие федеральных стандартов приводит к фрагментации подходов и дальнейшему углублению территориального неравенства. Необходима унификация ключевых параметров системы оплаты труда при сохранении региональной гибкости и отраслевой специфики.

8. Проведённое исследование подтвердило необходимость системной модернизации нормативно-правовой базы, регулирующей оплату труда работников бюджетной сферы. Предложенные в работе направления совершенствования – введение обязательной индексации, разработка единой методики оценки эффективности, пересмотр тарифных разрядов, упрощение структуры выплат и формализация порядка оплаты внештатных работников – способны повысить прозрачность и предсказуемость системы, а также укрепить её социальную справедливость.

В целом, полученные результаты позволяют утверждать, что действующая система оплаты труда в Донецкой Народной Республике и в Российской Федерации в целом нуждается в глубокой структурной адаптации к современным экономическим условиям. Необходим переход от формально-нормативной модели к функционально-результативной, в которой ключевым ориентиром становится не только соблюдение установленных коэффициентов и лимитов, но и реальное повышение эффективности, производительности и удовлетворённости работников.

Необходимо обратить внимание на синхронизацию федерального и регионального регулирования. Оптимальным может выступать подход, в рамках которого федеральные органы определяют базовые стандарты и принципы, а регионы – адаптируют их к собственным социально-экономическим условиям.

Оплата труда должна рассматриваться не как затратная статья бюджета, а как инвестиция в развитие человеческого капитала, производи-

тельности и инновационного потенциала. Реализация такой концепции требует формирования комплексной системы управления трудовыми ресурсами, включающей прогнозирование потребностей, развитие квалификаций, мониторинг занятости и обратную связь между результатами труда и экономическим вознаграждением.

Таким образом, подтверждена гипотеза исследования, которая заключается в предположении, что несогласованность федерального и регионального законодательства в системе оплаты труда в бюджетной сфере Донецкой Народной Республики приводят к росту социальной напряжённости, оттоку кадров и снижению качества публичных услуг. Проведённое исследование позволило не только выявить основные дисфункции действующей системы оплаты труда, но и

определить направления её совершенствования. Комплексная модернизация нормативной правовой базы, усиление прозрачности и предсказуемости механизмов оплаты, внедрение инструментов обязательной индексации и результативного стимулирования создадут предпосылки для перехода к справедливой, устойчивой и мотивирующей модели вознаграждения труда в бюджетной сфере. Достижение этих целей возможно лишь при системном взаимодействии федеральных и региональных органов власти, научного сообщества и профессиональных объединений работников. Только при таком подходе реформа оплаты труда сможет стать не формальной мерой, а реальным инструментом социально-экономического развития и укрепления человеческого капитала страны.

Список источников

1. *Соболев Э.Н.* Оплата труда в Российской экономике: тенденции и проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 79–96. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00006> EDN YLZLA.T
2. *Соболева И.В., Соболев Э.Н.* Благополучие работников в трудodeфицитной экономике // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 5. С. 7–26. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_7_26 EDN VUAMOV
3. *Phan P., O'Brien M.* Is There a Public Sector Wage Premium in Vietnam? New Evidence From the Vietnam Household Living Standard Survey. *Australian Economic Papers*. 2025;64(3):345–355. <https://doi.org/10.1111/1467-8454.12399>
4. *Guritno D.C., Kurniawan M.L.A., Mangkunegara I., et al.* Do Public Sector Wages Moderate the Impact of Institutional Strengthening on Corruption? *Journal of Financial Crime*. 2025;32(5):976–993. <https://doi.org/10.1108/JFC-12-2024-0381>
5. *Ma H.* Determinants of the Wage Gap between Migrants and Local Urban Residents in China: 2002–2013. *Modern Economy*. 2016;7(7):786–798. <https://doi.org/10.4236/me.2016.77081>
6. *Di Carlo D., Molina O.* Same Same but Different? The Mediterranean Growth Regime and Public Sector Wage-Setting Before and After the Sovereign Debt Crisis. *European Journal of Industrial Relations*. 2023;30(1):31–53. <https://doi.org/10.1177/09596801231183787>
7. *Di Carlo D., Ibsen C.L., Molina O.* The New Political Economy of Public Sector Wage-Setting in Europe: Introduction to the Special Issue. *European Journal of Industrial Relations*. 2023;30(1):5–30. <https://doi.org/10.1177/09596801231218673>
8. *Сафонов А.Л., Долженкова Ю.В.* Оплата труда в бюджетной сфере: состояние и тенденции развития // Социально-трудовые исследования. 2022. Том 46. № 1. С. 64–71. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-46-1-64-71> EDN TUIBBQ
9. *Богачева О.В., Смородинов О.В.* Нарушение баланса в структуре оплаты труда работников федеральных учреждений // Финансовый журнал. 2020. Том 12. № 6. С. 113–125. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-113-125> EDN ZBDANF
10. *Пуляева В.Н., Иванова И.А.* Эволюция системы оплаты труда работников бюджетной сферы // Креативная экономика. 2021. Том 15. № 5. С. 1897–1912. <https://doi.org/10.18334/ce.15.5.112120> EDN XIMIAR
11. *Жуков А.Л.* Современные методы регулирования заработной платы: [монография]. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 412 с. ISBN 978-5-4475-9638-5
12. *Волгин Н.А.* Неравенство и уравнительность в оплате труда: тенденции и противоречия // Социально-трудовые исследования. 2020. Том 38. № 1. С. 5. EDN PREOSJ
13. *Гордеева И.А.* Повышение эффективности распределения доходов как средство преодоления социального неравенства и бедности // *Oeconomia et Jus*. 2024. № 3. С. 25–31. <https://doi.org/0.47026/2499-9636-2024-3-25-31> EDN LYQCEY
14. *Луппов А.Б., Суринов А.Е.* Фактор места проживания в анализе доходного неравенства населения в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 29. № 2. С. 248–278. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2025-29-2-248-278> EDN CWWVQQG
15. *Половян А.В., Сеницына К.И.* Ключевые аспекты интеграции Донецкой Народной Республики в социально-экономическое пространство Российской Федерации // Россия: общество, политика, история. 2024. Том 11. № 2(11). С. 146–172. [https://doi.org/0.56654/ROPI-2024-2\(11\)-146-172](https://doi.org/0.56654/ROPI-2024-2(11)-146-172) EDN NTKWQD

Информация об авторах:

Алексей Владимирович Половян – доктор экономических наук, доцент, директор, Институт экономических исследований (SPIN-код: 1032-1859) (ResearcherID: S-8479-2017) (Scopus Author ID: 57200791954)

Карина Игоревна Синицына – кандидат экономических наук, заведующая отделом междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров, Институт экономических исследований (SPIN-код: 2749-9386) (ResearcherID: R-3091-2017)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Карина Игоревна Синицына.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Sobolev E.N. Remuneration of Labor in the Russian Economy: Trends and Challenges. *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk=Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2018;(5):79-96. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00006> (In Russ.)
2. Soboleva I.V., Sobolev E.N. Employee Well-Being in a Labor-Deficit Economy. *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk=Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(5):7-26. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_5_7_26 (In Russ.)
3. Phan P., O'Brien M. Is There a Public Sector Wage Premium in Vietnam? New Evidence From the Vietnam Household Living Standard Survey. *Australian Economic Papers*. 2025;64(3):345–355. <https://doi.org/10.1111/1467-8454.12399>
4. Guritno D.C., Kurniawan M.L.A., Mangkunegara I., et al. Do Public Sector Wages Moderate the Impact of Institutional Strengthening on Corruption? *Journal of Financial Crime*. 2025;32(5):976–993. <https://doi.org/10.1108/JFC-12-2024-0381>
5. Ma H. Determinants of the Wage Gap between Migrants and Local Urban Residents in China: 2002–2013. *Modern Economy*. 2016;7(7):786–798. <https://doi.org/10.4236/me.2016.77081>
6. Di Carlo D., Molina O. Same Same but Different? The Mediterranean Growth Regime and Public Sector Wage-Setting Before and After the Sovereign Debt Crisis. *European Journal of Industrial Relations*. 2023;30(1):31-53. <https://doi.org/10.1177/09596801231183787>
7. Di Carlo D., Ibsen C.L., Molina O. The New Political Economy of Public Sector Wage-Setting in Europe: Introduction to the Special Issue. *European Journal of Industrial Relations*. 2023;30(1):5–30. <https://doi.org/10.1177/09596801231218673>
8. Safonov A.L., Dolzhenkova Yu.V. Remuneration in the Public Sector: State and Development Trends. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2022;46(1):64–71. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-46-1-64-71> (In Russ.)
9. Bogacheva O.V., Smorodinov O.V. Disbalance in Pay Structure of Employees in Federal Budgetary Institutions. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*. 2020;12(6):113–125. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-113-125> (In Russ.)
10. Pulyaeva V.N., Ivanova I.A. Evolution of the System of Remuneration of Public Sector Employees. *Kreativnaya ehkonomika=Creative Economy*. 2021;15(5):1897–1912. <https://doi.org/10.18334/ce.15.5.112120> (In Russ.)
11. Zhukov A.L. *Sovremennye Metody Regulirovaniya Zarabotnoi Platy*. Monograph. Moskva; Berlin: Publishing House Direkt-Media; 2019. 412 p. ISBN 978-5-4475-9638-5 (In Russ.)
12. Volgin N.A. Neravenstvo i Uravnitel'nost' v Oplate Truda: Tendentsii i Protivorechiya. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2020;38(1):5. (In Russ.)
13. Gordeeva I.A. As a Means of Overcoming Social Inequality and Poverty. *Oeconomia et Jus*. 2024;(3):25-31. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-3-25-31> (In Russ.)
14. Luppov A.B., Surinov A.E. The Household Residence Factor in the Analysis of Income Inequality in Russia. *Ehkonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki=The Economic Journal of the Higher School of Economics*. 2025;29(2):248-278. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2025-29-2-248-278> (In Russ.)
15. Polovyan A.V., Sinitsyna K.I. Key Aspects of the Integration of the Donetsk People's Republic into the Economic Space of the Russian Federation. *Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya=Russia: Society, Politics, History*. 2024;(2(11)):146-172. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-2\(11\)-146-172](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-2(11)-146-172) (In Russ.)

Information about the authors:

Aleksey V. Polovyan – Doctor of Economics, Associate Professor, Director, Economic Research Institute (SPIN-code: 1032-1859) (RSCI Author ID: 819830) (ResearcherID: S-8479-2017) (Scopus Author ID 57200791954)

Karina I. Sinitsyna – PhD in Economics, Head of the Department of Interdisciplinary Scientific Research, Innovation and Training of Scientific and Pedagogical Staff, Economic Research Institute (SPIN-code: 2749-9386) (RSCI Author ID: 951988) (ResearcherID: R-3091-2017)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Karina I. Sinitsyna.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 10.03.2026.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 311, 314.42

JEL J11, I15

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_8_117_141

EDN CCRUXC

Внутрирегиональные особенности смертности в разных типах городских и сельских поселений Республики Башкортостан

Сюембика Рашидовна Хазипова

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

(www.suembika@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-2191-0471>)

Аннотация

Снижение территориального неравенства в показателях смертности выступает приоритетной задачей демографической политики России. Несмотря на актуальность проблемы, внутрирегиональные различия в структуре смертности остаются недостаточно изученными. Целью исследования является выявление внутрирегиональных особенностей смертности в разных типах городов и сел Республики Башкортостан. Эмпирическую базу исследования составили данные Росстата за 2011–2023 гг. Методологический инструментарий включает расчёт стандартизованных коэффициентов смертности (для элиминирования влияния возрастной структуры), построение таблиц смертности, а также применение метода декомпозиции для количественной оценки вклада отдельных возрастных групп и причин смерти в территориальные различия. Анализ проведён в разрезе пяти периодов, включая пандемический (2020–2021 гг.) и восстановительный (2022–2023 гг.) этапы. Анализ показал, что в период 2011–2019 гг. во всех типах поселений наблюдался устойчивый рост продолжительности жизни. Однако пандемия COVID-19 (2020–2021 гг.) привела к значительному снижению ОПЖ, обусловленному ростом смертности как в пожилых, так и в младших возрастных группах. В восстановительный период (2022–2023 гг.) рост продолжительности жизни возобновился за счёт снижения смертности пожилого населения, а также сокращения потерь от болезней системы кровообращения и органов дыхания. Установлено, что наиболее высокие показатели ОПЖ характерны для крупных урбанизированных центров (Уфа, Нефтекамск, Октябрьский, Салават), тогда как наиболее низкие показатели ОПЖ характерны для малых и средних городов (так называемых «других городов») и сельских территорий. Полученные результаты подтверждают необходимость дифференцированного подхода к демографической политике с учётом типа поселения.

Ключевые слова: смертность, причины смерти, национальный проект, регион, Республика Башкортостан, ожидаемая продолжительность жизни, городское население, сельское население

Для цитирования: Хазипова С.Р. Внутрирегиональные особенности смертности в разных типах городских и сельских поселений Республики Башкортостан // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 117–141. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_8_117_141 EDN CCRUXC

RAR (Research Article Report)

JEL J11, I15

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_8_117_141

Intraregional Mortality Patterns in Different Types of Urban and Rural Settlements of the Republic of Bashkortostan

Syuembika R. Khazipova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

(www.suembika@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-2191-0471>)

Abstract

Reducing territorial inequality in mortality indicators is a priority task of Russia's demographic policy. Despite the relevance of the problem, intraregional differences in structure of mortality remain insufficiently studied. The purpose of this study is to identify the intraregional characteristics of mortality in different types of cities and villages in the Republic of Bashkortostan. The empirical basis of the research consists of Rosstat data for 2011–2023. The methodological toolkit includes the calculation of age-standardized mortality rates (to eliminate the effect of age structure), construction of life tables, and the application of decomposition methods to quantitatively assess the contribution of individual age groups and causes of death to territorial differences. The analysis was conducted across five periods, including the pandemic (2020–2021) and recovery (2022–2023) stages. The analysis showed that during 2011–2019, all types of settlements experienced steady growth in life expectancy. However, the COVID-19 pandemic (2020–2021) led to a significant decline in LE, driven by increased mortality in both elderly and younger age groups. In the recovery period (2022–2023), growth in life expectancy resumed due to reduced mortality among the elderly population, as well as declines in mortality from the circulatory system and respiratory organs. It was established that the highest LE indicators are characteristic of large urbanized centers (Ufa, Neftekamsk, Oktyabrsky, Salavat), whereas the lowest LE indicators are characteristic of small and medium-sized cities (so-called «other cities») and rural territories. The results obtained confirm the necessity of a differentiated approach to demographic policy taking into account settlement type.

Keywords: mortality, causes of death, national project, region, Republic of Bashkortostan, life expectancy, urban population, rural population

© Хазипова С.Р., 2026

For citation: Khazipova S.R. Intraregional Mortality Patterns in Different Types of Urban and Rural Settlements of the Republic of Bashkortostan. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):117–141. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_8_117_141 (In Russ.)

Введение

Смертность населения является одним из ключевых демографических показателей, отражающих состояние здоровья общества и проблемы социально-экономического развития территории. В Российской Федерации наблюдаются значительные региональные различия в уровне смертности, в том числе между городскими и сельскими территориями.

Исследование региональных и поселенческих особенностей смертности остаётся одним из ключевых направлений демографической науки, поскольку данный показатель интегрирует характеристики здоровья населения и устойчивости социально-экономического развития территорий.

Республика Башкортостан характеризуется ярко выраженной внутрирегиональной неоднородностью, обусловленной как социальными, так и инфраструктурными факторами. Регион представляет особый интерес благодаря большой численности населения и сложному административно-территориальному устройству, включающему различные типы городов и значительную долю сельского населения.

Башкортостан является одним из крупнейших регионов Российской Федерации, с населением свыше 4 миллионов человек. Административно-территориальное деление республики включает 54 района, 21 город, 2 рабочих посёлка, 828 сельсоветов и 4538 сельских населённых пунктов (включая населённые пункты без постоянного населения)¹. Регион входит в первую «двадцатку» по доле сельского населения (37,5%) среди всех субъектов Российской Федерации².

Изучение региональных особенностей в уровне и структуре смертности в городах и сельских поселениях Республики Башкортостан приобретает особую актуальность в контексте основных задач демографической политики региона и необходимости учёта имеющихся различий в процессе реализации и последующего мониторинга ключевых направлений социально-экономического и демографического развития.

¹ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 29.12.2006 г. № 391 «Об утверждении Реестра административно-территориальных единиц и населённых пунктов Республики Башкортостан (с изменениями на 6 декабря 2021 года)».

² Численность населения // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 18.02.2025).

Теоретические основы интерпретации смертности как индикатора социально-экономического развития были заложены в работах Амартии Сена, который рассматривал уровень смертности как отражение общественного благосостояния и институциональной эффективности [1].

Эта концепция получила развитие и углубление в отечественной демографической науке. С.А. Новосельский, основоположник русской санитарной и демографической статистики, уже в начале XX века разработал методологию, в которой уровень и структура смертности по причинам рассматривались как прямое отражение условий жизни и социально-экономического положения населения. В своём фундаментальном исследовании «Влияние экономических условий на частоту отдельных причин смерти» Новосельский впервые применил метод анализа дифференциации смертности по причинам в разрезе социально-экономических характеристик (семейное положение, национальность, род занятий, тип поселения). Разработанная им методология – построение полных таблиц смертности и её декомпозиция по причинам – заложила основы отечественной региональной демографии [2].

В российской научной литературе современный этап развития этого подхода представлен в трудах Т.Н. Тополевой, анализирующей взаимосвязь региональной политики и демографических рисков [3]. Также в работах А.Е. Щура и С.А. Тимонина, предложивших концепцию «центр-периферийных различий» в смертности. Их подход демонстрирует, что территориальное неравенство в продолжительности жизни структурировано иерархией поселений и определяется дифференцированной доступностью специализированной медицинской помощи [4; 5].

Современные эмпирические исследования утверждают, что устойчивые различия в уровне смертности между городской и сельской местностью в полной степени зависят от уровня урбанизации и степени социально-экономического развития [6; 7].

Российские исследователи, в т.ч. С.В. Захаров и М.Б. Денисенко, подтверждают устойчивость различий демографических показателей между городским и сельским населением, обозначая взаимосвязь социально-экономического положения территорий с демографическими показателями

[8; 9]. Авторы утверждают, что выравнивание демографического и социально-экономического развития между регионами – это одна из центральных задач российской демографической политики, необходимая для стабилизации ситуации в периферийных территориях.

Однако применение указанных подходов для анализа малых территорий сталкивается с существенными методологическими вызовами. Работы А.Е. Щура, С.А. Тимонина и Г.А. Марычева выявили критическую проблему: сопоставимость региональных данных по причинам смерти существенно нарушена различиями в практике кодирования причин смерти [10]. Исследования В.В. Юмагузина и М.В. Винника показали, что качество кодирования причин смерти варьируется между территориями – проблема особенно остра в пандемийные периоды, когда смерти от COVID-19 кодировались как смерти от респираторных заболеваний [11]. Для преодоления этих ограничений в анализе малых территорий применяются методы, разработанные Ждановым и другими исследователями, которые используют двумерные модели для разложения различий по возрасту и причинам смерти [12; 13; 14].

Республика Башкортостан, обладающая выраженной внутрирегиональной неоднородностью, представляет идеальный объект для апробации этих методологических подходов. По данным башкирских исследователей, крупные городские агломерации, включая Уфимскую, характеризуются более низкими уровнями смертности и развитой инфраструктурой здравоохранения, тогда как сельские территории отличаются повышенными показателями смертности от внешних причин [15; 16]. Мужчины трудоспособного возраста демонстрируют наибольшие потери лет жизни в периферийных территориях [17; 18].

Авторы монографического исследования «Республика Башкортостан: Демографический доклад» показывают, что территориальные различия в смертности сохраняются на протяжении десятилетий [19]. Высокоурбанизированные зоны в Республике Башкортостан характеризуются лучшей обеспеченностью медицинскими услугами и меньшими показателями преждевременных смертей, тогда как сельские районы Башкирии испытывают совокупное воздействие инфраструктурных, поведенческих и социально-экономических ограничений.

Концептуальные направления снижения смертности в Башкортостане отражены в исследовании, посвящённом реализации Концепции демографической политики Республики Башкортостан до 2025 года. В нём подчёркивается необходимость дифференцированной демографической политики, уделяющей внимание различиям по типам по-

селений, развитию инфраструктуры здравоохранения и межведомственной координации [20].

Совокупность рассмотренных источников и научной литературы позволяет сделать вывод о том, что смертность и продолжительность жизни в малых территориях как в России, так и в Республике Башкортостан определяются системными факторами: уровнем урбанизации, доступностью медицинской инфраструктуры, социально-экономическим контекстом и поведенческими рисками. Общие методологические подходы базируются на сочетании демографического анализа с пространственной статистикой и для повышения точности оценок требуют дальнейшего применения моделей для малых территориальных единиц.

Несмотря на значительный объём проведённых исследований в области региональной демографии, во-первых, внутрирегиональная дифференциация смертности в субъектах Российской Федерации с выраженной пространственной неоднородностью остаётся недостаточно изученной. Подавляющее большинство работ сосредоточено на макроуровне анализа, сравнивая демографические показатели между субъектами, что ограничивает возможность разработки эффективной территориальной дифференцированной политики.

Во-вторых, существующие исследования, как правило, фиксируют сам факт территориальных различий в смертности, однако вопрос о конкретных механизмах их формирования остаётся малоизученным. Остаются нерешёнными следующие вопросы: какие возрастные группы вносят наибольший вклад в разрыв ОПЖ между типами поселений и какие причины смерти выступают ключевыми детерминантами неравенства.

Поэтому целью настоящей работы является выявление внутрирегиональных особенностей смертности в разных типах городов и сёл Республики Башкортостан.

В качестве объекта исследования выступают население больших, средних и малых городов, а также сельские поселения Башкортостана. Предметом научного анализа являются особенности и различия в смертности населения в вышеназванных типах поселений республики.

Гипотеза исследования основывается на существовании в Республике Башкортостан устойчивого пространственного градиента смертности, детерминированного иерархией системы расселения (модель «центр–периферия»). Предполагается, что региональный центр (г. Уфа) и крупные города реализуют «городское преимущество», демонстрируя более высокую ожидаемую продолжительность жизни. Напротив, малые города и сельские территории, представляющие собой «периферию», характеризуются повышенным уровнем смертности.

Задачи исследования:

1. Проанализировать тенденции ожидаемой продолжительности жизни (с 2011 по 2023 гг.) в разных типах городов и сельских поселений Республики Башкортостан;

2. Оценить вклад отдельных возрастных групп и анализируемых причин смерти во внутрирегиональное неравенство в продолжительности жизни населения Республики Башкортостан;

3. Определить особенности структуры смертности населения по причинам смерти в разных типах городов и сельской местности Республики Башкортостан.

Теоретические и методологические положения

Анализ различий в уровне смертности между городскими и сельскими поселениями Республики Башкортостан опирается, прежде всего, на теорию «центр–периферия» Дж. Фридмана [21]. Применительно к демографии этот подход объясняет разницу в показателях смертности через устройство системы расселения. Исследование исходит из гипотезы, что крупные города («центры») благодаря развитой медицине и экономическим ресурсам создают так называемое «городское преимущество» для здоровья жителей и, следовательно, для продолжительности их жизни. Напротив, «периферия» – малые города и сельские территории – из-за ограниченного доступа к высокотехнологичной медицинской помощи и более низкого уровня жизни сталкивается с более высокими рисками смертности.

Валидность данной модели подтверждена в трудах А.Е. Щура [4; 5], исследовавшего поляризацию смертности на макроуровне – в масштабах Российской Федерации. В настоящей статье, в отличие от указанных работ автора, фокус исследовательского внимания смещён на субрегиональный (внутрирегиональный) уровень. Это предполагает детальный анализ диспропорций смертности непосредственно внутри субъекта страны, что позволяет выявить специфику разрыва в показателях между различными типами его поселений.

Для интерпретации социальной сущности выявленных пространственных различий теоретическая рамка исследования дополнена концепцией Амартия Сена [1]. Согласно данному подходу, уровень смертности выступает ключевым индикатором экономической эффективности и социального благополучия общества. Следовательно, территории с более низкими уровнями смертности интерпретируются как зоны более высокого качества жизни, тогда как повышенная смертность сигнализирует о системных провалах в социально-экономическом развитии и накопленном неравенстве.

Данные и методы

Анализ смертности в Республике Башкортостан основан на расчётах автора, использующего стандартизированные показатели смертности и ожидаемой продолжительности жизни.

Исходя из целей исследования, выделены категории по типам поселения: столица Республики Башкортостан Уфа с населением 1 190 254 человека – 1 категория (город-миллионник); Стерлитамак с населением 280 487 человек – 2 категория (крупные города от 250 до 500 тыс. чел.); Нефтекамск (144 405 человек), Октябрьский (116 510 человек) и Салават (144 970 человек) – 3 категория (большие города от 100 до 250 тыс. чел.); оставшееся городское население с численностью менее 100 000 человек – 4 категория (средние города от 50 тыс. до 100 тыс. чел., малые – до 50 тыс. чел.). Численность населения приведена на 1 января 2025 года³. Города Нефтекамск, Октябрьский, Салават были объединены в связи с малочисленностью событий (численность населения менее 200 000 человек). В 5 категорию вошла сельская местность Республики Башкортостан. Для минимизации возможных колебаний показателей, вызванных малым числом событий, сравнительный анализ проведён по средним значениям за трёхлетние периоды: 2011–2013, 2014–2016, 2017–2019 гг., и двухлетние периоды в период пандемии (2020–2021 гг.) и после пандемии (2022–2023 гг.).

Были использованы данные Росстата о распределении умерших по полу, возрасту, причинам смерти и среднегодовой численности населения на отобранных территориях с 2010 по 2023 гг.⁴. Прямым способом рассчитаны стандартизированные коэффициенты смертности по причинам смерти с использованием методологии ВОЗ – Европейский стандарт возрастной структуры 1976 года. Также были проведены расчёты ожидаемой продолжительности жизни с помощью таблиц смертности и декомпозиции разницы в ожидаемой продолжительности жизни при рождении по возрастным группам и причинам смерти.

Однако следует подчеркнуть, что исследование имеет ограничения, проистекающие из нескольких источников. Во-первых, качество кодирования причин смерти варьируется между территориями, что может приводить к неоднородности классификации, особенно актуальной в период пандемии COVID-19, когда смерти кодировались как от респираторных заболеваний

³ Оценка численности постоянного населения Республики Башкортостан по муниципальным образованиям на 1 января 2025 года // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/25491> (дата обращения: 18.02.2025).

⁴ Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат.

[10; 11]. Во-вторых, малая численность событий в некоторых городах создаёт проблему случайной изменчивости показателей. В-третьих, номинальная численность населения на некоторых территориях может отличаться от реальной, особенно в периоды миграции [10].

Для минимизации влияния выявленных ограничений были применены следующие методы. Временное агрегирование (анализ по трёхлетним периодам вместо годовых данных) снижает влияние случайных колебаний в территориях с малой численностью населения. Объединение малочисленных городов Нефтекамска, Октябрьского и Салавата в одну категорию позволило увеличить число событий и тем самым повысить статистическую надёжность оценок. Применение стандартизованных коэффициентов смертности по Европейскому стандарту ВОЗ (1976 год) исключило влияние различий в возрастной структуре населения разных территорий на сравнимость показателей.

Несмотря на выявленные ограничения, использование официальных данных Росстата остаётся единственным возможным подходом для проведения систематического анализа внутрирегиональной дифференциации смертности за длительный период (2011–2023 гг.). Метод декомпозиции, применяемый в настоящем исследовании, рекомендуется для анализа именно малых территориальных единиц, где традиционные подходы особенно подвержены влиянию случайных колебаний.

Результаты исследования

Тенденции ожидаемой продолжительности жизни

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) является важным показателем для оценки уровня смертности населения [22; 23]. ОПЖ мужчин и

женщин в городских и сельских районах Республики Башкортостан демонстрирует схожие тенденции (рисунок 1). В период с 2010 по 2019 гг. во всех исследуемых территориях наблюдался рост ожидаемой продолжительности жизни. Однако пандемия в 2020–2021 гг. привела к значительному снижению этого показателя.

Примечательно, что в годы пандемии наиболее значительное снижение ожидаемой продолжительности жизни произошло в больших городах: Нефтекамске, Октябрьском и Салавате, где отрицательный прирост составил 2,52 года для мужчин и 3,43 года для женщин. В Уфе это снижение было несколько меньше: 2,08 года для мужчин и 3,24 года для женщин. В небольших городах и сельской местности отрицательный прирост был менее выраженным, что свидетельствует о более умеренном воздействии пандемии.

В 2022–2023 гг. намечилось улучшение общей ситуации, и показатель ожидаемой продолжительности жизни вырос, не только восстановив допандемийные значения, но и превзойдя их. Особенно заметно это было среди мужского населения, где наибольший рост ОПЖ наблюдался в таких городах, как Уфа и Стерлитамак, по сравнению с 2017–2019 гг. Среди женщин рост ОПЖ особенно заметен в крупных городских районах, особенно в Уфе.

На рисунке 1 видно, что Уфа и большие города, такие как Нефтекамск, Октябрьский и Салават, занимают лидирующие позиции по показателю ОПЖ как среди мужчин, так и среди женщин с 2011 по 2023 гг. В то же время сельские районы, малые и средние города (в нашем исследовании они обозначены как «другие города») демонстрируют самые низкие значения ОПЖ, а Стерлитамак занимает промежуточное положение.

Рисунок 1. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в городах различной численности и сельской местности в Республике Башкортостан, 2010–2023 гг., лет

Figure 1. Life Expectancy of Men and Women in Cities of Various Sizes and Rural Populations in the Republic of Bashkortostan, 2010–2023, in Years

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики⁵.

⁵ Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат.

Вклад возрастных групп в изменение ожидаемой продолжительности жизни

Особое место в анализе тенденций ожидаемой продолжительности жизни принадлежит оценке вклада изменений смертности в отдельных возрастах и от определённых причин смерти, которые приводят либо к росту, либо к снижению ожидаемой продолжительности жизни за какой-либо период (см. Приложение А, таблицы А.1; А.2).

В период с 2011–2013 по 2014–2016 гг. основной толчок к увеличению ожидаемой продолжительности жизни мужчин дала возрастная группа 45–64 года, при этом вклад лиц старше 65 лет был относительно скромным. Мужское население в целом демонстрировало более высокие темпы прироста ожидаемой продолжительности жизни (0,42–1,45 года в среднем за год), чем женское (0,0–0,8 года).

Географически территориальные различия проявлялись в следующем: в столице (Уфе) улучшалось здоровье пожилого населения благодаря концентрированной инфраструктуре здравоохранения и кардиологическим программам, тогда как в малых городах и сельской местности выигрыш достигался главным образом за счёт лучшего здоровья трудоспособного мужского населения (15–44 года), где вклад составлял 0,58–0,66 года против 0,05 года в столице. Для женского населения роль детской смертности оставалась более значимой во всех типах поселений (0,01–0,29 года), свидетельствуя об относительно более успешной реализации программ охраны материнства и детства. С 2014–2016 по 2017–2019 гг. наблюдалось увеличение вклада в прирост продолжительности жизни пожилого населения (45–64 года и особенно 65+ лет), что свидетельствовало об улучшении уровня жизни и доступности медицинских услуг для этих групп. Произошло заметное сужение территориальных различий: все территории (Уфа, крупные города, малые города, сельская местность) начали демонстрировать примерно одинаковую динамику ожидаемой продолжительности жизни (1,67–2,99 года для мужчин, 1,01–1,61 года для женщин в среднем за год). Гендерные различия в механизмах прироста сохранялись: мужское население продолжало достигать более высоких абсолютных темпов прироста за счёт молодого трудоспособного населения, женское население демонстрировало более низкие темпы прироста, но с более высоким относительным вкладом пожилого населения.

В период с 2017–2019 по 2020–2021 гг. наблюдался кардинальный перелом: значительный отрицательный вклад пожилых и детских возрастов в показатель продолжительности жизни. Среди

мужчин общее снижение ожидаемой продолжительности жизни составило 1,1–2,8 года в среднем за год, с максимальным ущербом в группе 65+ лет (–0,75 до –1,74 года в зависимости от территории).

Однако наиболее критичной была ситуация среди женского населения, которое испытало диспропорционально большее снижение ожидаемой продолжительности жизни, в 1,5–2 раза большее, чем мужское. Снижение ожидаемой продолжительности жизни среди женщин составило 2,36–3,43 года в среднем за год. Максимальное падение наблюдалось в группе 65+ лет (от –1,57 до –2,07 года).

Территориальные различия в интенсивности пандемийного ущерба также были значительны: в городах Нефтекамск, Октябрьский, Салават общее снижение достигло –2,80 года для мужчин, что на 25% превысило показатель для столицы Уфы (–2,08 года).

С 2020–2021 по 2022–2023 гг. наблюдалось универсальное повышение вклада старших возрастных групп в общее увеличение продолжительности жизни, хотя темпы и масштабы восстановления существенно варьировались между территориями и полами.

По мужскому населению наибольшее повышение ожидаемой продолжительности жизни наблюдалось в Уфе (на 3,91 года в среднем за год, при этом только группа 65+ лет дала вклад +2,36 года), что почти полностью компенсировало потери пандемийного периода. Наименьшее повышение было в сельской местности (на 1,96 года в среднем за год, при этом группа 65+ лет дала вклад +1,14 года).

По женскому населению восстановление было ещё более интенсивным, чем у мужчин. Наибольшее повышение наблюдалось в Уфе (на 4,33 года в среднем за год, при этом группа 65+ лет дала вклад +2,90 года), тогда как в сельской местности прирост составил 3,47 года в среднем за год (группа 65+ лет: +2,06 года). Разница между столицей и сельской местностью (0,86 года) оказалась существенно меньше, чем у мужчин (см. Приложение А, таблицы А.1; А.2).

Вклад отдельных причин смерти в изменение ожидаемой продолжительности жизни

Несомненно, общие тенденции смертности по возрастам определяются её динамикой от разных причин смерти. При этом, определяя вклад изменений смертности от отдельных причин, следует учитывать несовершенство правил кодирования причин смерти, которое может проявиться, например, в неоправданно широком использовании диагноза «старость» или в случаях, когда умершие от причин одного класса записываются как умершие от причин другого класса и т.д. [10; 11].

В частности, в период пандемии достаточно часто, особенно в первый год, умерших от COVID-19 учитывали как умерших от болезней органов дыхания, в том числе пневмоний, развивающихся в результате вирусной инфекции [24].

Значительный вклад в увеличение продолжительности жизни в городах различной численности и сельском населении в Республике Башкортостан с 2010 по 2019 гг. внесло снижение смертности от болезней системы кровообращения (ССЗ) и внешних причин. Однако влияние этих факторов на мужчин и женщин было различным [25]. Кроме того, снижение смертности от внешних причин среди мужчин в Башкортостане оказало несколько большее влияние на увеличение продолжительности жизни по сравнению с женщинами ОПЖ (см. Приложение А, таблицы А.3; А.4).

Пандемия COVID-19 в 2020 г. привела к определённым изменениям в уровне смертности от различных причин. Исследования показали, что из-за различных подходов к выявлению основной причины смерти произошло не только увеличение числа смертей от COVID-19, но и увеличение числа других смертей, особенно от респираторных заболеваний, включая пневмонию. Это увеличение смертности по неустановленным причинам, включая тех, кто умер от COVID-19 в качестве первоначальной причины, в наибольшей степени способствовало сокращению ожидаемой продолжительности жизни в Башкортостане как у мужчин, так и у женщин. Кроме того, в Башкортостане рост смертности от заболеваний органов дыхания способствовал снижению ОПЖ среди мужчин. Относительно меньший вклад внесло увеличение смертности от болезней системы кровообращения. В то же время снижение смертности от новообразований и инфекций внесло положительный, хотя и относительно незначительный, вклад в изменение ОПЖ.

В Республике Башкортостан в период с 2020–2021 по 2022–2023 гг. ожидаемая продолжительность жизни увеличилась за счёт снижения смертности, особенно от заболеваний системы кровообращения, органов дыхания и инфекционно-паразитарных болезней. Среди женщин снижение смертности от респираторных заболеваний было значительно больше, чем среди мужчин. Смертность от неустановленных причин также снизилась, что положительно сказалось на ОПЖ (см. Приложение А, таблицы А.3; А.4).

Дифференцированное восстановление по причинам смерти отражает переход системы здравоохранения региона от кризисного реагирования на пандемию к восстановлению плановой работы по профилактике и лечению основных хронических заболеваний. Существенный вклад

в прирост ожидаемой продолжительности жизни среди женщин за счёт снижения респираторной смертности подтверждает эффективность специальных мер по диагностике и лечению постковидного синдрома и осложнений, реализованных в период 2021–2023 гг. Одновременно сохранение значительного вклада болезней системы кровообращения в прирост показателей у обоих полов указывает на признание приоритетности кардиоваскулярной патологии в структуре смертности региона и на необходимость продолжения и усиления соответствующих профилактических программ.

Структура смертности по причинам

В Республике Башкортостан за период 2011–2019 гг. наблюдалась устойчивая тенденция в структуре заболеваемости и смертности среди различных категорий населения. Сердечно-сосудистые заболевания (БСК) продолжают оставаться ведущей причиной смерти, новообразования (НОВ) занимают вторую позицию, внешние причины (ВП) – третье место. Исключения составляют сельские и небольшие городские территории, где новообразования занимают третье место, а внешние причины – второе.

Болезни органов пищеварения (БОП) среди женского населения занимают четвёртое место, а болезни органов дыхания (БОД) – пятое. Среди мужского населения – наоборот. За исключением мужского населения 2014–2016 гг. в городе Уфа, где БОП занимал четвёртое, а БОД – пятое место в структуре смертности.

С 2020 г. в структуре смертности произошли изменения. И хотя сердечно-сосудистые заболевания и новообразования оставались на прежних позициях, внешние причины переместились на четвёртое место, а болезни органов дыхания поднялись на третье.

Следует отметить, что тенденция 2011–2019 гг. сохранилась среди мужского населения, проживающего в таких городах, как Уфа и Стерлитамак. В этих регионах внешние причины по-прежнему оставались третьей по значимости причиной смертности, в то время как болезни органов дыхания занимают четвёртое место.

В сельских территориях структура причин смертности приобрела совершенно другую картину: в 2022–2023 гг. болезни системы кровообращения у них занимают первую, внешние причины – вторую, новообразования – третью, а болезни органов дыхания – четвёртую позицию в структуре смертности (см. Приложение А, таблицы А.5; А.6). В 2020–2021 гг. очерёдность немного изменяется: БСК, БОД, ВП, НОВ соответственно.

В Уфе, как и в других городах Башкирии, болезни системы кровообращения (БСК) долгое

время вносили значительный вклад в общую смертность [25]. Ишемическая болезнь сердца (ИБС) и цереброваскулярные заболевания (ССЗ) неизменно входят в число ведущих причин смертности от этой категории заболеваний.

Реализация региональной программы «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями»⁶ и национального проекта «Здравоохранение»⁷ благоприятно отразилась в 2022–2023 гг. на уровне смертности от болезней системы кровообращения (БСК).

Смертность от новообразований долгое время соперничает с внешними причинами смерти. Самые высокие значения смертности от новообразований стабильно наблюдались в Стерлитамаке, а самые низкие – в Нефтекамске, Октябрьском и Салавате. В последние десять лет доля смертности от новообразований в общей структуре смертности увеличилась на 1,8% среди мужчин в городах и на 3,6% среди женщин в сельской местности (см. Приложение А, таблицы А.5; А.6).

Курение является основным фактором риска развития рака и, как следствие, увеличения смертности от рака [26]. Пассивное курение также отрицательно влияет на здоровье людей. Для снижения смертности от новообразований создано 13 центров онкологической амбулаторной помощи в рамках приоритетных задач национального проекта «Здравоохранение»⁸ в период с 2019–2024 гг. Также принят Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или никотиносодержащих продуктов» от 23 февраля 2013 года № 15-ФЗ. И хотя правительство приняло регулирующие меры, однако уровень смертности остаётся на высоком уровне.

Следует упомянуть, что во время пандемии 2020–2021 гг. были приняты меры по сдерживанию распространения вируса, включая социальную изоляцию. Учитывая психологическое воздействие изоляции и потенциальный рост курения, не исключено, что распространённость курения среди граждан Республики Башкортостан могла увеличиться.

Смертность от внешних причин в 2022–2023 гг. занимает третье место в структуре смертности (за

исключением городов Нефтекамск, Октябрьский, Салават, где третье место занимают болезни органов дыхания; и кроме сельских поселений, где лидируют новообразования) (см. Приложение А, таблицы А.5; А.6).

Количество потенциальных внешних причин смерти огромно. Однако большинство смертей связано с несколькими лидирующими причинами, которые вносят значительный вклад в общий уровень смертности от внешних причин и поэтому привлекают к себе наибольшее внимание. Список наиболее значимых внешних причин смерти, выявленных в ходе анализа, может незначительно отличаться, но в целом он достаточно последователен. Эти причины включают транспортные происшествия, травмы неопределённого характера, убийства и насильственные смерти, алкогольные и наркотические отравления, самоубийства.

В 2022–2023 гг. в Республике Башкортостан смертность от болезней органов пищеварения занимает четвёртое место среди женского населения в структуре причин смертности, за исключением городов Нефтекамска, Октябрьского и Салавата, где преобладают заболевания органов дыхания, и пятое место среди мужского населения. Однако за последнее десятилетие уровень смертности от данной причины среди мужчин был выше, чем среди женщин. Более того, в разных городах сохраняется неравенство в показателях смертности. Как среди мужского, так и среди женского населения башкирских городов показатели смертности от заболеваний органов пищеварения остаются повышенными по сравнению с остальными городами, рассмотренными в 2022–2023 гг., при этом в Уфе в этом году были зафиксированы самые низкие показатели. До 2021 г. в городских территориях Башкортостана наблюдалась тенденция к росту смертности от заболеваний органов пищеварения. В целях улучшения качества медицинской помощи в Республике Башкортостан был утверждён Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 ноября 2012 г. № 906н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю "гастроэнтерология"»⁹.

Болезни органов дыхания, как было сказано ранее, до 2019 года не входили в тройку основных заболеваний, влияющих на уровень смертности. Однако в пандемийные годы (2021–2022 гг.) смертность от этой причины выросла: среди мужчин прирост составил от 4% до 8%, среди женщин – от 7% до 13%. Наибольший прирост наблюдался в городе Стерлитамаке, наименьший – в сельских

⁶ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 28.06.2019 г. № 381 «Об утверждении региональной программы Республики Башкортостан «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями».

⁷ Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 г. № 16).

⁸ Национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография» // Министерство здравоохранения Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie> (дата обращения: 20.02.2025).

⁹ Приказ Министерства здравоохранения Республики Башкортостан от 18.01.2017 г. № 84-д «Об организации медицинской помощи населению по профилю "гастроэнтерология" в медицинских организациях Республики Башкортостан».

поселениях. Скорее всего, это связано с проблемами кодирования причин смерти в пандемийные годы. На первом месте среди болезней органов дыхания и у мужчин, и у женщин остаются такие заболевания, как пневмония и острые респираторные инфекции верхних дыхательных путей. В 2022–2023 гг. смертность от этой причины снизилась.

В целом, в 2020–2021 гг. стандартизированные коэффициенты смертности (СКС) увеличились в среднем на 25% по сравнению с предыдущим периодом с 2017 по 2019 гг., предположительно, из-за глобальной пандемии COVID-19. На начальных этапах пандемии COVID-19 показатели смертности среди женского населения в разных регионах были различными. В Уфе наблюдался самый высокий уровень смертности среди мужского населения – 11%, среди женского – 8%. Вероятно, это было связано с высокой плотностью населения и распространённостью вируса в городских районах. С другой стороны, в Стерлитамаке были отмечены самые низкие значения (2% и 3% соответственно).

Последующий анализ данных за период с 2022 по 2023 гг. показал значительное снижение показателей смертности во всех территориальных единицах. В частности, в Уфе уровень смертности снизился до 3%, что свидетельствует о существенном снижении последствий пандемии. На других территориях показатели снизились до 2% и 1%.

Аналитическое значение анализа структуры смертности по причинам и периодам

Анализ нозологической структуры смертности по временным периодам выявил несколько критически значимых закономерностей, выходящих за рамки прямого воздействия пандемии COVID-19.

Допандемийный период продемонстрировал дифференциацию структуры смертности по типам поселений. В крупных урбанизированных центрах (Уфа, Стерлитамак) болезни системы кровообращения составляли 42–60% от всех смертей и оставались доминирующей причиной. На втором месте находились новообразования (13–19%), на третьем – внешние причины (9–13%), тогда как болезни органов пищеварения и дыхания занимали маргинальные места (по 4–6%).

Структура смертности в малых городах и сельской местности была принципиально иной. Хотя болезни системы кровообращения сохраняли лидерство, их доля снижалась до 34–41% – значительно ниже, чем в крупных центрах. Вместо этого внешние причины занимали вторую позицию (16–19%), почти вдвое превышая показатели в городах, а новообразования – третью (9–14%). Такое перераспределение причин смерти отража-

ло социально-экономическую дезорганизацию и повышенный травматизм в периферийных территориях, где поведенческие риски (алкоголизм, дорожные травмы, производственные несчастные случаи) оказывали доминирующее влияние на структуру смертности.

Пандемийный период 2020–2021 гг. привёл к существенной трансформации структуры смертности во всех типах поселений. Болезни органов дыхания резко возросли до 12–16% от всех смертей и переместили этот класс причин на вторую-третью позицию, вытеснив внешние причины на менее значимые места (6–14%). Такой рост отражал регистрацию смертности от COVID-19 как болезни органов дыхания в официальной статистике.

Примечательно, что смертность от болезней органов дыхания была более выраженной в крупных городах (12–15% у мужчин, 11–16% у женщин) по сравнению с сельской местностью (14% и 12% соответственно). Это свидетельствует о дифференцированном воздействии пандемии на разные типы поселений – вероятно, более интенсивные контакты в городах способствовали более активной циркуляции вируса.

Одновременно доля болезней системы кровообращения снизилась с 36–54% до 34–46%, что отражало перегрузку стационаров (койки для COVID-19 размещали, в том числе, в кардиологических отделениях) и переориентацию диагностики на выявление COVID-19. Однако это снижение доли не означало абсолютного снижения смертности от сердечно-сосудистых заболеваний. Вероятно, происходили недиагностирование и неполноценное лечение сердечно-сосудистых заболеваний из-за перегрузки системы здравоохранения.

Восстановительный период 2022–2023 гг. выявил существенные различия в восстановлении структуры смертности по типам поселений, демонстрирующие асимметричность процесса реабилитации системы здравоохранения. В крупных городах (Уфа и Стерлитамак) структура смертности практически вернулась к допандемийному паттерну: болезни системы кровообращения восстановились до 44–46%, болезни органов дыхания снизились до 5–6%, внешние причины – до 10–11%. Это указывает на нормализацию работы системы здравоохранения, включая поэтапное восстановление плановой работы медицинских организаций, возобновление диспансеризации, снижение числа перепрофилированных коек под COVID и улучшение маршрутизации пациентов.

В сельской местности произошла кардинальная трансформация структуры, которая не вернулась к допандемийному уровню. Болезни системы кровообращения остаются на уровне 33% (значительное снижение с 34–41%), но внешние причи-

ны укрепили вторую позицию (16–17%), новообразования составляют 11–13%, болезни органов дыхания – 10%. Это свидетельствует об усилении роли социально обусловленных факторов смерти в периферийных территориях. В условиях кризиса здравоохранения, вероятно, произошла необратимая переориентация поведения сельского населения.

Данные сдвиги в структуре смертности проявляются дифференцированно в зависимости от пола, что указывает на принципиально различные механизмы её формирования. Гендерные различия в структуре смертности раскрывают принципиально различные механизмы её формирования по полу и позволяют глубже понять территориальное неравенство. Для мужского населения внешние причины составляют существенно большую долю (9–20% в допандемийный период, с максимумом до 20% в сельской местности и малых городах), тогда как среди женского населения смертность от внешних причин остаётся минимальной – всего 3–8% от всех причин смерти. Это ярко отражает поведенческие риски, алкоголизацию и социальную уязвимость мужского населения перед внешними угрозами. Мужчины значительно чаще становятся жертвами дорожно-транспортных происшествий, производственных травм, суицидов и убийств.

Для женского населения структура смертности более гомогенна и концентрирована на болезнях системы кровообращения (35–61%), тогда как у мужчин этот показатель составляет 33–57%, демонстрируя существенно меньшую чувствительность женского населения к экзогенным рискам. Смертность женщин определяется в большей мере хроническими заболеваниями, развивающимися в течение жизни, нежели внешними событиями.

Анализ различий между типами поселений

Предыдущие разделы описывали общие тенденции смертности и структуру причин смерти. Однако для понимания механизмов территориального неравенства необходимо перейти к систематическому анализу различий между типами поселений, оценить масштабы этого неравенства и выявить ключевые факторы, определяющие разрыв в ожидаемой продолжительности жизни.

Количественный анализ вариативности ожидаемой продолжительности жизни по типам поселений выявляет четырёхуровневую иерархию территориального расселения в Республике Башкортостан. Эта иерархия проявляется не только в абсолютных разрывах показателей, но и в их динамике на протяжении 2011–2023 годов (таблица 1), что свидетельствует о структурности и устойчивости территориального неравенства.

Уфа как столичный центр демонстрирует наибольшее преимущество перед сельской местностью: разрыв в ожидаемой продолжительности жизни составляет 3,4–4,3 года для мужчин и 1,4–2,2 года для женщин. Критически важно, что это преимущество не только сохраняется, но и усиливается в восстановительный период (2022–2023 гг.), достигая исторического максимума в 4,33 года для мужского населения. Такой разрыв объясняется концентрацией в столице всей высокотехнологичной медицинской инфраструктуры региона – кардиохирургических центров, онкологических диспансеров, специализированных реанимационных отделений, способных оказывать помощь при критических состояниях. Эта специализированная помощь критична для лечения острых сердечно-сосудистых заболеваний и онкопатологий, которые доминируют в структуре смертности городского населения.

Стерлитамак, как город второго ранга после столицы, занимает промежуточное положение в иерархии, демонстрируя существенное, но заметно меньшее преимущество перед сельской местностью (2,39–3,03 года для мужчин и 0,77–1,80 года для женщин). Волатильность показателей, особенно выраженная в пандемийный период, указывает на уязвимость его системы здравоохранения к внешним потрясениям. Город имеет стационарную базу районного уровня, но не обладает полным спектром интервенционных методов лечения, требующих длительной подготовки специалистов и дорогостоящего оборудования.

Города третьего ранга (Нефтекамск, Октябрьский, Салават) характеризуются более стабильными показателями с преимуществом в диапазоне 2,40–3,63 года для мужчин и 1,44–3,10 года для женщин. Они занимают промежуточное положение между столицей и малыми городами, сохраняя более стабильные показатели в восстановительный период. Их стабильность в восстановительный период свидетельствует о наличии достаточной стационарной базы и базовых специализированных отделений, что позволяет им более эффективно противостоять кризисам здравоохранения по сравнению с малыми городами.

Малые города Башкортостана (другие города) демонстрируют критическую дисфункцию в организации здравоохранения. Для мужского населения преимущество перед сельской местностью практически исчезает (0,32–0,93 года), а для женского населения наблюдается инверсия – сельская местность показывает лучшие результаты (на 0,14–0,17 года выше). Этот парадокс отражает системный сбой в структуре медицинского обслуживания на этом уровне территориальной иерархии.

Малые города оказались в функциональной ловушке: они слишком крупны для полноценного функционирования только на уровне первичной медико-санитарной помощи, но недостаточно велики для развития специализированных отделений и современного оборудования, необходимых для лечения острых состояний. В результате происходит отток медицинских специалистов в региональные центры, что приводит к прогрессирующей деградации местной системы здравоохранения.

Воздействие пандемии на иерархию неравенства оказалось временным и поверхностным. В 2020–2021 гг. разрывы между типами поселений сократились, поскольку COVID-19 в первую очередь поражал крупные городские центры с высокой плотностью населения. Однако восстановительный период (2022–2023 гг.) продемонстрировал не просто восстановление, но качественное усиление иерархии – разрывы расширились до исторических максимумов. Это подтверждает, что территориальное неравенство носит фундаментальный, структурный характер, не зависящий от отдельных кризисов и болезней, а кор-

нящийся в организации системы расселения и здравоохранения.

Однако эти общие тренды скрывают глубокие гендерные асимметрии в механизмах смертности. Мужское население демонстрирует выраженную чувствительность к территориальным факторам. К примеру, разрывы в ожидаемой продолжительности жизни между Уфой и сельской местностью составляют 4,33 года против 2,18 года для женщин, что в 2,0–2,5 раза выше. Мужская смертность в большей степени зависит от доступности специализированной помощи (кардиохирургия, травматология) и подвержена влиянию социально-экономических факторов (алкоголизация, производственный травматизм, суициды), требующих экстренной интервенции. Женская смертность, хотя и определяется преимущественно хроническими заболеваниями (БСК), также зависит от типа поселения благодаря различиям в доступности первичной диагностики, медикаментозного обеспечения и медицинского наблюдения, но это влияние менее выражено, поскольку хронические заболевания допускают отсроченное лечение в большей степени, чем острые состояния.

Таблица 1

Разрыв ожидаемой продолжительности жизни между городскими типами поселений и сельской местностью, 2011–2023 гг., лет

Table 1

Gap in Life Expectancy Between Urban Settlement Types and Rural Areas, 2011–2023, in Years

Сравнение	2011–2013	2014–2016	2017–2019	2020–2021	2022–2023	Тренд
Мужчины						
Уфа vs Сельская местность	3,4	2,82	2,82	2,39	4,33	↑ рост в 2022–2023
Стерлитамак vs Сельская местность	2,39	1,66	1,4	1,57	3,03	↑ восстановление
Нефтекамск, Октябрьский, Салават vs Сельская местность	3,09	2,57	3,28	2,4	3,63	стабильный уровень
Другие города vs Сельская местность	0,62	0,93	0,32	0,86	0,63	минимальный разрыв
Женщины						
Уфа vs Сельская местность	1,43	2,23	2,2	1,31	2,18	↑ колебания
Стерлитамак vs Сельская местность	0,77	1,26	1,66	0,81	1,8	↑ волнообразный
Нефтекамск, Октябрьский, Салават vs Сельская местность	1,56	2,16	2,51	1,44	3,1	↑ увеличение к 2022–2023
Другие города vs Сельская местность	0,05	0,72	0,52	-0,14	-0,17	↓ инверсия – сельская «лучше»

Примечание: положительные значения указывают на преимущество городских территорий, отрицательные – на преимущество сельской местности.

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики¹⁰.

¹⁰ Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат

Вклад классов причин смерти в территориальное неравенство ожидаемой продолжительности жизни

Анализ вклада отдельных классов причин смерти в разрыв ожидаемой продолжительности жизни между типами поселений выявил чёткую иерархию механизмов формирования территориального неравенства (см. Приложение А, таблица А.7). Исследование сравнивает четыре категории городских поселений с сельской местностью: (1) Уфа с сельской местностью; (2) Стерлитамак с сельской местностью; (3) три крупных города (Нефтекамск, Октябрьский и Салават) с сельской местностью; (4) малые города и другие городские поселения с сельской местностью. Такая иерархизация позволяет выявить, как размер и статус поселения влияют на структуру причин смерти и вклад отдельных факторов в территориальное неравенство.

Положительные значения вклада отражают преимущество городских поселений за счёт более низкой смертности от данной причины, отрицательные значения – недостаток городских поселений по сравнению с сельской местностью (т. е. более высокую смертность в городе по данной причине).

Болезни системы кровообращения демонстрируют наиболее сильную связь с размером и административным статусом городского поселения. Рассмотрим их вклад подробно для каждого типа поселения.

Начнём с наиболее существенного фактора – болезней системы кровообращения. Именно эта группа причин смерти в наибольшей степени зависит от размера и статуса города. Болезни системы кровообращения образуют основной механизм территориального неравенства в продолжительности жизни. Вклад этого класса причин в разрыв показателей между городом и селом варьируется в широком диапазоне – от 0,2 года в малых городах до 2,4 года в крупных административных центрах в допандемийный период. Это преимущество определяется конкретной инфраструктурой: наличие в крупных городах кардиохирургических центров и лабораторий интервенционной кардиологии позволяет оказывать высокотехнологичное лечение пациентам с острыми коронарными синдромами и инсультами – состояниями, летальность которых в малых городах и сельской местности существенно выше.

Пандемия COVID-19 привела к временному сокращению преимущества крупных городов вследствие перепрофилирования кардиологических отделений под лечение инфекции. Однако в восстановительный период вклад болезней кровообращения дополнительно снизился во всех типах поселений.

Внешние причины формируют вторичный механизм неравенства, особенно ярко проявляющийся для мужского населения¹¹. В допандемийный период вклад внешних причин в разрыв ожидаемой продолжительности жизни варьировал от 0,4 до 1,2 года. Максимально вклад проявлялся в малых городах (1,0–1,2 года), что указывает на социальную дезорганизацию в муниципальных образованиях с убывающей экономической базой, где высокая безработица и низкие доходы способствуют алкоголизации и рискованному поведению. Для женского населения вклад внешних причин минимален (0,0–0,1 года) во всех типах поселений, что отражает меньшую уязвимость женского населения к экзогенным рискам.

Болезни органов дыхания выступают динамическим фактором территориального неравенства, меняющим свою роль в зависимости от периода исследования. В допандемийный период болезни органов дыхания остаются маргинальным фактором в формировании территориального неравенства (0,1–0,3 года), поскольку они слабо дифференцируют типы поселений. В пандемийный период (2020–2021 гг.) болезни органов дыхания, включая COVID-19, приобретают временную значимость (0,8–1,5 года), отражая дифференцированное воздействие инфекции на городские и сельские территории. В восстановительный период (2022–2023 гг.) болезни органов дыхания нормализуются, но остаются выше допандемийного уровня (0,4–0,8 года), указывая на длительные последствия пандемии.

Новообразования, болезни пищеварения, инфекционные и прочие причины практически не дифференцируют типы поселений, с вкладом, варьирующим от –0,2 до +0,3 года. Отсутствие дифференциации по этим причинам отражает реализацию единых региональных программ скрининга новообразований (программы ранней диагностики рака молочной железы, колоректального рака), профилактики инфекционных болезней (вакцинация, санитария), реализуемых независимо от типа поселения (см. Приложение А, таблица А.7).

Возрастной анализ территориального неравенства

Территориальное неравенство в ожидаемой продолжительности жизни распределено неравномерно по возрастным группам. Различные возрастные когорты вносят дифференцированный вклад в формирование территориального разрыва в ожидаемой продолжительности жизни.

¹¹ Адам Ю.И. Склонность к физическому риску у мужчин: связь с биосоциальной адаптацией на примере российской выборки: дисс ... канд. истор. наук: 03.03.02 / науч. рук. д-р истор. наук, проф., член-корр. РАН Бутовская М.Л.; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, 2021. 186 с.

Детский возраст (0–14 лет) практически не дифференцирует города и сельскую местность (вклад варьируется от –0,25 до +0,38 года), что указывает на успешность региональных программ по снижению младенческой смертности независимо от типа поселения (см. Приложение А, таблица А.8). Это свидетельствует о том, что система здравоохранения уделяет приоритетное внимание охране здоровья матери и ребёнка, обеспечивая относительно равный доступ к родовспоможению и педиатрической помощи.

Трудоспособное население (15–44 года) критически важно в формировании разрыва ожидаемой продолжительности жизни, особенно для мужчин. Вклад этой возрастной группы варьируется от 0,05 года (Уфа – сельская местность) до 1,56 года (Нефтекамск, Октябрьский, Салават – сельская местность). Максимальный вклад в малых городах указывает на критическую уязвимость мужской молодёжи и молодых мужчин среднего возраста перед травматизмом и смертностью от алкоголя в условиях социальной дезорганизации малых городов. Для женского населения вклад трудоспособного возраста минимален (0,1–0,7 года), что отражает меньшую уязвимость женского населения к экзогенным рискам и поведенческим факторам, независимо от типа поселения.

Профессионально активное население (45–64 года) демонстрирует устойчивый вклад (0,8–1,1 года) во все периоды и модели сравнения поселений. Этот стабильный вклад отражает системные различия в управлении хроническими заболеваниями. Стабильность указывает на устойчивость структурных различий между городскими и сельскими поселениями в медицинском обслуживании и жизненных условиях этой когорты.

Пожилое население (65+ лет) демонстрирует наиболее динамичный паттерн в зависимости от периода исследования. В допандемийный период вклад пожилого населения был минимален (0,2–0,4 года), указывая на относительную однородность смертности пожилых по территориям. В пандемийный период вклад резко возрос до 1,1–2,4 года, отражая избыточную смертность пожилых от COVID-19 в крупных городских центрах, где пожилое население концентрировалось в домах престарелых и учреждениях социального обеспечения. В восстановительный период вклад пожилого населения остался выраженным (1,25–2,36 года), свидетельствуя о переориентации региональной политики на гериатрическую помощь и паллиативное лечение в крупных городах.

Динамика по временным периодам раскрывает трансформацию механизмов неравенства в различные фазы кризиса здравоохранения. Пандемия (2020–2021 гг.) привела к временному

нивелированию возрастных различий между типами поселений за счёт относительно равномерного распределения избыточной смертности от COVID-19 по возрастным группам. Тем не менее, восстановительный период (2022–2023 гг.) продемонстрировал восстановление и трансформацию прежней структуры неравенства (см. Приложение А, таблица А.8). Произошло усиление роли пожилого населения (65+) в формировании городско-сельского разрыва в ожидаемой продолжительности жизни, что указывает на концентрацию гериатрической помощи, специализированного лечения хронических заболеваний и паллиативной помощи именно в крупных городских центрах. Это означает, что после острой фазы пандемии система здравоохранения переосмыслила приоритеты и сосредоточила ресурсы на лечении пожилого населения в городах.

Синтез анализа механизмов территориального неравенства

Интеграция анализа причин смерти и возрастных групп выявляет многоуровневую иерархическую модель неравенства, которая различается по уровню городской иерархии и половой принадлежности.

Мужское и женское население демонстрируют принципиально различные механизмы формирования неравенства. Мужское население структурируется двумя основными механизмами, отражающими различные уязвимости этой демографической группы. Во-первых, болезни системы кровообращения вносят вклад в разрыв 0,8–1,5 года, что отражает качество специализированной кардиологической помощи. Во-вторых, внешние причины вносят вклад 0,6–1,2 года, отражая поведенческие различия, уровень алкоголизации и социальную дезорганизацию. Суммарный вклад обоих механизмов составляет 1,0–2,7 года – это основной источник разрыва для мужского населения.

Женское население определяется почти исключительно болезнями системы кровообращения (вклад 0,8–1,8 года), при минимальном вкладе внешних причин (0,0–0,1 года). Это отражает то, что женская смертность в большей степени определяется хроническими заболеваниями, лечение которых отчасти возможно на базовом уровне амбулаторной помощи. Вследствие этого разрыв в ожидаемой продолжительности жизни для мужчин в 2–3 раза превышает разрыв для женщин.

Территориальное неравенство проявляется дифференцированно в зависимости от периода исследования. Допандемийный период (2011–2019 гг.) демонстрирует существование устойчивой иерархии территориального неравенства с максимальным разрывом в модели «Уфа–сельская

местность» (3,4–4,3 года), отражающим концентрацию специализированной медицинской инфраструктуры в столице. Неравенство относительно стабильно во времени, подтверждая его структурный характер.

Пандемийный период (2020–2021 гг.) приводит к временному сокращению столичного преимущества вследствие избыточной смертности от COVID-19 в крупных городских центрах, где происходила интенсивная циркуляция вируса. Это привело к сжатию разрывов: городское преимущество сократилось с 3,4–4,3 до 2,4–2,8 года.

Восстановительный период (2022–2023 гг.) демонстрирует не только восстановление исходной иерархии, но и её усиление. Разрывы расширились до исторических максимумов (3,4–4,33 года для мужчин, 1,4–2,2 года для женщин).

Данный паттерн свидетельствует о том, что территориальное неравенство в ожидаемой продолжительности жизни представляет собой не конъюнктурное явление, временно усугубляемое вследствие эпидемиологических кризисов или макроэкономических шоков, а структурный феномен, укорененный в организационной архитектуре системы здравоохранения и воспроизводимый социально-экономическими иерархиями, дифференцирующими центр (столичный регион) и периферию (сельские территории). Указанные диспропорции не элиминируются улучшением макроэкономических показателей и демонстрируют устойчивость к циклическим колебаниям, что определяет необходимость целенаправленных региональных интервенций структурного характера для их редукции.

Выводы

Проведённое исследование подтверждает гипотезу о существовании в Республике Башкортостан устойчивого территориального градиента смертности, детерминированного иерархией системы расселения (модель «центр–периферия»).

Крупные урбанизированные центры (Уфа, Стерлитамак) демонстрируют преимущество в ожидаемой продолжительности жизни 3,4–4,33 года относительно сельской местности. Болезни системы кровообращения аккумулируют основной вклад в территориальный разрыв (до 2,4 года) как ведущая причина смерти. Данное преимущество опосредовано высокой концентрацией специализированной кардиологической инфраструктуры в крупных центрах. Это различие сохраняет стабильность на протяжении всего периода анализа, указывая на институционализированный характер неравенства.

Однако территориальное неравенство определяется не всеми причинами смерти. Нозологи-

ческий анализ выявляет избирательность вклада: новообразования, болезни органов пищеварения и инфекционные заболевания обнаруживают минимальную дифференциацию по типам поселений (–0,2 до +0,3 года), что указывает на эффективность унифицированных региональных программ скрининга. Болезни органов дыхания продемонстрировали дифференциацию только в пандемийный период (0,8–1,5 года) с последующей нивелировкой.

Вместе с тем территориальное неравенство структурируется не только смертностью от болезней кровообращения. Смертность от внешних причин демонстрирует качественно иную географическую структуру: её максимумы сосредоточены именно в малых городских поселениях (1,0–1,2 года), а не в крупных центрах. Эта инверсия отражает специфические социально-экономические дисфункции промежуточных поселений, детерминируемые высокой распространённостью алкоголизации и травматизма – факторами, которые не находят достаточного противодействия в местной системе здравоохранения. Следовательно, территориальное неравенство в ожидаемой продолжительности жизни структурировано двумя различными механизмами: смертностью от болезней кровообращения (преимущество крупных центров перед периферией) и смертностью от внешних причин (преимущество сельской местности перед малыми городами).

Эта асимметрия причин смерти проявляется дифференцированно по полу. Половозрастная структура смертности обнаруживает существенные гендерные асимметрии: мужское население характеризуется повышенной летальностью от болезней кровообращения (0,8–1,5 года) и внешних причин (0,6–1,2 года), женское – преимущественно от болезней кровообращения (0,8–1,8 года). Вследствие этого территориальный разрыв для мужчин превышает разрыв для женщин в 2–3 раза, указывая на критическую уязвимость молодых мужчин (15–44 лет) в периферийных территориях перед социально детерминированной смертностью.

Именно эти гендерные различия объясняют парадокс, наблюдаемый в малых городах. Модель центр–периферия подвергается деформации в контексте малых городов, где для мужского населения городское преимущество практически элиминируется (0,32–0,93 года), а для женского наблюдается инверсия (сельская местность выше на 0,14–0,17 года). Данное различие обусловлено тем, что мужская смертность в малых городах детерминирована внешними причинами (достигающими там максимальных значений), тогда как женская смертность остаётся зависимой от качества кардиологической инфраструктуры. Эта

аномалия отражает системную уязвимость малых поселений: они слишком крупны для ограничения первичной помощью, но недостаточно развиты для развёртывания полноценной специализированной инфраструктуры. Механизмом деградации выступает отток квалифицированных медицинских кадров в региональный центр, приводящий к парадоксальному снижению показателей ниже периферийного уровня.

Стратификация по возрастным когортам выявляет гетерогенные механизмы неравенства, которые дополняют картину гендерной дифференциации. Для трудоспособного контингента (15–44 года) критическое значение имеет смертность от внешних причин, особенно у мужчин. Профессионально активная когорта (45–64 года) демонстрирует стабильные дифференциалы (0,8–1,1 года), детерминируемые качеством управления хроническими заболеваниями кровообращения. Пожилое население (65+ лет) явилось решающим фактором в восстановительный период (1,25–2,36 года), отражая концентрацию герiatricкой помощи в крупных центрах. Детский возраст демонстрирует слабую дифференциацию,

свидетельствуя об эффективности унифицированных программ профилактики младенческой смертности.

Совокупность выявленных механизмов указывает на структурный характер наблюдаемого неравенства. Стойкость территориального преимущества крупных центров, включая восстановительный период (2022–2023 гг.) с расширением разрывов до исторических максимумов, свидетельствует о том, что территориальное неравенство представляет собой структурный феномен, укоренённый в организационной архитектуре системы здравоохранения и социально-экономических структурах. Выявленная гетерогенность механизмов смертности детерминирует необходимость дифференцированного подхода: для малых городов – переоценка организационных моделей медицинской помощи; для сельских территорий – программы редукции алкоголизации и травматизма среди трудоспособного мужского населения; для крупных центров – укрепление специализированной инфраструктуры при развитии первичной профилактики и геронтологической помощи.

Список источников

1. Sen A. Mortality as an Indicator of Economic Success and Failure. *The Economic Journal*. 1998;108(446):1-25. <https://doi.org/10.1111/1468-0297.00270>
2. Новосельский С.А. Различия смертности городского и сельского населения Европейской России // *Общественный врач*. 1911. №. 4. С. 40–62. EDN LYJRQQ
3. Тополева Т.Н. Приоритеты политики пространственного развития России в условиях новых вызовов: региональный аспект // *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Том 12. №. 10. С. 2641–2654. <https://doi.org/10.18334/err.12.10.116413> EDN DJUIYN
4. Щур А.Е. Различия в ожидаемой продолжительности жизни по типам поселений России // *Демоскоп Weekly*. 2022. № 929-930. С. 31–40. EDN KGUPZ
5. Щур А. Е., Тимонин С.А. Центр–периферийные различия продолжительности жизни в России: региональный анализ // *Демографическое обозрение*. 2020. Том 7. №. 3. С. 108–133. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11638> EDN CCZDJA
6. Fattakhov T.A., Mironova A.A. Population Mortality in the Central Russia Municipalities. *Population and Economics*. 2022;6(3):1–14. <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e84005> EDN QTTSMU
7. Chu N., Zhang P., Wu X. Spatiotemporal Evolution Characteristics of Urbanization and Its Coupling Coordination Degree in Russia – Perspectives from the Population, Economy, Society, and Eco-Environment. *Environmental Science and Pollution Research*. 2022;29:61334–61351. <https://doi.org/10.1007/s11356-022-20215-z>
8. Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад: [монография] / под ред. С.В. Захарова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 344 с. ISBN 978-5-7598-2438-1 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8> EDN FKJKMO
9. Население постсоветских стран: тенденции, прогнозы, межпоколенческие трансферты: [монография] / Г.Т. Абдуллаева, К.Х. Абдурахманов, Д.А. Авдеева [и др.]; под. науч. ред.: М.Б. Денисенко. М.: Прометей, 2024. 752 с. ISBN 978-5-00172-773-6 EDN GROBMZ
10. Марычев Г.А., Щур А.Е., Тимонин С.А. Пространственно-временная сопоставимость структуры смертности по причинам смерти в России: роль региональных практик кодирования причин смерти // *Демографическое обозрение*. 2025. Том 12. № 3. С. 59–105. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28497> EDN ZSLXVA
11. Юмагузин В.В., Винник М.В. Оценка качества статистики смертности по причинам в регионах России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 2(174). С. 282–303. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2368> EDN VJNDWS
12. Jdanov D.A., Jasilians D., Shkolnikov V.M. Two-Dimensional Contour Decomposition: Decomposing Mortality Differences into Initial Difference and Trend Components by Age and Cause of Death. *Demographic Research*. 2024;50:1223–1246. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2024.50.41> EDN KXBLHT

13. Zamyatnina E.S., Shkolnikov V.M., Shchur A.E. Associations Between the Mortality Trends by Cause of Death and Hazardous Alcohol Consumption in Russia. The Conveyor Belt Effect in Action? *Population and Economics*. 2025;9(1):214–243. <https://doi.org/10.3897/popecon.9.e127917> EDN UJZHYZ
14. Денисенко М.Б., Кваша Е.А., Хавраева Ю.В. Младенческая смертность в Москве в 1939-1949 гг. // Демографическое обозрение. 2025. Том 12. № 1. С. 57–85. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i1.26577> EDN HAXQEK
15. Основные тенденции демографических процессов в Башкортостане в конце XX – начале XXI века / Г.Ф. Ахметова., И.Б. Утяшева, Я.А. Скрыбина, Ф.Б. Бурханова // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 1(17). С. 263–279. <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2024-1-263-279> EDN DTWKXM
16. Сафиуллин М.Р. Социально-экономическая роль Уфимской агломерации Республики Башкортостан: проблемы и тренды // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2022. Том 43. №. 2. С. 11–21. <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2022-2-11-21> EDN GODQBV
17. Галин Р.А., Мурзабаева С.Ш., Шаяхметова Р.Р. Здоровье и смертность населения: социально-демографический аспект // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. № 3(113). С. 16–21. EDN QCDSJL
18. Хилажева Г.Ф., Ягафарова Д.Г., Комлева Р.Н. Естественное и миграционное движение населения в сельских районах Республики Башкортостан // Евразийский юридический журнал. 2019. № 12(139). С. 438–440. EDN GRIFER
19. Республика Башкортостан. Демографический доклад: [монография] / под ред. В.Л. Савичева. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 304 с. ISBN 978-5-7477-5708-0 EDN RJEPJQ
20. Шамсутдинова Н.К. Концепция демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 года: результаты и перспективы реализации задач в области снижения смертности // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГТУ. Магас: КЕП, 2017. С. 307–316. EDN NQNUFB
21. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. USA: MIT Press; 1966. 279 p. ISBN 978-0262060134
22. Osareme J.O., Muonde M., Maduka C.P., et al. Demographic Shifts and Healthcare: A Review of Aging Populations and Systemic Challenges. *International Journal of Science and Research Archive*. 2024;11(01):383-395. <https://doi.org/10.30574/ijrsra.2024.11.1.0067>
23. Андреев Е.М. Действительно ли ожидаемая продолжительность жизни при рождении является наилучшим измерителем уровня смертности населения? // Демографическое обозрение. 2021. Том 8. №. 2. С. 6–26. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i2.12780> EDN GOPPVO
24. Смирнова М.И., Самородская И.В., Драпкина О.М. Вариабельность показателей смертности от болезней органов дыхания в регионах Российской Федерации в период пандемии COVID-19 и три предыдущих года // Профилактическая медицина. 2024. Том 27. №. 4. С. 82–88. <https://doi.org/10.17116/profmed20242704182> EDN HFQOHM
25. Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Тимонин С.А. Смертность от болезней системы кровообращения и продолжительность жизни в России // Демографическое обозрение. 2016. Том 3. №. 1. С. 6–34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1761> EDN WFEIZF
26. Petrie K., Abramson M.J., George J. Smoking, Respiratory Symptoms, Lung Function and Life Expectancy: A Longitudinal Study of Ageing. *Respirology*. 2024;29(6):471-478. <https://doi.org/10.1111/resp.14683>

Информация об авторе:

Сюембика Рашидовна Хазипова – аспирант, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодёжью, ведущий специалист, младший научный сотрудник научной лаборатории социальных и демографических исследований, Уфимский университет науки и технологий (SPIN-код: 4688-6461) (РИНЦ Author ID: 1155198) (ResearcherID: KAM-5646-2024) Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.10.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Sen A. Mortality as an Indicator of Economic Success and Failure. *The Economic Journal*. 1998;108(446):1-25. <https://doi.org/10.1111/1468-0297.00270>
2. Novoselsky C.A. Razlichiya Smertnosti Gorodskogo i Sel'skogo Naseleniya Evropeiskoi Rossii. *Obshchestvennyi Vrach*. 1911;(4):40-62 (In Russ.)
3. Topoleva T.N. Priorities of the Spatial Development Policy of Russia Amidst New Challenges: Regional Aspect. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo=Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(10):2641-2654. <https://doi.org/10.18334/epp.12.10.116413> (In Russ.)
4. Shchur A.E. Razlichiya v Ozhidaemoi Prodolzhitel'nosti Zhizni po Tipam Poselenii Rossii. *Demoskop Weekly=Demoscope Weekly*. 2022;(929-930):31-40. (In Russ.)
5. Shchur A.E., Timonin S.A. Center-Peripheral Differences in Life Expectancy in Russia: Regional Analysis. *Demograficheskoe obozrenie=The Demographic Review*. 2020;7(3):108-133. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11638> (In Russ.)
6. Fattakhov T.A., Mironova A.A. Population Mortality in the Central Russia Municipalities. *Population and Economics*. 2022;6(3):1–14. <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e84005>

7. Chu N., Zhang P., Wu X. Spatiotemporal Evolution Characteristics of Urbanization and Its Coupling Coordination Degree in Russia – Perspectives from the Population, Economy, Society, and Eco-Environment. *Environmental Science and Pollution Research*. 2022;29:61334-61351. <https://doi.org/10.1007/s11356-022-20215-z>
8. Zakharov S.V. (ed.) Naselenie Rossii 2019: Dvadsat' Sed'moi Ezhegodnyi Demograficheskii Doklad. Monograph. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics; 2022. 344 p. ISBN 978-5-7598-2438-1 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8> (In Russ.)
9. Denisenko M.B. (sci. ed.), Abdullaeva G.T., Abdurakhmanov K.Kh. Naselenie Postsovetskikh Stran: Tendentsii, Prognozy, Mezhpokolencheskie Transferty. Monograph. Moscow: Publishing House Prometheus; 2024. 752 p. ISBN 978-5-00172-773-6 (In Russ.)
10. Marychev G.A., Shchur A.E., Timonin S.A. Spatial-Temporal Comparability of Mortality Structure by Cause of Death in Russia: the Role of Regional Cause-of-Death Coding Practices. *Demograficheskoe obozrenie=The Demographic Review*. 2025;12(3):59-105. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i3.28497> (In Russ.)
11. Yumaguzin V.V., Vinnik M.V. Assessing the Quality of the Cause-Specific Mortality Statistics in Russian Regions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(2(174)): 282-303. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2368> (In Russ.)
12. Jdanov D.A., Jasilions D., Shkolnikov V.M. Two-Dimensional Contour Decomposition: Decomposing Mortality Differences into Initial Difference and Trend Components by Age and Cause of Death. *Demographic Research*. 2024;50:1223-1246. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2024.50.41>
13. Zamyatnina E.S., Shkolnikov V.M., Shchur A.E. Associations Between the Mortality Trends by Cause of Death and Hazardous Alcohol Consumption in Russia. The Conveyor Belt Effect in Action? *Population and Economics*. 2025;9(1):214-243. <https://doi.org/10.3897/popecon.9.e127917>
14. Denisenko M.B., Kvasha E.A., Khavraeva I.V. Infant Mortality in Moscow in 1939–1949. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2025;12(1):57-85. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i1.26577>
15. Akhmetova G.F. et al. Main Trends in Demographic Processes in Bashkortostan at the End of the XX – Beginning of the XXI. *Ufimskij Gumanitarny'j Nauchny'j Forum=Ufa Humanitarian Scientific Forum*. 2024;(1(17)):263-279. <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2024-1-263-279> (In Russ.)
16. Safullin M.P. Socio-Economic Role of the Ufa Agglomeration of the Republic of Bashkortostan: Problems and Trends. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan=Vestnik of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 2022;43(2):11-21. <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2022-2-11-21> (In Russ.)
17. Galin R.A., Murzabayeva S.Sh., Shayakhmetova R.R. Zdorov'e i Smertnost' Naseleniya: Sotsial'no-Demograficheskii Aspekt. *Ehkonomika i Upravlenie: Nauchno-Prakticheskii Zhurnal=Economics and Management: Scientific and Practical Journal*. 2013;(3(113)):16-21 (In Russ.)
18. Khilazheva G.F., Yagafarova D.G., Komleva R.N. Score and Direction of Internal Labour Migration of the Population of the Republic of Bashkortostan. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal=Eurasian Law Journal*. 2019;(12(139)):438-440 (In Russ.)
19. Savichev V.L. (ed.). The Republic of Bashkortostan. Demographic Report. Monograph. Ufa: Publishing House of the Ufa University of Science and Technology; 2023. 304 p. ISBN 978-5-7477-5708-0 (In Russ.)
20. Shamsutdinova N.K. The Concept of Demographic Policy of the Republic of Bashkortostan for the Period up to 2025: Results and Prospects of Implementing Tasks in the Field of Mortality Reduction. In: Collection of Scientific Papers of the Institute of Social Research of the Ingush State University. Magas: Publishing House KEP; 2017. P. 307–316. (In Russ.)
21. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. USA: MIT Press; 1966. 279 p. ISBN 978-0262060134
22. Osareme J.O., Muonde M., Maduka C.P., et al. Demographic Shifts and Healthcare: A Review of Aging Populations and Systemic Challenges. *International Journal of Science and Research Archive*. 2024;11(01):383-395. <https://doi.org/10.30574/ijra.2024.11.1.0067>
23. Andreev E.M. Is Life Expectancy at Birth Really the Best Measure of the Mortality Rate of the Population? *Demograficheskoe obozrenie=The Demographic Review*. 2021;8(2):6-26. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i2.12780> (In Russ.)
24. Smirnova M.I., Samorodskaya I.V., Drapkina O.M. Variability of Mortality Rates From Respiratory Diseases in the Regions of the Russian Federation During the Pandemic COVID-19 and Three Previous Years. *Profilakticheskaya meditsina=Russian Journal of Preventive Medicine and Public Health*. 2024;27(4):82-88. <https://doi.org/10.17116/profmed20242704182> (In Russ.)
25. Vishnevsky A.G., Andreev E.M., Timonin S.A. Mortality from Diseases of the Circulatory System and Life Expectancy in Russia. *Demograficheskoe obozrenie=The Demographic Review*. 2016;3(1):6-34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1761> (In Russ.)
26. Petrie K., Abramson M.J., George J. Smoking, Respiratory Symptoms, Lung Function and Life Expectancy: A Longitudinal Study of Ageing. *Respirology*. 2024;29(6):471-478. <https://doi.org/10.1111/resp.14683>

Information about the author:

Suembika Rashidovna Khazipova – Research Student, Senior Lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, Leading Specialist, Junior Researcher at the Research Laboratory of Social and Demographic Studies, Ufa University of Science and Technology. (SPIN code: 4688-6461) (ResearcherID: CAM-5646-2024)

The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted 24.10.2025; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Приложение А
Дополнительные статистические данные к анализу смертности
и ожидаемой продолжительности жизни
Application A
Additional Statistical Data for the Analysis of Mortality and Life Expectancy

Таблица А.1

Вклад отдельных возрастных групп в прирост ожидаемой продолжительности жизни мужчин
в среднем за год в трёх периодах: 2011–2016, 2014–2019, 2020–2023 гг., лет

Table A.1

Contribution of Individual Age Groups to the Average Annual Increase in Male Life Expectancy
in Three Periods, 2011–2016, 2014–2019, and 2020–2023, in Years

Населённые пункты	0–14	15–44	45–64	65+	Все возраста
с 2011–2013 по 2014–2016:					
Уфа	-0,15	0,05	0,45	0,21	0,56
Стерлитамак	-0,15	0,23	0,05	0,30	0,42
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,09	-0,01	0,20	0,35	0,63
Другие города	0,20	0,66	0,61	-0,02	1,45
Сельская местность	0,18	0,58	0,46	-0,08	1,15
с 2014–2016 по 2017–2019:					
Уфа	0,23	0,21	0,98	0,87	2,29
Стерлитамак	0,19	0,11	0,92	0,81	2,03
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,12	1,56	0,91	0,41	2,99
Другие города	-0,08	1,13	0,40	0,21	1,67
Сельская местность	0,14	1,10	0,68	0,36	2,29
с 2017–2019 по 2020–2021:					
Уфа	-1,32	0,05	-0,06	-0,75	-2,08
Стерлитамак	-1,05	-0,12	0,61	-0,90	-1,47
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,01	-0,27	-0,80	-1,74	-2,80
Другие города	0,21	0,13	-0,37	-1,06	-1,10
Сельская местность	-0,08	0,05	-0,67	-0,94	-1,64
с 2020–2021 по 2022–2023:					
Уфа	0,02	0,22	1,30	2,36	3,91
Стерлитамак	0,11	0,09	1,26	1,96	3,42
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	-0,05	0,27	0,80	2,17	3,19
Другие города	0,14	0,12	0,22	1,25	1,73
Сельская местность	0,38	-0,25	0,69	1,14	1,96

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики¹².

Таблица А.2

Вклад отдельных возрастных групп в прирост ожидаемой продолжительности жизни женщин
в среднем за год в трёх периодах: 2011–2016, 2014–2019, 2020–2023 гг., лет

Table A.2

Contribution of Individual Age Groups to the Average Annual Increase in Female Life Expectancy
in Three Periods, 2011–2016, 2014–2019, and 2020–2023, in Years

Населённые пункты	0–14	15–44	45–64	65+	Все возраста
с 2011–2013 по 2014–2016:					
Уфа	0,29	0,17	0,22	0,11	0,80

¹² Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат.

Окончание Таблицы А.2

Населённые пункты	0–14	15–44	45–64	65+	Все возраста
Стерлитамак	0,21	0,15	0,12	0,01	0,50
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,11	-0,10	0,21	0,38	0,60
Другие города	0,10	0,20	0,46	-0,08	0,67
Сельская местность	0,01	-0,12	0,45	-0,34	0,00
с 2014–2016 по 2017–2019:					
Уфа	0,41	0,21	0,38	0,18	1,18
Стерлитамак	0,09	0,25	0,55	0,72	1,61
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,03	0,35	0,42	0,77	1,57
Другие города	0,02	0,45	0,24	0,31	1,01
Сельская местность	0,10	0,32	0,27	0,52	1,21
с 2017–2019 по 2020–2021:					
Уфа	-2,31	0,02	-0,18	-0,78	-3,24
Стерлитамак	0,03	-0,22	-1,00	-2,03	-3,21
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	-0,02	-0,27	-1,08	-2,07	-3,43
Другие города	0,11	-0,33	-0,87	-1,94	-3,02
Сельская местность	0,15	-0,17	-0,77	-1,57	-2,36
с 2020–2021 по 2022–2023:					
Уфа	0,01	0,37	1,05	2,90	4,33
Стерлитамак	0,18	0,50	0,93	2,84	4,46
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,15	0,67	1,04	3,27	5,13
Другие города	0,15	0,43	0,80	2,06	3,45
Сельская местность	0,13	0,37	0,91	2,06	3,47

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики¹³.

Таблица А.3

**Вклад отдельных причин смерти в рост ожидаемой продолжительности жизни мужчин
в среднем за год в трёх периодах: 2011–2016, 2014–2019, 2020–2023 гг., лет¹⁴**

Table A.3

**Contribution of Individual Causes of Death to the Average Annual Increase in Male Life Expectancy
in Three Periods, 2011–2016, 2014–2019, and 2020–2023, in Years**

Населённые пункты	ИПБ	НОВ	БСК	БОД	БОП	НП	ВП	ПП	Все
с 2011–2013 по 2014–2016:									
Уфа	-0,16	-0,11	0,10	0,05	-0,12	0,38	0,45	0,01	0,56
Стерлитамак	-0,16	0,06	1,21	-0,31	-0,07	-0,40	0,46	0,56	0,42
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	-0,18	-0,11	0,80	0,09	-0,12	-0,17	0,29	0,03	0,63
Другие города	-0,06	0,05	0,73	0,02	-0,16	0,44	0,48	-0,05	1,45
Сельская местность	-0,01	-0,13	0,83	-0,05	-0,24	0,25	0,71	-0,20	1,15
с 2014–2016 по 2017–2019:									
Уфа	0,09	0,04	1,45	0,04	0,17	-0,23	0,83	-0,39	2,29
Стерлитамак	-0,17	-0,13	-0,15	0,49	0,24	0,46	0,87	-0,63	2,03

¹³ Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат.

¹⁴ ИПБ – инфекционные и паразитарные заболевания, НОВ – новообразования, БСК – болезни системы кровообращения, БОД – болезни органов дыхания, БОП – болезни органов пищеварения, НП – неопределённые причины, ВП – внешние причины, ПП – прочие заболевания, Все – все причины смерти.

Окончание Таблицы А.3

Населённые пункты	ИПБ	НОВ	БСК	БОД	БОП	НП	ВП	ПР	Все
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,07	0,30	0,96	-0,18	0,01	0,92	1,09	-0,18	2,99
Другие города	-0,01	-0,11	0,71	0,00	0,09	0,59	0,96	-0,57	1,67
Сельская местность	-0,11	-0,18	0,57	0,30	0,21	0,80	1,14	-0,45	2,29
с 2017–2019 по 2020–2021:									
Уфа	0,18	0,30	-0,47	-0,90	-0,10	-0,07	0,08	-0,75	-2,08
Стерлитамак	0,09	-0,16	0,02	-0,98	-0,13	0,00	0,37	-0,69	-1,47
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,17	0,14	-0,42	-0,90	-0,13	-0,55	-0,07	-1,04	-2,80
Другие города	0,08	0,13	-0,44	-0,65	-0,15	-0,10	0,42	-0,39	-1,10
Сельская местность	0,06	0,11	-0,55	-0,67	-0,23	-0,22	0,38	-0,51	-1,64
с 2020–2021 по 2022–2023:									
Уфа	0,11	0,19	1,49	1,06	0,03	0,12	-0,25	1,15	3,91
Стерлитамак	0,14	0,31	1,75	1,09	0,11	-0,15	-0,30	0,47	3,42
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,11	0,32	1,62	1,03	-0,16	-0,15	0,02	0,40	3,19
Другие города	0,12	0,17	0,96	0,61	-0,05	-0,11	-0,50	0,55	1,73
Сельская местность	-0,02	0,12	0,99	0,73	0,04	0,08	-0,58	0,60	1,96

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики¹⁵.

Таблица А.4

Вклад отдельных причин смерти в рост ожидаемой продолжительности жизни женщин в среднем за год в трёх периодах: 2011–2016, 2014–2019, 2020–2023 гг., лет

Table A.4

Contribution of Individual Causes of Death to the Average Annual Increase in Female Life Expectancy in Three Periods, 2011–2016, 2014–2019, and 2020–2023, in Years

Населённые пункты	ИПБ	НОВ	БСК	БОД	БОП	НП	ВП	ПР	Все
с 2011–2013 по 2014–2016:									
Уфа	-0,14	-0,08	0,72	0,11	-0,09	0,16	0,12	0,01	0,8
Стерлитамак	-0,12	-0,09	2,08	0,03	-0,09	-1,02	0,31	-0,58	0,50
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	-0,27	0,12	1,09	0,03	-0,14	-0,24	0,07	-0,06	0,60
Другие города	-0,12	0,07	0,82	0,03	-0,14	0,34	0,03	-0,35	0,67
Сельская местность	-0,14	-0,13	1,08	-0,06	-0,26	0,10	-0,05	-0,53	0,00
с 2014–2016 по 2017–2019:									
Уфа	0,04	0,02	1,39	-0,07	0,03	0,13	0,37	-0,72	1,18
Стерлитамак	-0,07	0,29	-0,88	-0,02	0,10	1,63	0,15	0,40	1,61
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	-0,03	0,10	0,18	-0,07	0,09	1,90	0,30	-0,91	1,57
Другие города	0,01	-0,08	0,18	-0,04	0,06	1,71	0,34	-1,17	1,01
Сельская местность	-0,02	-0,21	0,14	0,13	0,15	1,91	0,38	-1,27	1,21
с 2017–2019 по 2020–2021:									
Уфа	0,00	0,23	-0,20	-1,18	-0,14	-0,30	-0,06	-1,58	-3,24
Стерлитамак	-0,05	-0,08	0,31	-1,77	-0,31	-0,22	0,08	-1,16	-3,21
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,15	0,21	-0,36	-1,49	-0,34	-0,44	0,00	-1,15	-3,43
Другие города	0,03	0,20	-0,37	-1,29	-0,14	-0,32	-0,10	-1,03	-3,02
Сельская местность	-0,01	0,22	-0,28	-1,07	-0,20	-0,38	0,23	-0,86	-2,36

¹⁵ Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат.

Окончание Таблицы А.4

Населённые пункты	ИПБ	НОВ	БСК	БОД	БОП	НП	ВП	ПР	Все
с 2020–2021 по 2022–2023:									
Уфа	0,12	0,19	0,62	1,19	0,05	0,42	0,1	1,63	4,33
Стерлитамак	0,13	0,02	0,80	1,84	0,34	0,43	0,09	0,82	4,46
Нефтекамск, Октябрьский, Салават	0,11	0,15	1,52	1,37	0,11	0,34	0,15	1,37	5,13
Другие города	0,04	0,06	0,89	1,22	-0,08	0,40	0,09	0,83	3,45
Сельская местность	0,04	0,16	0,86	0,97	-0,02	0,55	0,05	0,86	3,47

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики¹⁶.

Таблица А.5

Структура стандартизованного коэффициента смертности (СКС) по классам причин смерти в 5 городах среди мужчин, 2011–2013, 2020–2021, 2022–2023, %¹⁷

Table A.5

The Structure of the Standardized Mortality Rate by Cause of Death Classes in Five Cities Among Men, 2011–2013, 2020–2021, and 2022–2023, %

Годы	Территории	БСК	НОВ	БОД	БОП	НП	ИПБ	ВП	ПР
2011–2013	Уфа	54,4%	15,3%	4,0%	3,8%	4,4%	2,6%	12,0%	3,4%
	Стерлитамак	57,2%	13,1%	4,7%	4,7%	4,0%	1,4%	12,8%	2,2%
	Нефтекамск, Октябрьский, Салават	46,1%	13,8%	5,1%	4,3%	10,5%	2,0%	11,7%	6,5%
	Другие города	44,0%	11,1%	5,4%	3,6%	17,7%	1,6%	13,5%	3,1%
	Сельская местность	41,5%	9,1%	8,7%	3,8%	13,5%	1,2%	19,1%	3,2%
2014–2016	Уфа	52,5%	17,1%	4,1%	4,7%	4,1%	3,1%	10,9%	3,6%
	Стерлитамак	42,5%	13,1%	7,2%	5,5%	10,1%	1,9%	12,1%	7,5%
	Нефтекамск, Октябрьский, Салават	40,3%	15,6%	5,8%	5,1%	11,8%	2,7%	11,7%	6,9%
	Другие города	39,9%	12,4%	7,1%	4,8%	14,4%	1,9%	13,7%	5,8%
	Сельская местность	34,9%	10,5%	10,4%	5,4%	13,0%	1,2%	18,2%	6,4%
2017–2019	Уфа	46,3%	19,3%	4,8%	4,5%	4,7%	3,1%	8,8%	8,5%
	Стерлитамак	54,0%	16,2%	5,2%	5,2%	1,6%	2,7%	9,8%	5,3%
	Нефтекамск, Октябрьский, Салават	41,5%	16,1%	8,4%	6,6%	3,1%	3,0%	9,2%	12,1%
	Другие города	41,0%	14,8%	8,4%	5,1%	4,1%	2,0%	11,4%	13,2%
	Сельская местность	36,3%	14,0%	9,7%	5,1%	3,3%	1,7%	16,5%	13,5%
2020–2021	Уфа	40,5%	12,9%	12,1%	4,0%	5,7%	2,0%	6,4%	16,5%
	Стерлитамак	46,2%	14,3%	13,2%	5,1%	2,5%	2,1%	6,9%	9,8%
	Нефтекамск, Октябрьский, Салават	36,6%	11,4%	15,0%	5,8%	5,3%	1,8%	7,4%	16,8%
	Другие города	37,4%	11,5%	13,5%	5,3%	6,0%	1,5%	8,6%	16,3%
	Сельская местность	34,4%	11,0%	14,1%	5,3%	5,1%	1,4%	13,0%	15,7%
2022–2023	Уфа	44,5%	17,0%	5,4%	6,0%	4,5%	2,5%	10,1%	10,0%
	Стерлитамак	45,7%	18,0%	6,3%	6,1%	2,4%	2,5%	11,1%	8,0%
	Нефтекамск, Октябрьский, Салават	33,0%	12,7%	9,8%	8,3%	7,5%	2,1%	9,8%	16,8%
	Другие города	36,7%	13,4%	9,6%	6,6%	4,2%	1,6%	12,2%	15,7%
	Сельская местность	33,3%	12,6%	10,4%	6,2%	3,5%	1,7%	16,9%	15,4%

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики¹⁸.

¹⁶ Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат.

¹⁷ ИПБ – инфекционные и паразитарные заболевания, НОВ – новообразования, БСК – болезни системы кровообращения, БОД – болезни органов дыхания, БОП – болезни органов пищеварения, НП – неопределённые причины, ВП – внешние причины, ПР – прочие заболевания, Все – все причины смерти.

¹⁸ Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат.

Таблица А.6

Структура стандартизованного коэффициента смертности (СКС) по классам причин смерти в 5 городах среди женщин, 2011–2013, 2020–2021, 2022–2023, %¹⁹

Table A.6

The Structure of the Standardized Mortality Rate by Cause of Death Classes in Five Cities for Women, 2011–2013, 2020–2021, and 2022–2023, %

Годы	Территории	БСК	НОВ	БОД	БОП	НП	ИПБ	ВП
2011–2013	Уфа	60,8%	16,5%	2,2%	3,5%	1,3%	5,3%	5,6%
	Стерлитамак	60,1%	14,6%	2,5%	4,6%	0,8%	7,6%	6,5%
	Нефтекамск, Октябрьский, Салават	46,0%	15,6%	2,2%	4,2%	0,7%	16,7%	5,2%
	Другие города	42,2%	12,6%	2,8%	4,1%	0,9%	26,6%	5,6%
	Сельская местность	44,6%	9,8%	4,4%	4,5%	0,7%	22,3%	8,2%
2014–2016	Уфа	56,7%	18,4%	1,8%	4,4%	2,1%	5,5%	5,3%
	Стерлитамак	40,8%	15,4%	2,7%	5,4%	1,3%	18,8%	5,3%
	Нефтекамск, Октябрьский, Салават	37,6%	15,8%	2,5%	5,5%	2,0%	20,3%	5,4%
	Другие города	36,8%	13,2%	3,4%	5,3%	1,5%	23,6%	6,0%
	Сельская местность	35,1%	10,9%	5,0%	6,2%	1,3%	22,1%	8,7%
2017–2019	Уфа	47,7%	19,8%	2,4%	4,7%	2,1%	4,1%	3,8%
	Стерлитамак	57,0%	15,7%	3,1%	5,5%	2,0%	3,3%	4,9%
	Нефтекамск, Октябрьский, Салават	41,7%	17,1%	3,8%	5,8%	2,5%	3,7%	4,2%
	Другие города	40,8%	14,9%	3,9%	5,5%	1,6%	5,5%	4,9%
	Сельская местность	37,8%	13,5%	4,4%	6,0%	1,6%	5,0%	7,7%
2020–2021	Уфа	36,8%	12,9%	11,1%	4,3%	1,6%	6,5%	2,9%
	Стерлитамак	40,6%	12,5%	16,4%	6,1%	1,8%	4,8%	3,4%
	Нефтекамск, Октябрьский, Салават	33,5%	10,6%	14,4%	6,3%	1,3%	5,6%	3,0%
	Другие города	32,5%	10,1%	13,0%	5,0%	1,1%	8,2%	3,8%
	Сельская местность	31,9%	9,8%	11,6%	5,9%	1,4%	7,9%	5,3%
2022–2023	Уфа	49,1%	17,2%	3,3%	6,2%	1,6%	2,7%	3,8%
	Стерлитамак	50,5%	18,0%	4,2%	6,3%	2,0%	1,2%	4,1%
	Нефтекамск, Октябрьский, Салават	35,4%	14,7%	6,7%	8,7%	1,2%	4,8%	3,8%
	Другие города	35,2%	13,2%	5,2%	7,7%	1,4%	2,7%	4,8%
	Сельская местность	35,0%	11,5%	6,5%	7,9%	1,6%	2,9%	6,8%

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики²⁰.

Таблица А.7

Вклад причин смерти в разницу ОПЖ между городскими и сельскими типами поселений (2011–2023 гг.), 2011–2023 гг., лет²¹

Table A.7

Contribution of Causes of Death to the Life Expectancy Gap Between Urban and Rural Settlement Types (2011–2023), 2011–2023, in Years

Уфа vs Сельская местность, мужчины						Уфа vs Сельская местность, женщины					
Причина	2011–2013	2014–2016	2017–2019	2020–2021	2022–2023	Причина	2011–2013	2014–2016	2017–2019	2020–2021	2022–2023
ИП	0,20	0,28	0,18	0,12	0,06	ИП	0,04	0,04	0,02	0,02	-0,02

¹⁹ ИПБ – инфекционные и паразитарные заболевания, НОВ – новообразования, БСК – болезни системы кровообращения, БОД – болезни органов дыхания, БОП – болезни органов пищеварения, НП – неопределённые причины, ВП – внешние причины, ПР – прочие заболевания, Все – все причины смерти.

²⁰ Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат.

²¹ ИПБ – инфекционные и паразитарные заболевания, НОВ – новообразования, БСК – болезни системы кровообращения, БОД – болезни органов дыхания, БОП – болезни органов пищеварения, НП – неопределённые причины, ВП – внешние причины, ПР – прочие заболевания, Все – все причины смерти.

Окончание Таблицы А.7

НОВ	0,84	0,94	0,64	0,42	0,23	НОВ	0,44	0,44	0,31	0,28	0,25
БСК	1,44	2,44	1,12	1,34	0,56	БСК	0,98	1,24	0,37	0,42	0,56
БОД	-0,84	-1,06	-0,75	-0,26	-0,83	БОД	-0,19	-0,27	-0,17	-0,05	-0,24
БОП	-0,04	-0,14	-0,11	-0,20	-0,17	БОП	-0,09	-0,19	-0,13	-0,15	-0,17
НП	-1,60	-1,49	0,17	0,15	0,04	НП	-1,38	-1,36	-0,09	-0,13	-0,03
ВП	-1,38	-1,26	-1,18	-1,07	-1,21	ВП	-0,24	-0,31	-0,31	-0,21	-0,24
ДР	-0,01	-0,49	-0,79	0,25	-1,00	ДР	-0,08	-0,44	-0,75	-0,24	-0,92
Стерлитамак vs Сельская местность, мужчины						Стерлитамак vs Сельская местность, женщины					
Причина	2011-2013	2014-2016	2017-2019	2020-2021	2022-2023	Причина	2011-2013	2014-2016	2017-2019	2020-2021	2022-2023
ИП	0,04	0,10	0,15	0,14	0,06	ИП	0,00	0,00	0,01	0,03	0,01
НОВ	0,69	0,41	0,36	0,65	0,49	НОВ	0,35	0,31	0,07	0,23	0,32
БСК	2,72	1,17	2,70	2,31	1,07	БСК	1,11	0,33	1,07	0,74	0,71
БОД	-0,67	-0,53	-0,63	-0,07	-0,68	БОД	-0,16	-0,19	-0,12	0,42	-0,19
БОП	0,17	0,02	0,03	-0,01	-0,11	БОП	0,00	-0,09	-0,06	0,01	-0,15
НП	-1,60	-0,48	-0,25	-0,42	-0,19	НП	-1,19	-0,32	-0,14	-0,29	-0,12
ВП	-1,07	-1,00	-0,95	-0,99	-1,00	ВП	-0,15	-0,29	-0,23	-0,17	-0,21
ДР	-0,18	0,16	-1,18	-0,94	-1,17	ДР	-0,17	-0,07	-1,18	-1,09	-1,05
Нефтекамск, Октябрьский, Салават vs Сельская местность, мужчины						Нефтекамск, Октябрьский, Салават vs Сельская местность, женщины					
Причина	2011-2013	2014-2016	2017-2019	2020-2021	2022-2023	Причина	2011-2013	2014-2016	2017-2019	2020-2021	2022-2023
ИП	0,12	0,21	0,14	0,07	0,00	ИП	-0,01	0,03	0,04	-0,02	-0,05
НОВ	0,63	0,61	0,02	0,01	-0,26	НОВ	0,37	0,25	0,08	0,02	0,02
БСК	0,22	0,29	0,04	0,19	-0,76	БСК	-0,15	-0,13	-0,16	-0,05	-0,44
БОД	-0,68	-0,84	-0,33	0,08	-0,29	БОД	-0,19	-0,23	-0,09	0,16	-0,08
БОП	0,04	-0,11	0,11	0,04	0,12	БОП	-0,05	-0,11	-0,07	0,00	-0,06
НП	-0,64	-0,36	-0,09	0,00	0,41	НП	-0,53	-0,31	-0,13	-0,24	0,07
ВП	-1,41	-1,22	-1,22	-1,00	-1,22	ВП	-0,27	-0,31	-0,30	-0,23	-0,26
ДР	0,49	-0,02	-0,41	0,10	-0,17	ДР	0,26	-0,07	-0,42	-0,23	-0,54
Другие города vs Сельская местность, мужчины						Другие города vs Сельская местность, женщины					
Причина	2011-2013	2014-2016	2017-2019	2020-2021	2022-2023	Причина	2011-2013	2014-2016	2017-2019	2020-2021	2022-2023
ИП	0,09	0,11	0,06	0,05	-0,02	ИП	0,02	0,01	0,00	-0,03	-0,01
НОВ	0,50	0,34	0,24	0,23	0,19	НОВ	0,28	0,17	0,11	0,10	0,17
БСК	1,03	0,88	1,04	1,02	0,73	БСК	-0,02	0,09	0,23	0,25	0,16
БОД	-0,48	-0,52	-0,12	0,09	-0,05	БОД	-0,12	-0,14	-0,04	0,20	-0,07
БОП	0,02	-0,08	0,05	0,06	0,09	БОП	-0,02	-0,08	-0,03	-0,05	0,01
НП	0,96	0,26	0,15	0,24	0,14	НП	0,45	0,09	0,04	0,08	0,00
ВП	-0,78	-0,70	-0,63	-0,64	-0,59	ВП	-0,18	-0,23	-0,20	-0,11	-0,11
ДР	0,02	-0,10	0,08	0,33	0,14	ДР	0,00	-0,06	-0,07	0,16	0,26

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики²².

²² Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат.

Таблица А.8

Вклад возрастных групп в разницу ОПЖ между городскими и сельскими типами поселений
(2011–2023 гг.), 2011–2023 гг., лет

Table A.8

Contribution of Age Groups to the Life Expectancy Gap Between Urban and Rural Settlement Types
(2011–2023), 2011–2023, in Years

Период	Возраст	Уфа vs Сельская местность (лет), мужчины	Стерлитамак vs Сельская местность (лет), мужчины	Нефтекамск, Октябрьский, Салават vs Сельская местность (лет), мужчины	Остальное гор vs Сельская местность (лет), мужчины
2011–2013	0–14	-0,06	-0,06	-0,08	-0,04
	15–39	-0,95	-0,78	-0,83	-0,3
	40–64	-0,8	-0,43	-0,84	-0,03
	65+	0,93	2,44	1,16	2,93
2014–2016	0–14	-0,04	-0,07	-0,06	-0,04
	15–39	-0,85	-0,48	-0,57	-0,31
	40–64	-0,58	-0,35	-0,55	-0,23
	65+	1,31	1,41	-0,27	1,4
2017–2019	0–14	-0,05	-0,06	-0,06	0
	15–39	-0,81	-0,44	-0,68	-0,34
	40–64	-0,66	-0,38	-0,71	-0,03
	65+	1,54	2,08	-0,3	2,04
2020–2021	0–14	-0,07	-0,06	-0,07	-0,05
	15–39	-0,79	-0,62	-0,59	-0,41
	40–64	-0,63	-0,32	-0,73	-0,19
	65+	4,03	2,92	1,81	3,52
2022–2023	0–14	-0,01	-0,01	0	-0,01
	15–39	-0,93	-0,8	-0,78	-0,54
	40–64	-1,05	-0,62	-0,77	0,12
	65+	-0,26	-0,03	-0,89	1,68
Период	Возраст	Уфа vs Сельская местность (лет), женщины	Стерлитамак vs Сельская местность (лет), женщины	Нефтекамск, Октябрьский, Салават vs Сельская местность (лет), женщины	Остальное гор vs Сельская местность (лет), женщины
2011–2013	0–14	-0,01	-0,02	-0,04	-0,01
	15–39	-0,28	-0,19	-0,26	-0,08
	40–64	-0,42	-0,27	-0,45	-0,05
	65+	0,47	0,58	0,49	0,97
2014–2016	0–14	-0,04	-0,05	-0,05	-0,03
	15–39	-0,36	-0,27	-0,24	-0,17
	40–64	-0,29	-0,13	-0,35	-0,09
	65+	-0,18	0,26	-0,26	0,26
2017–2019	0–14	-0,05	-0,05	-0,04	-0,01
	15–39	-0,4	-0,26	-0,27	-0,22
	40–64	-0,23	-0,24	-0,39	-0,08
	65+	-0,04	0,02	-0,47	0,58

Окончание Таблицы А.8

2020–2021	0–14	-0,03	-0,03	-0,02	-0,01
	15–39	-0,39	-0,26	-0,26	-0,17
	40–64	-0,25	-0,14	-0,26	-0,02
	65+	1,09	0,55	-0,01	1,37
2022–2023	0–14	-0,02	-0,03	-0,02	-0,01
	15–39	-0,33	-0,22	-0,3	-0,15
	40–64	-0,35	-0,21	-0,33	-0,03
	65+	-0,07	-0,3	-1,06	1,01

Источник: расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики²³.

²³ Статистические данные были получены автором на основе запроса о предоставлении официальной статистической информации в Росстат.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Оригинальная статья

УДК 314.1:332.1

JEL J11, R23, B41

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_9_142_154

EDN EBPBOB

Демографическое развитие региона: разработка понятийно-категориального аппарата

Наталья Павловна Неклюдова

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
(neklyudova.np@uiec.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5026-1394>)

Аннотация

Целью исследования является разработка системного понятийно-категориального аппарата для комплексного анализа демографического развития региона. Для преодоления фрагментации существующих подходов, разделяющих количественные, качественные и поведенческие аспекты, предложена методология, основанная на принципах мутационного синтеза. В качестве базовой категории принято определение демографического развития как направленного изменения свойств населения, ведущего к смене его состояния. Метод мутаций (перестановок) применён к иерархической системе категорий, включающей триады «население» (количество, качество, поведение), «направленность изменений» (регресс, изогресс, прогресс) и «состояние системы» (хаос, упорядочивание, стабилизация). Это позволило осуществить логический синтез полного набора из 27 периферийных понятий, описывающих все возможные конфигурации демографического состояния региона. Информационные источники, использованные в статье, включают корпус классических и современных демографических теорий, а также методологические работы по организации научного знания. Основным результатом исследования является целостный понятийный каркас, обеспечивающий полноту описания демографической системы региона через уникальные триадические состояния. Аппарат обеспечивает интеграцию классических демографических концепций в единое логическое пространство, позволяя проводить их тонкую дифференциацию и увязывать с институциональным контекстом. На основе синтезированных понятий предложены варианты их группировки по оценочному вектору, уровню управления и объекту изменений, а также комплексная трёхмерная таксономия для типологизации регионов. Выводы исследования подтверждают, что разработанный аппарат актуализирует задачи создания интегративных моделей, изучения нелинейной динамики, парадоксальных состояний и формирования систематической теории региональных демографических различий, создавая методологическую основу для обоснования дифференцированной демографической политики.

Ключевые слова: демографическое развитие региона, понятийно-категориальный аппарат, метод мутаций, типология регионов, человеческий капитал, демографическая динамика, управление демографическим развитием

Для цитирования: Неклюдова Н.П. Демографическое развитие региона: разработка понятийно-категориального аппарата // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 142–154. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_9_142_154 EDN EBPBOB

RAR (Research Article Report)

JEL J11, R23, B41

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_9_142_154

Regional Demographic Development: Elaborating a Conceptual and Categorical Framework

Natalia P. Neklyudova

Institute of Economics of The Ural Branch of The Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia
(neklyudova.np@uiec.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5026-1394>)

Abstract¹

The aim of the study is to develop a systematic conceptual and categorical framework for the comprehensive analysis of regional demographic development. To overcome the fragmentation of existing approaches that separate quantitative, qualitative, and behavioral aspects, a methodology based on the principles of permutation-based (mutational) synthesis is proposed. The definition of demographic development as a directed change in the properties of a population leading to a change in its state is adopted as the basic category. The permutation (rearrangement) method was applied to a hierarchical system of categories, including the triads «population» (quantity, quality, behavior), «direction of changes» (regress, isogress, progress), and «state of the system» (chaos, ordering, stabilization). This enabled the logical synthesis of a complete set of 27 peripheral concepts describing all possible configurations of a region's demographic state. The sources used in the article include a corpus of classical and modern demographic theories, as well as methodological works on the organization of scientific knowledge. The main result of the study is a holistic conceptual framework that ensures a complete description of a region's demographic system through distinct triadic states. The apparatus facilitates the integration of classical demographic concepts into a unified logical space, allowing for their fine differentiation and linkage to the institutional context. Based on the synthesized concepts, options for their grouping by evaluative vector, level of management, and object of change are proposed, along with a comprehensive three-dimensional taxonomy for regional typologization. The study's conclusions confirm that the developed apparatus actualizes the tasks of creating integrative models, studying non-linear dynamics and paradoxical states, and forming a systematic theory of regional demographic differences, thereby establishing a methodological foundation for substantiating differentiated demographic policy.

Keywords: regional demographic development, conceptual and categorical framework, permutation method, regional typology, human capital, demographic dynamics, demographic development management

© Неклюдова Н.П., 2026

For citation: Neklyudova N.P. Regional Demographic Development: Elaborating a Conceptual and Categorical Framework. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):142–154. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_9_142_154 (In Russ.)

Введение

Демографическое развитие регионов России выступает ключевым фактором их социально-экономической динамики и основополагающим условием обеспечения качества жизни населения. В условиях углубляющихся межрегиональных диспропорций, долгосрочной депопуляции значительной части территории страны и старения населения формирование адекватных инструментов анализа демографических процессов становится задачей первостепенной важности для обоснования дифференцированной региональной политики. Эффективность такой политики напрямую зависит от точности и целостности научного понимания её объекта, что, в свою очередь, обусловлено зрелостью понятийно-категориального аппарата. Проблема демографического развития является предметом глубокого и многопланового изучения в отечественной науке. На макроуровне фундаментальные исследования российских демографов выявили общенациональные тренды: депопуляцию [1; 2; 3; 4; 5; 6], старение [4; 6], трансформацию семьи [4; 7] и роль миграции [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Исследования также фиксируют глубокие мировоззренческие и поведенческие сдвиги, требующие пересмотра подходов к демографической политике, усиления роли здравоохранения и социальных факторов [8; 9; 10]. Параллельно сформировалось направление региональных исследований, сфокусированных на внутрискановой дифференциации [11; 12]. Эти работы убедительно демонстрируют поляризацию демографического развития субъектов РФ. Выявлен устойчивый рост столичных агломераций на фоне глубокой депопуляции регионов Дальнего Востока, Сибири и ряда областей Европейской части России, что создаёт серьёзные вызовы для территориальной целостности и сбалансированного развития [12; 13; 14; 15; 16]. Эта проблема требует специфических инструментов оценки, что находит отражение в работах по типологизации регионов на основе интегральных показателей и пороговых значений, близких к целям государственной политики [15; 16].

Отдельное направление связано с рефлексией над категориальным фундаментом демографической науки. Значительный вклад в развитие этого направления внесла научная школа Центра по изучению проблем народонаселения МГУ, сфор-

мировавшаяся под руководством Д.И. Валентея. В рамках междисциплинарного подхода велась систематическая работа по упорядочению понятийного аппарата и построению общей теории народонаселения [17]. Важной вехой стало издание «Демографического энциклопедического словаря» (1985)¹, который выполнил функцию консолидации терминологического поля. Продолжением этой работы стал выпуск в 1994 году энциклопедического словаря «Народонаселение» под редакцией Г.Г. Меликьяна², который продолжил развитие понятийного ряда в новых социально-экономических условиях. В 2013 году издана первая в России «Демографическая энциклопедия» под редакцией А.А. Ткаченко³. Это издание, актуализировало терминологию с учётом радикальных изменений в обществе и науке, расширив спектр охватываемых тем. Продолжая и углубляя эту традицию, работы Т.К. Ростовской и её соавторов направлены на преодоление терминологической неопределённости и повышение концептуальной строгости, что напрямую влияет на качество управленческих решений. В частности, ими дана научная трактовка категорий «демографическая стабильность» и «демографическая безопасность», а также синтезирован новый понятийный конструкт «ресурс демографического развития» [18; 19; 20]. Зарубежные исследования вносят существенный вклад как в общую систему организации знаний (включая разработку тезаурусов и таксономий [21; 22]), так и в методологию анализа пространственных и структурных аспектов демографического развития [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29].

Объектом данного исследования выступает сам понятийно-категориальный аппарат региональной демографии, существующий в состоянии фрагментации. Существующие подходы оказываются недостаточными для интегративного понимания демографического развития как единства, в котором количественные, качественные и поведенческие характеристики населения неразрывно связаны с направленностью изменений и инсти-

¹ Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985. 608 с

² Народонаселение. Энциклопедический словарь / А.А. Кваша, А.А. Ткаченко, Н.Н. Шаповалова [и др.]; гл. ред. Г.Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 640 с. ISBN 5852700908

³ Демографическая энциклопедия / А.В. Аношкин, М.Б. Денисенко, В.В. Елизаров; гл. ред. А.А. Ткаченко. М.: Энциклопедия, 2013. 942 с. ISBN 978-5-94802-051-8

туциональным состоянием системы. Предметом исследования выступает система взаимосвязей между количественными, качественными и поведенческими характеристиками населения, направленностью их изменений и институциональным состоянием региональной демографической системы, репрезентируемая через понятийно-категориальный аппарат. Гипотеза исследования состоит в том, что систематизация ключевых свойств населения, вектора их изменений и состояния системы через метод мутационного синтеза позволит разработать целостный понятийный аппарат. Такой аппарат принципиально повысит точность и полноту анализа, обеспечит интеграцию классических концепций и создаст основу для сравнительной диагностики и типологизации регионов. Для проверки данной гипотезы и преодоления выявленного концептуального разрыва целью работы является разработка понятийно-категориального аппарата исследования демографического развития региона, основанного на методе мутаций. Задачи исследования включают: (1) определение базовой категории первого уровня; (2) структурирование категорий первого и второго уровней; (3) применение метода мутаций для

генерации триадических комплексов; (4) синтез периферийных понятий и их интерпретативных соответствий.

Теоретические и методологические положения

В качестве базовой категории первого уровня принимается следующее определение: «демографическое развитие – это направленное изменение качественных, количественных и поведенческих свойств населения региона, ведущее к смене демографического состояния региона» [30]. Данное определение раскрывается через три ключевых аспекта. Первый аспект – это само население как объект изменений, который характеризуется количеством, качеством и поведением. Второй аспект – направленность изменений, то есть вектор развития системы, который может принимать формы регресса, изогресса или прогресса. Третий аспект – состояние как результат изменений, определяющий уровень организованности системы: от хаоса через упорядочивание к стабилизации. Категории первого уровня образуют триадическую структуру, каждая из которых включает три категории второго уровня (рисунок 1.):

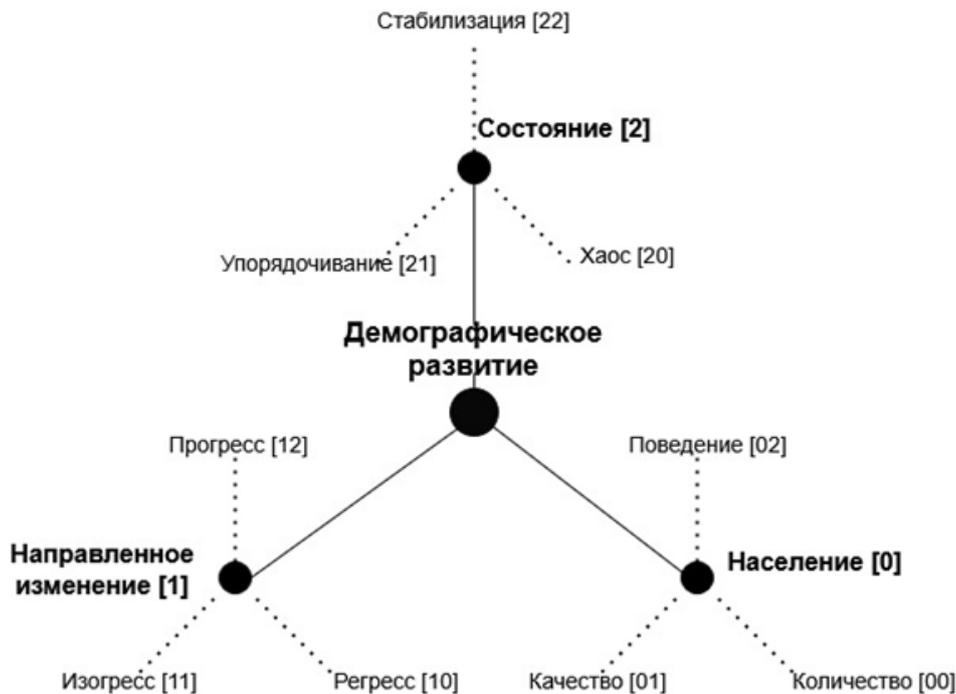

Рисунок 1. Двухуровневая дешифровка категории «демографическое развитие»
Figure 1. Two-Level Decoding of the Category «Demographic Development»

Источник: составлено автором.

Таблица 1 наглядно представляет сущность и содержание демографического развития через три базовых триады, каждая из которых объеди-

няет категории второго уровня внутри одной категории первого уровня.

Таблица 1

Базовые категории и триады понятийного аппарата демографического развития региона

Table 1

Basic Categories and Triads of the Conceptual Framework for Regional Demographic Development

	Триада	Синтезированное понятие	Интерпретативное соответствие
Сущность и содержание демографического развития	[00] Количество населения [01] Качество населения [02] Демографическое поведение	Демографический потенциал региона / Интегральный профиль населения региона	Базовый контур, объединяющий численность, структуру и поведенческие практики жителей региона; служит точкой отсчёта для всех последующих мутаций.
	[10] Регресс [11] Изогресс [12] Прогресс	Демографическая динамика региона / Шкала направленности изменений	Вектор возможных траекторий демографического развития, показывающий, идёт ли система к деградации, к комбинированным (изогрессивным) сдвигам или к устойчивому прогрессу.
	[20] Хаос [21] Упорядочивание [22] Стабилизация	Континуум демографических состояний	Диапазон структурной организованности демографической системы, определяющий степень энтропии демографических процессов и устойчивость институтов воспроизводства населения

Источник: составлено автором.

Метод мутаций (перестановок) категорий представляет собой процедуру генерации новых понятий через перестановки элементов категорий разных уровней. Мутация осуществляется путём формирования триадических комплексов, в которых каждый элемент принадлежит к разным категориям первого уровня, но представляет категорию второго уровня [31]. Процедура мутации включает следующие этапы:

1. Выбор одной категории второго уровня из каждой категории первого уровня;
2. Образование триады из трёх выбранных категорий;
3. Синтез периферийного понятия на основе логической связи элементов триады;
4. Формулирование интерпретативного соответствия, раскрывающего содержание синтезированного понятия.

Формула синтеза:

$$[0x] + [1y] + [2z] \rightarrow \text{Периферийное понятие, (1)}$$

где: $x, y, z \in \{0, 1, 2\}$.

Применение метода мутаций позволяет получить полный набор периферийных понятий, достаточных для описания всего спектра возможных состояний демографического развития региона. Каждая новая триада отражает синтезированную категорию, и в совокупности с базовой триадой они образуют упорядоченный категориальный аппарат, являющийся новой частью научной теории исследуемого объекта.

Использованные данные и методы работы с ними

Исследование носит теоретико-методологический характер и основано на анализе корпуса

классических и современных демографических теорий, а также работ по организации научного знания и методологии социальных наук [21; 22; 24; 31]. В качестве основного инструмента построения целостного понятийно-категориального аппарата применяется логико-дедуктивный метод мутационного синтеза (перестановок), подробно описанный в предыдущем разделе. Его суть заключается в комбинаторном соединении элементов иерархической системы категорий для генерации полного набора непротиворечивых периферийных понятий. Данный метод не требует эмпирической базы данных на этапе концептуального построения, так как его цель – создание исчерпывающей логической матрицы возможных состояний системы, которая в дальнейшем может служить основой для эмпирической верификации и разработки соответствующих индикаторов.

Результаты исследования и обсуждение

В результате применения метода мутационного синтеза была сформирована полная система из 27 уникальных периферийных понятий, составляющих целостный понятийно-категориальный аппарат для анализа демографического развития (таблица 2). Полнота системы, охватывающей все возможные конфигурации связей между базовыми категориями, обеспечивается комбинаторным принципом её построения, что даёт $27(3^3)$ неповторяющихся триад. Эти триады образуют замкнутую и непротиворечивую матрицу, в рамках которой любая новая комбинация окажется логическим дубликатом уже существующей в этой системе. С формальной точки зрения, полученная совокупность представляет собой декартово про-

изведение элементов заданных категориальных множеств, что гарантирует исчерпывающую индексацию семантических связей внутри иерархии. Данная система демонстрирует структурную симметрию, не содержит избыточности и, следовательно, формирует минимальный, но при этом достаточный концептуальный базис для организации исследуемого предметного поля.

Наименования синтезированных понятий, представленных ниже, могут показаться необычными и непривычными для читателя, знакомого с традиционной демографической терминологией.

Это связано с тем, что они являются результатом синтеза элементов из разных категориальных уровней и отражают комплексные, многомерные состояния демографической системы. Автор осознает, что некоторые термины могут быть уточнены или переименованы в процессе дальнейшей разработки понятийного аппарата. Однако на данном этапе исследования предложенные наименования, на наш взгляд, адекватно отражают сущностное содержание триад и позволяют идентифицировать специфические состояния демографического развития региона.

Таблица 2

Перечень синтезированных периферийных понятий, предназначенных для описания предметной области демографического развития региона

Table 2

Glossary of Synthesized Peripheral Concepts for the Field of Regional Demographic Development

№	Три-ада	Синтезированное периферийное понятие	Интерпретация (логическая связь и содержание)
1	00, 10, 20	Демографический коллапс	Регресс (10) в количестве населения (00), происходящий в условиях хаоса (20). Это состояние резкого, неконтролируемого сокращения численности населения из-за стихийного, социального, экономического или политического распада.
2	00, 10, 21	Упорядоченная депопуляция	Регресс (10) в количестве населения (00), осуществляемый через процесс упорядочивания (21). Целенаправленное, управляемое сокращение численности населения в рамках проводимой государственной политики или иных системных мер.
3	00, 10, 22	Стагнация численности населения	Регресс (10) в количестве населения (00) в условиях стабилизации (22). Длительный период нулевого или отрицательного прироста населения в устоявшемся, но неблагоприятном демографическом режиме.
4	00, 11, 20	Демографическая резилентность	Изогресс (11) в количестве населения (00) вопреки состоянию хаоса (20). Способность популяции сохранять свою численность в условиях кризиса за счёт внутренних резервов и адаптивных механизмов.
5	00, 11, 21	Демографический оптимум	Изогресс (11) в количестве населения (00) через упорядочивание (21). Достижение и поддержание оптимальной численности населения посредством системного регулирования миграции и рождаемости.
6	00, 11, 22	Демографический гомеостаз	Изогресс (11) в количестве населения (00) в состоянии стабилизации (22). Устойчивое состояние, при котором численность населения не подвержена значительным колебаниям в сложившейся социально-экономической системе.
7	00, 12, 20	Стихийный демографический взрыв	Прогресс (12) в количестве населения (00) в условиях хаоса (20). Быстрый, нерегулируемый прирост населения, вызванный отсутствием контроля и структурным дисбалансом в обществе.
8	00, 12, 21	Управляемый демографический рост	Прогресс (12) в количестве населения (00) через упорядочивание (21). Целенаправленное увеличение численности населения в результате реализации продуманной социальной и экономической политики.
9	00, 12, 22	Устойчивый демографический рост	Прогресс (12) в количестве населения (00), поддерживаемый состоянием стабилизации (22). Планомерный, управляемый прирост населения в условиях общественной и экономической стабильности.
10	01, 10, 20	Деградация человеческого капитала	Регресс (10) в качестве населения (01) в условиях хаоса (20). Стремительное снижение уровня здоровья, образования и профессиональных навыков населения.
11	01, 10, 21	Институциональная деградация человеческого капитала	Регресс (10) в качестве населения (01) через упорядочивание (21). Целенаправленное упрощение системы образования и здравоохранения, ведущее к снижению качества человеческого потенциала.

№	Три-ада	Синтезированное периферийное понятие	Интерпретация (логическая связь и содержание)
12	01, 10, 22	Стагнация человеческого потенциала	Регресс (10) в качестве населения (01) на фоне формальной стабилизации (22). Парадоксальная ситуация, когда при внешнем порядке ключевые показатели благосостояния и компетенций населения деградируют.
13	01, 11, 20	Адаптивная резистентность	Изогресс (11) в качестве населения (01) вопреки хаосу (20). Способность сообществ сохранять и даже незначительно улучшать отдельные качественные показатели (например, взаимопомощь, неформальное образование) в нестабильной среде.
14	01, 11, 21	Оптимизация человеческого капитала	Изогресс (11) в качестве населения (01) через процесс упорядочивания (21). Целенаправленное, системное улучшение человеческого капитала без кардинальных изменений вектора развития, а через наладку существующих институтов.
15	01, 11, 22	Гомеостаз человеческого капитала	Изогресс (11) в качестве населения (01) в состоянии стабилизации (22). Поддержание достигнутого уровня качества жизни и человеческого капитала без существенных изменений, фокус на сохранении статус-кво.
16	01, 12, 20	Хаотический прогресс человеческого капитала	Прогресс (12) в качестве населения (01), достигнутый несмотря на хаос (20). Феномен, когда население наращивает свой потенциал на фоне турбулентности институтов или в обстановке общего системного распада. Параметр отражает нелинейные эффекты «созидательного хаоса».
17	01, 12, 21	Стратегическое развитие человеческого капитала	Прогресс (12) в качестве населения (01) через упорядочивание (21). Последовательное и планомерное повышение уровня образования, здоровья и культуры населения в рамках государственных или корпоративных программ.
18	01, 12, 22	Устойчивое развитие человеческого потенциала	Прогресс (12) в качестве населения (01) в условиях стабилизации (22). Непрерывное и сбалансированное улучшение качественных характеристик населения как основа долгосрочного процветания общества.
19	02, 10, 20	Демографическая аномия	Регресс (10) в демографическом поведении (02) в условиях хаоса (20). Распад социальных норм, регулирующих семейные и репродуктивные отношения, ведущий к кризису института семьи.
20	02, 10, 21	Институционализируемая депопуляция	Регресс (10) в демографическом поведении (02) в процессе упорядочивания (21). Ситуация, когда вводимые государством или обществом «порядки» ведут к архаизации семейных моделей, подавлению репродуктивных прав и свободы выбора.
21	02, 10, 22	Консервативный демографический уклад	Регресс (10) в демографическом поведении (02) в условиях стабилизации (22). Закрепление устаревших, ригидных моделей репродуктивного и семейного поведения, сдерживающих адаптацию к новым социальным реалиям.
22	02, 11, 20	Адаптивная демографическая лабильность	Изогресс (11) в демографическом поведении (02) в условиях хаоса (20). Способность населения приспосабливать модели семьи и рождаемости к нестабильной среде, находя неоптимальные, но рабочие поведенческие стратегии.
23	02, 11, 21	Изогрессивная институционализация поведения	Изогресс (11) в демографическом поведении (02) через упорядочивание (21). Постепенное, управляемое изменение семейных и репродуктивных норм, приводящее к новой, более адаптивной структуре демографического поведения.
24	02, 11, 22	Стабильный демографический этос	Изогресс (11) в демографическом поведении (02) в состоянии стабилизации (22). Устойчивая и воспроизводимая система норм и практик, определяющих демографическое поведение населения в устоявшемся обществе.
25	02, 12, 20	Стихийная демографическая либерализация	Прогресс (12) в демографическом поведении (02) в условиях хаоса (20). Спонтанный слом старых норм и возникновение новых, более свободных и разнообразных моделей семейной жизни в отсутствие жёсткого контроля.
26	02, 12, 21	Демографический инжиниринг	Прогресс (12) в демографическом поведении (02) через упорядочивание (21). Процесс перехода к более осозанным и планируемым репродуктивным практикам, поддерживаемый развитием социальных норм и государственной политики.
27	02, 12, 22	Демографическая синергия	Прогресс (12) в демографическом поведении (02) в условиях стабилизации (22). Закрепление прогрессивных, осознанных и здоровых моделей демографического поведения как новой социальной нормы в стабильном обществе.

Источник: составлено автором.

Разработанный понятийно-категориальный аппарат обеспечивает полноту описания демографического развития региона через систему из 3 основных и 27 периферийных понятий, охватывающих все возможные комбинации базовых категорий. Каждая триада представляет уникальное состояние демографической системы, что позволяет типологизировать регионы по характеру их демографического развития. Триадаическая структура обеспечивает системность описания. Каждый элемент триады вносит свой вклад

в формирование синтезированного понятия, а интерпретативное соответствие раскрывает механизмы взаимодействия элементов. Разработанные периферийные понятия успешно соотносятся с классическими демографическими концепциями, что подтверждает теоретическую валидность предлагаемого аппарата. Таблица 3 демонстрирует как предложенный аппарат переосмысливает и конкретизирует существующие теории, связывая их с определёнными структурными состояниями системы (триадами).

Таблица 3

Соответствие некоторых синтезированных понятий классическим демографическим концепциям и моделям

Table 3

Correspondence of Some Synthesized Concepts to Classical Demographic Concepts and Models

Синтезированное понятие (триада)	Соответствующая классическая демографическая концепция
Демографический коллапс (00, 10, 20)	Мальтузианская катастрофа. Классическая мальтузианская ловушка описывает регресс численности (голод, эпидемии, войны) как результат давления населения на ресурсы в условиях неэффективных (хаотичных) социальных институтов. Триада формализует это как состояние количественного регресса в институциональном хаосе.
Демографический гомеостаз (00,11,22); Стагнация численности населения(00,10,22)	Близкое соответствие модели стационарного населения, подразумевающей неизменную общую численность, постоянную возрастную структуру и равное число рождений и смертей
Демографический оптимум (00,11,21)	Прямое концептуальное соответствие теории оптимума населения, которая ищет наилучшее соотношение численности населения и ресурсов. Триада 00,11,21 конкретизирует, что этот оптимум достигается не статично, а в процессе активного упорядочивания (21).
Стагнация человеческого потенциала (01,10,22)	Косвенное, но важное соответствие концепции «ловушки среднего дохода» (в демографическом плане). Состояние населения характеризуется институциональной ригидностью (22), которая тормозит дальнейшее качественное развитие человеческого капитала (регресс 10 в качестве 01). Триада формализует этот застойный аспект.
Оптимизация человеческого капитала (01,11,21)	Прямое соответствие теории человеческого капитала (Г. Беккера, Т. Шульца), которая описывает целенаправленные инвестиции в образование и здоровье как драйвер роста.
Стратегическое / Устойчивое развитие человеческого потенциала (01, 12, 21; 01, 12, 22)	Прямое и комплексное соответствие концепции человеческого развития (ПРООН), которая как раз фокусируется на прогрессе в качестве жизни, знаниях и здоровье (прогресс 12 в качестве 01). Триады 21 и 22 дифференцируют этапы: 21 – этап активного построения институтов развития (упорядочивание), 22 – этап поддержания и углубления, достигнутого в стабильных условиях.
Демографический инжиниринг (02,12,21)	Прямое соответствие целенаправленным демографическим политикам, например, политике планирования семьи. Отражает этап, когда общество или государство через просвещение, доступ к контрацепции, изменение законодательства (упорядочивание 21) активно способствует переходу к планируемой, осознанной фертильности (прогресс 12 в поведении 02).
Стихийный демографический взрыв (00,12,20)	Прямое соответствие первой фазе модели демографического перехода, которая описывает взрывной рост населения на начальной стадии (снижение смертности при высокой рождаемости) часто в условиях социально-экономической трансформации, близкой к хаосу (20). Триада фиксирует это как прогресс численности в неупорядоченной среде.
Стабильный демографический этос (02,11,22)	Соответствие теории второго демографического перехода. Утверждение новых норм: поздние браки, разнообразие семейных форм, приоритет самореализации, низкая и регулируемая фертильность.

Источник: составлено автором.

Более того, аппарат позволяет провести тонкую дифференциацию внутри, казалось бы, единых понятий. Например, идея «стационарного населения» распадается на две принципиально различные конфигурации: деструктивную стагнацию в ригидной системе (00,10,22) и динамический гомеостаз, характерный для завершивших переход обществ (00,11,22). Аналогично, теория «оптимума населения» конкретизируется как изогрессивное состояние, достигаемое в процессе целенаправленного упорядочивания (00,11,21). Особую ценность представляет способность аппарата операционализировать поведенческие и качественные аспекты, слабо отрефлектированные в классических макротеориях. Концепции человеческого капитала (Беккер, Шульц) и человеческого развития (ПРООН) находят своё выражение в триадах, описывающих стратегическое улучшение качества населения через институциональные реформы (01,12,21) и его устойчивое развитие (01,12,22). Наиболее полное соответствие обнаруживается с теорией второго демографического перехода, сущность которой – нормативная трансформа-

ция семейного поведения – точно схватывается конфигурацией стабильного демографического этоса (02,11,22). Таким образом, предложенная система координат выполняет интегративную функцию, помещая разрозненные концепции из разных парадигм в единое логическое пространство, где их взаимосвязи и эволюционные переходы становятся более явными.

В рамках разработки понятийно-категориального аппарата демографического развития региона особое значение приобретает задача систематизации синтезированных периферийных понятий. Их группировка позволяет выявить структурные связи между понятиями, облегчает ориентацию в понятийном поле и создаёт основу для последующей типологизации региональных демографических состояний. На основе анализа системы из 27 синтезированных понятий предлагаются следующие варианты их группировки.

Наиболее очевидный способ классификации основан на оценочном характере описываемых процессов – их направленности к регрессу, стабильности или прогрессу (таблица 4).

Таблица 4

Классификация синтезированных периферийных понятий по оценочному вектору демографической динамики

Table 4

Classification of Synthesized Peripheral Concepts by the Evaluative Vector of Demographic Dynamics

Группа	Сущность группы	Ключевые элементы триад	Примеры синтезированных понятий
Кризис и регресс	Процессы упадка, снижения качества и количества населения, деструктивные поведенческие практики.	Преобладание элементов регресса (10) и хаоса (20).	Демографический коллапс (00,10,20), Деградикация человеческого капитала (01,10,20), Демографическая аномия (02,10,20).
Стабильность и равновесие	Состояния устойчивости, баланса, адаптации или контролируемого сохранения.	Преобладание элементов изогресса (11) и стабилизации (22).	Демографический гомеостаз (00,11,22), Гомеостаз человеческого капитала (01,11,22), Стабильный демографический этос (02,11,22).
Развитие и прогресс	Целенаправленные позитивные процессы роста, улучшения качественных характеристик и оптимизации поведения.	Преобладание элементов прогресса (12) и упорядочивания (21).	Управляемый демографический рост (00,12,21), Стратегическое развитие человеческого капитала (01,12,21), Демографическая синергия (02,12,22).

Источник: составлено автором.

Данная группировка имеет высокую практическую ценность для диагностики общего вектора демографического развития региона и идентификации ключевых проблем.

Следующая группировка отталкивается от категории «Состояние системы» и разделяет

понятия на стихийные, управляемые и адаптивные. Она особенно актуальна для анализа эффективности институционального регулирования демографических процессов (таблица 5).

Таблица 5

Классификация синтезированных периферийных понятий по уровню управления и упорядоченности процессов

Table 5

Classification of Synthesized Peripheral Concepts by the Level of Management and Process Ordering

Группа	Сущность группы	Ключевые элементы триад	Примеры синтезированных понятий
Стихийные процессы	Процессы, идущие нерегулируемо, хаотично, в условиях институционального вакуума или кризиса.	Преобладание элемента хаоса (20).	Стихийный демографический взрыв (00,12,20), Демографическая аномия (02,10,20), Стихийная демографическая либерализация (02,12,20).
Управляемые/упорядоченные процессы	Целенаправленные, регулируемые процессы, поддерживаемые государственной политикой или социальными институтами.	Преобладание элемента упорядочивания (21).	Упорядоченная депопуляция (00,10,21), Управляемый демографический рост (00,12,21), Нормативная трансформация семьи (02,11,21).
Адаптивные и устойчивые состояния	Процессы саморегуляции, поддержания баланса и устойчивости, часто являющиеся результатом длительной эволюции.	Преобладание элемента стабилизации (22) и адаптивных реакций.	Демографическая резилентность (00,11,20), Адаптивная резилентность (01,11,20), Устойчивое развитие человеческого потенциала (01,12,22).

Источник: составлено автором.

Следующая группировка основана на объекте изменений. Данный подход позволяет разграничить понятия, описывающие изменения в коли-

честве населения, и понятия, относящиеся к его качеству и поведению (таблица 6).

Таблица 6

Классификация синтезированных периферийных понятий по объекту изменений: количественная динамика, качественное развитие и смешанные феномены

Table 6

Classification of Synthesized Peripheral Concepts by the Object of Change: Quantitative Dynamics, Qualitative Development, and Mixed Phenomena

Группа	Сущность группы	Ключевые элементы триад	Примеры синтезированных понятий
Демографическая динамика (Количество)	Термины, относящиеся к изменению или состоянию численности и структуры населения.	Центральный элемент 00 (количество населения).	Демографический коллапс (00,10,20), Демографический оптимум (00,11,21), Устойчивый демографический рост (00,12,22).
Развитие человеческого капитала (Качество)	Термины, относящиеся к качественным характеристикам населения и его поведенческим практикам.	Центральные элементы –01 (качество населения) и 02 (демографическое поведение).	Деградация человеческого капитала (01,10,20), Хаотический прогресс человеческого капитала (01,12,20), Изогрессивная институционализация поведения (02,11,21).
Смешанные/Комплексные	Термины, которые в равной степени затрагивают и количество, и качество, или описывают системные свойства.	Комбинации элементов, не позволяющие отнести понятие к одной из предыдущих групп.	Демографическая резилентность (00,11,20), Адаптивная демографическая лабильность (02,11,20).

Источник: составлено автором.

Предложенные варианты группировок синтезированных понятий не являются взаимоисключающими. Напротив, они дополняют друг друга, позволяя исследователю выбрать адекватный инструмент для решения конкретной задачи. Группировка по характеру процесса удобна для макродиагностики, по уровню управления – для анализа эффективности политик, по объекту из-

менений – для фокусировки на конкретном аспекте развития.

Для целей глубокого анализа и построения типологий регионов целесообразно использовать комплексную таксономию, интегрирующую все вышеперечисленные оси. Она позволяет построить многомерную матрицу для классификации конкретного демографического состояния реги-

она (рисунок 2). Каждая из 27 ячеек куба соответствует уникальной комбинации состояния по трём осям и представляет собой комплексный тип демографической конфигурации региона (структурный портрет). Комплексная таксономия создаёт методологическую основу для эмпи-

рической верификации разработанного аппарата и построения многомерной типологии демографического развития регионов России, выявляя уникальные комбинации количественных, качественных и поведенческих характеристик в их институциональном контексте.

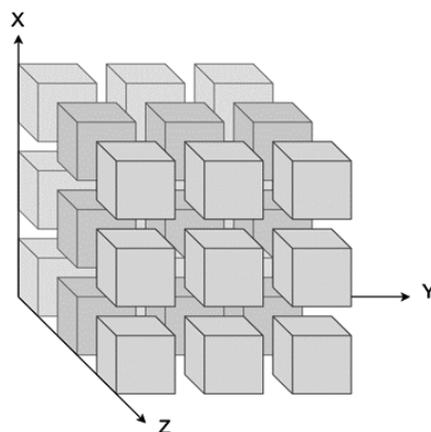

Рисунок 2. Таксономия демографического развития региона
Figure 2. Taxonomy of Regional Demographic Development

*Оси: X – демографический потенциал региона; Y – динамика развития; Z – институциональный контекст. Отдельными ячейками выделены 27 состояний демографического развития региона.

Источник: составлено автором.

Предложенный понятийный аппарат, основанный на триадической модели состояния системы и уровня её организованности, позволяет не только систематизировать существующие демографические теории, но и наметить новые перспективные направления для их развития и синтеза. Во-первых, он актуализирует задачу создания интегративных моделей, описывающих одновременную динамику количественных, качественных и поведенческих характеристик населения. Такие модели позволяют преодолеть исторический разрыв между макро- и микроподходами в демографии. Во-вторых, вводимая аппаратом категория изогресса (комбинированных нелинейных изменений) открывает путь для разработки концепций, описывающих смешанные и разнонаправленные траектории демографического развития, характерные для современных переходных обществ. В-третьих, помещая демографическое поведение в контекст институциональной организованности, аппарат подчёркивает его роль не как пассивного следствия, а как активного фактора, способного как стабилизировать систему, так и усугублять регресс при определённых институциональных условиях. Это формирует запрос на углублённое изучение поведенческих механизмов как объекта целенаправленного и осмысленного регулирования. В-четвёртых, выявление парадоксальных состояний, таких как «хаотический прогресс человеческого ка-

питала» или «институционализирующая депопуляция», указывает на необходимость построения теоретических моделей, объясняющих устойчивость подобных противоречивых конфигураций, что расширяет понимание границ адаптивности демографических систем.

Наконец, способность аппарата к типологизации регионов по конкретным триадам состояний создаёт методологическую основу для разработки систематической теории демографического развития региона. Такой подход позволяет перейти от поиска универсальных закономерностей к анализу конкретных механизмов, обуславливающих разнообразие демографических режимов в различных институциональных и социокультурных контекстах, открывая новую страницу в региональной демографии.

Заключение

В ходе исследования разработан целостный понятийно-категориальный аппарат для анализа регионального демографического развития на основе метода мутаций. Его ядром является триадическая матрица из трёх ключевых категорий (потенциал, динамика, состояние), каждая из которых раскрыта тремя категориями второго уровня. Комбинаторное применение метода мутаций позволило синтезировать полную систему из 27 комплексных понятий, описывающих все возможные конфигу-

рации демографического развития. Гипотеза исследования подтвердилась. Предложенная система принципиально повышает точность и целостность анализа демографических тенденций, выполняя интегративную функцию. Она переводит разрозненные концепции в единую систему координат, где их взаимосвязи становятся наглядными. Ключевые теоретические положения исследования заключаются в следующем:

1. Демографическое развитие требует одно-временного учёта трёх измерений: характеристик населения, направленности их изменений и качества институциональной среды.

2. Аппарат легализует анализ сложных и парадоксальных траекторий, характерных для переходных обществ.

3. Демографическое поведение рассматривается как активный фактор, а не следствие, что смещает фокус политики на формирование институциональной среды.

4. Система создаёт каркас для сравнительного анализа и многомерной типологии регионов по целостным конфигурациям (триадам).

Практическая значимость заключается в предоставлении строгого языка для глубокой диагностики (например, точного определения типа депопуляции); формулировки комплексных целей и оценки эффектов политик (например выявление парадоксальных результатов). Ограничение и перспективы. Предложенный аппарат является теоретическим конструктом. Основная задача дальнейших исследований – его операционализация через разработку системы индикаторов, эмпирическую верификацию на данных регионов России и построение динамических моделей переходов между состояниями. Таким образом, работа создаёт метатеоретический каркас, призванный упорядочить поле региональной демографии и обеспечить основу для более точной и комплексной диагностики.

Список источников

1. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Демографическое развитие России: динамика, компоненты и их результативность // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2020. № 5. С. 54–65. <https://doi.org/10.19181/obrnaukr.2020.3> EDN DYYCRG
2. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России: прогнозы и реальность // Народонаселение. 2023. Том 26. № 3. С. 4–15. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.1> EDN ILGXMB
3. Рыбаковский Л.Л. Миграционная компонента и ее вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 327–337. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337 EDN EIOOWG
4. Локосов В.В. Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски // Вестник Российской академии наук. 2020. Том 90. № 3. С. 251–258. <https://doi.org/10.31857/S086958732003010X> EDN BOPSEX
5. Ионцев В.А., Узкая Ю.А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 597–611. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611 EDN KPBLSG
6. Васильева Е.В., Васильева А.В. Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории // Экономика региона. 2022. Том 18. № 1. С. 1–20. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1> EDN BEKDOK
7. Вялых Н.А. Трансформация института семьи в российском обществе: социальные противоречия и социологические иллюзии // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. Том 41. № 2. С. 125–138. [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2\(41\)/1061](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2(41)/1061) EDN UXNCVW
8. Авдеев Ю.А. Какая демографическая политика нужна России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 12–27. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_1_12_27 EDN MСYKXT
9. Волкова О.А. Социальное здоровье человека как ресурс демографического развития Евразийского экономического сообщества: социологический аспект // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025. Том 33. № 1. С. 5–10. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-1-5-10> EDN UWUYBL
10. Ткаченко А.А. Демографическое развитие России: тупик или Надежда? (демографические заметки пессимиста) // Власть. 2023. Том 31. № 5. С. 115–128. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i5.9809> EDN QZTDSC
11. Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А. Депопуляция в регионах России к началу 2020 года // Народонаселение. 2020. Том 23. № 3. С. 119–129. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11> EDN PPKYBP
12. Безвербный В.А. Диспропорции демографического развития России на региональном уровне: современные тенденции // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 197–211. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_2_197_211 EDN EGMDAU
13. Мотрич Е.Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 1. С. 27–40. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.2> EDN SBQNTL
14. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Том 13. № 3. С. 158–174. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.11> EDN YLUFWQ

15. Чернышев К.А. Демографическое развитие регионов России: движение к достижению национальных целей // *Уровень жизни населения регионов России*. 2025. Том 21. № 2. С. 212–222. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_3_212_222 EDN DWABLU
16. Чистик О.Ф. Демографическое развитие: этапы и оценка // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2020. Том 185. № 3. С. 56–62. <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2020-3-185-56-62> EDN AETBAC
17. Зверева Н.В. Университетская школа исследований народонаселения Д.И. Валентя // *Федерализм*. 2015. Том 78. № 2. С. 113–124. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2015-2-113-124> EDN UACVIX
18. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Князькова Е.А. Теоретическая интерпретация понятия «демографическая безопасность» и принятие управленческих решений по обеспечению национальной безопасности // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Том 15. № 4. С. 158–170. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-158-170> EDN UZWZRB
19. Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // *Вопросы управления*. 2022. Том 76. № 3. С. 6–18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18> EDN SWXZSE
20. Ростовская Т.К., Ситковский А.М. Ресурсы демографического развития: к вопросу об унификации понятий в демографических исследованиях // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024. Том 17. № 1. С. 178–200. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.10> EDN IAJZPM
21. Lambe P. *Organising Knowledge: Taxonomies, Knowledge and Organisational Effectiveness*. Oxford: Chandos; 2007. 277 p. ISBN 978-1-84334-228-1
22. Salatino A., Aggarwal T., Mannocci A., et al. A Survey of Knowledge Organization Systems of Research Fields: Resources and Challenges. *Quantitative Science Studies*. 2025;6:567-610. https://doi.org/10.1162/qss_a_00363
23. Lutz W. Sustainable Human Wellbeing: What Can Demography Contribute? *Vienna Yearbook of Population Research*. 2021;19:29-38. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2021.deb03>
24. Münter A., Volgmann K. Polycentric Regions: Proposals for a New Typology and Terminology *Urban Studies*. 2020;58(4):677-695. <https://doi.org/10.1177/0042098020931695>
25. Gruber E. Staying and Immobility: New Concepts in Population Geography? A Literature Review. *Geographica Helvetica*. 2021;76(2):275-284. <https://doi.org/10.5194/gh-76-275-2021>
26. Khan S.A., Doevenspeck M., Sass O. Climate (Im)Mobilities in the Eastern Hindu Kush: the Case of Lotkuh Valley, Pakistan. *Population and Environment*. 2024;46(2):1-28. <https://doi.org/10.1007/s11111-023-00443-2>
27. Borrelli L.M., Ruedin D. Towards a Precise and Reflexive Use of Migration-related Terminology in Quantitative Research: Criticism and Suggestions. *Comparative Migration Studies*. 2024;12(10):1-18. <https://doi.org/10.1186/s40878-024-00369-0>
28. Willie M.M. Defining the Population and Target Population in Clinical Studies: Clarifying Terminology and Enhancing Study Validity. *Journal of Medical and Clinical Nursing Studies*. 2023;1(1):1-3. <https://doi.org/10.61440/JMCNS.2023.v1.03>
29. Héran F., Dutreuilh C. The Vocabulary of Demography, from its Origins to the Present Day: A Digital Exploration. *Population*, English Edition. 2015;70(3):497-536. <https://doi.org/10.3917/popu.1503.0525>
30. Неклюдова Н.П. Концептуальные основы разработки модели управления демографическим развитием региона // *AlterEconomics*. 2025. Том 22. № 2. С. 259–281. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-2.5> EDN URHWIY
31. Разумов В.И., Сизиков В.П. Практика с мутациями ДИС-компьютеров // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: Философия. 2013. Том 11. № 3. С. 16–22. EDN RCGQUX

Информация об авторе:

Наталья Павловна Неклюдова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН
(SPIN-код: 2555-0827) (ResearcherID: E-5849-2014)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Rybakovskii L.L., Kozhevnikova N.I. Demographic Development of Russia: Dynamics, Components and Their Performance. *Obrazovaniye i nauka v Rossii: Sostoyaniye i potentsial razvitiya=Education and Science in Russia: The State and Development Potential*. 2020;(5):54-65. <https://doi.org/10.19181/obrnaukru.2020.3> (In Russ.)
2. Rybakovskii L.L. Russia's Demographic Future: Forecasts and Reality. *Narodonaseleniye=Population*. 2023;26(3):4-15. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.1> (In Russ.)
3. Rybakovskii L.L. The Migration Component and Its Contribution to the Demographic Development of Modern Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):327–337. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337 (In Russ.)
4. Lokosov V.V. Population Change in Russia: Dynamics and Socioeconomic Risks. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk=Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020;90(2):165-171. <https://doi.org/10.1134/S1019331620020033> (In Russ.)
5. Iontsev V.A., Uzskaya Yu.A. The Eurasian Path of Demographic Development in Russia as a Challenge to the Global Liberal Model of Demographic Transition. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):597–611. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611 (In Russ.)
6. Vasilyeva E. V., Vasileva A.V. Demographic Research in the Context of Economic Development and Security of Regions. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*. 2022;18(1):1-20. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1> (In Russ.)

7. Vyalykh N. Family Institute Transformation in Russian Society: Social Contradictions and Sociological Illusions. *Vek-tory` Blagopoluchiya: E`konomika I Socium=Journal of Wellbeing Technologies*. 2021;41(2):125-138. [https://doi.org/10.1879/9/26584956/2021/2\(41\)/1061](https://doi.org/10.1879/9/26584956/2021/2(41)/1061) (In Russ.)
8. Avdeev Yu.A. What Demographic Policy Does Russia Need. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(1):12-27. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_1_1_12_27 (In Russ.)
9. Volkova O.A. The human health as resource of demographic development of the Eurasian Economic Community: the sociological aspect. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsini=Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2025;33(1):5-10. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-1-5-10> (In Russ.)
10. Tkachenko A.A. Demographic Development of Russia: Dead End or Hope? (Demographic Notes of a Pessimist). *Vlast`=The Authority*. 2023;31(5):115-128. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i5.9809> (In Russ.)
11. Rybakovskii O.L., Fadeeva T.A. Depopulation in the Regions of Russia by the Beginning of 2020. *Narodonaselenie=Population*. 2020;23(3):119-129. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.11> (In Russ.)
12. Bezverbnyi V.A. Disproportions of Demographic Development of Russia at the Regional Level: Current Trends. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):197-211. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_2_197_211 (In Russ.)
13. Motrich E.L. Migration in the Demographic Development of the Russian Far East. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(1):27-40. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.2> (In Russ.)
14. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Smirnov A.V. Population of the World Arctic: Russian and Foreign Approaches to Studying Demographic Problems and Settlement of Territories. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(3):158-174. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.11> (In Russ.)
15. Chernyshev K.A. Demographic Development of Russia's Regions: Progress towards Achieving National Goals. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):212-222. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_3_212_222 (In Russ.)
16. Chistik O.F. Demographic Development: Stages and Evaluation. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo e`konomicheskogo universiteta=Vestnik of Samara State University of Economics*. 2020;185(3):56-62. <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2020-3-185-56-62> (In Russ.)
17. Zvereva N.V. University School of Population Studies of D. Valentey. *Federalizm*. 2015;78(2):113-124. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2015-2-113-124> (In Russ.)
18. Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.N., Knyaz'kova E.A. Theoretical Interpretation of the Concept of «Demographic Security» and Making Managerial Decisions to Ensure National Security. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI)=Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2022;15(4):158-170. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-158-170> (In Russ.)
19. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. Demographic Stability as a Priority of the RF Demographic Policy. *Voprosy upravleniya=Management Issues*. 2022;76(3):6-18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18> (In Russ.)
20. Rostovskaya T.K., Sitkovskiy A.M. Demographic Resources of Russia: Variability of Approaches and Assessments. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(3):183-202. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.10> (In Russ.)
21. Lambe P. Organising Knowledge: Taxonomies, Knowledge and Organisational Effectiveness. Oxford: Chandos; 2007. 277 p. ISBN 978-1-84334-228-1
22. Salatino A., Aggarwal T., Mannocci A., et al. A Survey of Knowledge Organization Systems of Research Fields: Resources and Challenges. *Quantitative Science Studies*. 2025;6:567-610. https://doi.org/10.1162/qss_a_00363
23. Lutz W. Sustainable Human Wellbeing: What Can Demography Contribute? *Vienna Yearbook of Population Research*. 2021;19:29-38. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2021.deb03>
24. Münter A., Volgmann K. Polycentric Regions: Proposals for a New Typology and Terminology. *Urban Studies*. 2020;58(4):677-695. <https://doi.org/10.1177/0042098020931695>
25. Gruber E. Staying and Immobility: New Concepts in Population Geography? A Literature Review. *Geographica Helvetica*. 2021;76(2):275-284. https://doi.org/10.5194/gh-76-275-2021_
26. Khan S.A., Doevenspeck M., Sass O. Climate (Im) Mobilities in the Eastern Hindu Kush: the Case of Lotkuh Valley, Pakistan. *Population and Environment*. 2024;46(2):1-28. <https://doi.org/10.1007/s11111-023-00443-2>
27. Borrelli L.M., Ruedin D. Towards a Precise and Reflexive Use of Migration-related Terminology in Quantitative Research: Criticism and Suggestions. *Comparative Migration Studies*. 2024;12(10):1-18. <https://doi.org/10.1186/s40878-024-00369-0>
28. Willie M.M. Defining the Population and Target Population in Clinical Studies: Clarifying Terminology and Enhancing Study Validity. *Journal of Medical and Clinical Nursing Studies*. 2023;1(1):1-3. <https://doi.org/10.61440/JMCNS.2023.v1.03>
29. Héran F., Dutreuilh C. The Vocabulary of Demography, from its Origins to the Present Day: A Digital Exploration. *Population, English Edition*. 2015;70(3):497-536. <https://doi.org/10.3917/popu.1503.0525>
30. Neklyudova N.P. Demographic Development of a Region: Conceptual Framework and Management Model. *AlterEconomics*. 2025;22(2):259-281. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-2.5> (In Russ.)
31. Razumov V.I., Sizikov V.P. Practice with DIS-Computer' Mutations. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya=Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 2013;11(3):16-22. (In Russ.)

Information about the author:

Natalia P. Neklyudova – PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics of The Ural Branch of The Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 2555-0827) (ResearcherID: E-5849-2014)

The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Оригинальная статья

УДК 314.74

JEL F22, O15, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_10_155_168

EDN HZHQTБ

Методологические подходы к анализу и оценке традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ

Ольга Дмитриевна Воробьева¹, Александр Алексеевич Субботин²

^{1,2}Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹(89166130069@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>)

²(aasubbotin@yahoo.com), (<https://orcid.org/0000-0001-5016-0473>)

Аннотация

Статья посвящена анализу традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в странах с их наибольшей численностью и репатриационным потенциалом: постсоветского пространства и стран Юго-Восточной Азии. Предметом исследования выступают социально-демографические, этнокультурные и профессиональные характеристики различных форм мобильности российских граждан в указанных регионах, а также факторы, определяющие степень обратимости миграционных стратегий и сохранение устойчивых связей со страной происхождения. Цель исследования заключается в выявлении и сопоставлении форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в рассматриваемых регионах и оценке их потенциала обратимости на основе новых методологических подходов: углублённого анализа экспертных оценок репатриационного потенциала, с особым вниманием к новым мобильным категориям, связанным с развитием цифрового кочевничества и дистанционной занятости. В работе впервые предлагаются методологические подходы, позволяющие сопоставимо анализировать традиционные диаспоральные формы мобильности и новые гибкие мобильные стратегии российских граждан в рамках единой аналитической рамки. Основу исследования составляют социологический и сравнительно-аналитический подходы с использованием методов экспертных оценок, контент-анализа и обобщения эмпирических данных. Эмпирическую базу образуют результаты глубинных интервью экспертов-специалистов в области демографии и миграции в указанных регионах, а также материалы качественных интервью с российскими гражданами, использующими дистанционные формы занятости и временно проживающими за рубежом. Результаты исследования показывают, что постсоветское пространство формирует наиболее устойчивое ядро миграционной мобильности русскоговорящих сообществ, основанное на исторически сложившихся социальных, культурных и языковых связях, а также включённого в новые процессы цифрового кочевничества. В регионах Юго-Восточной Азии интенсивно нарастают масштабы русскоговорящего сообщества, преобладают более гибкие и, как правило, обратимые формы мобильности, связанные с профессиональной активностью в цифровом секторе. Сделан вывод о многослойном характере современной миграционной мобильности русскоговорящих сообществ, сочетающем устойчивые диаспоральные формы и новые мобильные стратегии, различающиеся по социально-демографическим характеристикам, временным горизонтам и степени сохранения связей со страной происхождения. Практическая значимость исследования связана с возможностью применения предложенного методологического подхода при анализе современных миграционных процессов и совершенствовании государственной миграционной политики.

Ключевые слова: миграционная мобильность, русскоговорящие сообщества, репатриационный потенциал, международная миграция, постсоветское пространство, Юго-Восточная Азия, цифровые кочевники, диаспора, миграционная политика

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 24-28-01328 «Репатриационный потенциал России в зарубежных странах: оценка масштабов»).

Для цитирования: Воробьева О.Д., Субботин А.А. Методологические подходы к анализу и оценке традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 155–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_10_155_168 EDN HZHQTБ

RAR (Research Article Report)

JEL F22, O15, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_10_155_168

Methodological Approaches to the Analysis and Assessment of Traditional and Emerging Forms of Migratory Mobility among Russian-Speaking Communities

Olga D. Vorobieva¹, Alexander A. Subbotin²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹(89166130069@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>)

²(aasubbotin@yahoo.com), (<https://orcid.org/0000-0001-5016-0473>)

Abstract

This article examines traditional and emerging forms of migratory and spatial mobility among Russian-speaking communities in regions where they are most numerous and where repatriation potential is considered significant, namely the post-Soviet space and the countries of South-East Asia. The subject of the study comprises the socio-demographic, ethno-cultural and professional characteristics of different forms of mobility among Russian citizens in these regions, as well as the factors shaping the reversibility of migration strategies and the maintenance

© Воробьева О.Д., Субботин А.А., 2026

of stable ties with the country of origin. The aim of the study is to identify and compare forms of migratory mobility among Russian-speaking communities in the selected regions and to assess their potential for reversibility on the basis of new methodological approaches, primarily through an in-depth analysis of expert assessments of repatriation potential, with particular attention to new mobile categories associated with the development of digital nomadism and remote employment. For the first time, the paper proposes methodological approaches that enable a comparable analysis of traditional diasporic forms of mobility and new flexible mobility strategies among Russian citizens within a single analytical framework. The research is grounded in sociological and comparative-analytical approaches and employs expert assessment methods, content analysis and the synthesis of empirical data. The empirical base consists of in-depth interviews with experts specialising in demography and migration in the regions under study, as well as qualitative interviews with Russian citizens engaged in remote employment and temporarily residing abroad. The findings demonstrate that the post-Soviet space constitutes the most stable core of migratory mobility among Russian-speaking communities, underpinned by historically established social, cultural and linguistic ties and increasingly intertwined with emerging processes of digital nomadism. In the regions of South-East Asia, the scale of Russian-speaking communities is expanding more intensively, while more flexible and generally reversible forms of mobility prevail, closely linked to professional activity in the digital sector. The study concludes that contemporary migratory mobility among Russian-speaking communities is multi-layered, combining stable diasporic forms with new mobility strategies that differ in socio-demographic characteristics, time horizons and the extent to which ties with the country of origin are preserved. The practical significance of the research lies in the potential application of the proposed methodological approach to the analysis of contemporary migration processes and the improvement of state migration policy.

Keywords: migratory mobility, Russian-speaking communities, repatriation potential, international migration, post-Soviet space, Southeast Asia, digital nomads, diaspora, migration policy

Acknowledgements: The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-28-01328, «Russia's Repatriation Potential in Foreign Countries: Assessing the Scale»).

For citation: Vorobieva O.D., Subbotin A.A. Methodological Approaches to the Analysis and Assessment of Traditional and Emerging Forms of Migratory Mobility among Russian-Speaking Communities. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):155–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_10_155_168 (In Russ.)

Введение

Настоящая статья представляет собой продолжение исследования, посвящённого анализу миграционной мобильности русскоговорящих сообществ за пределами России, основные результаты которого были представлены в ранее опубликованной работе авторов [1]. В рамках данного этапа исследования используются материалы социологического опроса экспертов, проведённого кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова весной 2025 года. В центре анализа находятся страны постсоветского пространства и регионы Юго-Восточной Азии, которые, согласно результатам предшествующих исследований и экспертных оценок, характеризуются максимальным репатриационным потенциалом, а также разнообразием традиционных и новых форм миграционной мобильности.

Демографическая ситуация в современной России характеризуется устойчивой естественной убылью населения и структурными деформациями возрастной пирамиды, что актуализирует внимание к различным формам миграционной мобильности населения как одному из факторов воспроизводства и качества человеческого капитала. В этих условиях возрастает значение анализа мобильных стратегий русскоговорящих сообществ, проживающих за пределами России, их пространственной структуры, социально-демографических характеристик и потенциала обратимости миграционных траекторий [2; 3].

Особое место в данной проблематике занимают страны постсоветского пространства, где продолжают проживать многочисленные группы этнических русских и русскоговорящего населения, сформировавшиеся ещё в советский период и ранее [4; 5]. Эти сообщества отличаются устойчивыми культурными, языковыми и социальными связями с Россией и традиционно рассматриваются в научных исследованиях как важный компонент трансграничной мобильности и возвратных миграционных процессов. В то же время, начиная с 2020 года, на фоне пандемии, ускоренной цифровизации занятости и геополитических изменений, формируются новые формы мобильности российских граждан, которые всё чаще выбирают временное проживание за рубежом при сохранении экономических и социальных связей с Россией [6; 7]. Часть таких мобильных групп концентрируется в странах и регионах Юго-Восточной Азии, где сложились благоприятные условия для жизни, сочетания удалённой работы и длительного пребывания [8; 9; 10].

Существование традиционных форм пространственной мобильности, связанных с исторически сложившимися диаспорами, и новых, более гибких и обратимых мобильных стратегий обуславливает необходимость их совместного анализа в рамках единой исследовательской рамки.

В научном дискурсе при этом параллельно развиваются по крайней мере два основных направления, непосредственно релевантных задачам исследования. Первое связано с изучением

русскоговорящих сообществ за рубежом, их пространственного распределения, социально-демографической структуры и роли в возвратных миграционных процессах, а также с анализом институциональных механизмов государственной миграционной и репатриационной политики [6; 7]. Второе направление сосредоточено на феномене цифрового кочевничества и более широких формах цифровой мобильности, которые рассматриваются как новая разновидность трансграничной мобильности, основанной на дистанционной занятости и гибких жизненных стратегиях [8; 9; 10; 11; 12].

Несмотря на бурное развитие обоих направлений, между ними сохраняется методологический разрыв. Исследования традиционных русскоговорящих сообществ, как правило, ориентированы на относительно устойчивые формы расселения и возвратной миграции, тогда как работы, посвящённые цифровым кочевникам, преимущественно фокусируются на стилях жизни, мотивациях и рисках мобильности, не включая эти группы в более широкий контекст трансграничных и возвратных миграционных процессов. В результате недостаточно разработан аналитический подход, позволяющий сопоставимо рассматривать традиционные и новые формы миграционной мобильности русскоговорящих сообществ с учётом их различной степени укоренённости, обратимости и связи со страной происхождения.

Исследовательская проблема заключается в отсутствии методологического инструментария, который позволял бы в единой рамке анализировать как исторически сформировавшиеся русскоговорящие диаспоры, так и новые мобильные группы российских граждан, использующих дистанционные формы занятости, и оценивать потенциал обратимости их миграционных траекторий.

Объектом исследования является миграционная мобильность русскоговорящих сообществ в странах постсоветского пространства и регионах Юго-Восточной Азии. Предметом исследования выступают социально-демографические, этнокультурные и профессиональные характеристики различных форм мобильности российских граждан в указанных регионах, а также факторы, определяющие степень обратимости миграционных стратегий и сохранение устойчивых связей со страной происхождения.

Цель исследования состоит в выявлении и сопоставлении форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в странах постсоветского пространства и регионах Юго-Восточной Азии, и оценке их потенциала обратимости на основе новых методологических подходов, а также в анализе различий в степени обратимос-

ти их мобильных стратегий на основе экспертных оценок репатриационного потенциала, с особым вниманием к новым мобильным категориям, связанным с развитием цифрового кочевничества и дистанционной занятости. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: (1) выявить и охарактеризовать традиционные и новые формы миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в рассматриваемых регионах; (2) провести сравнительный анализ экспертных оценок социально-демографических характеристик и структуры групп, обладающих различным потенциалом обратимости миграционных стратегий и возвращения в Россию; (3) определить особенности новых форм мобильности, связанных с развитием цифрового кочевничества, и их место в структуре современного социально-демографического ресурса потенциального возвращения.

Исходная гипотеза исследования состоит в том, что применение метода экспертных оценок специалистов-исследователей по каждому конкретному региону, с учётом выработанных критериев анализа, позволяет наиболее адекватно выявить существенные различия в устойчивости и степени обратимости миграционных стратегий русскоговорящих сообществ в странах постсоветского пространства и регионах Юго-Восточной Азии.

Общей характеристикой мобильности русскоговорящих сообществ в постсоветских странах и регионах Юго-Восточной Азии является появление в последние годы многочисленного контингента цифровых кочевников. Данный контингент обладает всеми чертами проживающих за рубежом выходцев из РФ, которые могут рассматриваться в качестве потенциала для возвращения. Особенно повышают шансы возвращения участников этой относительно новой формы мобильности два обстоятельства: (1) непродолжительное проживание за рубежом, следовательно, слабая интеграция в принимающее сообщество; (2) сохраняющаяся связь с российским рынком труда. Объединение двух регионов, различных и географически, и ментально, объясняется тем, что в ходе исследования выявлена не очевидная на первый взгляд общность между ними по масштабам русскоговорящего сообщества и более высокие шансы на возвращение по нескольким ключевым социально-демографическим признакам [1].

Важно подчеркнуть, что эмпирическая часть настоящего исследования основана на экспертной оценке репатриационного потенциала различных групп населения, проживающих за пределами России. Использование данной категории обусловлено её разработанностью в отечествен-

ной демографической и миграционной литературе, а также возможностью операционализации в условиях ограниченности прямых статистических данных.

Вместе с тем в рамках данной статьи репатриационный потенциал рассматривается не как самостоятельный предмет анализа, а как инструмент эмпирического выявления степени обратимости миграционных мобильных стратегий русскоговорящих сообществ. Такой подход позволяет интерпретировать результаты экспертных оценок в более широкой аналитической рамке миграционной мобильности, не сводя их исключительно к нормативно-правовому пониманию репатриации.

В дальнейших разделах статьи последовательно рассматриваются теоретико-методологические основания исследования, используемые данные и методы, результаты экспертных оценок по выделенным регионам и группам, а также качественные иллюстрации мобильных стратегий цифровых кочевников и их возможная связь с будущими траекториями возвратной мобильности.

Теоретические и методологические положения

Теоретической основой исследования выступают современные подходы к анализу международной миграции, репатриации и транснациональной мобильности, в которых подчёркивается усложнение связи человека с территорией, гражданством и идентичностью. Эти идеи развиваются в работах Ж. Аттали [13], Г. Веллнера [14], М. Маклюэна в интерпретации М. Заура [15]. В рамках этих подходов миграция всё чаще трактуется не как линейный и необратимый процесс, а как серия последовательных или циклических перемещений.

В настоящем исследовании репатриационный потенциал понимается как совокупность структурных и поведенческих характеристик различных групп населения, проживающих за пределами России и сохраняющих готовность к возвращению. Такой подход опирается на более ранние исследования репатриации и миграционного поведения русскоговорящих сообществ, представленные в работах А.А. Субботина [2], О.Д. Воробьевой, А.А. Субботина, С.Н. Мищук [3], Н.И. Кожевниковой, Л.Л. Рыбаковского [16], а также исследованиях русскоговорящих диаспор постсоветского пространства [4; 5; 6; 7].

Предлагаемое операциональное определение репатриационного потенциала базируется на ранее разработанной авторами типологии, включающей дифференциацию по длительности проживания за рубежом, возрасту, семейному положению, этнокультурной идентичности и социально-экономическим характеристикам. Эта ти-

пология служит основой для применения единой экспертной оценочной шкалы и сопоставимости групп. Следует подчеркнуть, что возвратная миграция (могут участвовать только ранее проживавшие в стране и выехавшие из неё граждане) и репатриация как две формы резервов имеют несколько различную природу, поэтому методы и политика в отношении этих форм должны также несколько различаться.

Репатриационный потенциал формируется в условиях неоднородной миграционной мобильности. Помимо традиционно рассматриваемых русскоговорящих диаспор постсоветского пространства, описанных в многочисленных работах (Н.И. Кожевникова, Л.Л. Рыбаковский; Ж.А. Зайончковская, Г.С. Витковская; О.Д. Воробьева, Л.Л. Рыбаковский) [16; 17; 18], в последние годы появились новые группы мобильных российских граждан. Их траектории носят обратимый, временный и часто «сетевой» характер, что подтверждается как международными исследованиями транснациональной мобильности [8; 13; 14], так и российскими работами о цифровых мигрантах (М.И. Пантыкина, И. Кужелева-Саган, Э. Галажинский; К.А. Глухов, А.И. Лойко; А.П. Глухов, Г.А. Окушова; С.В. Рязанцев, Н.С. Рязанцев) [9; 10; 19; 20; 21].

Важной характеристикой современного этапа транснациональной мобильности является стремительный рост численности цифровых кочевников. Эти новые группы не могут быть напрямую отнесены к репатриантам, но представляют собой внешний слой потенциально обратимой миграции.

Феномен цифрового кочевничества трактуется как проявление нового типа мобильности, основанного на дистанционной занятости, цифровых технологиях и сочетании труда с изменением места проживания. Он подробно описан как в международной литературе (Matos, Ardevol; Wellner; Sauer) [8; 14; 15], так и в российских исследованиях (Пантыкина; Тарасевич, Лойко; Рязанцев и Рязанцев; Насирдинова [9; 19; 21; 22]). В рамках настоящей работы этот феномен рассматривается не как самостоятельный миграционный поток, а как часть более широкого спектра временных мобильных стратегий, что позволяет избежать его переоценки и сохранить аналитическую точность.

Особое внимание уделяется неоднородности новых мобильных групп. Как подчёркивают М. Пантыкина [9], Л. Чжоу [10], С.В. Рязанцев и Н.С. Рязанцев [21], цифровые кочевники значительно различаются по квалификации, типу занятости, устойчивости доходов и степени укоренённости. Значительная их часть экономически привязана к России через дистанционную работу, что ограничивает их миграционную автономию.

В современном публичном и экспертном дискурсе часть граждан Российской Федерации, временно проживающих за рубежом и сохраняющих связь со страной происхождения, нередко обозначается термином «релоканты». В рамках настоящего исследования цифровые кочевники рассматриваются как одна из групп внутри более широкого спектра временной и обратимой мобильности российских граждан.

При этом устойчивость репатриационных установок и вероятность возвращения различаются в зависимости от интеграции в зарубежную среду, длительности проживания, экономической мотивации и семейных обстоятельств, что подтверждается исследованиями репатриации О.Д. Воробьевой, А.А. Субботина, С.Н. Мищук, Н.И. Кожевниковой, Л.Л. Рыбаковского [1; 2; 3; 16] и работами по транснациональной мобильности [8; 9; 21]. Учитывая эти факторы, репатриационный потенциал трактуется как многослойная конструкция, включающая устойчивые традиционные диаспоры и гибкие внешние слои мобильных групп.

Таким образом, теоретические положения исследования формируют основу методологического подхода, позволяющего сопоставлять репатриационный потенциал различных категорий населения и учитывать специфику как исторически сложившихся диаспор, так и новых форм мобильности российских граждан.

Использованные данные и методы работы с ними

Эмпирическую базу исследования составили три группы данных: результаты экспертного опроса, материалы качественных интервью и официальная статистика. Такой комбинированный подход позволяет оценивать репатриационный потенциал в условиях фрагментарности статистических источников и высокой неоднородности изучаемых групп.

В исследовании использованы мнения и оценки экспертов, участвовавших в социологическом опросе, проведённом кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова в марте–апреле 2025 года. В анализ включены ответы 22 специалистов, обладающих компетенциями в области демографии, миграции, социологии и государственного управления и работающих по тематике постсоветских стран и/или государств Юго-Восточной Азии. Отбор экспертов носил целевой (невероятностный) характер: приоритет отдавался специалистам, хорошо знакомым с социально-экономическими и миграционными особенностями соответствующих регионов. Часть экспертов имела опыт рабо-

ты сразу по нескольким регионам, что позволило учитывать межрегиональные сопоставления.

Опрос проводился в онлайн-формате на платформе «Яндекс Формы», что обеспечило широкий географический охват и независимость ответов. Респонденты получали персональные приглашения и заполняли анкеты самостоятельно; предусматривалась автоматическая проверка полноты. По желанию экспертов ответы предоставлялись в обезличенном виде. Анкета включала как шкальные, так и открытые вопросы. Оценки фиксировались по пятибалльной шкале (от 1 – «очень низкий потенциал» до 5 – «очень высокий»). Эти баллы использовались не для расчёта итоговой численности потенциальных репатриантов, а как инструмент качественного ранжирования и сопоставления групп между собой – что является стандартной практикой экспертных опросов в условиях отсутствия прямых статистических измерений. Открытые ответы применялись для аргументации выставленных оценок и уточнения факторов, влияющих на вероятность возвращения.

Следует подчеркнуть, что расчёт медианы и стандартного отклонения в рамках настоящего исследования используется для наглядной характеристики распределения экспертных оценок по балльной шкале и сопоставления позиций экспертов между выделенными группами. Данные показатели не применяются для статистического вывода и не предполагают обобщения результатов на генеральную совокупность, поскольку исследование основано на целевом экспертном опросе и носит качественно-сравнительный характер.

Для работы с данными использовался методологический подход, который может быть обозначен как «регион через эксперта»: в расчёт по каждому региону включались только ответы тех специалистов, которые прямо указали данный регион своей областью профессиональной компетентности; агрегирование мнений осуществлялось строго в разрезе заявленной экспертизы.

Ещё одним эмпирическим источником выступили качественные интервью с российскими гражданами, работающими дистанционно и проживающими за рубежом. Интервью проводились по полуструктурированному гайду и использовались для выявления особенностей новых форм мобильности, факторов их обратимости и сопоставления этих особенностей с результатами экспертных оценок. Тем самым качественные данные дополняли экспертный опрос, позволяя лучше интерпретировать роль новых мобильных групп в репатриационном потенциале.

Настоящее исследование включало методы описательной статистики, сравнительного анали-

за и контент-анализа. Кроме того, для анализа и оценки репатриационного потенциала использован длинный временной ряд официальных статистических данных переписей населения, что обеспечило сопоставимость и верификацию экспертных оценок во временной динамике.

Результаты исследования

Результаты исследования представлены в соответствии с выделенными кластерами стран и групп мобильности, различающихся по характеру и степени обратимости миграционных стратегий. Такой подход позволяет сопоставить традиционные формы пространственной мобильности русскоговорящих сообществ и новые мобильные стратегии российских граждан, получившие распространение после 2020 года, и выявить разли-

чия в их социально-демографической структуре и потенциале возвратных перемещений.

1. Страны постсоветского пространства: устойчивое ядро миграционной мобильности

Страны постсоветского пространства продолжают оставаться крупнейшим и наиболее устойчивым источником репатриационного потенциала России. Согласно последним доступным данным национальных переписей (Таблица 1), в этих странах проживает около 14,8 млн этнических русских, а также значительное русскоговорящее население, сохранившее культурные и языковые связи с Россией. Их присутствие сформировалось преимущественно в советский период и имеет многопоколенческий характер, что обеспечивает устойчивость репатриационных установок.

Таблица 1

Численность этнических русских по странам проживания постсоветского пространства по последним доступным данным, тыс. человек

Table 1

Number of ethnic Russians in the Post-Soviet Space by Country of Residence Based on the Latest Available Data, thousand people

Страна проживания	Численность этнических русских, тыс. чел.	Год, на который доступны данные
Украина	8 334,0	2001*
Казахстан	3 512,9	2020
Узбекистан	720,3	2021
Беларусь	707,0	2019
Латвия	437,6	2024
Эстония	296,3	2024
Кыргызстан	275,0	2024
Туркменистан	114,4	2022
Литва	144,3	2024
Молдова	75,3	2024
Азербайджан	71,0	2019
Таджикистан	29,0	2020
Грузия	26,6	2014
Армения	14,1	2022
Итого	14 757,8	-

*последние имеющиеся данные переписи населения.

Источник: [2].

Историческая миграционная динамика подтверждает, что именно постсоветский регион обеспечивал основной вклад в реализацию репатриационного потенциала. В 1989–2000 годах в

Россию прибыло более 7 млн мигрантов из республик бывшего СССР, а миграционный прирост в 1994 г. достиг максимальных значений – более 900 тыс. человек (Таблица 2).

Таблица 2

Миграционные связи России со странами постсоветского пространства с 1991 г. по 2001 г., тыс. человек

Table 2

Migration Links Between Russia and the Post-Soviet States, 1991–2001, thousand persons

Годы	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
1991	692	587	105
1992	926	570	356

Окончание Таблицы 2

Годы	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
1993	923	369	554
1994	1146	232	914
1995	842	229	613
1996	631	191	440
1997	583	149	434
1998	495	133	362
1999	367	130	237
2000	350	83	267
2001	186	63	123
Итого	7 141	2 736	4 405

Источник: расчёты авторов по данным Демографического ежегодника России.¹

Начиная с 2006 г., в рамках Государственной программы переселения соотечественников в Россию² переехало свыше 1,2 млн человек³. Экспертные оценки подтверждают устойчивость репатриационного ресурса.

Интегральная оценка вероятности возвращения для стран СНГ составляет 3,2 балла по пятибалльной шкале, что является самым высоким значением среди анализируемых регионов. Наиболее перспективные группы:

- новосёлы (до 3 лет проживания за рубежом) – 3,3 балла,
- трудоспособное население 18–55 лет – 3,1 балла,
- этнические русские – 3,7 балла,

– семейные мигранты без детей и одинокие – 2,9–3,3 балла.

При этом наименее выраженный потенциал характерен для долгосрочно проживающих за рубежом (более 15 лет) – 2,0–2,3 балла, а также для групп, слабее связанных с русской культурной средой.

Таблица 3 демонстрирует структурные различия в оценках по ключевым параметрам – длительности проживания, возрастным группам, семейному положению, этнокультурной идентичности и социально-экономическому статусу. Эти различия формируют устойчивый профиль репатриационного потенциала стран СНГ, отличающийся как масштабом, так и высокой стабильностью установок к возможному возвращению.

Таблица 3

Экспертные оценки репатриационного потенциала в постсоветских странах и Юго-Восточной Азии по продолжительности проживания, возрастным группам, семейному положению, этнокультурной идентичности

Table 3

Expert Assessments of Repatriation Potential in the Post-Soviet Space and Southeast Asian Countries by Duration of Residence, Age Groups, Marital Status, and Ethno-Cultural Identity

Регион	По продолжительности проживания			
	Новосёлы (до 3 лет)	Краткосрочные (4–7 лет)	Среднесрочные (8–15 лет)	Долгосрочные (>15 лет)
Страны СНГ (N=18)	3,3 (Me=3,5, SD=1,6)	2,8 (Me=3,0, SD=1,0)	2,0 (Me=2,0, SD=1,0)	2,3 (Me=2,0, SD=1,5)
Юго-Восточная Азия (N=9)	3,3 (Me=4,0, SD=1,4)	3,4 (Me=4,0, SD=1,5)	2,1 (Me=1,0, SD=1,5)	2,0 (Me=1,0, SD=1,6)

¹ Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1999. С. 331, 333; Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 336, 337.

² С 1 января 2024 года вступил в силу Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 872 «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 г. № 637», предусматривающий внесение изменений в Государственную программу переселения соотечественников и введение в её структуру института репатриации.

³ Переселенцев подвел язык // Коммерсантъ: [сайт]. 13.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7566175?ysclid=mhfe8sorju923038890> (дата обращения: 31.10.2025).

Регион	По возрастным группам			
	18–35 лет	36–55 лет	56–72 лет	72+ лет
Страны СНГ (N=18)	3,1 (Me=3,0, SD=1,5)	3,1 (Me=3,0, SD=0,9)	2,0 (Me=2,0, SD=1,1)	1,7 (Me=1,0, SD=1,2)
Юго-Восточная Азия (N=9)	2,6 (Me=1,0, SD=1,9)	3,3 (Me=3,0, SD=1,1)	2,2 (Me=2,0, SD=1,0)	2,1 (Me=2,0, SD=1,4)
Регион	По семейному положению			
	Одиноким	Семейные (с детьми)	Семейные (без детей)	Одиноким (разведённые/ вдовцы)
Страны СНГ (N=18)	3,3 (Me=3,0, SD=1,3)	2,9 (Me=3,0, SD=1,1)	3,1 (Me=3,0, SD=1,1)	2,8 (Me=3,0, SD=1,3)
Юго-Восточная Азия (N=9)	3,1 (Me=3,0, SD=1,4)	2,7 (Me=3,0, SD=0,9)	2,4 (Me=2,0, SD=1,4)	2,7 (Me=3,0, SD=1,3)
Регион	По этнокультурной идентичности			
	Этнические русские	Русскоговорящие (не этнические русские)	Не связаны с русской культурой	
Страны СНГ (N=18)	3,7 (Me=4,0, SD=1,1)	2,8 (Me=3,0, SD=1,2)	1,6 (Me=1,5, SD=0,7)	
Юго-Восточная Азия (N=9)	4,0 (Me=4,0, SD=1,2)	2,9 (Me=2,0, SD=1,2)	2,7 (Me=3,0, SD=1,4)	

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N).

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март – апрель 2025 г.; расчёты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности [1].

В совокупности данные позволяют рассматривать постсоветское пространство как демографическое «ядро» современного репатриационного потенциала России.

2. Юго-Восточная Азия: мобильные и временные группы с высокой обратимостью

Русскоговорящие сообщества стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) формируются значительно позже и состоят преимущественно из молодых мобильных специалистов, совмещающих дистанционную занятость с проживанием за рубежом. Эти группы отличаются высокой ротационностью и краткосрочностью пребывания (1–5 лет), что делает их миграционные траектории обратимыми.

По ключевым параметрам структуры репатриационных установок в странах ЮВА выделяются:

- новосёлы и краткосрочные мигранты (до 7 лет) – самые высокие оценки (3,3–3,4 балла),
- возрастная группа 36–55 лет – устойчивые намерения к репатриации (3,3 балла),
- долгосрочные мигранты (более 15 лет) – более низкий потенциал (около 2,0 баллов).

Мотивационная структура мобильности в ЮВА отличается комплексом экономических и качественных факторов: более низкой стоимос-

тью жизни, благоприятным климатом, развитой инфраструктурой для удалённой работы, гибкими визовыми режимами, а также наличием русскоязычных сообществ.

Вместе эти условия формируют высокий уровень обратимости миграционных установок при сравнительно низком уровне долгосрочного укоренения.

Экспертные оценки также показывают, что репатриационный потенциал Юго-Восточной Азии в краткосрочной перспективе (3 года) выше, чем в странах СНГ (2,4 против 1,8 балла), и в среднесрочной перспективе (5 лет) это преимущество сохраняется и усиливается: 3,2 против 2,7 балла. Это связано с тем, что для данной категории характерна временность нахождения за рубежом, отсутствие намерений долгосрочной интеграции и сохранение экономических и социальных контактов с Россией.

3. Новые мобильные группы: цифровые кочевники и место в структуре миграционной мобильности

Третьим элементом анализа является новая волна миграционной и профессиональной мобильности российских граждан, формирующаяся на фоне цифровизации труда и распространения дистанционных форм занятости. В рамках данно-

го исследования особое внимание уделяется цифровым кочевникам — мобильным профессионалам, которые сознательно совмещают удалённую работу с временной сменой места проживания, в том числе за пределами страны постоянного проживания.

По данным платформы Nomads.com (на ноябрь 2025), в мире насчитывается более 115 млн цифровых кочевников. Россия занимает 4-е место в глобальном рейтинге:

- США – 49,7 млн чел. (43%);
- Великобритания – 8,0 млн чел. (7%);
- Канада – 5,3 млн чел. (5%);
- Россия – 5,1 млн чел. (4%);
- Германия – 4,7 млн чел. (4%).

Подчеркнём, что оценки, приводимые в данном контексте, отражают распространённость практик цифрового кочевничества и не являются прямым показателем численности международных мигрантов. Речь идёт о совокупности лиц, использующих дистанционные формы занятости в сочетании с временной сменой места проживания в течение определённого периода.

Согласно данным того же источника, на апрель 2023 года численность российских граждан, практиковавших цифровое кочевничество, оценивалась примерно в 3,2 млн человек [21]. Рост данного показателя в последующие годы свидетельствует прежде всего о расширении дистанционных форм занятости и увеличении разнообразия мобильных жизненных стратегий. Социально-демографический профиль цифровых кочевников в целом характеризуется преобладанием лиц в возрасте 30–35 лет с высшим образованием, занятых в сферах информационных технологий, маркетинга, коммуникаций и креативных индустрий [9; 21; 23]. Для них характерны высокая профессиональная мобильность, индивидуализм, ориентация на автономию и нематериальные ценности, прежде всего – независимость от территориальных и институциональных ограничений.

Для проверки выдвинутых положений о природе цифрового кочевничества были проведены интервью с российскими гражданами, работающими в дистанционном формате и ведущими мобильный образ жизни. Из множества собранных историй для анализа отобрано несколько типичных кейсов, наиболее наглядно отражающих разные модели мобильности: двое респондентов живут преимущественно в странах постсоветского пространства, двое – в странах Юго-Восточной Азии, один – в странах Африки и Латинской Америки. Эти истории позволяют проследить, как описанные ранее стратегии – добровольная мобильность, сохранение профессиональной ста-

бильности, стремление к автономии и личному развитию – реализуются на практике.

Александр, 35 лет, разработчик веб-приложений из Москвы, с 2021 года чередует проживание в Тбилиси, Ереване и Астане. Он подчёркивает, что не рассматривал отъезд как эмиграцию, а скорее как расширение личного и профессионального пространства:

«Я не менял работу – просто стал работать из другой страны. У компании удалённый формат, и я могу подключаться из любого места. Это не переезд, а возможность пожить в других местах, увидеть, как люди решают те же задачи по-другому. Мне не нужно оседать, важно, что работа стабильна, а жизнь интересна.»

В его опыте мобильность выступает не как утрата принадлежности, а как способ профессионального и культурного роста при неизменной занятости.

Похожую позицию занимает Марина, 29 лет, графический дизайнер из Санкт-Петербурга, работающая в российской студии и живущая в различных городах Казахстана и Грузии. Для неё перемещение – способ внутреннего обновления и повышения качества жизни:

«Я работаю в той же студии, что и раньше, только сейчас живу в Грузии. Коллеги – в Москве и Минске, всё общение онлайн. Здесь спокойнее, уютнее, и при тех же доходах можно позволить себе больше. Уезжаешь не потому, что “надо”, а потому что “можно”. Это даёт энергию и ощущение свободы.»

В странах постсоветского пространства кочевничество воспринимается как мягкая, «безразрывная» мобильность – возможность сохранить профессиональные связи и одновременно сменить контекст.

Если для респондентов, выбравших соседние страны, ключевой мотив связан с психологическим комфортом и возможностью «сменить воздух», то для тех, кто живёт в Юго-Восточной Азии, мобильность становится способом почувствовать жизнь в постоянном движении и наслаждаться новым качеством среды.

Адель, 31 год, аналитик в международном банке, уже более трёх лет совмещает корпоративную занятость с жизнью в разных странах. Он подчёркивает, что цифровое кочевничество не стало для него способом сменить профессию или «уйти от чего-то» – напротив, это форма личного роста и способ расширить жизненный опыт:

«Я и раньше мог выбрать, где жить: можно было устроиться за границей или перейти на удалёнку. Просто не было такой потребности – мне нравилось жить в Москве. И сейчас нравится туда приезжать. Но хотелось, чтобы вместе с

профессиональным ростом рос и комфорт жизни. Пока этого не чувствовал – решил попробовать жить за границей.»

Удалённая работа дала ему возможность соединить карьеру и путешествия – одно из главных увлечений. За два года, проведённых в Юго-Восточной Азии, он жил в Таиланде, на Филиппинах и во Вьетнаме:

«Это как будто пять лет лета подряд – невероятное ощущение, потому что лето, как говорится, это маленькая жизнь. Вначале не хватало смены сезонов – казалось, время бежит быстрее. Но через год-полтора это чувство ушло. Здесь всё время ощущаешь себя в путешествии: новые страны, люди, впечатления. Ты тратишь меньше, но при этом живёшь лучше. Можно поехать на выходные на остров, а не просто пойти в бар. Поплавать с акулами за 700 рублей – где в России такое возможно?»

Адель отмечает, что жизнь за границей повысила качество жизни и уровень комфорта, но вместе с тем изменила характер общения:

«Глубокого, близкого общения стало меньше. За эти три с половиной года встретилось не так много людей, с кем можно поговорить по-настоящему. Много знакомств, но они более поверхностные. В миграции общение другое – живое, но не такое глубокое, как дома. И, конечно, не хватает встреч с родными и друзьями вживую.»

История Аделя показывает, что цифровое кочевничество способно сочетать стабильную занятость, эмоциональное насыщение и высокий уровень комфорта, но при этом сопряжено с определённым разрывом социальных связей и чувством дистанции с близкими.

Светлана, 27 лет, преподаватель онлайн-курсов по маркетингу, впервые попробовала дистанционное обучение во время пандемии. После этого несколько месяцев жила во Вьетнаме, а затем в Индонезии, сохранив прежний формат работы:

«У меня студенты из России, Европы и Азии. Я чувствую, что стала частью глобального образовательного пространства. Постоянная смена среды меня не утомляет, наоборот – заряжает. Главное – стабильный интернет и самодисциплина.»

Её опыт отражает стремление найти баланс между профессиональной деятельностью и личной жизнью, объединяя труд, путешествия и развитие в едином ритме.

Никита, 30 лет, менеджер по IT-проектам, живёт по полгода в разных странах – от Грузии и Кении до Бразилии и Аргентины. Он сохраняет работу в российской IT-компании и воспринимает мобильность как способ развивать человеческие связи и любопытство к миру:

«Иногда кажется, что уже фантазии не хватает, куда поехать дальше. Но каждый раз, когда оказываюсь в новом месте, будто перезапускаюсь. За последние два года у меня появились друзья почти в каждой стране, где я был. Это заряжает и даёт чувство уверенности – ты дома везде.»

Сопоставление интервью показывает, что для большинства российских цифровых кочевников мобильность – это не экономическая стратегия, а способ жить интенсивнее, сочетая стабильную занятость, разнообразие впечатлений. Разница в стоимости жизни в отдельных странах воспринимается ими не как главная причина переездов, а как дополнительное преимущество, создающее ощущение комфорта и расширяющее возможности для отдыха и саморазвития.

Особенно ярко описанные тенденции проявляются среди респондентов молодого возраста – до 35 лет. Для них цифровое кочевничество становится естественным продолжением стремления к путешествиям, новым впечатлениям и расширению жизненного опыта. Эта группа на данном этапе жизненного цикла, как правило, не стремится к оседлости, однако сохраняет устойчивые эмоциональные и культурные связи с Россией и не исключает возможности возвращения в более долгосрочной перспективе.

Получая временные преимущества мобильного образа жизни – новые эмоции, знакомства и культурный опыт, – респонденты одновременно осознают, что подобная модель мобильности носит ограниченный по времени характер. В интервью неоднократно подчёркивалось, что с созданием семьи, появлением детей и ростом потребности в устойчивости возрастает запрос на более стабильные формы проживания, которые чаще связываются с Россией.

Качественные интервью показывают, что цифровые кочевники – группа неоднородная: различаются уровень доходов, тип занятости (наём в российских компаниях, фриланс, предпринимательство), мотивы и длительность пребывания за рубежом. При этом большинство сохраняют тесную экономическую и профессиональную привязку к российским работодателям, что делает их мобильность частично и потенциально обратимой.

Тем не менее цифровые кочевники не являются репатриантами в юридическом смысле и формируют лишь внешний слой репатриационного потенциала – гибкий, но не менее важный.

4. Выводы

Полученные результаты демонстрируют различия в характере и устойчивости форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ, а также в степени обратимости их миграционных стратегий:

– страны постсоветского пространства формируют наиболее устойчивое ядро мобильности, основанное на высокой этнокультурной связности, исторически сложившихся социальных связях и длительной миграционной истории;

– регионы Юго-Восточной Азии характеризуются преобладанием молодых и мобильных групп, для которых типичны более гибкие и, в ряде случаев, обратимые миграционные стратегии, связанные с дистанционной занятостью и временной сменой места проживания;

– цифровые кочевники представляют собой «внешний слой» современной территориальной мобильности, не тождественный репатриации в нормативно-правовом смысле, но обладающий потенциалом обратимости миграционных траекторий в среднесрочной перспективе.

Таким образом, структура миграционной мобильности русскоговорящих сообществ носит многослойный характер и формируется сочетанием традиционных диаспор и новых мобильных групп, различающихся по социально-демографическим характеристикам, мотивациям, горизонтам мобильности и степени сохранения связей с Россией. Анализ этих различий позволяет более точно оценивать возможные сценарии возвратных перемещений и трансформации миграционных стратегий.

Заключение

Обобщая результаты проведённого экспертного опроса по странам постсоветского пространства и Юго-Восточной Азии с использованием методического приёма «регион через эксперта», можно констатировать, что выдвинутая гипотеза в целом подтвердилась. Анализ показал, что формы миграционной мобильности русскоговорящих сообществ в рассматриваемых регионах различаются по степени устойчивости, социально-демографической структуре и потенциалу обратимости миграционных стратегий.

Наиболее устойчивые и структурно оформленные формы мобильности характерны для стран постсоветского пространства, где они опираются на исторически сложившиеся русскоговорящие сообщества, этнокультурную близость,

исторические связи и сохранение устойчивых социальных контактов со страной происхождения, что формирует стабильные установки на возвратные перемещения, а не исключительно на безвозвратную миграцию.

В регионах Юго-Восточной Азии, напротив, преобладают более гибкие и мобильные стратегии, связанные с экономической и профессиональной активностью молодых россиян, использующих дистанционные формы занятости. Для этих групп характерны временность пребывания, высокая пространственная подвижность и отсутствие ориентации на долгосрочную институциональную интеграцию, что обуславливает повышенную обратимость их миграционных траекторий.

Особое место в структуре современной миграционной мобильности занимают цифровые кочевники, представляющие собой новый тип мобильных профессионалов, для которых перемещения не означают миграцию в традиционном демографическом смысле. Это поколение специалистов, совмещающее удалённую занятость с постоянной сменой стран, но сохраняющее культурные и эмоциональные связи с Россией. Их мобильность носит преимущественно оборотный характер и, как правило, сопровождается сохранением профессиональных, экономических, культурных и эмоциональных связей с Россией. В этом контексте цифровое кочевничество рассматривается как особая форма миграционной мобильности, расширяющая спектр возможных сценариев возвратных перемещений в среднесрочной перспективе.

Впервые в рамках единого исследования предложены методологические подходы к сопоставимому анализу традиционных и новых форм миграционной мобильности русскоговорящих сообществ, основанные на использовании экспертных оценок и социально-демографической типологии. Полученные результаты позволяют утверждать, что современная миграционная мобильность русскоговорящих сообществ носит многослойный характер, формируясь сочетанием устойчивых диаспоральных форм и новых гибких мобильных стратегий, различающихся по мотивациям, временным горизонтам и степени сохранения связей со страной происхождения.

Список источников

1. Воробьева О.Д., Субботин А.А. Репатриационный потенциал России: анализ оценки экспертов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Том 5. № 4. С. 8–24. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.1> EDN ВУХНPM
2. Субботин А.А. Подходы к оценке миграционного потенциала России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Том 5. № 1. С. 176–192. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.11> EDN EOVSPF
3. Vorobieva O.D., Subbotin A.A., Mishchuk S.N. Main Approaches to Assessing the Scale of Settlement of Russian-Speaking Population Abroad. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(5):219–231. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.12> EDN DBOJHR

4. Зайончковская Ж.А. Развитие внешних миграционных связей России // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 29–44. EDN TZJHDB
5. Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. London: Routledge; 2021. 276 p.
6. Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. Наши за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. М.: ИСПИ РАН, 2014. 236 с. ISBN 978-5-7556-0515-1 EDN TSGBUF
7. Baranova V., Podolsky V. Life in Motion: Mobility and Identity among Russian Migrants in the South Caucasus. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2024;15(3):16–32. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-3-16-32> EDN BUDIVU
8. Matos P., Ardevol E. The Potentiality to Move Mobility and Future in Digital Nomads' Practices. *Transfers: Interdisciplinary Journal of Mobility Studies*. 2021;11(3):62–79. <https://doi.org/10.3167/TRANS.2021.110304>
9. Пантыкина М.И. Цифровые кочевники как экономические акторы: особенности социально-экономической практики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 83–92. <https://doi.org/10.17223/15617793/475/11> EDN MWHRJO
10. Zhou L., Buhalis D., Fan D.X., et al. Attracting Digital Nomads: Smart Destination Strategies, Innovation and Competitiveness. *Journal of Destination Marketing and Management*. 2024;31:100850. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2023.100850>
11. Колчин Е.Ю. Трансформация потребительской культуры в условиях цифровизации: социокультурный аспект // Манускрипт. 2025. Том 18. № 1. С. 253–258. <https://doi.org/10.30853/mns20250037> EDN JLPXO
12. Bozzi A. Digital Nomadism from the Perspective of Places and Mobilities: A Literature Review. *European Transport Research Review*. 2024;16:50. <https://doi.org/10.1186/s12544-024-00663-z>
13. Амтали Ж. Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет. СПб: Питер, 2014. 288 с. ISBN 978-5-496-00750-4
14. Wellner G. Becoming-Mobile: The Philosophy of Technology of Deleuze and Guattari. *Philosophy of Technology*. 2022;35(2):35–41. <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00534-2>
15. Sauer M. Marshall McLuhan in a New Light. Old and New Methods of Influencing Emotions in Communities of the Electronic Age. In: Grabbe L., McLuhan A., Held T. (eds.) *Beyond Media Literacy*. Marburg: Büchner; 2023 P. 14–32. <https://doi.org/10.11588/artdok.00009303>
16. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Международная миграция населения России: обмен населением со странами нового зарубежья // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 106–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250006665-4> EDN SOKPVX
17. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Ж.А. Зайончковская, Н.В. Мкртчян, И. Прибыткова [и др.]. Москва: АдамантЪ, 2009. 412 с. ISBN 978-5-86103-082-3 EDN VYKBNF
18. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с. ISBN 978-5-9908695-1-6 EDN LOFEOR
19. Тарасевич К.А., Лойко А.И. Риски «электронного кочевника» в цифровой среде // *Философия качества, созидания и исторической памяти: Сборник материалов международных круглых столов «Евразийские ценности и историческая память», «Конвергенция экосистем и философия качества»*. Минск: БНТУ, 2024. С. 207–210.
20. Глухов А.П., Окушова Г.А. Цифровые мигранты как вынужденные цифровые кочевники: формирование новой идентичности // *Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции, 24–26 мая 2016, Томск, Россия*. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 89–98. <https://doi.org/10.17223/9785946216104/12> EDN ZGQWRN
21. Рязанцев С.В., Рязанцев Н.С. Миграция «цифровых кочевников»: глобальные тренды и позиции стран // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Том 68. № 2. С. 116–126. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126> EDN HRMPVT
22. Насирдинова А. Глокализации цифровых кочевников // *Проект Байкал*. 2022. Том 19. № 71. С. 100–103. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1947> EDN ABOSFS
23. Дудин М.Н. «Цифровые кочевники» и их значение для современного рынка труда // *Экономика и социум: современные модели развития*. 2022. Том 12. № 1. С. 29–38. <https://doi.org/10.18334/ecsoc.12.1.114873> EDN MJOLVS

Информация об авторах:

Ольга Дмитриевна Воробьева – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 6059-0372) (ResearcherID: H-9920-2016) (Scopus Author ID: 56297013500)

Александр Алексеевич Субботин – кандидат социологических наук, доцент кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 1124-8020) (ResearcherID: AAG-6149-2021) (Scopus Author ID: 57196629252)

Заявленный вклад авторов:

О.Д. Воробьева – постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

А.А. Субботин – критический анализ литературы, сбор, обработка и анализ данных, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Сведения о конфликте интересов:
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
 Автор, ответственный за переписку – Ольга Дмитриевна Воробьева.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 08.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Vorobyova O.D., Subbotin A.A. Russia's Repatriation Potential: An Analysis of Expert Assessments. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*. 2025;5(4):8–24. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.1> (In Russ.)
2. Subbotin A.A. Approaches to Assessing Russia's Migration Potential. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=DEMIS. Demographic Research*. 2025;5(1):176–192. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.11> (In Russ.)
3. Vorobieva O.D., Subbotin A.A., Mishchuk S.N. Main Approaches to Assessing the Scale of Settlement of Russian-Speaking Population Abroad. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(5):219–231. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.12>
4. Zayonchkovskaya J.A. The Development of Russian Migrations. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 1995;(1):29–44. (In Russ.)
5. Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. London: Routledge, 2021. 276 p.
6. Ryazantsev S.V., Grebenyuk A.A. Nashi za Granitsei. Russkie, Rossiyane, Russkogovoryashchie, Sootechestvenniki: Ras-selenie, Integratsiya i Vozvratnaya Migratsiya v Rossiyu. Moscow: FCTAS RAS; 2014. 236 p. ISBN 978-5-7556-0515-1 (In Russ.)
7. Baranova V., Podolsky V. Life in Motion: Mobility and Identity among Russian Migrants in the South Caucasus. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2024;15(3):16–32. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2023-15-3-16-32>
8. Matos P., Ardevol E. The Potentiality to Move Mobility and Future in Digital Nomads' Practices. *Transfers: Interdisciplinary Journal of Mobility Studies*. 2021;11(3):62–79. <https://doi.org/10.3167/TRANS.2021.110304>
9. Pantykina M.I. Digital Nomads as Economic Actors: Features of Socioeconomic Practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*. 2022;(475):83–92. <https://doi.org/10.17223/15617793/475/11> (In Russ.)
10. Zhou L., Buhalis D., Fan D.X., et al. Attracting Digital Nomads: Smart Destination Strategies, Innovation and Competitiveness. *Journal of Destination Marketing and Management*. 2024;31:100850. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2023.100850>
11. Kolchin E.Yu. Transformation of Consumer Culture in the Context of Digitalization: A Socio-Cultural Aspect. *Manuskript=Manuscript*. 2025;18(1):253–258. <https://doi.org/10.30853/mns20250037> (In Russ.)
12. Bozzi A. Digital Nomadism from the Perspective of Places and Mobilities: A Literature Review. *European Transport Research Review*. 2024;16:50. <https://doi.org/10.1186/s12544-024-00663-z>
13. Attali J. A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century. Saint Petersburg: Publishing House Piter; 2014. 288 c. ISBN 978-5-496-00750-4
14. Wellner G. Becoming-Mobile: The Philosophy of Technology of Deleuze and Guattari. *Philosophy and Technology*. 2022;35(2):35–41. <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00534-2>
15. Sauer M. Marshall McLuhan in a New Light. Old and New Methods of Influencing Emotions in Communities of the Electronic Age. In: Grabbe L., McLuhan A., Held T. (eds.) *Beyond Media Literacy*. Marburg: Büchner; 2023 P. 14–32. <https://doi.org/10.11588/artdok.00009303>
16. Rybakovsky L.L., Kozhevnikova N.I. International Migration of Population of Russia: Exchange of Population with the Post-USSR Countries. *Sotsiologicheskie Issledovaniia=Sociological Studies*. 2019;(9):106–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250006665-4> (In Russ.)
17. Zaionchkovskaya Zh.A., Mkrtychyan N.V., Pribytkova I., et al. Postsovetskie Transformatsii: Otrazhenie v Migratsiyakh. Moscow: Publishing House Adamant; 2009. 412 p. ISBN 978-5-86103-082-3 (In Russ.)
18. Vorobieva O.D., Rybakovsky L.L., Rybakovsky O.L. Migratsionnaya Politika Rossii: Istoriya i Sovremennost'. Moscow: Publishing House Econ-Inform; 2016. 192 p. ISBN 978-5-9908695-1-6 (In Russ.)
19. Tarasevich K.A., Loiko A.I. Riski «Ehlektronnogo Kochevnika» v Tsifrovoi Srede. In: *Filosofiya Kachestva, Sozidaniya i Istoricheskoi Pamyati. Proceedings of the International Round Tables «Eurasian Values and Historical Memory» and «Convergence of Ecosystems and Philosophy of Quality»*. Minsk: BNTU; 2024. P. 207–210.
20. Glukhov A.P., Okushova G.A. Digital Migrants as Forced Digital Nomads: Formation of a New Identity. In: *Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend: Proceedings of the 3rd International Transdisciplinary Scientific and Practical Web Conference; May 24–26, 2016; Tomsk, Russia*. Tomsk: National Research Tomsk State University. 2017:89–98. <https://doi.org/10.17223/9785946216104/12> (In Russ.)
21. Ryazantsev S.V., Ryazantsev N.S. Migration of Digital Nomads: Global Trends and Country Positions. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World Economy and International Relations*. 2024;68(2):116–126. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126> (In Russ.)

22. Nasirdinova A. Glocalisation of Digital Nomads. *Proekt Baikal=Project Baikal*. 2022;19(71):100–103. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1947> (In Russ.)
23. Dudin M.N. Digital Nomads and Their Significance for the Modern Labour Market. *Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya=Economy and Society: Modern Development Models*. 2022;12(1):29–38. <https://doi.org/10.18334/ec-soc.12.1.114873> (In Russ.)

Information about the authors:

Olga D. Vorobieva – Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of Demography of Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (SPIN-code: 6059-0372) (ResearcherID: H-9920-2016) (Scopus Author ID: 56297013500)

Alexander A. Subbotin – PhD in Sociology, Associate Professor at the Department of Demography of Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (SPIN-code: 1124-8020) (ResearcherID: AAG-6149-2021) (Scopus Author ID: 57196629252)

Authors' declared contribution:

Olga D. Vorobieva – statement of the problem, development of the article concept, analysis of research results, formulation of research findings.

Alexander A. Subbotin – critical analysis of the literature, collection, processing and analysis of data, analysis of research results, formulation of research findings.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Olga D. Vorobieva.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 08.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы конференции

УДК 314.1

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_11_169_176

EDN JVVHJX

Методы сравнительной и цифровой демографии в характеристике современной демографической ситуации России и ее регионах. Обзор материалов заседания Круглого стола, посвященного 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова и 10-летию кафедры демографии

Тамара Васильевна Лебедева¹, Александра Робертовна Акрамова², Анна Кирилловна Шебанова³

^{1,2,3} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹(shonohova@rambler.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1817-3685>)

²(akrmv1999@gmail.com), (<https://orcid.org/0009-0002-1434-9425>)

³(serebro_anya@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0000-1258-6027>)

Аннотация

В обзоре отражены итоги проведения 11.10.2025 кафедрой демографии МГУ Круглого стола «Методы сравнительной и цифровой демографии в характеристике современной демографической ситуации России и её регионах», посвящённого 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова и 10-летию кафедры. В ходе мероприятия прозвучали доклады о достигнутых кафедрой демографии результатах деятельности, об особенностях использования в демографии классических и современных методов исследования, о прикладных исследованиях по цифровой демографии. Особое внимание было уделено проблеме возрождения в нашей стране качественного демографического образования. С интересными сообщениями выступили почётные гости Круглого стола.

Ключевые слова: кафедра демографии, Круглый стол, демографическое образование, методы демографических исследований, цифровая демография

Для цитирования: Лебедева Т.В., Акрамова А.Р., Шебанова А.К. Методы сравнительной и цифровой демографии в характеристике современной демографической ситуации России и ее регионах. Обзор материалов заседания Круглого стола, посвященного 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова и 10-летию кафедры демографии // *Уровень жизни населения регионов России*. 2026. Том 22. № 1. С. 169–176. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_11_169_176 EDN JVVHJX

CNF (Conference proceedings)

JEL J11

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_11_169_176

Methods of Comparative and Digital Demography in Characterizing the Current Demographic Situation in Russia and its Regions. Review of Materials from the Round Table Dedicated to the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University and the 10th Anniversary of the Department of Demography

Tamara V. Lebedeva¹, Aleksandra R. Akramova², Anna K. Shebanova³

^{1,2,3} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹(shonohova@rambler.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1817-3685>)

²(akrmv1999@gmail.com), (<https://orcid.org/0009-0002-1434-9425>)

³(serebro_anya@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0000-1258-6027>)

Abstract

This review presents the results of the Round Table «Methods of Comparative and Digital Demography in characterizing the current Demographic situation in Russia and its regions», held by the Department of Demography at Moscow State University on October 11, 2025. The Round table was dedicated to the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University and the 10th anniversary of the department. During the event, presentations were made on the Department of Demography's achievements, the specifics of using classical and modern research methods in demography, and applied research in digital demography. Particular attention was paid to the issue of reviving high-quality demographic education in our country. Honored guests of the Round Table also make interesting presentations.

Keywords: Department of Demography, Round Table, demographic education, methods of demographic research, digital demography

For citation: Lebedeva T.V., Akramova A.R., Shebanova A.K. Methods of Comparative and Digital Demography in Characterizing the Current Demographic Situation in Russia and its Regions. Review of Materials from the Round Table Dedicated to the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University and the 10th Anniversary of the Department of Demography. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):169–176. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_11_169_176 (In Russ.)

© Лебедева Т.В., Акрамова А.Р., Шебанова А.К., 2026

Введение

В рамках Всероссийского фестиваля «НАУКА 0+» 2025 кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова (далее по тексту – ВШССН) 11 октября 2025 г. было проведено заседание Круглого стола с международным участием на тему: «Методы сравнительной и цифровой демографии в характеристике современной демографической ситуации России и её регионах». Заседание было посвящено 270-летию юбилею Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и 10-летию кафедры демографии ВШССН. Мероприятие состоялось в режимах офлайн (в ауд. 540 ВШССН) и онлайн, с использованием интерактивных технологий на платформе МТС Линк.

Тематика Круглого стола вызвала интерес у учёных, аспирантов, преподавателей вузов и студентов. На мероприятие зарегистрировалось более 120 человек, в заседании приняло участие более 80 представителей вузов и научных центров России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Южной Осетии. В заседании Круглого стола участвовали и представители Китая – Ши Чжилэй, декан факультета экономики и директор Центра исследований народонаселения и здоровья Чжуннаньского университета экономики и права, профессор, председатель Секции демографической экономики Китайского общества экономики труда, исполнительный вице-президент Ассоциации демографии провинции Хубэй, а также магистранты и аспиранты из Китая, обучающиеся в ВШССН.

Во вступительном слове модератор мероприятия В.А. Ионцев, заведующий кафедрой демографии, д-р экон. наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, подчеркнул важность проведения сравнительных исследований в демографии. Выступающий напомнил собравшимся о том, что ещё в 1855 г. французским учёным А. Гийаром была опубликована книга «Элементы статистики населения, или Сравнительная демография», в названии которой был впервые использован термин «сравнительная демография» [1]. В учебнике 2015 г. «Сравнительная социология», подготовленном коллективом авторов из г. Санкт-Петербурга, в главе 2 содержится параграф «Сравнительная демография», написанный известным специалистом в области статистики и демографии, д-ром экон. наук, профессором М.А. Клуптом [2]. Использование сравнительных методов позволяет выявлять существенные особенности в демографических исследованиях, что способствует возникновению новых гипотез и теоретических обобщений, на основе которых

принимаются практические решения в области управления демографическими процессами. В современных реалиях появилась возможность использования цифровых методов исследования, которые позволяют значительно расширить исследовательскую базу и значительно ускорить сбор и обработку больших массивов демографических данных. Поэтому заявленная тема Круглого стола, безусловно, актуальна. Ведущие учёные кафедры демографии, приглашённые эксперты, гости мероприятия выскажут сегодня свою точку зрения по обозначенной теме.

От имени руководства ВШССН присутствующих на заседании Круглого стола поприветствовала заместитель директора по учебной работе, канд. экон. наук Ю.А. Узкая, которая поздравила участников мероприятия с 20-летием Всероссийского фестиваля «НАУКА 0+» и 10-летием кафедры демографии ВШССН. Она напомнила, что идея проведения Фестиваля науки принадлежит МГУ имени М.В. Ломоносова. Основной целью данного мероприятия является популяризация научных знаний и привлечение в науку талантливой молодёжи. В настоящее время кафедра демографии в ВШССН является выпускающей по двум образовательным программам магистратуры, занимаясь подготовкой кадров высокой квалификации. Выпускники кафедры, молодые исследователи, востребованы на современном рынке труда. Они трудятся в научных институтах, крупных аналитических центрах, правительственных учреждениях, занимаясь вопросами моделирования, прогнозирования и управления демографическими процессами. В заключение своего выступления Ю.А. Узкая пожелала участникам Круглого стола успешной работы.

Основная часть

В соответствии с программой проведения Круглого стола с первым докладом на тему «Современная демографическая ситуация в России и её регионах через призму образовательных программ и научных исследований кафедры демографии» выступил заведующий кафедрой демографии ВШССН, д.э.н., профессор В.А. Ионцев. Докладчик отметил, что первая кафедра народонаселения в МГУ имени М.В. Ломоносова была создана Д.И. Валентеем в 1967 г.¹ Позднее, в 1968 г., был образован Центр народонаселения, где наряду с учебной работой активно осуществлялась научно-исследовательская деятельность. Кафедра и центр выступали координаторами развития демографического образования в СССР – это была

¹ История кафедры народонаселения // Кафедра народонаселения Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: [сайт]. URL: <https://demography.econ.msu.ru/about/history/> (дата обращения: 21.10.2025).

лучшая система демографического образования в мире.

Кафедра демографии в ВШССН создана на основании решения Учёного совета МГУ имени М.В. Ломоносова от 26 октября 2015 г. Уже в следующем году кафедрой была создана новая образовательная программа для подготовки магистров «Социальная демография» направления подготовки «Социология». В 2019 г. была разработана и открыта ещё одна магистерская программа – «Управление демографическими процессами» направления подготовки «Менеджмент». Эти уникальные инновационные программы возникли вследствие потребностей общества, науки и бизнеса в современных грамотных специалистах, которые владеют передовыми методами демографического анализа и умеют эффективно решать демографические вопросы научных и бизнес-проектов, а также компетентно управлять демографическими процессами на уровне государства и отдельных регионов страны².

Представителями профессорско-преподавательского состава (ППС) кафедры разработаны авторские учебные программы дисциплин, закреплённых за кафедрой демографии, большинство из которых оригинальные и инновационные. Доцентом Ананьевой Г.Е. и профессором Эдиевым Д.М. подготовлены и изданы учебные пособия по читаемым дисциплинам.

За десять лет существования кафедры демографии (2016–2025 гг.) ППС кафедры подготовлено и опубликовано 78 книг и учебных пособий, 260 статей в научных журналах, а также около 150 статей в научных сборниках и более 30 тезисов докладов. Представители кафедры более 340 раз выступили с докладами на научных конференциях, поучаствовали с 40 выступлениями в средствах массовой информации, приняли участие в 26 НИР³.

Одним из научных направлений, которое развивает кафедра демографии в настоящее время, является обоснование евразийского пути демографического развития Российской Федерации. Данной теме была посвящена V Международная зимняя демографическая школа для студентов (03–04.02.2023 г.), по этой теме идёт подготовка диссертационных исследований, осуществляется публикация научных статей [3].

² О кафедре демографии // Высшая школа современных социальных наук (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: [сайт]. URL: <https://vshssn.msu.ru/managments/kafedra-demografii/> (дата обращения: 21.10.2025).

³ Составлено авторами по: ИСТИНА. Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных МГУ имени М.В. Ломоносова: [сайт]. URL: <https://istina.msu.ru/?ysclid=mhlwarl17u724042538/> (дата обращения: 23.10.2025).

При существующих в настоящее время ограничениях на использование официальной демографической статистики ощущается острый дефицит демографической информации. Поэтому современные аналитики используют альтернативные источники, позволяющие составить общую картину демографической ситуации (данные сотовых операторов, налоговых органов, систем образования и здравоохранения и др.). В целях подготовки магистрантов к работе с такими источниками данных канд. социол. наук, доцентом кафедры демографии А.А. Субботиным разработан и читается новаторский авторский курс «Цифровая демография».

Профессор В.А. Ионцев также отметил, что представители ППС кафедры демографии не только активно участвуют в общественной жизни факультета и университета, но и сами выступают инициаторами организации и проведения многих научных и образовательных мероприятий. Так, для магистрантов направления «Социальная демография» организован постоянно действующий научный семинар. В его работе принимали участие ведущие учёные-демографы (например, Л.Л. Рыбаковский, А.В. Топилин), а также представители международных организаций, органов власти и некоммерческих организаций, занимающиеся реализацией демографической и миграционной политики (А.И. Эсоев, С.И. Рыбальченко, В.А. Поставнин и др.)⁴.

Докладчик также отметил, что кафедра активно сотрудничает с демографами Кыргызстана, Таджикистана, Китая. Представители данных государств не только обучаются по кафедральным программам магистратуры, но и проходят стажировки, подготовку в аспирантуре.

За период 2019–2025 гг. кафедрой демографии организовано и проведено семь международных зимних демографических школ (9–10.02.2019 г.; 14–15.02.2020 г.; 5–6.02.2021 г.; 4–5.02.2022 г.; 2–4.02.2023 г.; 1–3.02.2024 г.; 30.01–01.02.2025 г.) с целью популяризации современных демографических знаний для преподавателей демографических дисциплин вузов российских регионов и студентов, интересующихся проблемами демографии. Тематика проведения школ была разнообразной. На заседаниях рассматривались современные проблемы преподавания демографии, актуальные вопросы демографического развития России и её регионов, особенности российской семейной политики, приоритетные направления миграции населения и др. В каждой школе принимало участие около 100 преподавателей и

⁴ Научная работа // Кафедра демографии ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова: Официальный сайт. URL: <https://demography-vshssn-msu.ru/nauchnayarabota/> (дата обращения: 24.10.2025).

300 студентов из большинства субъектов Российской Федерации и ряда зарубежных стран⁵. В завершении своего выступления В.А. Ионцев пригласил присутствующих к участию в предстоящей VIII Международной зимней демографической школе, проведение которой запланировано на конец января 2026 г.

Тему необходимости повышения демографической грамотности продолжила в своём выступлении д-р социол. наук, профессор Т.К. Ростовская, заместитель директора Института социальной демографии ФНИСЦ РАН по научной работе, которая поздравила кафедру демографии с 10-летием и отметила, что добрые традиции подготовки и воспитания квалифицированных демографов необходимо возрождать. Т.К. Ростовская коснулась деятельности возглавляемого ею Координационного центра развития кадрового потенциала в области демографии (далее по тексту – Координационный центр), созданного в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2023 г. (с 02.10.2025 Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН переименован в Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН–ИСД ФНИСЦ РАН⁶). По инициативе Координационного центра в российских регионах созданы и функционируют 6 региональных центров развития кадрового потенциала в области демографии – в гг. Екатеринбург, Вологда, Иркутск, Новочеркасск, Уфа, Красноярск. Координационным центром проводится системная работа по повышению квалификации кадров – курсы повышения квалификации, программы переподготовки кадров, научно-образовательные школы. На базе ИСД ФНИСЦ РАН действует учебно-методический совет «Демография» федерального учебно-методического объединения по укрупнённой группе специальностей и направлений 39.00.00 Социология и социальная работа.

В 2023 г. вступил в силу профессиональный стандарт «Демограф»⁷, утверждены наименования квалификаций и требования к квалификациям «Специалист в области демографии (демограф)» и «Аналитик в демографической сфере»⁸. Поэтому особый акцент в своём выступлении

⁵ Международная зимняя демографическая школа // Кафедра демографии Высшей школы современных социальных наук (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: [сайт]. URL: <https://demography.vshsn-msu.ru/mzdsh/> (дата обращения: 25.10.2025).

⁶ Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН: [сайт]. URL: <https://isd-ras.ru/> (дата обращения: 26.10.2025).

⁷ Приказ Минтруда России от 08.06.2022 г. № 346н «Об утверждении профессионального стандарта «Демограф»».

⁸ Приказ Национального агентства развития квалификаций от 14.11.2022 г. № 129/22-ПП «Об утверждении наименований квалификаций и требований к квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения».

профессор Т.К. Ростовская сделала на необходимости разработки федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) нового поколения по специальности «Демография» (в рамках укрупнённой группы направлений 13. Политика, социология и международные процессы) и призвала организовать проведение большого образовательного форума, на котором всесторонне обсудить проект такого важного документа. Разработка проекта ФГОС по специальности «Демография» является основополагающим этапом работы по формированию новой модели кадрового потенциала в области демографического развития [4].

Выступление д-ра физ.-мат. наук, профессора кафедры демографии ВШССН Д.М. Эдиева было посвящено особенностям использования классических и современных методов в демографии. Докладчик отметил, что в нынешних достаточно быстро меняющихся социально-экономических условиях используемые традиционные методы не всегда отражают современные тенденции развития демографических процессов, поэтому требуются новаторские подходы и новые методы исследования. Вследствие этого возникают вызовы классической методологии во всех направлениях демографической науки.

Особое внимание в выступлении профессор Д.М. Эдиев уделил разработке демографических прогнозов. С использованием презентационных материалов автор выступления продемонстрировал конкретные примеры прогнозирования рождаемости, смертности, миграции населения, развития домохозяйств в регионах мира. Однако докладчик отметил, что в прогнозировании рождаемости не учитываются в полной мере очерёдность рождений, темпо-эффект и целевая рождаемость, а в традиционных вероятностных прогнозах смертности (метод Ли–Картера) не учитывается специфика колебания показателей смертности в разных возрастах. Как следствие, традиционные методы прогнозирования не вполне приспособлены под задачи разработки и мониторинга эффективности мер демографической политики.

В разработке нелинейных моделей на основе больших данных важную роль могут сыграть методы машинного обучения и искусственный интеллект. Современные распределённые информационные системы могут обеспечить «персонализацию» демографического анализа, однако при этом возникают риски утечки информации и персональных данных. Поэтому возрастает значение разработки новых методов демографического анализа, ориентированных на распределённую обработку демографических данных с учётом конфиденциальности используемой информации.

Профессор Д.М. Эдиев упомянул как успешный пример особенности проведения демографической политики в послевоенной Франции, которая была основана на использовании передовых научных разработок Национального института демографических исследований Франции, созданного согласно Декрету Президента страны Шарля де Голля в 1945 г. В настоящее время демографическая политика в этой стране, основанная на глубоком научном анализе демографической ситуации и принятии эффективных мер социально-экономической поддержки семей с детьми, обеспечивает ежегодный естественный прирост населения в 0,3–0,4% [5].

Демографические прогнозы, необходимые для разработки и мониторинга мер демографической политики, должны быть вероятностными, опирающимися на множество реалистичных стохастических сценариев. Составление и использование вероятностных прогнозов важно при принятии грамотных управленческих решений в целях оперативного мониторинга сложившейся демографической ситуации и корректировки мер влияния на демографические процессы.

Доцент кафедры демографии ВШССН, заместитель начальника управления стратегического анализа Аналитического центра Москвы, канд. социол. наук А.А. Субботин выступил с докладом «Прикладные исследования по цифровой демографии». В своём выступлении он отметил, что в 1940–1950-е годы XX века, с появлением первых компьютеров, произошла цифровая революция – переход от аналоговых технологий к цифровым. С конца 1990-х до середины 2000-х годов началось активное распространение цифровых платформ и инновационных технологий. Среди ключевых технологических направлений докладчик выделил искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, интернет вещей и другие. На базе цифровых платформ, отметил докладчик, были разработаны поисковые сервисы, социальные сети и мессенджеры, маркетплейсы и электронная коммерция, почтовые сервисы и многое другое. Эти инновации оказали значительное влияние на общество, экономику и – опосредованно – на окружающую среду. С 2000-х гг. происходит концентрация и накопление данных, в том числе и на индивидуальном уровне.

А.А. Субботин подчеркнул, что с начала XXI века в информационной среде начался процесс активного накопления данных о населении, что привело к формированию «цифрового населения» и, как следствие, появлению нового направления в демографии – цифровой демографии. Докладчик отметил, что эта область исследований изучает демографические процессы с использованием ин-

новационных методов и новых источников данных, анализирует цифровое население и влияние цифровизации на демографическое поведение. Цифровая демография исследует данные, генерируемые пользователями в онлайн-среде, позволяя выявлять демографические характеристики, процессы и тенденции в реальном обществе.

В практической части доклада А.А. Субботин привёл конкретные примеры использования больших баз данных в исследовании демографических процессов. Так, при его непосредственном участии группа учёных из Института демографических исследований имени Макса Планка (г. Росток, Германия) провела анализ международной академической миграции на основе библиометрических данных базы Scopus – крупнейшей в мире базы данных кратких описаний и сведений о цитировании научных публикаций. Каждая запись об авторстве рассматривалась как набор данных, который сопоставляет автора с конкретным местом пребывания на определённую дату публикации. Это позволило исследователям отслеживать международные перемещения учёных по изменениям адресов их аффилиации. На основе анализа более 2,4 млн публикаций в базе Scopus А.А. Субботин выявил сеть передвижения учёных в Россию и из России за 1996–2020 гг., определил миграционные потоки учёных по четырём основным областям науки и охарактеризовал их качественный состав [6].

Другой пример был связан с использованием баз больших данных сотовых операторов (МТС, Билайн, Мегафон, Теле-2) Московского региона. Агрегированные данные позволили получать информацию, недоступную традиционным методам: о заселённости новых территорий (например, в Новой Москве), численности населения в динамике, маятниковой миграции, местах притяжения и концентрации населения в дневные часы.

Третий пример касался анализа банковских транзакций, которые также могут быть использованы в демографическом анализе, например, для оценки численности и структуры населения, миграционной активности и пространственных перемещений жителей города. Кроме того, подобные данные позволяют оценить качественную структуру населения по доходам и тратам.

В завершении выступления А.А. Субботин подчеркнул, что прежде, чем работать с любой базой больших данных, необходимо проводить предварительную обработку информации и оценку её качества. Альтернативные источники данных в современных демографических исследованиях часто недооцениваются, однако именно они позволяют дополнить официальную статистику и получить более полное представление о текущих демографических тенденциях.

С заключительным докладом на заседании Круглого стола выступил М.А. Клупт, д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Тема его выступления «Политическая демография современного мира: новые тенденции и выводы для России» была посвящена сравнительным демографическим исследованиям «азиатских центров силы» – Индии и Китая. Профессор М.А. Клупт отметил, что сочетание накопленной демографической мощи и быстрого экономического роста Китая и Индии изменило баланс сил между Западом и не-Западом и стало одной из важнейших причин сегодняшней геоэкономической и геополитической турбулентности. Быстрый рост среднего класса в КНР и Индии сделал внутренний спрос главным мотором экономического развития. Огромная и растущая численность среднего класса смещает структуру глобального потребительского спроса в КНР и Индию.

Докладчик обратил внимание, что при этом население КНР начало уменьшаться и быстро стареет, поэтому пронатализм возвращается в политику государства. Но огромный перевес Китая в численности населения мира сохранится, судя по прогнозам ООН, ещё до конца текущего столетия. В Индии с её многопартийной системой и федеративным устройством политика снижения рождаемости, подобная той, что проводилась в КНР, оказалась невозможной [7]. В этой стране снижение рождаемости происходит более плавно, чем в Китае, и неравномерно в разрезе этнолингвистических регионов. Например, в индийских штатах Андхра-Прадеш и Тамилнаду суммарный коэффициент рождаемости снизился до 1,5 и начался сдвиг в сторону пронаталистской политики.

Подытоживая своё выступление, М.А. Клупт отметил, что современные особенности и цели экономико-демографического развития Китая и Индии близки и другим развивающимся странам. Эволюция пронатализма в развивающихся странах развивается по третьему закону диалектики – отрицание отрицания: пронатализм аграрных обществ – политика снижения рождаемости – политика повышения рождаемости. Однако при том общем, что есть в мировом развитии, каждая страна проходит свой уникальный путь, поэтому докладчик предостерег от навязывания и неосторожного копирования чужих образцов в проведении демографической политики.

По окончании докладов состоялись эмоциональные выступления почётных гостей и участников Круглого стола. Так, М.Б. Денисенко, канд. экон. наук, ординарный профессор ВШЭ, директор Института демографии НИУ ВШЭ, заведующий кафедрой демографии, поблагодарил

В.А. Ионцева и А.И. Антонова, д-ра филос. наук, профессора, заведующего кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, за служение демографии и верность принципам демографической науки и демографического образования, заложенные Д.И. Валентеем. Эту прогрессивную структуру подготовки профессиональных демографов в бытность СССР копировали во всём мире. У советских студентов-демографов была сильная экономическая основа, много часов отводилось изучению иностранного языка, поэтому они читали в подлиннике труды А. Смита, К. Маркса, Д.М. Кейнса, А. Маршалла. В современных образовательных программах подготовки демографов даются лишь общие демографические сведения и обзор некоторых методов демографических исследований. Поэтому Институт демографии НИУ ВШЭ готов принять активное участие в обсуждении и разработке ФГОС нового поколения по специальности «Демография».

Заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д-р филос. наук, профессор А.И. Антонов указал на низкий уровень демографической грамотности должностных лиц и государственных служащих, принимающих решения в области демографической политики. Большинство из них отождествляет рождаемость с размножением – нужно только выделить деньги семьям и рождаемость повысится. Но даже те государственные средства, что выделяются на решение демографических проблем, не способствуют формированию модели многодетной семьи – материнский капитал на первого ребёнка больше, чем на второго. Чтобы повысилась рождаемость в стране, необходимо в целом изменить социум, организовать производительную занятость

К сожалению, в настоящее время отсутствуют крупные научно-исследовательские проекты в области демографии, семейной политики с большим набором данных и их глубокой обработкой, поэтому зачастую принимающие решения опираются не на научные факты, а на собственные бытовые представления. Учитывая современную демографическую ситуацию в стране, демография должна быть в авангарде всех наук.

Почётный гость заседания Круглого стола А.В. Топилин, д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения ИСД ФНИСЦ РАН, представил краткую историю своего поколения – рождённых в 1940 г. Теоретические подходы в исследовании были заимствованы у известного советского демографа, д-ра экон. наук, профессора Б.Ц. Урланиса. Профессор А.В. Топилин рассчитал

среднегодовые темпы снижения когорты родившихся в 1940-м году и исследовал влияние на эти изменения исторических событий и условий жизни родившихся накануне Великой Отечественной войны. Автором исследования проанализированы образование и культурный уровень своего поколения, продолжительность семейной и трудовой жизни, вклад поколения в развитие страны.

Участники заседания Круглого стола Г.В. Кумсков, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой Экономической теории Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан) и А.Н. Курбацкий, канд. физ.-мат. наук, заведующий кафедрой Эконометрики и математических методов экономики Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, выразили глубокую благодарность кафедре демографии ВШССН и лично заведующему кафедрой В.А. Ионцеву за проведение крупных демографических мероприятий

и возможность принимать участие в них всем заинтересованным в развитии демографии как науки и в совершенствовании демографического образования, за создание площадки для обсуждения и обмена мнениями по актуальным вопросам демографического развития страны.

Подводя итоги заседания Круглого стола, модератор мероприятия профессор В.А. Ионцев отметил, что коллективом кафедры демографии ВШССН за последнее десятилетие внесён определённый вклад в развитие демографической науки. Высказанные докладчиками и почётными гостями кафедры идеи дальнейшего демографического развития России, представленные возможности использования передовых методов в демографических исследованиях могут быть использованы в развитии демографического образования в нашей стране и при разработке государственной демографической политики.

Список источников

1. Шелестов Д.К. Историческая демография: [учеб. пособ. для вузов по спец. «История»]. М.: Высш. шк., 1987. С. 58–59.
2. Сравнительная социология: [учебник] / под ред. А.В. Резаева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. 396 с. ISBN 978-5-288-05610-9
3. Ионцев В.А., Узкая Ю.А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобальнолиберальной модели демографического перехода // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 597–611. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611 EDN KPBLSG
4. Ростовская Т.К. Формирование системы кадрового потенциала в области демографии – одна из ключевых задач государственной социальной политики // Ректор ВУЗа. 2023. № 7(222). С. 16–19.
5. Шпакова Р.Н., Щербакова М.И. Демографическая политика Франции: история и современность // Вестник евразийской науки. 2022. Том 14. № 6. EDN UANKBJ
6. Субботин А.А. Международная интеллектуальная миграция в России: вызовы и перспективы: [монография]. М.: Знание-М, 2024. 272 с. ISBN 978-5-00187-744-8. <https://doi.org/10.38006/00187-744-8.2024.1.272> EDN FKHP WU
7. Клупт М.А. Индия и Китай: экономико-демографическое развитие в глобальном контексте // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Том 69. № 6. С. 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-6-5-15> EDN DERPHE

Информация об авторах:

Тамара Васильевна Лебедева – кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 4537-1531) (Scopus Author ID: 57190430527)

Александра Робертовна Акрамова – старший преподаватель кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова (SPIN-код: 8191-3240)

Анна Кирилловна Шебанова – лаборант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Тамара Васильевна Лебедева.

Статья поступила в редакцию 23.11.2025; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Shelestov D.K. Istoricheskaya Demografiya. Textbook for a University. Moscow: Publishing House Vysshaya shkola; 1987. P. 58–59. (In Russ.)
2. Rezaev A.V. (ed.) Sravnitel'naya Sotsiologiya. Textbook. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University; 2015. 396 p. ISBN 978-5-288-05610-9 (In Russ.)
3. Iontsev V.A., Uzskaya Yu.A. The Eurasian Path of Demographic Development in Russia as a Challenge to the Global Liberal Model of Demographic Transition. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):597–611.6https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611 (In Russ.)
4. Rostovskaya T.K.: Formirovanie Sistemy Kadrovogo Potentsiala v Oblasti Demografii – Odnazh iz Klyuchevykh Zarstvennoi Sotsial'noi Politiki. *Rektor VUZa*. 2023;(7(222)):16-19. (In Russ.)
5. Shpakova R.N., Shcherbakova M.I. Demographic Policy of France: History and Modernity. *Vestnik evraziiskoi nauki=The Eurasian Scientific Journal*. 2022;14(6):70ECVN622. (In Russ.)
6. Subbotin A.A. Mezhdunarodnaya Intellektual'naya Migratsiya v Rossii: Vyzovy i Perspektivy. Monograph. Moscow: Publishing House Znanie-M; 2024. 272 p. ISBN 978-5-00187-744-8 <https://doi.org/10.38006/00187-744-8.2024.1.272> (In Russ.)
7. Klupt M.A. India and China: Economic and Demographic Development in the Global Context. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World Economy and International Relations*. 2025;69(6):5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-6-5-15> (In Russ.)

Information about the authors:

Tamara V. Lebedeva – PhD in Geography, Associate Professor, Researcher, Department for Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University
(SPIN-code: 4537-1531) (Scopus Author ID: 57190430527)

Aleksandra R. Akramova – Senior Lecturer of the Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov State University
(SPIN-code: 8191-3240)

Anna K. Shebanova – Laboratory Assistant, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov State University

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for the correspondence is Tamara V. Lebedeva.

The article was submitted 23.11.2025; accepted for publication 10.03.2026.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Разное
УДК 330.59, 365, 331.5
JEL I31, P36, R21, J3, E21, E24
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_12_177_185
EDN KVJVCZ

Актуальное исследование о российских семьях с детьми

Вячеслав Николаевич Бобков

Институт экономики РАН, Москва, Россия
(bobkovn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

Аннотация

В статье отмечен инновационный характер монографии, представляющей основные результаты исследования, выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в 2023–2025 гг. в рамках проекта №23-18-00537 в Институте экономики РАН. В книге представлен оригинальный ракурс исследования российских домохозяйств с детьми. В парадигме «устойчивость» – «неустойчивость» рассмотрено трудовое положение домохозяйств, их экономическое положение и уровень жизни, которые, затем, обобщены в их социально-трудовое положение. Авторам монографии удалось соединить несколько ракурсов изучения проблематики (не)устойчивости: (не)устойчивость (прекаризованность) занятости членов домохозяйств и их трудового положения в целом, а также экономической, финансовой и жилищной (не)устойчивости. Их «интеграция» позволила авторам предложить следующую классификацию домохозяйств с детьми – с устойчивым, уязвимым и неустойчивым социально-трудовым положением; дать их количественную оценку; предложить подходы к повышению социально-трудовой устойчивости домохозяйств с детьми. Результаты исследования направлены на решение ключевой национальной цели развития Российской Федерации – сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи.

Ключевые слова: домохозяйства с детьми, социально-трудовое положение, трудовое положение, экономическое положение, экономическая устойчивость, финансовая устойчивость, жилищная устойчивость, уровень жизни

Для цитирования: Бобков В.Н. Актуальное исследование о российских семьях с детьми // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 177–185. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_12_177_185 EDN KVJVCZ

MIS (Miscellaneous)
JEL I31, P36, R21, J3, E21, E24
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_12_177_185

An Actual Study on Russian Families with Children

Vyacheslav N. Bobkov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(bobkovn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

Abstract¹

The article highlights the innovative nature of the monograph, which presents the main results of a study carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) in 2023–2025 as part of project No. 23-18-00537 at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. The book presents an original perspective on the study of Russian households with children. In the paradigm of "sustainability" – "unsustainability", the employment situation of households, their economic situation and standard of living are considered, which are then generalized into their socio-labour situation. The authors of the monograph combine several perspectives of studying the problems of (un)sustainability: (un)sustainability (precarity) of employment of household members and their employment situation in general, as well as economic, financial and housing (un)sustainability. Their "integration" allowed the authors to propose the following classification of households with children – with sustainable, vulnerable and unsustainable socio-labour situation; quantify them; propose approaches to improve the social and labour sustainability of households with children. The results of the study are aimed at solving the key national development goals of the Russian Federation – population preservation, strengthening the health and well-being of people, and family support.

Keywords: households with children, socio-labour situation, employment situation, economic situation, economic sustainability, financial sustainability, housing sustainability, standard of living

For citation: Bobkov V.N. An Actual Study on Russian Families with Children. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):177–185. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_12_177_185 (In Russ.)

Введение

В конце 2025 г. вышла в свет научная монография «Социально-трудовое положение российских домохозяйств с детьми (2022–2024 гг.): риски и возможности» [1], в основе которой – результаты исследования, выполненного в

2023–2025 гг. в Институте экономики Российской академии наук по гранту Российского научного фонда № 23-18-00537 (руководитель – канд. экон. наук Е.В. Одинцова, основные исполнители – канд. экон. наук А.А. Гулюгина и канд. экон. наук. Е.Е. Гришина).

© Бобков В.Н., 2026

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ С ДЕТЬМИ
(2022–2024 гг.):
РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Научная монография

Представленное исследование проведено, что называется, «на злобу дня». Его результаты представляют комплексную оценку трудового, экономического положения и уровня жизни домохозяйств с детьми на начальной стадии нового этапа развития России (2022–2024 гг.) и, будем надеяться, нового этапа развития семейно-демографической политики во имя настоящих и будущих поколений нашей страны.

Прежде чем перейти к краткой характеристике содержания и роли вышеуказанной коллективной монографии для российской социальной политики, отметим, что её появление стало возможным на базе отечественной научной школы нормативно-статистического изучения уровня и качества жизни, созданной в 1991–2017 гг. во Всероссийском центре уровня жизни [2; 3] усилиями его коллектива и развивавшейся затем её основателями и ключевыми авторами монографии с привлечением новых исследователей в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН (2017–2021 гг.) и, в настоящее время, (с 2022 г.) в Институте экономики РАН. Отметим некоторые теоретико-методологические основы, заложенные этой научной школой и опубликованные в монографиях и статьях, на которые опираются авторы рассматриваемой монографии. Прежде всего, это система потребительских бюд-

жетов разного уровня достатка, положенная в основу выявления низко-, средне- и высокообеспеченного населения России, дифференцирующая его по покупательной способности по доходам, включая сбережения, а также по качеству жилищной обеспеченности [4; 5; 6; 7; 8 и др.], которые позволяют определить критериальные границы расширенного воспроизводства уровня жизни. Среди других результатов нормативно-статистической школы изучения уровня и качества жизни следует отметить разработки по изучению положения российских семей с детьми, которые были получены в процессе выполнения «Вологодского пилотного проекта» (2017–2018 гг.). Они заложили основы определения трудового и экономического положения малоимущих семей с детьми, семейных потребительских бюджетов и шкалы эквивалентности, определяющей экономию семей с детьми на совместном потреблении, а также инновационные подходы к адресной социальной поддержке [9; 10]. Важный вклад в теорию и методологию изучения качества трудовой жизни внесли исследования неустойчивой (прекаризованной) занятости [11; 12; 13 и др.]. Следует также отметить инновационную методологию ежегодно (с 1995 года) публикуемых результатов Мониторинга доходов и уровня жизни населения России [14; 15; 16; 17 и др.].

Опираясь на эти и другие исследования отечественной научной школы нормативно-статистического изучения уровня и качества жизни, авторы монографии сформулировали исследовательскую проблему, характеризующую пробел в теоретико-методологических и практических вопросах современной социально-экономической политики по отношению к семьям с детьми. Эта проблема заключается в отсутствии комплексного подхода к определению положения семей с детьми, соединяющего их трудовое, экономическое положение и уровень жизни, и не сформулированных условиях достижения ими экономической устойчивости, определяющей возможности расширенного воспроизводства уровня жизни.

Основная часть

Монография включает пять разделов: I. Теоретико-методологические подходы и направления исследований устойчивости положения домохозяйств; II. Риски для домохозяйств с детьми; III. (Не)устойчивость положения домохозяйств с детьми: теоретико-методологические и инструментальные основы выявления; IV. Идентификация (не)устойчивости положения домохозяйств с детьми: текущие оценки и динамика; V. Направления снижения рисков для положения домохозяйств с детьми и глубины его неустойчивости.

Теория, методология, данные и методы

Исследование опирается на широкую эмпирическую базу данных, включающую как данные официальной статистики и негосударственных мониторинговых обследований, так и специально организованных опросов: опрос российских экспертов (проведён осенью 2023 г.) и опрос представителей домохозяйств с детьми (проведён летом 2024 г.). Соединение экономического и социологического методов в исследуемой проблеме также является важным методологическим приёмом её комплексного решения.

В монографии представлен оригинальный ракурс исследования положения российских домохозяйств с детьми. В парадигме «устойчивость» – «неустойчивость» рассматривалось трудовое положение домохозяйств [1, с. 72–79, 100–111], их экономическое положение и уровень жизни (потребление) [1, с. 79–94, 111–145], результаты оценивания которых обобщались авторами в идентификации социально-трудового положения домохозяйств [1, с. 95–98, 145–154].

Центральной категорией, которая находится в фокусе исследования авторов и определяет его направленность, является устойчивость домохозяйств. Под «устойчивостью трудового положения» авторы понимают реализацию трудового потенциала домохозяйств, устойчивость и стабильность занятости и имеющийся её потенциал для обеспечения экономической устойчивости домохозяйств. «Экономическая устойчивость» домохозяйств характеризуется в монографии как комплекс условий, обеспечивающий расширенное воспроизводство их уровня жизни, в основу которого положен социально приемлемый потребительский бюджет, обеспечиваемый среднедушевыми денежными доходами в ряду распределения населения по среднедушевым денежным доходам или более высоким уровнем душевых денежных доходов.

«Устойчивое социально-трудовое положение» домохозяйств включает реализованный трудовой потенциал и устойчивую, стабильную занятость работающих, а также экономическую устойчивость (душевые денежные доходы домохозяйств соответствуют или превышают социально приемлемый потребительский бюджет), финансовую устойчивость (имеются сбережения для поддержания привычного уровня потребления при наступлении неблагоприятных жизненных обстоятельств) и жилищную устойчивость (жилищные условия домохозяйств характеризуются как социально приемлемые или хорошие).

Исследовательский фокус именно на домохозяйственном уровне в изучении занятости и уровня жизни является важным авторским методологическим решением. Уровень жизни является домохозяйственной характеристикой, он, в

основном, формируется и реализуется в домохозяйствах, и, соответственно, характеризует всех лиц, составляющих одно домохозяйство и, только затем, обобщается на социальные слои и на население в целом. Оценивание потребления на домохозяйственном уровне позволяет избежать дублирования его характеристик при переходе к оценкам на индивидуальном уровне – по населению в целом или по отдельным группам (например, работникам). В случае с занятостью, оценивание ситуации на домохозяйственном уровне позволяет высветить её в новом качестве по сравнению с рассмотрением отдельно по занятым. Занятые представляют конкретные домохозяйства, и их наличие и число (концентрация) в домохозяйстве, например, (не)устойчиво занятых или с другими характеристиками уязвимости занятости – всё это определяет уязвимость положения домохозяйств, связанного с уровнем и качеством занятости. Это даёт качественно иную картину ситуации с занятостью, с масштабами различных проблем в этой сфере, нежели при рассмотрении занятости на индивидуальном уровне. В частности, как выявлено в [18], неустойчивая занятость, характеризующаяся концентрированным проявлением её индикаторов, охватывает 32,4% занятых, при переходе на уровень домохозяйств показано, что эти неустойчиво занятые концентрируются в 47,2% домохозяйств, где есть хотя бы один занятый [18, с. 29–30]. Ситуация с уровнем и качеством занятости в домохозяйствах, в свою очередь, определяет риски их экономической неустойчивости, уязвимости их положения, обусловливаемого недостаточной покупательной способностью доходов, которые приносят в домохозяйства работающие лица.

В концептуальном плане в данном исследовании авторами соединяются несколько ракурсов изучения проблематики (не)устойчивости: (не)устойчивость (прекаризованность) занятости членов домохозяйств и трудового положения домохозяйств в целом, обусловленного социально-демографическим составом и этапом жизненного цикла отдельных его членов, с одной стороны, и, с другой стороны (как следствие), – экономическая, финансовая и жилищная (не)устойчивость домохозяйств. Их «интеграция» при проведении оценивания положения домохозяйств позволила авторам провести классификацию, выделив домохозяйства, имеющие детей, с: устойчивым, уязвимым и неустойчивым социально-трудовым положением. Авторы разграничивают характеристики (не)устойчивости и (не)стабильности. Первая связывается ими с достижением требований соответствующих критериев трудового положения и воспроизводства уровня жизни, вторая – с (не)изменностью характеристики (не)устойчивости с течением времени. Здесь акцент

авторами сделан на периоде 2022–2024 гг. нового этапа развития России.

Отдельный раздел монографии посвящён анализу рисков для домохозяйств с детьми [1, с. 27–71]. В новых условиях развития России, начавшихся в 2022 г., авторы посчитали важным выявить актуальные и значимые риски для социально-трудового положения российских домохозяйств с детьми, наличие и концентрация которых в домохозяйствах может определять неустойчивость их положения [1, с. 30]. В книге выявлены, охарактеризованы, систематизированы и верифицированы с привлечением данных специально проведённого опроса экспертов риски в сфере занятости [1, с. 32–48], риски в сфере социальной защиты [1, с. 49–60] и риски для уровня жизни [1, с. 61–71].¹

Основные результаты исследования

Особый интерес представляют результаты, характеризующие динамику социально-трудового положения домохозяйств с детьми. Как резюмируют авторы по итогам проведённого анализа, в указанный период, 40% соответствующих домохозяйств не были затронуты изменениями. Большинство же домохозяйств с детьми (60,0%) столкнулись с какими-либо изменениями, определяющими их трудовое положение. Негативные изменения (снижение числа работающих в домохозяйстве, нисходящая трудовая мобильность, снижение доходов от занятости и пр.) затронули 20,6% домохозяйств с детьми,

позитивные (увеличение числа работающих в домохозяйстве, рост доходов от занятости и т.п.) – 31,2% домохозяйств. В остальных домохозяйствах (8,2%) имели место как негативные, так и позитивные изменения в трудовом положении [1, с. 183].

С учётом ранее сложившегося трудового положения и произошедших изменений, в 2024 г. *устойчивое трудовое положение* выявлено у 3,8% домохозяйств с детьми.² Противоположная ситуация (*неустойчивое трудовое положение*) выявлено у 70,3% домохозяйств с детьми. В них трудовой потенциал недоиспользован, занятость работающих характеризуется нестабильностью и неустойчивостью, а экономическая устойчивость не достигнута. В остальных домохозяйствах имеются проблемы с реализацией трудового потенциала, стабильностью и устойчивостью занятости работающих – 7,1% домохозяйств с детьми (*относительно устойчивое трудовое положение*) или достижением экономической устойчивости – 18,8% домохозяйств с детьми (*частично неустойчивое трудовое положение*) [1, с. 100–105, 183–184].

Обобщив ситуацию с трудовым, экономическим положением, уровнем жизни домохозяйств и их динамикой в 2022–2024 гг., авторы монографии провели классификацию домохозяйств с детьми по устойчивости их социально-трудового положения и его стабильности в 2022–2024 гг. Она заслуживает того, чтобы привести её (рисунок 1).

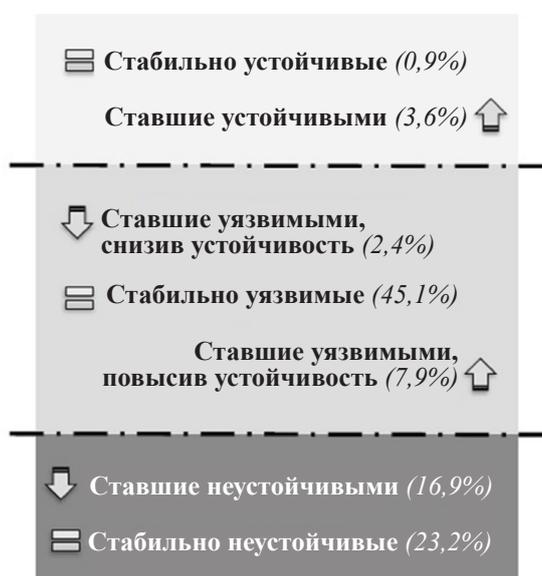

Рисунок 1. Классификация домохозяйств с детьми на основе устойчивости и стабильности их социально-трудового положения в 2022–2024 гг.

Figure 1. Classification of Households with Children Based on the Sustainability and Stability of Their Social and Labor Position in 2022–2024

Источник: [1, с. 152].

¹ Подробнее также см.: [19; 20].

² Подробнее также см.: [21].

В книге дан комментарий к этой классификации [1, с. 152–154, 185–186]. Домохозяйства с детьми с устойчивым социально-трудовым положением (всего в 2024 г. – 4,5%) частично сохранили устойчивость своего положения в 2022–2024 гг. (стабильно устойчивые домохозяйства, 0,9%), остальные – повысили устойчивость своего положения (ставшие устойчивыми, 3,6%). Домохозяйства с детьми с уязвимым социально-трудовым положением (их отличает неустойчивость по трудовому или по экономическому положению, или по уровню жизни; всего в 2024 г. – 55,4%) включают стабильно уязвимые домохозяйства, которые в 2022–2024 гг. сохранили уязвимость своего положения (45,1%), а также ставшие уязвимыми домохозяйства, которые опустились из сегмента с устойчивым положением (2,4%) или поднялись из сегмента с неустойчивым положением (7,9%). Домохозяйства с детьми с неустойчивым социально-трудовым положением (их характеризует неустойчивость как по трудовому, так и по экономическому положению и уровню жизни; всего в 2024 г. – 40,1%) включают стабильно неустойчивые домохозяйства, которые сохранили в 2022–2024 гг. своё неустойчивое положение (23,2%), и ставшие неустойчивыми домохозяйства, которые в рассматриваемый период опустились вниз из сегментов с уязвимым или устойчивым положением (16,9%).

Из приведённых цифр вытекает, что период 2022–2024 гг. характеризовался тенденцией к росту неустойчивости социально-трудового положения домохозяйств с детьми: из группы неустойчивых улучшили социально-трудовое положение 7,9%, а ухудшили, то есть перешли в неё, 16,9% домохозяйств с детьми.

При этом авторы отмечают, что «для отдельных групп домохозяйств период 2022–2024 г. создал условия, в которых они смогли повысить устойчивость своего положения благодаря улучшению ситуации с трудовым положением и/или экономическим положением и уровнем жизни», и хотя доля таких домохозяйств является небольшой (11,5%), «восходящее перемещение домохозяйств является позитивной характеристикой динамики социально-трудового положения домохозяйств с детьми в рассматриваемый период.» [1, с. 187].

Для большинства домохозяйств с детьми сложившееся социально-трудовое положение является ранее приобретённым: «Большая часть домохозяйств с детьми вступили в новый этап развития, уже имея уязвимое или неустойчивое положение, которое в условиях 2022–2024 гг. могло либо улучшиться/ухудшиться либо остаться прежним.» [1, с. 186]. Авторы отмечают, что «период 2014–2022 гг. характеризовался стабильностью положения для

большой части (около 80,0%) домохозяйств с уязвимым положением, а среди домохозяйств с неустойчивым положением – значительной долей сохранивших (около 40,0%) либо ухудшивших (около 60,0%) своё положение. Таким образом, можно утверждать, что отсутствие устойчивости социально-трудового положения у домохозяйств с детьми является «хронической» проблемой [1, с. 186]. Но в рассматриваемый период (2022–2024 гг.) мобильность переходов в неустойчивых группах выросла, особенно в группе домохозяйств с уязвимым социально-трудовым положением.

Результаты проведённого авторами исследования направлены на решение ключевой национальной цели развития Российской Федерации – сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержке семьи.³ В монографии представлен комплекс предложений по снижению рисков для социально-трудового положения российских домохозяйств с детьми и глубины его неустойчивости [1, с. 155–182]. Как подчёркивают авторы, «проблематика устойчивости домохозяйств с детьми должна стать частью официальной повестки. Необходимо введение в официальную государственную социально-экономическую политику понятия устойчивости положения домохозяйств с детьми» [1, с. 189]. Это означает, что в основу программно-стратегического планирования необходимо положить переход от минимальных социальных стандартов уровня жизни (прожиточный минимум и минимальный потребительский бюджет) к стандартам, определяющим расширенное воспроизводство уровня жизни, на основе развития трудового и человеческого потенциала. В монографии предложены такие стандарты: социально приемлемый потребительский бюджет для домохозяйств с детьми⁴ (таблица 1) как пороговый критерий экономической устойчивости таких домохозяйств [1, с. 84–86, 156–157]; стандарты доходов от занятости как основного источника денежных доходов домохозяйств, позволяющие вывести домохозяйства с детьми на уровень экономической устойчивости [1, с. 157]; социально приемлемый стандарт жилищной обеспеченности как пороговый критерий устойчивости положения домохозяйств с детьми в аспекте качества жилищных условий [1, с. 87–93, 158]. Считаем важным привлечь внимание к таблице 1, показывающей результаты расчётов разработанных авторами социально приемлемых потребительских бюджетов для семей с детьми разных размеров и состава. Новаторскую разработку авторов монографии семейных потребительских бюджетов необходимо использовать в российской семейно-демографической политике.

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

⁴ Подробнее также см.: [22].

Социально приемлемый потребительский бюджет эквивалентный (СППБэкв) семей с детьми в 2022 и 2024 гг. (в среднем по стране)

Таблица 1

Table 1

A Socially Acceptable Consumer Budget Equivalent for Families with Children, in 2022–2024

Состав семей*	СППБэкв. семьи, руб. в месяц		Шкала эквивалентности**
	2022 г.	2024 г.	
НЕПОЛНЫЕ СЕМЬИ			
1 взрослый, 1 ребёнок	92868	109986	1,85
1 взрослый, 2 ребёнка	123773	146450	2,67
ПОЛНЫЕ СЕМЬИ			
2 взрослых, 1 ребёнок	149153	176789	2,76
2 взрослых, 2 ребёнка	178708	211650	3,56
МНОГОДЕТНЫЕ СЕМЬИ			
1 взрослый, 3 ребёнка	153749	181820	3,46
2 взрослых, 3 ребёнка	207859	246039	4,34

* К взрослым относятся работающие трудоспособного возраста; дети до 15 лет.

** Учитывает экономию на потреблении членов домохозяйства с детьми

Источник: [1, с. 86].

Акцент в монографии сделан также и на предложениях, направленных на усиление социальной поддержки домохозяйств с детьми с целью снижения их уровня бедности и дефицита денежных доходов [1, с. 167–170]. В частности, рекомендуется ввести дополнительное пособие для студентов в возрасте от 17 до 23 лет, обучающихся в колледжах или вузах на очном отделении и проживающих в домохозяйствах со среднедушевым доходом ниже величины прожиточного минимума [1, с. 168–169], а для многодетных семей с детьми в возрасте до шести лет со среднедушевыми доходами ниже величины прожиточного минимума – электронный сертификат для оплаты услуг по уходу и присмотру за детьми в размере 2 МРОТ [1, с. 169–170].⁵

Значительное внимание в монографии уделено проблеме жилищной неустойчивости домохозяйств с детьми [1, с. 130–145]. Принимая во внимание выявленные ограниченные возможности большей части домохозяйств к самостоятельному повышению качества жилищных условий, при развитии механизмов улучшения жилищной обеспеченности предложено больше внимания уделять не рыночным (не ипотечным) механизмам, включая: субсидируемую (льготную) аренду, компенсацию расходов на оплату коммерческого найма жилья,

субсидируемую аренду с правом выкупа жилья, аренду жилья с правом последующего выкупа и пр. [1, с. 170–179, 189]. Также обращается внимание на необходимость развития государственных стандартов жилищной обеспеченности и её улучшения (увеличение нормативов площади при предоставлении жилья, минимальных нормативов при строительстве жилья), так как имеющиеся не позволяют домохозяйствам с детьми достичь обеспеченности площадью жилища на социально приемлемом уровне [1, с. 179–180, 189].

Заключение

Подчеркнём, что решение национальной семейно-демографической проблемы является сложным процессом. Он требует глубокой аналитики, постоянного поиска новых решений, их экспериментальной проверки и внедрения в практическую социальную политику, проверки результатов и их корректирования. Появилась ещё одна актуальная, хорошо аргументированная книга. Надо воспользоваться её «арсеналом» для обогащения теоретических обоснований и практических инструментов современной и будущей российской семейно-демографической политики.

Список источников

1. Социально-трудовое положение российских домохозяйств с детьми (2022–2024 гг.): риски и возможности: [научная монография] / Е.В. Одинцова, А.А. Гулюгина, Е.Е. Гришина [и др.]; под ред. Е.В. Одинцовой. Ижевск: Шелест, 2025. 228 с. ISBN 978-5-908023-14-6 EDN JXHBBQ

⁵ Подробнее также см.: [23; 24].

2. Бобков В.Н. История и перспективы нашей деятельности // Уровень жизни населения регионов России. 2006. №10-11 (104-105). С. 9–18. EDN MBWCCZ
3. Бобков В.Н. 20 лет ОАО «Всероссийский центр уровня жизни: 2006–2011 гг. // Уровень жизни населения регионов России. 2012. №6(172). С. 2–5. EDN OYWXID
4. Качество и уровень жизни населения в новой России: (1991–2005 гг.) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, В.А. Литвинов, Е.В. Одинцова [и др.]. М.: Всероссийский центр уровня жизни, 2007. 719 с. ISBN 9785872270331 EDN YOZLJR
5. Бобков В.Н., Колмаков И.Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Том 13. Вып. 4. С. 971–984. <https://doi.org/10.17059/2017-4-1> EDN XIGYOK
6. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б. Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации населения по уровню жизни // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 3. С. 84–105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 EDN RXGWDH
7. Бобков В.Н., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. Социальная структура российского общества по уровню жилищной обеспеченности: критериальная и количественная идентификация, ориентиры для государственной политики // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2(208). С. 8–23. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10011> EDN XWEPSP
8. Средние классы в капиталистической России: [научная монография] / под ред. В.Н. Бобкова. 2 изд; стер. М.: КноРус, 2019. 208 с. ISBN 978-5-406-00366-4 EDN VAISCV
9. Бобков В.Н. Повышение адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми: Вологодский пилотный проект // Народонаселение. 2019. Том 22. № 1. С. 106–121. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00008> EDN NPYXQW
10. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Методологические подходы к усилению адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Том 15. № 1. С. 9–19. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10049> EDN LBIWLB
11. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда: [монография] / К. Абрахам, О.А. Александрова, М.В. Антонов [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова. М.: РеалПринт, 2017. 560 с. ISBN 978-5-9908607-3-5 EDN ZTYRPL
12. Бобков В.Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. 2019. Том 22. № 2. С. 91–104. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00018> EDN AXGJGY
13. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Подвойский Г.Л. Устойчивая и неустойчивая занятость в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2023. Том 17. № 3. С. 109–124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124> EDN MNZHXM
14. Бобков В.Н., Гулюгина А.А. 25 лет Мониторинга доходов и уровня жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Том 16. № 3. С. 9–23. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.1> EDN ASIDQD
15. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2017 год / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова; под рук. В.Н. Бобкова. М.: ИСЭПН РАН, 2018. 87 с. ISBN 978-5-4465-1857-9 EDN XWSVUL
16. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2023 год: [Ежегодник]. Вып. 2(203) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 182 с. ISBN 978-5-9940-0734-1 EDN KGTONL
17. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2024 год: [Ежегодник]. Вып. 3(204) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2025. 170 с. ISBN 978-5-9940-0792-1 EDN MKBWFA
18. Одинцова Е.В. Оценка неустойчивой занятости по найму в российском формальном секторе: от уровня работников к уровню домохозяйств // Общество и экономика. 2025. № 8. С. 18–32. <https://doi.org/10.31857/S0207367625080022> EDN COFQGD
19. Одинцова Е.В. Риски в сфере занятости для положения домохозяйств с детьми: экспертные оценки в новых условиях развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Том 17. № 4. С. 231–246. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.13> EDN DHRUZP
20. Гришина Е.Е. Возможные риски и проблемы в сфере социальной защиты семей с детьми, препятствующие снижению уровня бедности // Демографическое обозрение. 2025. Том 12. № 1. С. 86–103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i1.26580> EDN YXGSSU
21. Одинцова Е.В. Уровень и качество занятости домохозяйств с детьми: (не)устойчивость положения и динамика в новых условиях развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Том 18. № 5. С. 129–142. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.5.101.7> EDN CXPYFW
22. Gulyugina A., Odintsova E. On the Economic Sustainability of Russian Households at a Socially Acceptable Level. Stanovnistvo. 2024;62(2):267–291. <https://doi.org/10.59954/stnv.646>
23. Гришина Е.Е. Материальное положение и риски бедности домохозяйств со студентами // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 591–601. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_591_601 EDN XWARPY
24. Гришина Е.Е. Материальное положение многодетных семей и факторы роста их доходов // Финансовый журнал. 2024. Том 16. № 1. С. 45–60. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60> EDN KMRVZJ

Информация об авторе:

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН

(SPIN-код: 5639-0410), (ResearcherID: U-6527-2019)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Odintsova E.V. (ed.), Gulyugina A.A., Grishina E.E., et al. Social and Labour Position of Russian Households with Children (2022–2024): Risks and Opportunities. Sci. Monograph. Izhevsk: Publishing House Shelest; 2025. 228 p. ISBN 978-5-908023-14-6 (in Russ.)
2. Bobkov V.N. Istoriya i Perspektivy Nashej Deyatel'nosti. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2006;10-11(104-105): 9-18 (In Russ.)
3. Bobkov V.N. 20 Let OAO «Vserossijskij Centr Urovnya Zhizni: 2006–2011 gg. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2012;6(172):2-5 (In Russ.)
4. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Litvinov V.A., et al. Quality and Standard of Living in the New Russia (1991–2005). Moscow: All-Russian Center for Living Standards; 2007. 719 p. ISBN 9785872270331 (In Russ.)
5. Bobkov V.N., Kolmakov I.B. Identifying the Social Structure and the Inequality of Monetary Incomes of the Population of the Russian Federation. *Ekonomika regiona=Economy of Region*. 2017;13(4):971-984. <https://doi.org/10.17059/2017-4-1> (In Russ.)
6. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Kolmakov I.B. Normative-Statistical and Relative Median Approaches to the Study of Population Differentiation by Standard of Living. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;3:84-105. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_3_84_105 (In Russ.)
7. Bobkov V.N., Kolmakov I.B., Odintsova E.V., Social Structure of Russian Society in Terms of Housing Security: Criterion and Quantitative Identification, the Guidelines for State Policy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018;2(208):8-23. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10011> (In Russ.)
8. Bobkov V.N. (ed.). Middle Classes in the Capitalist Russia. Sci. Monograph. 2 ed., ster. Moscow: Publishing House KnoRus; 2019. 208 p. ISBN 978-5-406-00366-4 (In Russ.)
9. Bobkov V.N. Improvement of the Targeted Social Support of Low-Income Families With Children: Vologda Pilot Project. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(1):106-121. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00008> (In Russ.)
10. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. Methodological Approaches to Strengthening Addressed Social Supporting Indigent Families with Children. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019;15(1):9-19. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10049> (In Russ.)
11. Bobkov V.N. (ed). Neustoichivost' Zanyatosti: Mezhdunarodnyi i Rossiiskii Konteksty Budushchego Sfery Truda. Monograph. Moscow: Publishing House Real Print; 2017. 50 p. ISBN 978-5-9908607-3-5 (In Russ.)
12. Bobkov V.N. Precarious Employment in the Russian Federation: The State and Directions of Reduction. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(2):91-104. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00018> (In Russ.)
13. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Podvoisky G.L. Sustainable and Precarious Employment in the Russian Federation. *Mir novoi ehkonomiki=The World of the New Economy*. 2023;17(3):109-124. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124> (In Russ.)
14. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. 25 Years of Monitoring Income and Living Standards of the Russian Population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(3):9-23. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2020.16.3.1> (In Russ.)
15. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2017 God. Moscow: ISESP RAS; 2018. 87 p. ISBN 978-5-4465-1857-9 (In Russ.)
16. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2023 god. Yearbook. Issue 2(203). Moscow: IE RAS; 2024. 182 p. ISBN 978-5-9940-0734-1 (In Russ.)
17. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), Odintsova E.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2024. Yearbook. Issue 3(204). Moscow: IE RAS; 2025. 170 p. ISBN 978-5-9940-0792-1 (In Russ.)
18. Odintsova E. Assessment of Precarious Employment in the Russian Formal Sector: From the Level of Workers to the Level of Households. *Obshchestvo i ehkonomika=Society and Economy*. 2025;(8):18-32. <https://doi.org/10.31857/S0207367625080022> (in Russ.)
19. Odintsova E.V. Employment Risks for Households with Children: Expert Assessments in the New Conditions of Russia's Development. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(4):231–246. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.13> (in Russ.)

20. Grishina E.E. Possible Risks and Problems in Social Protection of Families with Children Hindering Poverty Reduction. *Demograficheskoe obozrenie=The Demographic Review*. 2025;12(1):86-103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i1.26580> (in Russ.)
21. Odintsova E.V. Level and Quality of Employment of Households with Children: (Non-)sustainability and Dynamics in the New Conditions of Russia's Development. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(5):129-142. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.5.101.7> (in Russ.)
22. Gulyugina A., Odintsova E. On the Economic Sustainability of Russian Households at a Socially Acceptable Level. *Stanovnistvo*. 2024;62(2):267-291. <https://doi.org/10.59954/stnv.646>
23. Grishina E.E. Financial Situation and Poverty Risks of Households with Students. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):591-601. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_7_591_601 (in Russ.)
24. Grishina E.E. Financial Situation of Large Families and Factors of Their Income Growth. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*. 2024;16(1):45-60. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-1-45-60> (in Russ.)

Information about the author:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 5639-0410) (ResearcherID: U-6527-2019)

The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted 16.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Уважаемые читатели!

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» включён в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

Основные тематические рубрики по номенклатуре ВАК:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Журнал распределён по коэффициенту научной значимости в первую категорию (**К1**), включён в библиографическую базу данных научных публикаций российских учёных (**РИНЦ**), входит в базу данных Russian Science Citation Index (**RSCI**).

ISSN 1999-9836 (print); 2713-3397 (online)

На сайте журнала

<https://vcug-journal.ru/>

опубликована подробная информация о порядке рецензирования, публикационной этике, представлены архивы выпусков.

Отправить рукопись можно по адресу vcugjournal@mail.ru.

Статьи в журнале публикуются бесплатно, гонорары не выплачиваются.

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования материалов.

Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции.

Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются. Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причинённый третьим лицам в случае направления в редакцию материалов, нарушающих этические нормы и/или авторские права. Окончательное решение о публикации материала принимает главный редактор.

Автору может быть отказано в публикации, если:

- автор отказался от рекомендованной редакцией доработки рукописи по итогам рецензирования или не исправил статью в назначенный срок;
 - текст не прошёл проверку на плагиат.

Контакты редакции:

Нахимовский проспект, д. 32, Москва, 117218

Телефон +7 (499)125-84-45

E-mail главного редактора: bobkovn@mail.ru

E-mail редакции: vcugjournal@mail.ru

Индекс журнала в каталоге «Урал-пресс» – **71187**

О журнале «Уровень жизни населения регионов России»

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» выходит с 1992 года и является научно-теоретическим и научно-практическим изданием.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

Индекс журнала в каталоге периодики «Урал-Пресс» – 71187.

Периодичность: 4 раза в год.

Рецензирование: двойное слепое

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru>

Страница журнала на сайте Института экономики РАН:

<https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

Главный редактор: В.Н. Бобков, д. э. н., проф., засл. деятель науки РФ, главный научный сотрудник, зав. сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала ИЭ РАН, Россия

Контакты редакции: vcugjournal@mail.ru, телефон +7(499)125-84-45

Учредителем журнала с 2023 г. является ФГБУН Институт экономики Российской академии наук.

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» входит в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени доктора и кандидата наук, распределён по коэффициенту научной значимости в первую категорию (К1), включён в библиографическую базу данных научных публикаций российских учёных (РИНЦ), входит в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**.

Основные тематические рубрики по номенклатуре ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

Статьи в журнале публикуются бесплатно, гонорары не выплачиваются. Редакция не взимает с авторов платы за размещение статей в открытом доступе, рецензирование и электронное депонирование рукописей.

Журнал поступает в библиотеки РФ и партнёрские организации за рубежом. Журнал «Уровень жизни населения регионов России» публикует результаты научных исследований и практических разработок, аналитические материалы ведущих специалистов России, Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Журнал получил общественное признание и предназначен для широкого круга читателей, заинтересованных в решении проблем уровня и качества жизни в России: работников органов исполнительной и законодательной власти на федеральном и региональном уровнях, органов по труду и социальной защите населения, профсоюзных и других общественных объединений, государственных внебюджетных фондов, профильных научных организаций, а также для преподавателей высших учебных заведений, докторантов, аспирантов, соискателей и студентов, изучающих гуманитарные и социально-экономические дисциплины, представителей социально-ответственного бизнеса, консалтинговых и маркетинговых организаций.

При перепечатке материалов из журнала ссылка обязательна!